

КВИР-ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ после начала полномасштабной войны

Милитаризация
и антигендерное движение

(Социальный и правовой анализ
с фокусом на положении
транс*женщин)

Q
UARTEERA

→
CIVIL
SOCIETY
FORUM

Квир-женщины в России после начала полномасштабной войны: Милитаризация и антигендерное движение (Социальный и правовой анализ с фокусом на положении транс*женщин). / Ерошенко Анна, Оленичев Максим, Сабунаева Мария, Анонимные ученые. / перевод выполнен анонимным переводчиком. — Берлин: Quarteera e. V., Civil Society Forum, 2025.

Иллюстрация на обложке — Саша Скочиленко

Дизайн и вёрстка — Рейн Целлариус

В книге, основанной на исследованиях (онлайн-опрос, интервью, анализ источников), анализируется, как изменилась ситуация российских квир-женщин (с акцентом на трансгендерных женщин) после полномасштабного вторжения России в Украину. Мы проследили, как антигендерный поворот, милитаризация государства и общества, государственная пропаганда и дезинформация, принятие и внедрение федеральных законов «О запрете пропаганды ЛГБТ среди лиц любого возраста» и «О запрете смены пола», а также решение Верховного суда России о признании несуществующей организации «Международное ЛГБТ-движение» экстремистской изменили жизнь квир-женщин. Все эти явления взаимосвязаны и составляют основу для российских властей в их войне против Украины. В конце отчета мы даем рекомендации по изменению ситуации.

Для немецких государственных органов, иностранных государственных органов, международных правительственные и неправительственные организаций, ЛГБТИК+ инициатив и активистов, специалистов по России в области социологии, политологии, психологии, права, социальных изменений, академических специалистов, широкого круга читателей и всех, кто интересуется тем, что происходит в России.

ISBN 978-3-9827934-0-5

Содержание

Благодарности	4
Резюме	9
Глоссарий	22
Квир-женщины и правый поворот: Случай России	
Россия, ведущая войну, и антигендерное движение	26
Новизна исследования	32
Методология исследования	33
Часть I. Влияние полномасштабной войны на квир-женщин в России	
Глава 1. Демографический профиль участниц исследования	40
Глава 2. Психологическое состояние квир-женщин	60
Глава 3. Социальная динамика положения квир-женщин: до и после полномасштабной войны	
§1 Ценности квир-женщин в России в контексте полномасштабной войны России в Украине и антигендерного поворота	83
§2 Влияние антигендерной риторики на поколенческие конфликты квир-женщин в их семьях	100
§3 Гомо- и трансфобные доносы: Квир-женщины в России и бытовые конфликты	108
§4 Гомо- и трансфобия на работе и учебе: Нарушение трудовых и образовательных прав квир-женщин	112
Часть II. Репрессивные законы и квир-женщины в России: Юридический и социальный анализ	
Глава 4. Антигендерное законодательство: Новые юридические нормы и государственная пропаганда	
§1 Кампания против ЛГБТИК-людей как часть информационной пропагандистской кампании в поддержку войны России в Украине	130
§2 Закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди всех возрастов”	139

§3 Признание "Международного общественного движения ЛГБТ" экстремистской организацией	155
§4 Законы о лишении прав трансгендерных людей	167
Глава 5. Социальные последствия антигендерного законодательства в России для квир-женщин	
§1 Доступ квир-женщин к информации, их вынужденная закрытость и видимость как уязвимость	176
§2 Право на юридический гендер: Запрет трансгендерного перехода как инструмент социальной маргинализации трансгендерных женщин	196
Глава 6. Социальные последствия милитаризации общества для квир-женщин в России	
§1 Динамика дискриминации квир-женщин до и после полномасштабного вторжения	221
§2 Милитаризация российского общества и положение квир-женщин	231
Часть III. Безопасность, телесная автономия и семейные права квир-женщин в России военного времени	
Глава 7. Недоверие к полиции, насилие со стороны участников войны	
§1 Улицы и публичные места как источник насилия и вынужденного затворничества квир-женщин	240
§2 Недоверие квир-женщин к правоохранительным органам	250
§3 Насилие против квир-женщин со стороны участников войны	257
§4 Воинский призыв и насильственная мобилизация как источник насилия против трансгендерных женщин	264
Глава 8. Нарушения и дискриминация в области медицины, телесной автономии и репродуктивных прав	
§1 Доступ квир-женщин к медицинской и психологической помощи	277
§2 Проблема репродуктивного давления и доступа к ВРТ для квир-женщин в военной России	292
§3 Недобровольная конверсионная терапия	302
§4 Доступность медицинской помощи для трансгендерных женщин после введения запрета трансгендерного перехода в России	308
Глава 9. Нарушения и дискриминация в области семейных и родительских прав	
§1 Права и потребности квир-женщин в области юридического признания партнерств	318
§2 Родительские и опекунские права квир-женщин	322
Заключение	333
Рекомандации	340
Приложение	349

Благодарности

Доклад отражает результаты исследования положения квир-женщин в России с фокусом на трансгендерных женщинах. 24 февраля 2022 года российские власти начали полномасштабное вторжение в Украину. Это событие изменило жизни людей во многих странах мира (особенно остро в Украине) и разделило жизнь многих квир-людей на до и после. Именно поэтому в ходе исследования мы сосредоточились не только на том, что сейчас происходит в России с квир-людьми и сообществами. Для нас было важно сравнить, как квир-женщины ощущали себя и какой опыт взаимодействия с российским государством у них был до 24 февраля 2022 года и после.

Доклад сосредоточен на трех основных событиях, которые изменили жизнь квир-людей в России: полномасштабное вторжение России в Украину 24 февраля 2022 года, милитаризация российского общества, принятие и действие квирофобных законов, а также распространение основанных на них практик. Эти факторы не существуют отдельно, а взаимовлияют друг на друга и на ЛГБТИК+ людей, что в итоге создало новую, никогда не существовавшую в России социальную реальность, которая ежедневно воздействует на квир-людей, находящихся в стране.

В первой части исследования мы сосредоточились на том, как полномасштабное вторжение России в Украину повлияло на положение квир-женщин, которые живут в России. Эта тема красной нитью проходит через весь текст доклада. В первой главе мы сосредоточились на описании демографического профиля участниц онлайн-опроса, который мы закончили проводить 31 мая

2025 года. Во второй главе мы привели данные о психологическом состоянии респонденток. Третья глава содержит информацию о социальной динамике положения квир-женщин в России до и после полномасштабного вторжения: о влиянии антигендерной риторики на разные поколения квир-женщин в России; об изменениях социальной среды, в которой живут квир-женщины в стране сегодня; о конфликтах на почве квирофобии; о нарушениях трудовых и образовательных прав квир-женщин.

Вторая часть исследования посвящена основным трендам государственной пропаганды и дезинформации в отношении ЛГБТИК+ людей в России (в том числе продвижению акторами антигендерного движения концепции “традиционных ценностей”) и изменениям в российском антигендерном законодательстве. В главе подробно анализируются федеральные законы “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и “о запрете трансгендерного перехода”, а также решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской. В главе содержится не только описание норм законов, влияющих сегодня на квир-людей в России, но и анализ случаев их применения. Этот раздел призван помочь понять, как государство через свои решения изменяет социальную жизнь ЛГБТИК-людей в России в условиях государственной пропаганды, милитаризации общества и агрессивной войны против Украины. Эти данные могут быть использованы специалистами в Германии и в других демократических странах, которые принимают решения об оценке рисков при соискании квир-людьми статуса убежища в безопасных странах. В этой же части мы исследовали прямые социальные последствия применения антигендерного законодательства в России, а также то, каким образом изменились каналы распространения и получения информации для квир-людей в России за последние три года, и как вступление в июле 2023 года федерального запрета на трансгендерный переход в стране повлияло на маргинализацию трансгендерных женщин.

В третьей части мы раскрываем, как квир-женщины в воюющей России понимают безопасность и как им удается ее обеспечить в изменившихся условиях. В ней же мы затрагиваем вопросы контроля государства над телесностью и влияния на регулирование семейных отношений в рамках продвижения “традиционных ценностей” — в частности, понимания семьи как

6

исключительно союза между мужчиной и женщиной. На основе опроса и интервью, анализа публичных источников (в том числе в средствах массовой информации) и личного опыта участия в поддержке российского гражданского общества нам удалось описать, как изменилась роль публичных пространств в жизни квир-женщин, есть ли у них доверие к правоохранительным органам, которые применяют российские законы против ЛГБТИК-людей. Кроме того, мы исследовали вопросы о том, как российские участники войны России в Украине воспроизводят страхи и насилие в стране, а также как призыв на срочную военную службу и мобилизация повлияли на тех квир-женщин, которых российские власти могут призывать для участия в военных действиях, и какие стратегии выбирают квир-женщины, чтобы не участвовать в войне. Отдельная глава посвящена доступу квир-женщин к медицинской и психологической помощи в России, изменившейся после полномасштабного вторжения в Украину. Также нам удалось изучить вопросы репродуктивного давления на квир-женщин и их доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям. Отдельной темой для рассмотрения стали страхи и случаи конверсионной терапии. Мы не обошли вниманием важную тему о том, как изменился доступ трансгендерных людей к медицинской помощи после введения в стране запрета на трансгендерный переход. В последней главе мы обсудили вопросы реализации квир-женщинами в России семейных и родительских прав.

По всему тексту доклада звучат голоса квир-женщин, живущих в России, которые поделились с нами своими личными историями. Они наиболее ярко подчеркивают те тенденции, которые нам удалось выявить в ходе анализа результатов онлайн-опроса.

В конце доклада содержатся рекомендации международным организациям, органам государственной власти, институтам гражданского общества, ЛГБТК-активист:кам и их союзни:цам о тех шагах, которые на наш взгляд смогут улучшить положение квир-женщин в России в текущей ситуации.

Доклад содержит описание ключевых тем и проблем, с которыми сегодня сталкиваются квир-женщины в России. Если по тексту не указано иное, то общие выводы исследования применимы к описанию положения всех квир-людей (независимо от сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности),

проживающих в России. Однако по всему тексту доклада мы отдельно акцентируем внимание на ситуации, связанной с положением и соблюдением прав квир-женщин, включая трансгендерных женщин.

При подготовке текста мы пользовались публикациями международных и национальных правозащитных организаций, материалами в средствах массовой информации, информацией из собственных архивов, которая была опубликована в докладе впервые, аналитическими статьями и обзорами, подготовленными командами ученых, данными Организации Объединенных Наций (ООН), Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ). Мы были рады цитировать доклады специальной докладчицы ООН по вопросам прав человека в Российской Федерации Марианы Кацаровой, которая из года в год предельно емко и точно описывает положение квир-людей в воюющей России и формулирует рекомендации всем заинтересованным сторонам о том, как остановить репрессии против квир-людей и как решить те проблемы, которые создает сегодня милитаризованное российское государство.

Мы благодарим всех, кто принимал участие в онлайн-опросе и интервью, делясь с нами важной информацией из первых уст. Нам очень важно вас слышать и быть вашими голосами там, где мы можем озвучивать ваши голоса, понимая что из-за цензуры в России высказаться по актуальным темам бывает практически невозможно.

Мы благодарим *Civil Society Forum* и *Quarteera e. V.*, без помощи которых мы не смогли бы провести это исследование и представить его результаты публично.

Мы благодарим ЛГБТК+-активист:ок и ЛГБТК-инициативы, квир-блогер:ок и всех, кто помогал нам распространять анкету для опроса квир-женщин в России.

Отдельную благодарность мы выражаем Вадиму Ваганову и Анне П., помогавшим нам в работе над исследованием.

В заключение, мы выражаем признательность команде исследования, которая не побоялась вместе изучить сложную тему и с энтузиазмом взялась за эту задачу. В первую очередь, мы выражаем нашу безмерную благодарность волонтер:кам, которые помогали нам собирать и обрабатывать интервью, распространять анкету, переводить текст доклада на немецкий и английский языки и другими способами работать над подготовкой этого доклада.

8

Мы признательны всем автор:кам текстов, иллюстратор:кам, эксперт:кам, корректор:кам, дизайнер:кам, верстальщи:кам и всем, кого мы не смогли перечислить, но без которых это исследование не было бы возможным.

Команда исследования

Резюме

В 2025 году мы провели исследование положения квир-женщин в России с фокусом на трансгендерных женщин. Нас интересовало, как комплекс таких взаимовлияющих друг на друга факторов, как полномасштабное вторжение России в Украину 24 февраля 2022 года, милитаризация российского общества, принятие и внедрение квирофобного законодательства, изменило жизнь квир-женщин в стране, с какими проблемами они сталкиваются и какие способы решения таких проблем существуют.

В докладе мы ориентировались на сравнение респондентками своего опыта дискриминации и нарушения прав как до полномасштабного вторжения в Украину, так и после. Кроме того, для нас было важно понять, как война России в Украине усилила реализацию антигендерных нарративов в стране и как это, наряду с другими факторами, повлияло на жизнь квир-людей и проявляется в 2025 году.

Мы исследовали 1683 анкеты квир-женщин, полученные нами в ходе онлайн-опроса, провели 22 интервью (а также 2 экспертных), изучили целый ряд разнообразных источников информации (в том числе доклады Amnesty International, Human Rights Watch, специальной докладчицы ООН по вопросам прав человека в России Марианы Кацаровой, государственных органов, публикации средств массовой информации, научные публикации и собственные материалы).

В исследовании приняли участие квир-женщины от несовершеннолетнего возраста до 65 лет, из всех 8 федеральных

округов России, проживающие в городской и сельской местностях, как имеющие, так и не имеющие детей, как состоящие в отношениях, так и не состоящие в них. Мы не исследовали положение квир-женщин на территориях, оккупированных Россией (включая Крым и Севастополь).

Сексуальная ориентация респонденток: гомосексуальные (49,3%), бисексуальные (33%), пансексуальные (8,2%), гетеросексуальные (2,9%), асексуальные (3,5%), демисексуальные (0,9%), омнисексуальные (0,6%) и другие квир-женщины.

Гендерная идентичность респонденток: цисгендерные (64,3%), трансгендерные (11,8%), небинарные персоны на феминном (15,2%) и маскулинном (3%) спектрах, интересекслюди, идентифицирующие себя как женщин (1,6%), гендерфлюиды (0,5%), агендерные (0,9%) и другие квир-женщины.

В ходе исследования мы пришли к выводам о том, что находящиеся у власти в России ультраправые политики в течение последних нескольких лет реализуют через государственную пропаганду и дезинформацию, законодательство и практику его применения антигендерные нарративы, основанные на концепции “традиционных ценностей”. Последняя фактически исключает квир-людей из общества, позволяя не учитывать их интересы и потребности, а также изменяет социальную норму в российском обществе, что усиливает стигматизацию и дискриминацию квир-женщин.

В рамках государственной информационной пропагандистской кампании в поддержку войны России в Украине **кампания российских властей против ЛГБТИК+-людей становится одним из основных столпов поддержки этой войны.**

Согласно данным проведенного нами опроса, милитаризацию российского общества после февраля 2022 года заметили 87,6% респонденток. Это не зависело от того, в какой местности (городской или сельской), в каком населенном пункте проживают респондентки. Но зависело от их уровня образования и возраста.

В условиях милитаризации, развязывания агрессивной войны России в Украине, российские власти приняли новое квирофобное законодательство. 05.12.2022 года вступил в силу федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, который (вслед за принятым в 2013 году федеральным законом “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних”) запретил любое нейтральное или позитивное упоминание в публичном

пространстве (в том числе в Интернет) ЛГБТК-людей и ЛГБТ-повестки (штраф на граждан от 100 тыс до 400 тыс рублей, на организации — до 5 млн рублей), усилил ЛГБТ-цензуру (в том числе разрешил блокировку сайтов с ЛГБТ-материалами без решения суда, включая интернет-ресурсы квир-медиа, ЛГБТ-инициатив), закрепил социальное оправдание дискриминации и насилия. Это привело к тому, что квир-люди стали более скрытными, а государственные институты не поддерживают их равенство.

24.07.2023 года вступил в силу федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода”, который запретил трансгендерным людям совершать юридический и медицинский трансгендерный переход, заключать браки, брать под опеку и усыновлять детей, ввел возможность проведения калечащих операций на половых органах у интерсекс-детей без их согласия.

30.11.2023 года Верховный Суд РФ принял решение о том, что несуществующая организация “Международное общественное движение ЛГБТ” — экстремистская, и запретил ее деятельность в России. “Радужный флаг” был признан символом экстремистской организации, заего демонстрацию (в том числе в Интернет) — штраф от 1000 до 2000 рублей или арест до 15 суток. В 2024–2025 годах в России возбуждено несколько уголовных дел (максимальное наказание 12 лет лишения свободы) за “ЛГБТ-экстремизм”.

Это повлияло на психологическое состояние квир-женщин. 77,4% женщин (более трех четвертых женщин в выборке!) отметили рост своего уровня тревоги за последние три года (2022–2025). В качестве стратегий по улучшению своего психологического состояния они рассматривают: необходимость опираться на квир-сообщество, использовать имеющиеся легальные возможности для дистанцирования от общегосударственной политики, продолжать делать свое дело, жить свою жизнь, сохранять надежду, обращаться за помощью, использовать практики гражданского сопротивления.

Согласно опросу, война России в Украине стала главным фактором, определяющим личные судьбы квир-женщин, их взгляды и мировоззренческие установки, безопасность и благополучие. Уверенность в будущем после 24.02.2022 года снизилась у 64% интерсекс-женщин, у 86,8% небинарных персон на феминном и 81,6% на маскулинном спектре, у 87,7% би- и гомосексуальных цисгендерных женщин, 87,8% трансгендерных женщин.

Исследование показало, что значительная часть выборки

квир-женщин в России чувствуют себя исключенными из общества, в котором пропагандируются “традиционные ценности”. Исключенности из недемократического общества, в котором насаждается правоконсервативная идеология, содействует и **последовательное отождествление себя большинством выборки квир-женщин с либерально-демократическими ценностями** (такими как свобода личностной реализации — 86,3%, продвижение ценностей толерантности и инклюзивности — 80,5%, предотвращение радикализации в обществе — 77,5%, социальные гарантии и поддержка прав уязвимых групп — 77,6%), а также **отсутствие среди этой группы широкой поддержки правоконсервативных ценностей** (таких как сильное государство — 18,3%, продвижение национального языка и культуры — 25%).

79,5% квир-женщин считают, что с 2022 по 2025 годы **количество случаев физического насилия** против ЛГБТК-людей в России **увеличилось**. Люди 18 лет и младше (32,8%) чаще, чем люди более старшего поколения (46–55 лет, 8%), опасаются насилия дома и в частной жизни после вступления в силу в декабре 2022 года федерального закона “о запрете об ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”. 59,4% квир-женщин сообщили, что для них небезопасно обращаться в правоохранительные органы из-за такого закона в том случае, если они станут пострадавшими. Похожий страх, связанный с решением Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме”, отметили 54,7% опрошенных квир-женщин. Среди трансгендерных женщин эти опасения выражены сильнее, чем среди цисгендерных: 68% против 49,6% в связи со страхами применения к ним в таком случае федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и 60,9% против 53,8% в связи со страхами применения к ним в таком случае решения Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме”.

2,7% квир-женщин сообщили, что **потеряли работу или основной источник дохода** после вступления в силу в декабре 2022 года федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”. 2% квир-женщин рассказали, что из-за решения Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме” в ноябре 2023 года они лишились работы. При этом частотность таких событий у трансгендерных женщин выявляется чаще, чем у цисгендерных: в первом случае — 8,6% против 1,6%, во втором — 6,1% против 1%.

Изменились социальные практики квир-женщин в России. Например, после начала полномасштабной войны в 2022 году **показатели самоограничений ухудшились среди всех групп квир-женщин.** Об отсутствии самоограничений после начала полномасштабной войны сообщили 41,1% цисгендерных женщин (на 23% меньше, чем до полномасштабной войны), 17,1% трансгендерных женщин, совершивших переход (на 28,5% меньше), и лишь 12,9% трансгендерных женщин с актуальной потребностью в переходе (на 25,9% меньше).

Среди цисгендерных женщин, трансгендерных женщин, совершивших переход, и транс-женщин, не совершивших трансгендерный переход, соответственно: 32,7%, 58,1% и 61,2% ограничивали себя в посещении культурных мероприятий (примерно в три раза чаще, чем до 2022 года); 48,0%, 73,3% и 68,3% — в неформальных социальных взаимодействиях (примерно в два раза чаще); 4,6%, 23,8% и 25,2% — **в получении образования.** На такое положение трансгендерных женщин напрямую повлиял федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода”: видимость в обществе трансгендерных женщин, не сменивших документы, но совершающих социальный переход, повысилась, что в условиях гомо- и трансфобной государственной пропаганды усилило мифы и стереотипы в отношении них, в том числе со стороны работодателей.

Согласно опросу, из-за применения квирофобного законодательства и милитаризации, создания внутри страны образа врага в лице ЛГБТИК+ людей, **более 36% квир-женщин закрылись (“ушли в шкаф”)** и примерно стольким же стало труднее знакомиться с романтическими партнерами. Более чем у 54% возникли трудности с поиском дружественного окружения, а более 37% стали испытывать трудности в получении информации об ЛГБТК-людях и их правах. В сочетании с правоконсервативной государственной пропагандой, усиливающей гомо- и трансфобные настроения в обществе, а также с растущим страхом квир-женщин перед любой открытостью, это приводит к практически полной потере многими из них круга неформального доверительного общения, практик общественного досуга, к ограничению своих контактов и в некоторых случаях даже выходов на улицу. Респондентки отмечали, что после февраля 2022 года они резко сузили свой круг общения. Как правило, многие из них не стремятся его расширять. Главные причины — страх применения

к ним законов, криминализовавших высказывания против войны России в Украине, и квирофобных законов.

Изменился тип социальных взаимодействий: квир-женщины все чаще стали себя ограничивать в коммуникации. Если до 2022 года 61,1% квир-женщин не опасались столкнуться с гомо-, транс- или квирофобией в такой коммуникации, то после февраля 2022 года об отсутствии такого страха сообщили только 37,6% (то есть, почти в 2 раза меньше).

8,8% цисгендерных женщин сообщили, что не делятся своими переживаниями и не обсуждают проблемы ни с кем, тогда как среди трансгендерных женщин таких оказалось 14,7% — более чем на треть больше. Среди факторов, влияющих на закрытость трансгендерных женщин со своими старшими родственниками, — государственная пропаганда и дезинформация, а с остальными — также квирофобное законодательство. **Особенно это касается несовершеннолетних трансгендерных женщин.**

Квирофобные законы влияют на доступ к медицинской помощи: 21% респонденток отказывались обращаться за медицинской помощью или прерывали лечение из-за опасений столкнуться с дискриминацией или неуважением со стороны врачей.

Конверсионная терапия — заметный фактор тревоги для квир-женщин. На вопрос о том, *вырос ли их страх перед столкновением с недобровольной конверсионной терапией после февраля 2022 года*, **38,7% квир-женщин указали, что этот страх усилился**, еще 46,8% ответили, что не изменился, и только 1,1% — что уменьшился. В группе цисгендерных женщин 34,9% сообщили, что страх усилился, 49,9% — что не изменился. Среди трансгендерных женщин 55,3% (более половины) сообщили о росте такого страха, в то время как 33% сообщили, что уровень страха не изменился. При этом среди молодых, особенно несовершеннолетних, такой страх был максимален, а у более старшего поколения — минимален. Это подтверждает, что проблема конверсионной терапии тесно связана с юридической и материальной зависимостью несовершеннолетних от родителей. Сами случаи столкновения квир-женщин с конверсионной терапией оказались в нашей выборке редкими.

Государственная пропаганда и законы демонизируют квир-людей, предлагая обществу таким способом решить имеющиеся в стране демографические проблемы. Квир-женщины

сталкиваются одновременно и с репродуктивным давлением со стороны органов государственной власти (например, локальными ограничениями на проведение абортов, вводимыми по инициативе регионов; принуждениями к прохождению медицинских тестов на репродуктивное здоровье; действием федерального закона о запрете пропаганды так называемой “идеологии чайлдфри” и региональных законов “о запрете склонения к абортам”), и с ограничением своих репродуктивных прав.

28,8% опрошенных квир-женщин отметили, что не могут реализовать в России потребность в родительстве. 96% опрошенных квир-женщин не имеет детей. 78,5% квир-женщин сообщили, что наличие права на усыновление для однополых пар позволило бы им жить в России комфортнее. Таким образом, невозможность стать родителями оказывается распространенной и нереализованной потребностью среди квир-женщин.

Об угрозах отобрать детей сообщили: 0% гетеросексуальных женщин и 1,5% пансексуальных, 1,1% бисексуальных и 0,7% гомосексуальных женщин, 1% цисгендерных и 0,5% трансгендерных женщин, а также 0,8% небинарных персон на феминном спектре.

Значительное число опрошенных нами квир-женщин имеют потребность в юридическом оформлении своих отношений. На вопрос, что позволило бы им как ЛБТИК-персоне жить в России комфортнее, 78,5% опрошенных квир-женщин отметили получение легальной возможности заключить брак между партнерами одного гендерса.

Анализ полученных нами свидетельств трансгендерных людей позволяет проследить, что потребность в смене гендерного маркера в значительной степени связана с потребностью в безопасности от угроз дискриминации и насилия. 88,5% квир-женщин в России, у которых сейчас есть потребность в смене гендерного маркера на “женский”, были на момент опроса несовершеннолетними. Это говорит о том, что после достижения ими 18 лет и начала самостоятельной жизни, количество случаев трудовой дискриминации, трансфобного насилия и социальной маргинализации может существенно возрасти. Вторая по величине группа — 19–25 лет, в которую входят люди, не достигшие 18 лет к моменту запрета транс-перехода в июле 2023 года. Наименьший процент тех, у кого есть нереализованная потребность в смене гендерного маркера, — в возрасте 25–36

лет (это люди, совершеннолетние на момент вступления в силу закона, характеризующиеся большей социальной активностью и мобильностью). Высокий процент отсутствия смены маркера сохраняется в возрастной группе 36–45 лет. Это может быть связано с более низкой социальной мобильностью, страхом радикально менять жизнь и ожиданием негативной реакции от круга общения и коллег, что свидетельствует о высоком уровне гомо- и трансфобии в обществе. Среди этой группы не было ни одной транс-женщины, которая бы не испытывала потребности в смене гендерного маркера.

Доля трансгендерных женщин, которые не смогли сменить гендерный маркер на “женский” до запрета в июле 2023 года трансгендерного перехода, сильно отличается в зависимости от федерального округа. В Центральном и Северо-Западном федеральных округах (в том числе в Москве и Санкт-Петербурге) актуальная потребность в смене маркера есть у 52,2% и 44,9% респонденток соответственно. В отдаленных регионах этот показатель выше: в Дальневосточном федеральном округе — 60%, в Южном — 64,7%, в Приволжском — 65,5%, в Сибирском — 73,9%, в Уральском — 76%. Эти данные отражают характерную для России проблему: качество жизни трансгендерных людей заметно хуже в регионах, удаленных от столиц. На это влияет сочетание факторов.

Согласно опросу, 63,6% тех трансгендерных женщин, кто проживает в сельской местности, не могут получить эндокринологическую помощь. Это почти в два раза выше, чем среди городских жительниц (33,5%). Доступ к эндокринологической помощи для трансгендерных женщин во многом зависит от того, насколько они живут близко к Москве или Санкт-Петербургу.

В военной России в привилегированном положении оказываются агрессоры, а не пострадавшие. Такое искажение реальности, активно поддерживаемое государственной пропагандой и дезинформацией — прямое следствие войны, которая не только изменила социальную структуру общества, но и “отменила” многие дооцененные достижения в области прав человека, обеспечения неотвратимости и справедливого наказания, предотвращения агрессора в случае новых преступлений и защиты пострадавших от насилия.

Как известно, 21.09.2022 года российские власти объявили частичную мобилизацию, режим которой действует до сих

пор. Впоследствии российские власти стали рассматривать дополнительные варианты, чтобы мобилизовать на войну России против Украины еще больше людей. Так, с 24.06.2023 года (за месяц до запрета в России трансгендерного перехода) некоторые осужденные получили право заключить контракт на военную службу в обмен на освобождение от отбывания уголовного наказания или снятие судимости. С 24.03.2024 года эти правила расширены: подозреваемые, обвиняемые и осужденные могут освободиться от уголовной ответственности и уголовного наказания в обмен на участие в военных действиях России в Украине. Заключить контракт на военную службу могли и могут лица, совершившие убийства, физическое или сексуализированное насилие (кроме случаев, когда оно было совершено в отношении несовершеннолетних), грабежи и иные преступления, в том числе насилистственные. Соответственно, это высвободило из российской пенитенциарной системы тысячи человек, которые совершили насилистственные преступления.

Временный или постоянный их возврат из зоны боевых действий в регионы России, не охваченные войной, часто влечет за собой рост насилия в отношении выглядящих неконвенционально людей, в том числе квир-женщин. В России отсутствует государственная статистика таких насилистенных преступлений и нападений. Респондентки, которые приняли участие в опросе, сталкивались с такими случаями или ограничивали свое поведение из-за того, что узнавали о таких случаях из средств массовой информации или от своих знакомых. Возвращение из зоны боевых действий травмированных людей становится важным фактором роста насилия против квир-женщин, а также их **страха за свою безопасность из-за негетеронормативной внешней презентации**. В случае совершения новых преступлений агрессоры могут вновь избежать наказания, если продолжат воевать против Украины. **Эта модель, созданная российскими властями после 2022 года, провоцирует новые круги насилия и лишает пострадавших уверенности в том, что закон их защитит в случае насилия, что преступники будут наказаны, а потерпевшие получат надлежащие компенсации.** Случаи бездействия полиции, когда в совершении преступлений обвиняются участники войны, а также наличие гомо- и трансфобных мотивов в их насилистенных действиях, подчеркивают незащищенность квир-женщин в воюющей России.

Милитаризация государства привела к тому, что оно рассматривает всех, кто потенциально может воевать в Украине, в качестве заложников государственной системы. С 14.04.2023 года в России вступил в силу закон о цифровизации призыва на военную службу. Поскольку в современной России трансгендерные женщины больше не могут изменить гендерный маркер в документах, сегодня возрастают риски тех из них, кто не успел этого сделать до принятия соответствующего законодательного запрета в июле 2023 года, если они находятся в возрасте от 18 до 30 лет и не получили заключение психиатра о наличии у них диагноза “транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10), подтвержденное врачебной комиссией на базе военкомата (часто после обследования в стационарном отделении психоневрологического диспансера не менее 21 календарного дня). С даты размещения повестки в электронном реестре (независимо от факта ее получения) призывнику будет запрещен выезд за пределы Российской Федерации. В этом случае у таких трансгендерных женщин остается четыре способа реагирования на ситуацию:

- пересилить страх и социальную стигматизацию и пройти врачебную комиссию на базе военкомата, добившись признания наличия диагноза “Транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10), который освобождает от призыва на срочную военную службу, но не освобождает от призыва по мобилизации,
- быть призванной на срочную военную службу в военной России (в случае, если она проактивно не заявила о наличии у нее трансгендерности, врачи не поставили ей диагноз “Транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10) или врачи не подтвердили его после обследования в психоневрологическом диспансере, а меры обжалования не привели к постановке такого диагноза и, связанного с ним освобождения от призыва на срочную военную службу),
- уклоняться от явки по повестке и призыва на военную службу, а в случае выявления такого нарушения быть подвергнутой уголовной ответственности,
- заранее решить, что готова вместо военной службы по убеждениям совести на замену военной службы альтернативной гражданской службой и пытаться добиваться ее в течение длительного времени,

несмотря на сопротивление системы призывных комиссий. При этом даже в таком случае она может быть направлена в военные части, но в качестве гражданского персонала, то есть по сути обслуживать военных, что часто все равно не совместимо с убеждениями человека, который решил не воевать и не помогать вооруженным силам воюющей страны в этом.

Несмотря на то, что фактически всеобщая мобилизация на военную службу сейчас в России пока не проводится, тем не менее она может быть возобновлена в любой момент. Поэтому введенная система цифровизации воинского учета и призыва может привести к тому, что отказывающиеся от участия в войне трансгендерные женщины, не сменившие документы (в случае мобилизации они подлежат призыву по этому основанию, несмотря на наличие диагноза "Транссексуализм" (F64.0 по МКБ-10), будут подвергаться репрессиям за отказ брать в руки оружие.

Таким образом, реализация в России антигендерной риторики в условиях правого поворота и милитаризации общества привела к ухудшению положения квир-женщин.

Квир-женщины, идентифицируемые обществом современной России как одновременно женщины и ЛГБТК-люди, ощущают себя исключенными и уязвимыми в условиях радикализации и милитаризации, вызванных войной, и воспринимают свое будущее как неясное из-за радикально правого политического курса, ориентированного на патриархальную гомо- и трансфобную аудиторию.

Поэтому мы подчеркиваем ключевую роль ЛГБТК-инициатив и активист:ок, медиа и инфлюенсеров, которые даже в сложной ситуации нарастающего антигендерного поворота в России стремятся, с одной стороны, сохранить ЛГБТК-сообщество, а с другой стороны, добиваться социальных изменений доступными способами в интересах уязвимых групп — пусть и в более сложных обстоятельствах и с менее сильными результатами, чем могло бы быть в обществе, свободном от современной диктатуры, в котором права человека не имеют ценности, а правит культ силы. **Такая деятельность нуждается во всесторонней поддержке.**

Для изменения ситуации необходимо создавать и развивать безопасные сообщества для поддержки и коммуникации квир-женщин, обеспечивать их доступ к поддержке и квир-ресурсам

(в том числе информационным), содействовать безопасным практикам взаимоподдержки, а также привлекать международное внимание к вопросам нарушения прав, предлагать демократическим государствам оказывать давление на российскую диктатуру с целью улучшения положения и прав уязвимых групп. Не должны быть оставлены без внимания такие практики как поддержка и солидарность внутри сообщества, цифровые платформы для безопасного общения и просвещение общества о правах и реальных рисках квир-людей, противодействие государственной квирофобной пропаганде и дезинформации. Это может постепенно снизить уровень тревожности и закрытости квир-людей в России. Кроме того, несмотря на то, что иногда это кажется невозможным, **необходимо продолжать постоянный диалог** с более широкими группами российского гражданского общества о видимости квир-людей в России, проблемах и учете их потребностей. Также необходимо работать с молодежью, доносить до них альтернативную информацию и развивать у них критическое мышление. Немаловажно, что в России создаются государственные и частные правоконсервативные молодежные организации, которые могут влиять на несовершеннолетних квир-женщин в контексте продвижения “традиционных ценностей”.

Полностью рекомендации приведены в соответствующем разделе ниже.

Глоссарий

ЛГБТК-люди (ЛБТК+) — лесбиянки, гомосексуальные, бисексуальные, трансгендерные, квир-люди.

Квир-люди — это персоны, чья сексуальная ориентация, гендерная идентичность или выражение не вписываются в традиционные гетеронормативные и бинарные категории, подчеркивая разнообразие и сопротивление строгим социальным нормам.

ЛБТК-люди (ЛБТК+) — лесбиянки, бисексуальные, трансгендерные люди, квир-люди (и люди других сексуальных ориентаций и/или гендерных идентичностей, за исключением гетеросексуальных цисгендерных людей).

ЛБТИК-люди (ЛБТИК+) — лесбиянки, бисексуальные, трансгендерные, интерсекс-люди, квир-люди (и люди других сексуальных ориентаций и/или гендерных идентичностей, за исключением геоцентрических цисгендерных людей).

ЛБТК (ЛБТК+)-женщины — женщины, идентифицирующие себя как лесбиянок, бисексуальных, трансгендерных или квир-женщин (и люди других сексуальных ориентаций и/или гендерных идентичностей, за исключением гетеросексуальных цисгендерных людей).

Квир-женщины — люди, идентифицирующие себя как женщин, за исключением гетеросексуальных цисгендерных женщин.

22

Цис-женщины (Цисгендерные женщины) — люди, идентифицирующие себя как женщин, чей гендер, приписанный при рождении, совпадает с гендерной идентичностью, то есть, не приводит к потребности в трансфеминном переходе.

Транс-женщины (Трансгендерные женщины) — люди, идентифицирующие себя как женщин, чей гендер, приписанный при рождении, не совпадает с гендерной идентичностью, то есть, приводит к потребности в трансфеминном переходе.

Интерсекс-женщины — это люди, чья гендерная идентичность связана с самоопределением как женщины и у которых имеются интерсекс-вариации; такие особенности могут приводить или не приводить к потребности в трансфеминном переходе.

Небинарные персоны на феминном спектре — это люди, чья гендерная идентичность не связана напрямую с категориями “женский” или “мужской” гендер, но при этом склоняется к феминной стороне. Они могут иметь любой юридический гендерный маркер, а также нуждаться или не нуждаться в юридическом или медицинском трансфеминном переходе.

Небинарные персоны на маскулинном спектре — это люди, чья гендерная идентичность не связана напрямую с категориями “женский” или “мужской” гендер, но при этом склоняется к маскулинной стороне. Они могут иметь любой юридический гендерный маркер, а также нуждаться или не нуждаться в юридическом или медицинском трансмаскулинном переходе.

Асексуальные женщины — это женщины, чья сексуальная ориентация характеризуется отсутствием сексуального влечения к другим людям, вне зависимости от их пола, при этом они могут иметь или не иметь потребность в романтических отношениях, эмоциональной близости или других формах привязанности.

Бисексуальные женщины — это женщины, чья сексуальная ориентация связана с романтическим и/или сексуальным влечением как к женщинам, так и к мужчинам.

Демисексуальные женщины — это женщины, чья сексуальная ориентация характеризуется тем, что сексуальное влечение возникает только при наличии глубокой эмоциональной связи.

Омнисексуальные женщины — это женщины, чья сексуальная ориентация предполагает возможность сексуального и/или романтического влечения ко всем полам, при этом пол партнера имеет значение.

Пансексуальные женщины — это женщины, чья сексуальная ориентация заключается в способности испытывать сексуальное и/или романтическое влечение к людям независимо от их пола или гендерной идентичности.

Агендерные женщины — это люди, чья гендерная идентичность связана с отсутствием внутреннего ощущения гендерса, но при этом они могут определять себя как женщины в социальном или телесном аспектах.

Гендерфлюидные люди — это люди, чья гендерная идентичность изменчива и может колебаться между разными гендерами (женским, мужским, небинарным) в разное время или в разных ситуациях.

СОГИ — сексуальная ориентация и гендерная идентичность.

Сексуальная ориентация — это устойчивая характеристика человека, определяющая направленность его эмоционального, романтического и/или сексуального влечения к другим людям, которая может проявляться в отношении лиц одного пола, другого пола, обоих полов или независимо от пола.

Гендерная идентичность — это глубоко личное внутреннее ощущение человеком своего гендерса, отражающее, кем он себя воспринимает и ощущает на психологическом уровне, независимо от биологического пола или социальных ожиданий.

ЗГТ — заместительная гендерно-аффирмативная терапия (является потребностью большинства трансгендерных людей,

24

рекомендуется в качестве медицинской помощи в рамках диагноза F64.0 по МКБ-10, чаще всего ведется пожизненно).

ВРТ — вспомогательные репродуктивные технологии. Включают в себя такие конкретные процедуры как экстракорпоральное оплодотворение, криоконсервация генетического материала, донорство генетического материала и др.

Аутинг — раскрытие информации о сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности человека, либо о его трансгендерном статусе, без его согласия. Может быть предметом шантажа, приводить к дискриминации.

Детранзишен — частичная или полная “отмена” юридического и/или медицинского трансгендерного перехода. Совершается небольшим количеством трансгендерных людей, в большинстве случаев вынужденно, например, из-за давления и непринятия.

Антигендерное движение — понятие из политических и социальных наук, означающее использование право-консервативными политиками категории “гендера” для демонизации своих оппонентов и привлечения избирателей через разжигание гомо- и трансфобных настроений. Часто означает опору на традиционалистские лозунги о защите семьи, детей и женщин в роли жен и матерей, “традиционных ценностей”, а также теории заговора.

Война России в Украине — военный конфликт, начавшийся в 2014 году с поддержанных Российской Федерацией столкновений вооруженных формирований, действовавших при поддержке Российской Федерации в восточных регионах Украины, ключевым этапом которого стало полномасштабное вторжение России в Украину 24 февраля 2022 года. В результате войны миллионы людей пострадали от насилия, разрушений и вынужденного переселения.

Правый поворот — трансформация в публичной риторике, политике и общественных настроениях, характеризующаяся интересом к консервативным или ультраконсервативным ценностям, ростом ксенофобии и квирофобии, разочарованием в либерально-

демократических ценностях, ценностях космополитизма и глобализации, а также зачастую — верой в коррумпированность политических и международных институтов и в различные теории заговора .

Традиционные ценности — это идеологически сконструированный набор норм и представлений, продвигаемых государством в России в качестве “вечных” и “естественных”, но фактически используемых для легитимации авторитарной власти, подавления инакомыслия, ограничения прав человека (в частности женщин, ЛГБТ+ и иных социальных групп) и борьбы с любыми проявлениями прогрессивной повестки.

Квир-женщины и правый поворот: Случай России

Россия, ведущая войну, и антигендерное движение

В последние годы тема защиты прав женщин часто используется в политической риторике по всему миру¹. При этом набирают влияние ультраконсервативные и правопопулистские дискурсы, противопоставляющие друг другу различные опыты уязвимости и проблемы, с которыми сталкиваются женщины — прежде всего, опыт и положение трансгендерных и цисгендерных женщин². Основой для такой риторики является стремление отделить тему женских прав от проблемы гендера, вопросов

¹ См., например, примеры в США, Великобритании и Германии: *Defending women from gender ideology extremism and restoring biological truth to the Federal Government* // White House. 20.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/defending-women-from-gender-ideology-extremism-and-restoring-biological-truth-to-the-federal-government/> (дата обращения: 11.07.2025).

² Sunak: I'll change law to keep trans women out of female lavatories. Prime Minister to announce Tory manifesto will include pledge to make clear that sex means 'biological sex' // Telegraph. 02.06.2024. URL: https://www.telegraph.co.uk/politics/2024/06/02/rishi-sunak-equality-act-protect-womens-spaces-tory/?utm_source.com (дата обращения: 11.07.2025); DeSantis limits trans treatments, drag shows, pronoun use in Florida // BBC. 18.05.2023. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-65627756> (дата обращения: 11.07.2025); AfD will Geschlechtsanpassungen bei Minderjährigen bestrafen // Deutscher Bundestag. 27.12.2024. URL: <https://www.bundestag.de/presse/hib/kurzmeldungen-1035336> (дата обращения: 11.07.2025); Whittle, H. Rechte Desinformation gegen Transmenschen in Deutschland // Deutsche Welle. 11.02.2024. URL: <https://www.dw.com/de/rechte-desinformation-gegen-transmenschen-in-deutschland/a-68216840> (дата обращения: 10.08.2025).

гендерной дискриминации и равноправия, а значит, от защиты прав ЛГБТИК-людей³. Следствием этого становится отказ от признания уязвимого положения, в котором находятся квир-женщины, сокращение внимания к социальному значению публичной риторики и конкретных мер, гарантирующих защиту от такого рода уязвимости.

Ситуация, сложившаяся в России и связанная с антигендерным поворотом, с одной стороны, обусловлена глобальными процессами (когда набирает влияние мировой правый поворот, опирающийся на популистские возможности антигендерного движения); с другой же стороны — российское государство создает внутри страны практики, которые впоследствии экспортирует в другие государства с неустойчивой демократией. Так, риторика ультраконсервативных российских политиков дублирует антигендерную риторику по всему миру, добавляя к ней при этом изоляционистские и шовинистические дискурсы⁴. Однако принципиальным различием служит то, что в России ультраконсервативные нарративы используются авторитарной властью для своей легитимации и увеличения поддержки — в том числе и среди праворадикальных движений.

В России антигендерный поворот является инструментом не просто политической риторики, но и трансформации законодательства без контроля со стороны гражданского общества. Возникающее таким образом антигендерное законодательство⁵ разрушает систему права через подрыв

3 Butler, J. *Who's afraid of Gender?* New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2024; Wittenius, M. *Die transnationale Anti-Gender-Bewegung in Europa* // Gunda Werner Institut für Feminismus und Geschlechterdemokratie in der Heinrich-Böll-Stiftung. 03.02.2022. URL: <https://www.gwi-boell.de/de/2022/02/03/die-transnationale-anti-gender-bewegung-europa> (дата обращения: 10.08.2025); Corredor, E. S. *Unpacking "Gender Ideology" and the Global Right's Antigender Countermovement* // *Signs*. 2019. Vol. 44. № 3. P. 613-638.

4 Например, находящиеся под персональными санкциями ЕС В. Путин, председатель парламента В. Володин и депутат Н. Останина неоднократно высказывались против трансгендерных женщин в спортивных соревнованиях (см., например: https://t.me/vv_volodin/904; <https://m.ura.news/news/1052812495>), а депутат Николай Николаев — о необходимости “спасти жизни и судьбы”, потому что трансгендерный переход невозможен и является “мифом”. (<https://daily.afisha.ru/news/77066-deputat-nikolaev-nazval-smenu-pola-mifom-i-chastyu-antisemeynoy-ideologii-zapada/>). Хотя оба типа антигендерного нарратива имеют прямые аналоги в речах западных ультраконсервативных политиков, в России они используются как способ демонизировать Западные страны — и особенно страны ЕС.

5 К нему относится федеральный закон №479-ФЗ, “О внесении изменений в Федеральный закон „О рекламе“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации” так называемый “закон о запрете ЛГБТ-пропаганды”, федеральный закон

юридической логики, принципа равенства всех перед законом, через подчинение принципа верховенства права политическим задачам. Это законодательство, на фоне полномасштабной войны и широких репрессий против гражданского общества⁶, ставит квир-женщин в положение, когда государство не только отказывается защищать их от праворадикальных атак и дискриминации на фоне гомо- и трансфобии, но и негласно легитимирует такие атаки, а также становится прямым инициатором дискриминации и неправового преследования.

Риторика правых политиков и общественных деятелей, опирающихся на ультраконсервативные ценности, часто строится на популистских утверждениях, что понятие “гендер” неопределенно и не поддается проверке⁷. Эта риторика обвиняет институты и социальные и политические конвенции, работающие с гендерной проблематикой, в коррумпированности и отвлечении от “реальных проблем”. Однако опыт современной России показывает, что именно в условиях репрессий⁸ и войны гендерная призма остается необходимой и часто определяющей для защиты прав человека и противодействия неравенству.

Россия, продолжающая вести войну в Украине, оправдывает агрессию правопопулистским мифотворчеством о **зашите “традиционных ценностей” от “коллективного Запада”**. При этом не вызывает сомнений, что в обстоятельствах меняющейся политической риторики по всему миру квир-женщины остаются социальной группой, которая находится в острой ситуации перекрещающихся факторов уязвимости:

- Во-первых, они, как представительницы группы, которую общество распознает как женщин, в условиях российских патриархальных практик

№386-ФЗ, “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, запрещающий медицинский и юридический трансгендерный переход, и решение Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) о признании экстремистским “Международного общественного движения ЛГБТ”.

6 См., например, список политзаключенных Международного “Мемориала”: <https://memopzk.org/en/lists-of-persecuted-prisoners/> (дата обращения: 11.08.2025).

7 См., например: Ahrens, P., Gaweda, B., Kantola, J. Reframing the language of human rights? Political group contestations on women's and LGBTQI rights in European Parliament debates // Journal of European Integration. 2022. Vol. 6. № 4. P. 803-819; Serdar, A., Öztürk, E., Giritli Nygren, K. A typology of right-wing populism in Europe: Intersections of gender, religion and secularity. In: Women's Studies: International Forum. 2023. Vol. 97.

8 См., например, обзор Human Rights Watch о ситуации в России в 2023 году: <https://www.hrw.org/world-report/2024/country-chapters/russia#e81181> (дата обращения: 01.08.2025).

находятся в зоне повышенного риска бытового и семейного насилия (см. подробнее в гл. 3.1, 3.2, 7.1).

- Во-вторых, как ЛБТИК-люди, они сталкиваются с невозможностью реализовать свои права в частной и семейной жизни из-за законов против квир-людей, ужесточенных в России в течение войны (см. подробнее в гл. 4 и гл. 9.1).
- В-третьих, реализация квир-женщинами в России своих репродуктивных и родительских прав, а также прав на телесную автономию, попадает в зависимость от интересов правопопулистских политиков (см. подробнее в гл. 8 и гл. 9.2). Это происходит на фоне разрушенных социальных институтов и отсутствия принципа верховенства права. Специфика России состоит в том, что в отличие от демократических стран с работающими общественными институтами, в ней ультраправые политики обладают авторитарной властью. Сегодня они используют ее возможности для дальнейшей милитаризации общества.

Эти три основных фактора определяют положение (включая реализацию прав и возможностей) квир-женщин в российском обществе. **В контексте этих факторов, трансгендерные женщины в России особенно выделяются среди квир-женщин с точки зрения рисков насилия и ограничения прав.** Особенно остро для них стоят вопросы безопасности и доступа к специализированной для них медицинской помощи.

24 июля 2023 года вступил в силу федеральный закон, который впервые в российской истории запретил медицинский и юридический трансгендерный переходы. Он поставил значительную часть трансгендерных женщин (прежде всего тех, кто не смог сменить гендерный маркер в документах, в том числе тех, кто к моменту принятия закона не достиг совершеннолетия) в безысходное положение: теперь у них нет возможности сменить документы или начать и/или продолжить медицинский трансгендерный переход, действуя в рамках закона.

Вместе с тем, наше исследование призвано подчеркнуть, что повышенная уязвимость трансгендерных женщин является не специфической, а заостряющей и проявляющей дискриминационные факторы, общие для всей группы квир-

женщин. Системная дискриминация, с которой сталкиваются квир-женщины в России, является закономерным следствием отказа государства от принципа верховенства права. Это привело к разрушению и эрозии правовых институтов и отсутствию у квир-женщин уверенности в том, что закон для всех един и в ситуации насилия и/или дискриминации он защитит.

Помимо этого, случаи, которыми делились респондентки в рамках исследования, показывают, как существующие законы толкуются и применяются таким образом, чтобы не защищать представительниц уязвимых групп, но оправдать насилие или дискриминацию, совершенные в отношении них, например, российскими участниками войны в Украине. В условиях милитаризации, в 2023 году государство приняло и ввело в действие законы, которые освобождают от уголовного наказания лиц (подозреваемых, обвиняемых, осужденных)⁹, находящихся под уголовным преследованием (в том числе за насильственные преступления)¹⁰. Взамен государство обязывает таких агрессоров заключить с министерством обороны России контракт на военную службу и отправиться воевать в Украину¹¹.

Результаты исследования важны не только для понимания того, как менялась динамика положения уязвимых групп в России за последние три года, но и для оценки того, как соблюдение прав и свобод, связанных с гендером и сексуальностью, влияет на развитие общества и снижает влияние радикальных и дискриминационных идеологий. Защита прав квир-женщин демонстрирует важность свободы личности и права каждого на самореализацию, создавая пространство, свободное от давления популистских мифов о “традиционных ценностях” или национальном величии. Случай России показывает, к каким трагическим последствиям может

⁹ Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/589977> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁰ См., например: Официальный сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/75248> (дата обращения: 07.08.2025).

¹¹ Федеральный закон от 24.06.2023 N 270-ФЗ “Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции”, который с 23.03.2024 года заменили два новых федеральных закона — Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 23.03.2024 N 64-ФЗ, Федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»”.

привести увлечение подобными мифологемами.

В ходе исследования мы изучили десятки случаев, описанных респондентками в интервью и в ходе опроса, того, как государство через проведение гомо- и трансфобной политики уклоняется от конкретных задач по содействию в реализации различными группами граждан своих прав, в том числе на:

- защиту от физического и сексуального насилия (гл. 7.1, 7.2);
- предотвращение трудовой дискриминации по признаку гендерной идентичности и сексуальной ориентации (гл. 3.4);
- доступ к медицинской помощи, включая квалифицированную гинекологическую помощь и сопровождение трансгендерного перехода (гл. 8.1, 8.4);
- использование вспомогательных репродуктивных технологий для возможности становления родителями (гл. 8.2).

В настоящем исследовании мы сосредоточились не только на оценке социального положения квир-женщин, на их правовом и неправовом преследовании и нарушениях их прав. **Специальное внимание мы уделили психологическому состоянию квир-женщин, как фактору “тихой” дискриминации и индикатору социальной исключенности.**

В ходе исследования нами были изучены свидетельства квир-женщин, которые рассказывают о страхе, закрытости, депрессии, невозможности личностной реализации, кризисе ожиданий от будущего и чувстве глубокой социальной исключенности. Такой фокус наглядно демонстрирует долгосрочное и широкое негативное влияние гомо- и трансфобной политики на квир-женщин в России:

- распространение среди них закрытости от социальных контактов (в том числе новых) и отказа от социального участия из-за страха перед гомо- и трансфобным насилием, бездействием полиции, а также законами, которые дискриминируют квир-женщин и освобождают от ответственности агрессоров (особенно в случае их желания принять участие в войне) (гл. 5.1);

- маргинализация квир-женщин из-за дискриминации при приеме на работу, поскольку они выглядят не цисгетеронормативно, что особенно остро проявляется в отношении трансгендерных женщин, не успевших сменить гендерный маркер до вступления в силу в июле 2023 года федерального закона “о запрете трансгендерного перехода” (гл. 5.2),
- укрепление среди квир-женщин представления о своей нежелательности в социальной и культурной жизни из-за пересекающихся факторов — гражданской позиции (пацифизм, требований о прекращении войны России в Украине) и идентичности (женщины и квир-женщины) (гл. 3.1);
- рост острых психологических состояний среди квир-женщин в России, таких как тревожность, депрессия и суицидальные мысли (гл. 2).

В ходе исследования мы выявили значимый фактор: как и многие люди в России, квир-женщины испытывают психологическую угнетенность, чувство бессилия и исключенности, из-за событий в их родной стране, а также из-за нестабильной ситуации в мире в условиях правого поворота и антигендера движения.

Новизна исследования

Новизна настоящего исследования состоит в том, что оно сосредоточено на положении квир-женщин как особой подгруппы ЛГБТИК-людей, которая сталкивается с двумя пересекающимися факторами уязвимости: как женщины и как квир-люди — в условиях укрепления в России антигендера нарративов и милитаризации общества на фоне войны России в Украине. Мы обращаем внимание на специфические формы дискриминации, с которыми сталкиваются квир-женщины, в том числе гомо- и бисексуальные женщины, трансгендерные женщины и небинарные персоны на феминном и маскулинном спектрах, и которые частично затрагивают интерсекс-женщин.

В исследовании мы подчеркиваем значимость изучения положения трансгендерных женщин, социальная стигматизация которых в условиях фактически военного времени в России усиливается за счет законов, ограничивающих их права,

государственной пропаганды и последствий милитаризации российского общества. Трансгендерные женщины попадают под общие с другими квир-женщинами факторы уязвимости перед насилием, поскольку часто считываются как не-мужчины в обществе, в котором правовая система поощряет укрепление идей патриархата (что особенно усилилось после февраля 2022 года).

При этом трансгендерные женщины часто оказываются более уязвимыми перед насилием, поскольку лишены возможности получить в контексте этого насилия защиту, социальное и правовое признание как женщины. Репрессивные законы против ЛГБТИК-людей, ограничение прав женщин на телесную автономию и современная государственная риторика ставят трансгендерных женщин в ситуацию двойного угнетения: как женщин и как трансгендерных людей. Эта ситуация дополнительно усугубляется в случаях, когда трансгендерные женщины не успели сменить свой юридический гендерный маркер.

Методология исследования

Основным методологическим принципом настоящего исследования стало совмещение качественного и количественного анализа, а также сочетание принципа репрезентативности с исследованием наиболее ярких и проблемных случаев, о которых сообщали респондентки в ходе опроса и интервью. В дополнение к этим данным, для выстраивания контекста или сравнения, мы обращались к открытым источникам, таким как новостные сообщения, правозащитные мониторинги, академические и журналистские исследования. Это объясняется спецификой группы и необходимостью преодолеть ее закрытость.

В случае ЛГБТИК-людей более благополучные примеры иногда получают больше видимости и более доступны для исследователей, чем проблемные. Закрытость публичного пространства и цензура, усиленные милитаризацией российского общества и введением новых “военных” законов в России, сильно ограничивают доступ к информации. В этих условиях мы выбрали способ распространения опросника через Интернет. Мы благодарны многим ЛГБТИК-инициативам и активист:кам, медиа, блогеркам и блогерам, которые помогли нам найти контакт с респондентками.

Проводя исследование, мы учитывали, что в современных

условиях квир-женщины опасаются “утечки” их персональных данных, которые могут быть использованы российскими силовиками для преследования респонденток за выражение ими своего мнения. Даже в рамках исследования этот страх и недоверие к безопасному участию в мониторингах нарушений прав постоянно отмечается респондентками и звучит в их свободных ответах (см. об этом подробнее в гл. 3.1, гл. 5.1).

Мы исходили из предположения о том, что некоторые квир-женщины могут быть недопредставлены в рамках нашего исследования, поскольку не получат доступ к опроснику и/или не будут иметь возможности принять участие в интервью. Это положение дел потребовало от нас сбалансированного применения двух подходов: с одной стороны, детального описания полученной выборки, а с другой стороны, углубленного изучения случаев нарушения прав, дискриминации, описанных респондентками. Эти два подхода стали базой для нашего исследования, в связи с чем мы использовали два основных источника: анкетирование (анкета состояла из открытых и закрытых вопросов) и глубинные интервью.

Анкета включала блоки вопросов о различных аспектах того, как изменилась жизнь квир-женщин в России последние за три года с момента полномасштабного вторжения России в Украину. Мы исследовали только те анкеты, в которых респондентки заявили о себе как о квир-женщинах, проживавших в России¹² на момент заполнения анкеты. После исключения очевидно неправдоподобных ответов, а также ответов тех, кто идентифицировал себя как цис-мужчин, или тех, кто не проживал в России на момент проведения исследования, нами было получено 1683 ответа, которые и составили основную базу для количественных выводов настоящего исследования. При заполнении анкет все участницы давали свое информированное согласие на обработку своих ответов в соответствии с действующим законодательством, в том числе в соответствии со статьей 13 DSGVO.

Помимо стандартной демографической части, анкета состояла из вопросов, входящих в пересекающиеся друг с другом тематические блоки:

12 Опрос был доступен только для участниц, которые на момент его проведения (май 2025 года) проживали в границах России, признанных международным сообществом. Мы не исследовали ситуацию на оккупированных Россией территориях Украины, включая Крым, Севастополь и другие регионы.

- нарушение прав на основании СОГИ;
- возможность получить помошь в полиции;
- случаи физического, экономического, психологического и сексуализированного насилия,
- дискриминация в получении медицинской помощи, в том числе доступность гормональной терапии и гендерно-аффирмативных операций для трансгендерных женщин;
- дискриминация в реализации родительских прав;
- закрытость и социальные (само)ограничения;
- доступ к информации по вопросам прав ЛГБТИК-людей;
- психологическое состояние в связи с войной: квирофобными законами, цензурой и государственной пропагандой;
- ценности, отношение к войне и государственной пропаганде.

Мы использовали в анкете некоторые условные обозначения. Для упрощения обобщений мы просили респонденток выбрать наиболее точно характеризующую их сексуальную ориентацию из следующего списка: гомосексуальная, бисексуальная, гетеросексуальная, пансексуальная, асексуальная, демисексуальная, омниексуальная, квир. Аналогичным образом мы просили респонденток выбрать наиболее точно характеризующую их гендерную идентичность из предложенного списка: цисгендерная женщина, трансгендерная женщина, небинарная персона на феминном спектре, небинарная персона на маскулинном спектре, интерсекс-персона, идентифицирующая себя как женщина, гендерфлюид, агендерная женщина.

Исходя из целей этого исследования, мы подчеркиваем важность принципа ориентации на смежные или общие потребности обладательниц разных гендерных и сексуальных идентичностей. Признавая различия и подчеркивая наше уважение ко всем участникам исследования, мы тем не менее вынуждены использовать термины обобщающие наши целевые группы. Таким обобщающим термином здесь и далее будет выступать понятие “квир-женщины”.

Для того, чтобы уточнить значимый для понимания дискриминационных рисков факт реализованной или

нереализованной потребности в трансфеминном переходе, но избежать при этом объективации (сведения гендерной идентичности респонденток к цисгендерному или трансгендерному статусу), мы отделили это уточнение от вопроса о гендерной идентичности и задали респонденткам отдельный вопрос об актуальной или уже удовлетворенной потребности в таком переходе, либо об отсутствии такой потребности (при выявлении закономерностей, в зависимости от необходимости, использовались ответы на оба из этих вопросов).

По размеру населенного пункта, в котором проживают респондентки, были выделены: крупный город (более 1 млн жителей), большой город (от 700 тыс. до 1 млн жителей), средний город (от 300 тыс. до 700 тыс.), небольшой город (от 3 тыс. до 300 тыс.), маленький город (менее 3 тыс.) Отдельно мы уточняли, проживают ли респондентки в городской или сельской местности.

Количественный анализ на основании анкетирования был дополнен качественным анализом нарративов и отдельных случаев (кейсов). Качественный анализ в настоящем исследовании основывается на открытых вопросах, заданных в анкете, а также на проведенных нами глубинных интервью. Участницы интервью отбирались из числа тех, кто заполнил анкету, отметил свою заинтересованность в нем и указал безопасный канал для связи. Всего на интервью согласились 318 участниц анкетирования, что составляет 18,9% от общей выборки. Мы тщательно отобрали 22 респондентки, с которыми провели интервью. Кроме того, мы провели два экспертных интервью.

В целях безопасности при цитировании интервью в настоящем исследовании все детали, указывающие на персональные данные участниц, опущены или изменены. Участницы интервью были уведомлены об использовании их цитат в анонимизированном виде в итоговом исследовании, на что дали свое информированное согласие. Работа с данными, содержащими сенситивную информацию о респондентках, проводилась в соответствии с нормами европейского права и рекомендациями специалистов в области цифровой безопасности.

При выборе участниц интервью мы руководствовались комплексным подходом. Глубинные интервью были призваны дополнить понимание выборки посредством персональных нарративов, в том числе с фокусом на психологическое состояние респонденток. С этой целью мы стремились соблюсти баланс

количества участниц по критериям гендерной идентичности и сексуальной ориентации, а также по региону проживания. Интервью позволили нам отчасти компенсировать “перекос” в выборке, увеличив долю менее репрезентированных групп. Поскольку 64,3% участниц анкетирования составили цисгендерные женщины, а 96,2% проживали в городской местности, причем 61,5% – в крупном городе, 40,3% – в Центральном федеральном округе, то при отборе участниц интервью мы руководствовались не только указанными в анкете кейсами насилия, преследования, нарушения прав и маргинализации опрошенных, но и регионом их проживания (не из центральных), а также гендерной идентичностью (нецисгендерной). Проведенные интервью позволили представить как минимум один нарратив из каждого федерального округа Российской Федерации, кроме Северо-Кавказского ФО, что позволило нам отчасти преодолеть преобладание в выборке крупных городов из центральных регионов.

При помощи интервью мы стремились углубить понимание следующих проблем:

- столкновение квир-женщин с конкретными случаями насилия, злоупотреблений и дискриминации (как со стороны частных лиц, так и институций и государственных органов, например, таких как полиция) (гл. 3.3, гл. 5, гл. 6);
- изменения в жизни квир-женщин после принятия законов против ЛГБТК-людей в России (вступивший в силу 5 декабря 2022 года федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, вступивший в силу 24 июля 2023 года федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода”, запретивший юридический и медицинский трансгендерный переход, а также опекунство трансгендерных людей над приемными детьми, и принятие судьей Верховного Суда РФ Олегом Нефедовым¹³ решение о признании экстремистской несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” (гл. 5, гл. 6)¹⁴;
- влияние на жизнь квир-женщин войны России

¹³ Выходец из российских силовых структур. Краткий портрет: https://pravo.ru/arbitr_practice/judge/39926/ (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁴ Далее по тексту также как “решение Верховного Суда РФ об «ЛГБТ-экстремизме»”.

в Украине (в том числе милитаризации российского общества, государственной пропаганды, изменения уровня насилия со стороны участников военных действий и иных акторов, насилиственной мобилизации) (гл. 7.3);

- проблемы доступа квир-женщин (и в частности, трансгендерных женщин) к качественной, квалифицированной и уважительной медицинской помощи (гл. 8);
- трудности, с которыми сталкиваются квир-женщины, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе наличие угроз лишиться детей и давление со стороны органов опеки (гл. 9.2);
- психологическое состояние, закрытость (гл. 2);
- отношения с родственниками, конфликты на почве гомо- и трансфобии, гражданской позиции (гл. 3.2);
- доступность жилья, конфликты с арендодателями и соседями на почве гомо- и трансфобии (гл. 3.3),
- использование законов против ЛГБТК-людей как основание для доноса (гл. 3.3, гл. 6.1);
- социальная маргинализация, вынужденная вовлеченность в секс-работу (гл. 6.2);
- проблемы выражения гражданских ценностей и идентичности квир-женщин (гл. 3.1, гл. 6.1).

Таким образом, нам удалось собрать и проанализировать массив уникальной информации, содержащей разнообразные социально-демографические характеристики респонденток, их свидетельства о нарушениях прав человека и дискриминации по признакам сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности, а также оценку того, как изменилось их положение за 3 года — с 24 февраля 2022 года по весну 2025 года, когда российское общество перешло на военные рельсы, а квир-люди оказались в центре речей ненависти политиков и инфлюенсеров, составляющих основу государственной пропаганды, стали объектом стигматизации, новых квирофобных законов и постепенно утратили субъектность внутри России как социальная группа на фоне военных законов, цензуры и атмосферы страха.

Мы получили множество сообщений от респонденток,

которые благодарили за возможность высказать свое мнение о том, что они чувствуют как квир-женщины, проживая в России фактически военного времени. Ведь часто из-за социального давления, не согласия с войной России в Украине, за последние три года множество социальных связей у квир-женщин оказалось утеряно: говорить то, то думаешь в России, стало опасно для жизни и свободы. Поэтому исследование стало площадкой, на которой квир-женщины смогли поделиться тем, что они долгое время наблюдают, анализируют, но о чем зачастую вынуждены молчать.

Часть I. Влияние полномасштабной войны на квир-женщин в России

Глава 1. Демографический профиль участниц исследования

В рамках настоящего исследования мы собрали данные от респонденток, относящих себя к квир-женщинам, проживающим в России. Для нас было важно, что опросник могли заполнить только те, кто идентифицировал себя как женщин или феминных персон в сочетании с принадлежностью к ЛГБТИК-сообществу. Таким образом, выборка включает широкий спектр гендерных и сексуальных идентичностей и представляет собой значимую с точки зрения социокультурного и демографического разнообразия группу.

В этом разделе анализируются демографические, социальные и культурные характеристики квир-женщин в России, в том числе гендерная идентичность, возраст, география проживания, образование, этническая принадлежность и религиозные взгляды. После окончания приема ответов в нашем распоряжении оказалось 1707 анкет. После отсева тех из них, которые не соответствовали критериям исследования (респонденты проживали не в России или идентифицировали себя как цисгендерных мужчин, или же анкета содержала очевидно неправдоподобную информацию), была сформирована общая выборка исследования из 1683 анкет.

Гендерная идентичность

Квир-женщины, принявшие участие в исследовании, продемонстрировали высокую вариативность в спектре гендерной идентичности. Большинство респонденток идентифицируют себя как цисгендерные женщины — таких около 64% от общего числа. Вместе с тем, значимую долю составляют трансгендерные женщины (примерно 12%) и небинарные персоны на феминном спектре (15%). В меньшем количестве (однако позволяющем анализировать ответы и прийти к обоснованным выводам) также представлены интерсекс-персоны, гендерфлюиды, агендерные участницы, небинарные персоны на маскулинном спектре и женщины с другими идентичностями. Некоторые респондентки указали уникальные или смешанные формы идентичности, что подтверждает как индивидуализированный характер квир-опыта, так и тенденцию к размыванию жестких категориальных рамок (илл. 1).

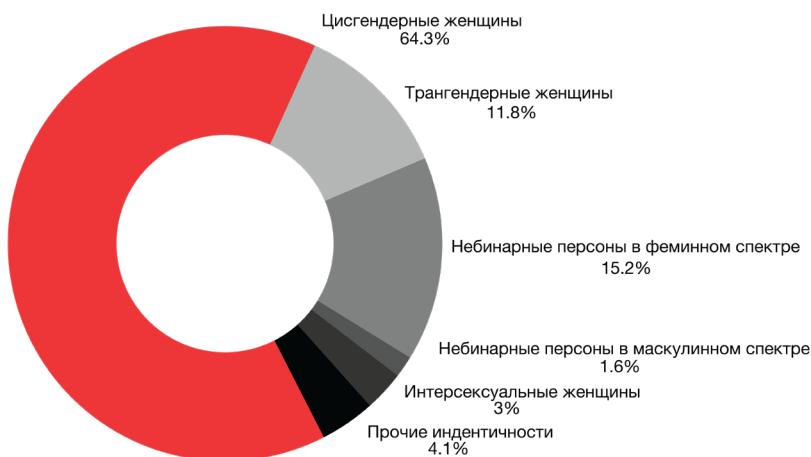

Иллюстрация 1. Гендерная идентичность

Сексуальная ориентация

Исследование также охватывало спектр сексуальной ориентации участниц. Наиболее многочисленную группу составляют гомосексуальные (около 49%) и бисексуальные женщины (33%). Значительная доля идентифицировала себя как пансексуальные (8%), асексуальные, демисексуальные, омнисексуальные, квир- и женщины с другой сексуальной ориентацией. Некоторые участницы указывали, что затрудняются с определением своей ориентации либо обозначали “другое”. Таким образом, опираясь на понимание гендера как социокультурного феномена, а также на особенность гендерной самоидентификации респонденток, мы трактуем гендерную идентичность и сексуальную ориентацию не как фиксированные характеристики, а как динамическое поле самоопределения, влияющее на социальные практики индивида и в то же время испытывающее их влияние (илл. 2).

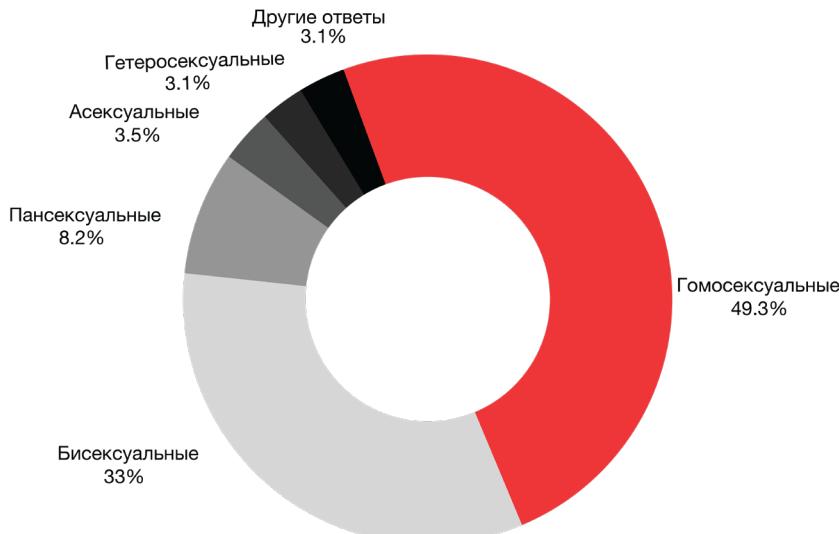

Иллюстрация 2. Сексуальность

Возрастная структура

Участницы в возрасте от 19 до 25 лет составляют наиболее крупную когорту (51,1%). Существенная часть респонденток также принадлежит к группе 26–35 лет (22,5%), что в сумме формирует подавляющее большинство исследуемой аудитории. Такое распределение участниц опроса по возрастным группам соответствует более широкой тенденции, согласно которой молодое поколение ЛГБТИК-людей более склонно участвовать в исследованиях, связанных с идентичностью, а также активнее выражает свою субъектность в цифровом пространстве. Кроме того, аудитория исследования с этими возрастными рамками была шире охвачена через медиа и каналы в социальных сетях, через которые распространялась информация о настоящем исследовании (илл. 3).

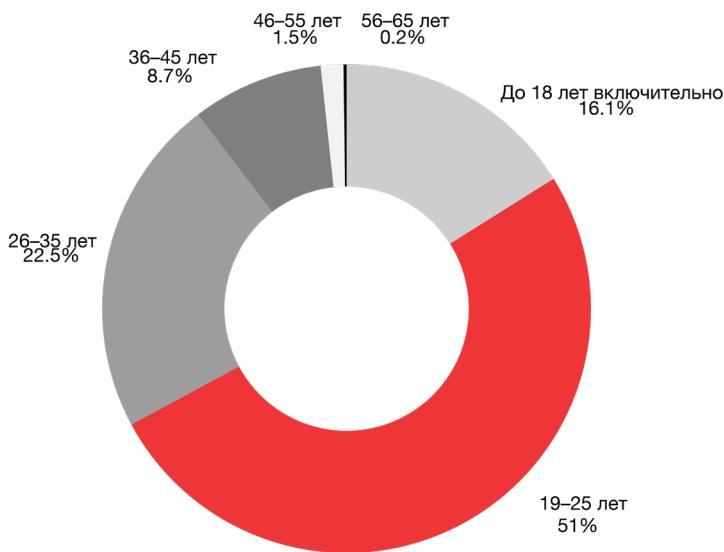

Иллюстрация 3. Возраст

Участницы старших возрастных групп (36 лет и старше) в выборке представлены менее значительно, что может быть связано с несколькими факторами: сниженной цифровой активностью, опасениями по поводу конфиденциальности, а также с уровнем травматизации и социальной изоляции, зачастую характерных для ЛГБТК+ персон старшего возраста в России.

Несмотря на преобладание молодежи, в выборке присутствуют участницы практически из всех возрастных категорий (от до 18 лет до 65 лет), что придает исследованию необходимую полноту и отражает разнопоколенческий опыт квир-женщин.

Нам не удалось получить доступ к аудитории старше 65 лет. Возможно, это связано с тем, что исследование проводилось онлайн, и среди поколения старше 65 лет гораздо меньше распространена культура пользования современными цифровыми технологиями. Кроме того, в силу социальной травматизации в России квир-люди старше 65 лет крайне редко участвуют в опросах и не готовы делиться своей персональной информацией. Однако отсутствие этих данных не исказило результаты исследования.

Семейное положение, наличие детей и партнерских отношений

Среди опрошенных квир-женщин лишь 4% состоят в официальном браке, тогда как подавляющее большинство — 92,2% — никогда не вступали в брак. Это может отражать как молодежный возрастной состав выборки, так и институциональные барьеры для заключения однополых союзов в России.

Наименьшая доля среди респонденток старших возрастных групп проживает с родителями — по мере взросления этот показатель стабильно снижается. Параллельно увеличивается доля тех, кто живет с постоянным партнером и имеет детей, что отражает естественный жизненный цикл, несмотря на специфику квир-опыта в России. Также наблюдается рост доли официально состоящих в браке в корреляции с возрастом, хотя в целом таких респонденток остается крайне мало.

На момент опроса 42,5% респонденток сообщили, что находятся в постоянных романтических партнерских отношениях. Еще 3% указали, что встречаются с несколькими партнерами. При этом большинство опрошенных — 53,5% — не состоят в партнерских отношениях. Эти данные показывают, что наличие

партнерства среди квир-женщин в России примерно равновероятно с отсутствием такового, что может быть связано как с социальной изоляцией, так и с личным выбором или травматичным опытом.

Лишь 4% участниц опроса сообщили, что у них есть дети, в то время как 96% сообщили, что у них нет детей. Это подтверждает известную тенденцию: квир-женщины в России крайне редко имеют доступ к родительству — будь то биологическое, с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, при наличии или отсутствии постоянной партнерки или партнера, либо усыновление. Ограничения в законодательстве, социальная стигма и отсутствие поддержки со стороны государства, а также ограничение на услуги вспомогательных репродуктивных технологий, серьезно сужают возможности для реализации родительского статуса (см. подробнее в гл. 8.2 и 9.2).

Таким образом, данные показывают, что большинство респонденток либо живут самостоятельно (одни или с партнером), либо продолжают проживать с родителями. Формальные браки и совместное проживание с детьми составляют небольшую часть выборки, что может быть связано как с молодым возрастом респонденток, так и с особенностями квир-опыта в российских условиях.

Географическое распределение

Выборка демонстрирует широкую географическую представленность. Респондентки проживают во всех федеральных округах Российской Федерации, включая Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Сибирский, Уральский, Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный округа. Наибольшая концентрация участниц наблюдается в Центральном (включая Москву) и Северо-Западном (включая Санкт-Петербург) округах. В них проживает соответственно 40,3% и 20,1% опрошенных. Это, вероятно, связано как с более высокой плотностью населения, так и с большей видимостью и доступностью квир-сообществ в этих регионах. Наименьшие доли опрошенных проживали в Дальневосточном ФО (2,4%) и Северо-Кавказском ФО (0,9%). Это можно объяснить в том числе высоком уровне гомо- и трансфобного насилия (особенно во втором из двух этих регионов), побуждающих квир-женщин к дополнительной закрытости и к страху перед исследовательскими опросами¹⁷ (илл. 4).

17. Например, в отчете ЛГБТК+ группы “Выход” и Фонда “Сфера” о правах ЛГБТК-людей в России в 2024 году в этих же двух федеральных округах, Северо-Кавказском ФО и Дальневосточном ФО, фиксировался самый высокий уровень насилия: 12% и 11% в сравнении с 7% в среднем по выборке (Доклад: Положение ЛГБТ+ людей в России в 2024 году / Н.

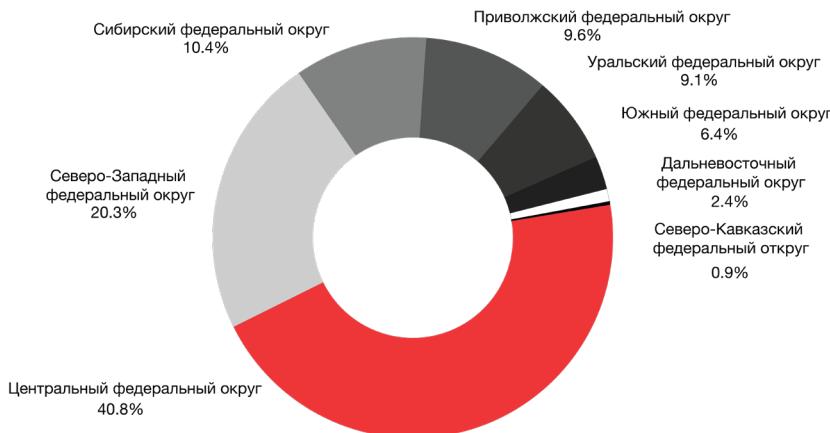

Иллюстрация 4. Регион проживания

Населенные пункты: размер и инфраструктура

В выборке настоящего исследования наиболее широко представлены жительницы крупных городов. Более 61,5% респонденток проживают в городах с населением более миллиона человек, 22,5% — в средних и больших городах с населением от 300 до 700 тысяч и от 700 тысяч до 1 миллиона. Небольшие города и поселки составляют меньшую часть выборки: в городах с населением от 3 до 300 тысяч проживают 14,2% опрошенных, а в маленьких населенных пунктах с населением до 3 тысяч — 1,8% (илл. 5).

Проживание в более урбанизированной среде, как правило, связано с более высоким уровнем доступа к информации, поддержке сообществ, психологическим и правозащитным ресурсам. В то же время, участницы из малых и сельских населенных пунктов чаще сталкиваются с изоляцией, стигмой и дефицитом квир-дружественной инфраструктуры. Присутствие таких участниц в выборке важно для представления более реалистичной и многослойной картины положения квир-женщин в России.

Вместе с тем, проживание значительной части респонденток

Павлова; ЛГБТК+ группа "Выход", Фонд "Сфера". С. 44. URL: <https://comingoutspb.org/ru/publications/doklad-o-polozhenii-lgbtk-ljudej-v-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения: 13.07.2025).

То же соотношение фиксировалось в случае преследования в Интернете: 20% в Северо-Кавказском ФО и 16% в Дальневосточном ФО в сравнении с 12% в среднем по выборке (Там же. С. 47).

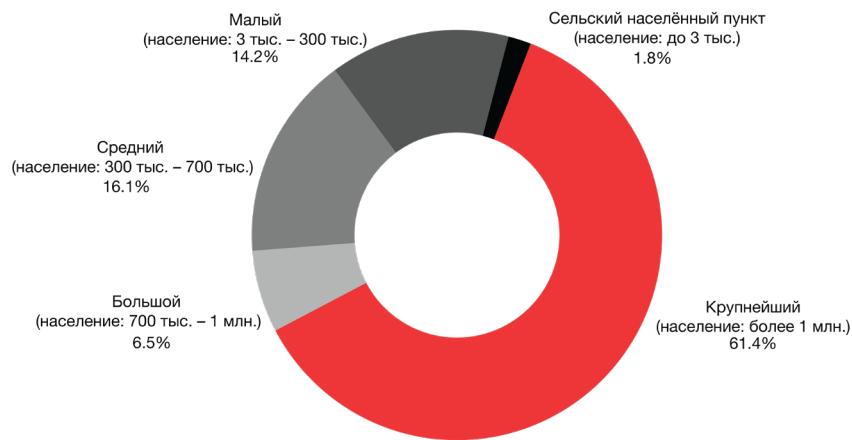

Иллюстрация 5. Место проживания

в крупных, больших и средних городах может объясняться миграционной динамикой. Так, среди опрошенных в возрасте до 18 лет в небольших и маленьких городах проживают 32,1%, в возрасте 19–25 лет – 13,4%, в возрасте 26–35 лет – 10,8%, в возрасте 36–45 лет – 10,3% (то есть, два наиболее низких показателя наблюдаются в возрастных группах, связанных с наибольшей социальной и экономической активностью), в возрасте 46–55 лет – 19,2%. Это позволяет предположить, что переезд в более крупный город является распространенной жизненной стратегией для квир-женщин в России. Примечательно, что актуальной эта стратегия становится сразу после достижения совершеннолетия, о чем говорит сокращение более чем в два раза доли проживающих в небольших и маленьких городах в возрастной группе 19–25 лет по сравнению с возрастной группой до 18 лет.

О схожей миграционной динамике можно сделать предположение в случае доли проживания в средних городах относительно возрастной группы. Среди респонденток до 18 лет в таких городах проживали 22,1%, тогда как в других возрастных группах соответствующая доля была заметно ниже, а также сопоставима с долями проживавших в небольших и маленьких населенных пунктах того же возраста: в группе 19–25 лет – 16,8%; в группе 26–35 лет – 11,9%; в группе 36–45 лет – 13,7%; в группе 46–55 лет – 7,6%. Это позволяет предположить, что внутренняя миграция квир-женщин в России сопряжена со

стремлением попасть в большие и крупные города и покинуть маленькие, небольшие и средние города и населенные пункты, что подразумевает высокую конкуренцию при поиске жилья и заработка. Мы также можем предположить, что в основе такой стратегии лежит представление квир-женщин в России о значительно более высокой гомо- и трансфобии, чем в крупнейших мегаполисах с развитой урбанистической культурой (таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск), в менее крупных населенных пунктах страны.

К аналогичным предположениям о стратегии внутренней миграции квир-женщин в России в большие и крупные города позволяет прийти анализ доли проживающих там респонденток в каждой возрастной группе. Наименьшей (менее половины) эта доля была среди квир-женщин до 18 лет — 45%, в то время как во всех остальных возрастных группах она составляла схожий процент, приближавшийся к двум третям: 69,7% — в возрастной группе 19–25 лет; 77,2% — в группе 26–35 лет; 76,5% — в группе 36–45 лет; 73% — в группе 46–55 лет (илл. 6).

Иллюстрация 6. Место проживания и возрастная группа

Этническая и религиозная принадлежность участниц

Опрос и данные интервью демонстрируют значительное этническое и религиозное разнообразие среди квир-женщин, проживающих в России. Эти характеристики, пересекающиеся с идентичностью, географией и образованием, оказывают важное влияние на повседневный опыт и самоидентификацию участниц.

Согласно результатам опроса, основную долю респонденток составляют этнические русские — 72,6%. На втором месте — татарки (4,2%), далее следуют украинские (3,5%) и еврейские (3,0%) участницы. Также зафиксированы представители других этничностей: башкиры, армянки, чувашки, бурячки, якутки, немки, беларуски. Отдельные участницы указали “смешанное происхождение” или отметили, что не мыслят себя в рамках этничности. Эти различия частично коррелируют с возрастом: среди младших участниц (до 36 лет) чаще встречается указание на этническую неоднозначность или смешанное происхождение. Более старшие респондентки (старше 45 лет) чаще идентифицируют себя с этническими категориями, распространенными в советском поле (например, “русская”, “татарка”).

Образование также играет роль: женщины с высшим образованием или опытом академической работы чаще демонстрируют более критическое или гибкое отношение к этничности, включая самоидентификации вне ее рамок. В то же время этнические меньшинства, особенно нерусскоязычные, чаще сталкиваются с межсекциональными формами дискриминации.

Географически этническое разнообразие выше в Поволжье, на Юге России и в регионах с компактным проживанием этнических групп — что соответствует и федеральному распределению. Мы можем предположить, что в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) этническое многообразие чаще встречается в связке с академическим или активистским контекстом.

Наибольшая доля опрошенных сообщили, что они атеисты, неверующие люди — 63,5%. Другая наиболее крупная доля ответов — “я верующий человек, но какой-то определенной религии не придерживаюсь”: она составила 19,4%. Такой высокий процент квир-женщин, не придерживающихся конвенциональных религий, может быть объяснен в том числе ультраконсервативной

риторикой российской пропаганды, в которой религия (чаще всего – православие) противопоставляется нецисгетеросексуальности, а также трактуется как один из важнейших источников так называемых “традиционных ценностей”¹⁸.

Религиозная принадлежность также представлена разнотипно. Несмотря на то что большинство участниц указывают светский или нерелигиозный статус (в опросе доля верующих по отдельным конфессиям редко превышает 5–6%), религиозная идентичность остается важной в биографическом опыте ряда женщин. 6,3% респонденток относят себя к православию, 2,1% – к буддизму, 1% – к протестантизму, 0,9% – к язычеству, 0,5% – к иудаизму, 0,5% – к католицизму, 0,1% – к исламу. Интервью дополняют эту картину. Цисгендерная женщина из Казани, выросшая в мусульманской татарской семье, описывает насильтственный брак и отдаление от семьи: “Мама осталась в Казани, связь слабая. Я больше не мусульманка, хотя знаю традиции. Сейчас я живу одна, и только так чувствую себя собой”.

Таким образом, этническая и религиозная принадлежность формируют важный слой социальной идентичности квир-женщин, усиливая или, напротив, ослабляя маргинализацию в зависимости от контекста. Эти аспекты важны для понимания уникальных траекторий, особенно в регионах с консервативным укладом, где религия и этничность часто действуют как нормативные ограничители.

Материальное положение и его демографические корреляции

Материальное положение респонденток представляет собой один из ключевых индикаторов структурного неравенства, пересекающегося с квир-идентичностью, возрастом, образованием и географией. Данные опроса позволяют очертить основные тенденции и сложности, с которыми сталкиваются участницы исследования.

Средний балл оценки своей финансовой независимости по десятибалльной шкале составил 4,82, что указывает на преобладание финансовой уязвимости и неопределенности. Среди цисгендерных респонденток средний показатель выше (4,90), в то время как трансгендерные и небинарные участницы

18 См., например: Stoekl, K. “Traditional Values” as Civil Religion. In: Idem. Russian Orthodoxy and Secularism. Leiden, Boston: Brill, 2020. P. 49–53.

демонстрируют более низкие значения (4,64), отражая системную маргинализацию и ограничения доступа к стабильной занятости.

В вопросе о трудовой занятости 39,6% респонденток сообщили о наличии постоянной работы на полный день. Еще около 35% совмещают неполную занятость и нерегулярные подработки. 25,1% не имеют постоянного дохода (Илл. 7).

Исключение из выборки несовершеннолетних квир-женщин заметно повышает долю тех, кто имеет занятость на полный день (до 47,1%) и незначительно повышают долю тех, кто имеет частичную занятость (до 11,2%). При этом исключение из структуры занятости тех из опрошенных, кто еще не достиг или только достиг 18 лет, лишь незначительно сокращает доли тех, кто нерегулярно подрабатывает: до 12,2% (примерно на три процентных пункта) и практически не меняет долю тех, кто подрабатывает регулярно (10%). Эти наблюдения можно трактовать в ключе того, что квир-женщины в России стремятся к финансовой независимости, рассчитывают на себя в материальном плане, причем начинают такую траекторию с несовершеннолетнего возраста. Так, среди несовершеннолетних квир-женщин лишь немногим более половины (53,9%) не работают и не подрабатывают (Илл. 7.1).

При этом существенно, что среди совершеннолетних квир-женщин доля тех, кто не работает и не подрабатывает, остается высокой — 19,5%. Высокая доля неработающих среди квир-

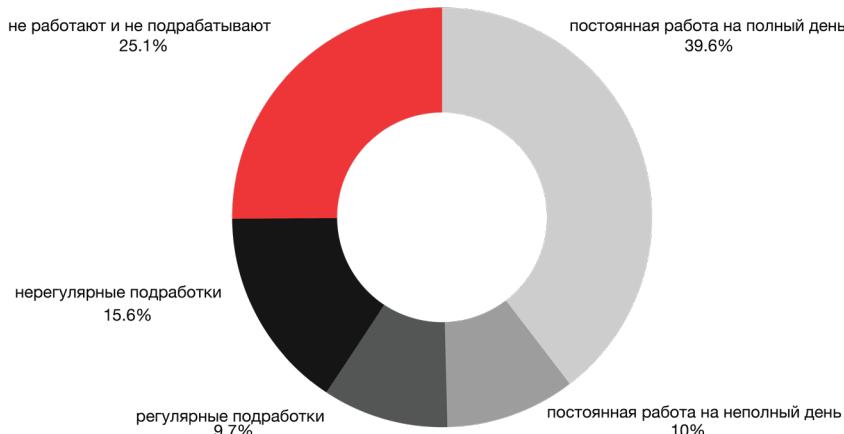

Иллюстрация 7. Структура занятости квир-женщин

женщин всех возрастов (25,1%) и среди совершеннолетних квир-женщин (19,5%) может косвенно свидетельствовать об их социальной маргинализации и дискриминации в реализации своего права на труд (см. подробнее в гл. 3.4), а также о материальной зависимости многих квир-женщин от своих родственников (см. подробнее в гл. 3.2) или партнера:к. В то же время высокая доля тех, кто не работает и не подрабатывает, может быть связана с возрастной особенностью выборки: значительным преобладанием в ней людей до 25 лет, которые могут получать высшее образование.

Структура занятости в среднем по выборке (среди всех квир-женщин) имеет некоторые отличия от структуры занятости по специальной выборке, находящейся в центре внимания настоящего исследования: среди квир-женщин, испытывающих или испытывавших потребность в трансфеминном переходе (что может объединять разные гендерные идентичности, но прежде всего – трансгендерных женщин и небинарных персон на феминном спектре). Специальная выборка по этому признаку охватывает 245 респонденток. Совпадая по общим трендам с общей выборкой, специальная выборка тем не менее показывают более яркую выраженность трендов на нестабильную занятость и на отсутствие занятости.

Среди квир-женщин, испытывающих или испытывавших потребность в трансфеминном переходе, постоянную работу на полный день имеют 38,4%, что примерно на 1% ниже, чем среди всех квир-женщин (39,6%). Доля тех, кто не имеет ни постоянной работы, ни подработок, наоборот, оказывается выше среди трансгендерных женщин: 26,9% в сравнении с 25,1% среди всех квир-женщин. В структуре занятости трансгендерных женщин выше и доля нерегулярных подработок: 17,6% (в сравнении с 15,6% среди всех квир-женщин), тогда как доля регулярных подработок ниже: 8,6% в сравнении с 9,7% (Илл. 7.2). Таким образом, потребность в трансфеминном переходе может быть интерпретирована как фактор, повышающий риск проблем с поиском и работы и дискриминации в реализации права на труд (см. подробнее в гл. 3.4, 5.2).

Аналогичное соотношение наблюдается между группами, состоявшими только из совершеннолетних. Если среди совершеннолетних квир-женщин, испытывающих или испытывавших потребность в трансфеминном переходе, постоянную работу на полный день имеют 42,5%, то среди

всех совершеннолетних квир-женщин соответствующая доля заметно выше — 47,1%. Напротив, доля тех, кто не имеет ни постоянной работы, ни подработка, оказывается выше в группах совершеннолетних квир-женщин с наличием потребности в трансфеминном переходе, чем среди выборки совершеннолетних квир-женщин: 24,7% в сравнении с 19,5%. При этом растут доли нерегулярных подработок и снижаются доли регулярных: если в среднем по выборке совершеннолетних квир-женщин оно составляет соответственно 12,2% и 10%, то в группе совершеннолетних квир-женщин с потребностью в трансфеминном переходе это соотношение составляет 16% и 8,2%.

При этом в группах с потребностью в трансфеминном переходе менее выраженной оказывается и возрастная динамика в структуре занятости, а именно, ее изменения в группах совершеннолетних респонденток по сравнению с группами несовершеннолетних. Если в целом по выборке квир-женщин достаточно заметна тенденция к сокращению в группе только совершеннолетних доли не имеющих ни работы, ни подработка (25,1% и 19,5%, на 5,5 процентных пунктов) и доли имеющих нерегулярные подработки (15,6% и 12,2%, на 3,4 процентных пункта), наряду с повышением доли тех, кто имеет регулярный доход (39,6% и 47,1%, на 7,5 процентных пункта), то в специальной выборке квир-женщин с потребностью в трансфеминном переходе эта разница выражена слабее: 42,5%, что лишь на 5 процентных пункта выше, чем в группе, в которую были включены несовершеннолетние — 38,4%. Снижение доли тех, кто не работает и не подрабатывает, в группе совершеннолетних респонденток с потребностью в трансфеминном переходе, оказалось, напротив, заметно меньшим, чем в общей выборке, составив 2,2 процентных пункта: с 26,9% до 24,7% (Илл. 7.3).

Наиболее заметна тенденция к отсутствию постоянной работы среди трансгендерных женщин, которые не сменили гендерный маркер на “женский” до запрета медицинского и юридического трансгендерного перехода в июле 2023 года (см. подробнее в гл. 4.4). Эта группа в настоящем исследовании состоит из 144 респонденток, среди которых доля несовершеннолетних (23 человека) составляет 15,9% (в сравнении с 16,1% по всей выборке квир-женщин).

В группе квир-женщин, не сменивших гендерный маркер на “женский” несмотря на потребность в трансфеминном переходе, доля тех, кто не работает и не подрабатывает, больше доли тех, кто

имеет постоянную работу на полный день (34% против 30,6%), а доли тех, у кого нет регулярного дохода (те, у кого нет ни работы, ни подработок, а также те, у кого есть только нерегулярные подработки — эта доля составила 18,1%), в совокупности составляют более половины (52,1%) и превышают совокупность долей тех, у кого есть какой либо регулярный заработка (занятость на полный или неполный рабочий день, либо регулярные подработки). (Илл. 7.4). Невозможность сменить гендерный маркер повышает видимость трансгендерных женщин в качестве квир-людей, что усиливает их риски столкнуться с дискриминацией и нарушением трудовых прав на почве гомо- и трансфобии (см. подробнее в гл. 5.1 и 5.2).

Среди участниц, проживающих в крупных городах, выше доля занятых на полную ставку (до 47%), в то время как в малых населенных пунктах и селах эта доля составляет лишь 25,8%, а преобладают временные формы занятости или отсутствие формальной работы. Доля квир-женщин, имеющих постоянные подработки, растет в городской и уменьшается в сельской местности: если в случае первой 10% опрошенных сообщили, что регулярно подрабатывают, то во второй так ответили только 3,2%. При этом о том, что они подрабатывают иногда, сообщили 15,2% квир-женщин в городской местности и 25,8% в сельской местности — то есть, соотношение между двумя типами населенных пунктов в плане модели занятости и заработка изменилось. Наконец, если среди проживающих в городской местности о том, что они не работают и не подрабатывают, сообщили 24,6% опрошенных квир-женщин, то среди проживающих в сельской местности — 37,1%, более чем в полтора раза выше.

Доступ к занятости также различается в зависимости от региона. Самые высокие доли респонденток, указавших, что имеют постоянную работу на полный рабочий день, были среди квир-женщин, живущих в Центральном ФО и Северо-Западном ФО, соответственно 42% и 43,7%. При этом среди квир-женщин, живущих в других федеральных округах (кроме Северо-Кавказского ФО, для которого при этом было получено слишком мало данных — 43,8%), доли работающих на полный день были ниже: 37,8% в Сибирском ФО; 35,7% в Уральском ФО; 35% в Дальневосточном ФО; 33,7% в Приволжском ФО; 30,6% в Южном ФО. При этом обратное соотношение выстраивается по долям тех квир-женщин, кто указал, что не работает и не подрабатывает. Наименьшая доля (за исключением Северо-Кавказского ФО —

12,5%) была в Центральном ФО (21,6%) и Северо-Западном ФО (24,3%), в то время как в других федеральных округах она была выше: 25,1% в Приволжском ФО; 27,5% в Дальневосточном ФО; 29,3% в Сибирском ФО; 33,1% в Уральском ФО; 32,4% в Южном ФО. В этих федеральных округах при этом были выше доли респонденток, указавших, что они регулярно или нерегулярно подрабатывают, причем отношение регулярных и нерегулярных подработок было разным в разных ФО.

Также самые высокие оценки респондентками своей финансовой независимости были среди тех, кто проживал в Центральном ФО и Северо-Западном ФО: соответственно, 4,98 и 5,11 баллов. Далее шел Приволжский ФО (4,61), Сибирский ФО (4,52), Дальневосточный ФО (4,48), Южный ФО (4,47) и Уральский ФО (4,39).

Тип населенного пункта влияет на экономическую устойчивость: в городах с населением более 1 миллиона человек доля финансово независимых выше, а доля респонденток, испытывающих регулярные материальные трудности, — существенно ниже. Среди тех, кто проживает в крупных городах, средняя оценка своей финансовой независимости составила 5,16 баллов, в то время как в маленьких и небольших городах/населенных пунктах — соответственно 3,75 и 3,86. В городской местности средняя оценка составила 4,86, а в сельской местности — 3,70. В сельских районах и малых городах выше зависимость от семьи и ограниченность в доступе к стабильной работе, что в случае квир-женщин может усугубляться квирофобией.

Финансовая доступность повседневных расходов также демонстрирует неравномерное распределение. Лишь 64,5% респонденток отметили, что всегда имеют деньги, которыми могут распоряжаться по собственному усмотрению. Около 27% ответили “иногда”, а 9% — “редко” или “никогда”. Среди участниц с высшим образованием этот показатель заметно выше (“всегда” — 78,3%, “иногда” — 16,3%, “редко” — 4,9%, “никогда” — 0,5%), тогда как среди респонденток со средним специальным образованием и выпускниц колледжей чаще встречается нестабильное материальное положение (“всегда” — 57,6%, “иногда” — 32,4%, “редко” — 9,2%, “никогда” — 8%). Еще чаще материальные трудности встречаются у тех квир-женщин, что получили только среднее образование, окончив 11 классов школы (“всегда” — 48,9%, “иногда” — 35,5%, “редко” — 14,1%, “никогда” — 1,5%).

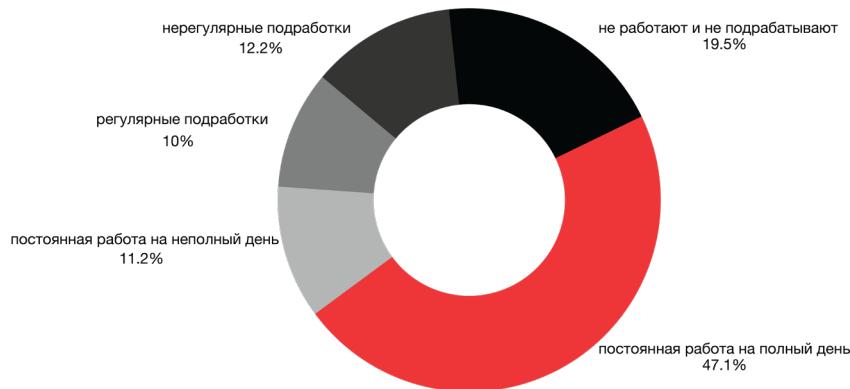

Иллюстрация 7.1. Структура занятости квир-женщин

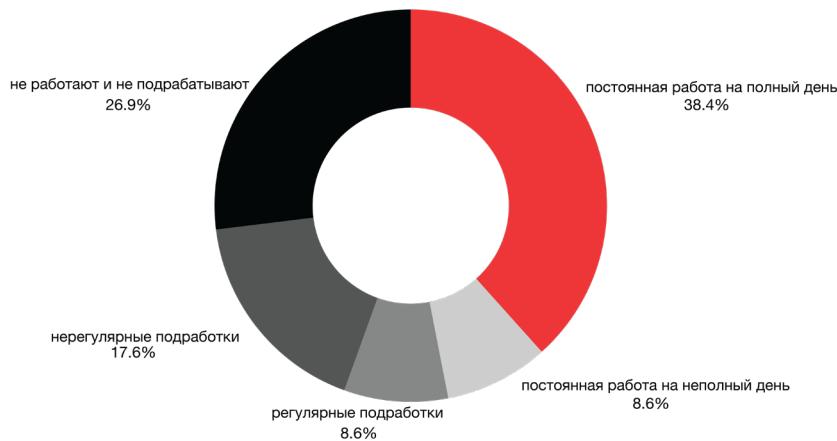

Иллюстрация 7.2. Структура занятости: совершенолетние квир-женщины

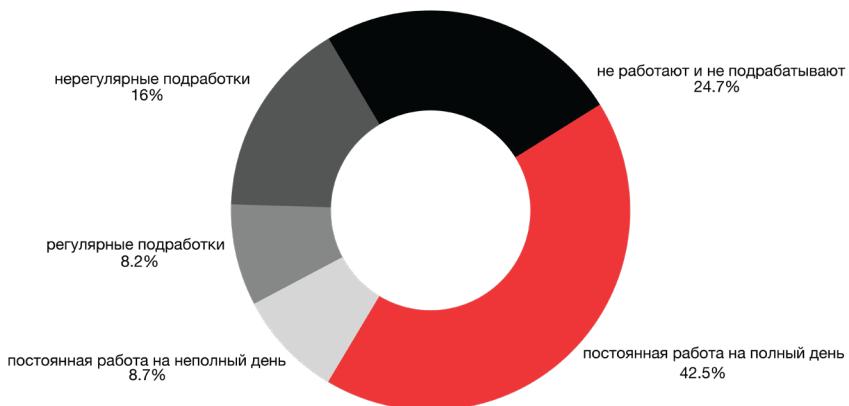

Иллюстрация 7.3. Структура занятости трансгендерных женщин и небинарных персон (с потребностью в переходе)

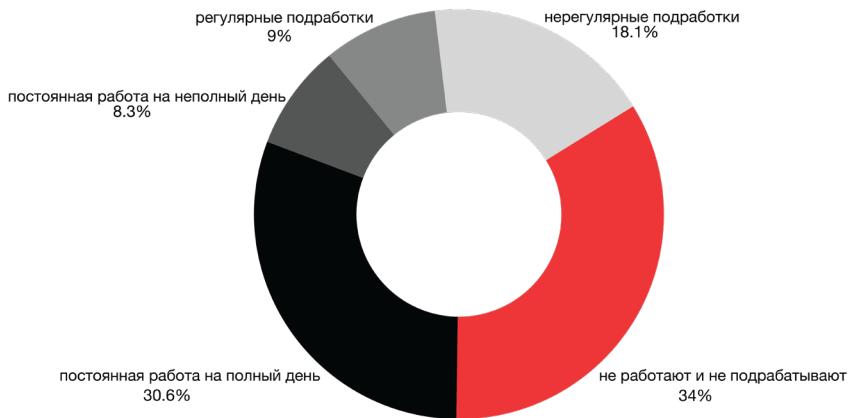

Иллюстрация 7.4. Структура занятости совершеннолетних трансгендерных женщин и небинарных персон (с потребностью в переходе)

Материальное положение трансгендерных женщин оказывается заметно хуже, чем цисгендерных женщин, а также чем средний уровень по выборке. Если в среднем по выборке с тем, что денег им не хватает даже на продукты питания, согласились 1,1% квир-женщин, а среди цисгендерных женщин — 0,7%, то среди трансгендерных женщин с этим согласились 3,6%. Схожим оказалось соотношение между подгруппами квир-женщин, согласившихся, что все их деньги уходят только на питание и предметы первой необходимости: в среднем по выборке с этим согласились 6,4% опрошенных, а среди цис-женщин 5,7%, то среди трансгендерных женщин — 11,2%. С тем, что их доходов хватает на то, чтобы изредка покупать одежду и обувь, согласились 18,2% в среднем по выборке, 17,5% цис-женщин и 21,3% транс-женщин. С тем, что они могут покупать новую одежду и обувь, но не всегда могут позволить себе нужную бытовую технику, транс-женщины, напротив, соглашались реже, чем цис-женщины: соответственно, 33% и 40,4%, при 39,6% в среднем по выборке. Схожее соотношение между подгруппами цис- и транс-женщин наблюдается при выборе варианта “Доходов хватает на все, кроме таких крупных покупок, как автомобиль или квартира”: в среднем по выборке так оценили свое материальное положение 29,6% квир-женщин, среди цисгендерных женщин — 30,3%, а среди трансгендерных женщин — 26,4%. Таким образом, хотя среди цис- и транс-женщин сохраняется общее соотношение долей в оценке материального благополучия, среди вторых из них существенно более выражен риск экстремальной бедности (илл. 8). Эта тенденция согласуется с рисками социальной маргинализации трансгендерных женщин из-за их большей, чем в случае цисгендерных женщин, видимости в качестве квир-людей (см. подробнее в гл. 5.1), а также с существенным усилением этой маргинализации после запрета в России юридического трансгендерного перехода (см. подробнее в гл. 4.4, 5.2).

Материальное положение информанток неоднородно. Есть те, кто имеет стабильный доход и поддержку (например, преподавательницы, IT-специалистки, активистки с удаленной работой), а есть и те, кто сталкивается с экономической уязвимостью. Участницы упоминают проблемы с трудоустройством, дискриминацией и необходимостью скрывать свою идентичность на рабочем месте (см. подробнее в гл. 3.4). Финансовая нестабильность и неформальная занятость неразрывно связаны с

уровнем дискриминации, а также с возможностями скрывать или, наоборот, открыто выражать свою идентичность. Участницы с небинарной гендерной позицией или видимой квир-презентацией чаще отмечают сложности при трудоустройстве (см. подробнее в гл. 5).

Таким образом, данные показывают, что материальное положение квир-женщин в России неравномерно и чувствительно к ряду факторов: типу населенного пункта, федеральному округу, уровню образования и СОГИ. Оно напрямую связано с возможностями автономии, мобильности и безопасности.

- В среднем по выборке
- Цисгендерные женщины
- Трансгендерные женщины

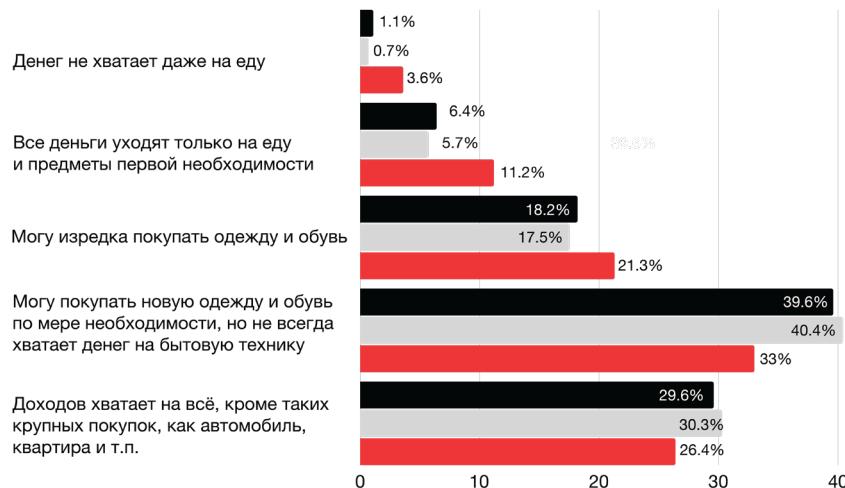

Иллюстрация 8. Материальное положение квир-женщин

Глава 2. Психологическое состояние квир-женщин

Происходящие в России события насилиственного характера: участие страны в военных действиях, политические репрессии, появление законов, ограничивающих права ЛГБТИК-людей, в особенности трансгендерных людей, — оказывают негативное влияние на психологическое состояние квир-женщин.

Проведенный нами анализ позволяет увидеть, как усиление антигендерной риторики, произошедшей за последние три года на фоне милитаризации российского общества и пропаганды “традиционных ценностей”, повлияло на психологическое состояние ЛБТИК-женщин. Рассмотрим подробнее, какие именно изменения в состоянии отмечают у себя квир-женщины.

Самооценка общего уровня энергии

Мы попросили респонденток оценить свой уровень энергии в текущий период по 10-балльной шкале, где 1 — полное отсутствие энергии, нет сил на минимальные дела, 10 — высокий уровень энергии, хватает энергии начинать новые дела. Средний уровень по выборке составил 5,1 балл. При этомcisгендерные женщины имеют балл выше среднего (5,28), а трансгендерные женщины — ниже среднего (4,5), то есть, последние оценивают свой уровень энергии как более низкий.

Интересно отметить, что более высокий уровень энергии отмечали у себя квир-женщины, имеющие одного и двух детей (5,29 и 6,35 баллов соответственно). Мы можем предположить, что наличие детей позволяет сохранять значительную зону личного контроля и способности действовать, что может поддерживать уровень энергии ЛБТИК-женщин даже в сложных политических условиях.

62,9 % респонденток отмечают при этом, что за последние три года их уровень энергии стал ниже. Авторитарная политика, наступление на права ЛГБТИК-людей, усиление гомо- и трансфобных нарративов оказывают подавляющее влияние на психологическое состояние людей. Сниженный уровень энергии является одним из компонентов депрессивного состояния. Мы можем видеть, что текущие политические обстоятельства отнимают у ЛБТИК-женщин энергию, которую они иначе могли бы затратить на достижение личных и общественных целей.

Самооценка общего уровня тревоги

Мы просили респонденток оценить свой уровень тревоги в текущий период по 10-балльной шкале, где 1 — полное отсутствие тревоги, спокойствие, расслабленность, 10 — максимальные тревога и беспокойство. Средний уровень по выборке составил 7,54 балла, что можно оценить как высокую выраженность тревоги. Баллcisгендерных женщин практически совпадает со средним: 7,56, а балл трансгендерных женщин чуть ниже среднего: 7,41.

Показатели тревоги по различным подгруппам женщин примерно одинаковы, но существенное влияние на уровень тревоги также оказывает наличие детей: у квир-женщин, отметивших, что у них имеется один или два ребенка, показатели тревоги находятся на уровне 8,10 и 7,70 баллов соответственно, то есть выше среднего значения.

Вызывает значительное беспокойство тот факт, что **77,4% женщин (более трех четвертых женщин в выборке!) отмечают рост своего уровня тревоги за последние три года**. При сравнении уровня тревоги в подгруппах мы видим, что рост тревоги отметили 80% небинарных персон на феминном спектре и 69,4% небинарных персон на маскулинном спектре. Мы можем предположить, что маскулинная идентичность скорее социально защищает, а феминная — делает уязвимее.

В любом случае уровень тревоги в среднем по выборке является ненормально высоким. **Быть квир-женщиной в России в 2025 году означает чувствовать постоянную небезопасность, уязвимость, ожидать агрессии, нападок, поддерживать постоянный уровень высокого психического напряжения, чтобы быть готовой в любой момент защищаться**. Политика мизогинии, гомофобии и трансфобии приводит к ухудшению ментального состояния квир-женщин.

Проведенный опрос показывает, что изменения в правовом поле оказывают прямое негативное влияние на психологическое состояние квир-женщин России. Так, на вопрос о том, что изменилось в их психологическом состоянии после вступления в силу в декабре 2022 года закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, 82,1% квир-женщин отметили, что у них появилась или усилилась тревожность, 79% — что появилось или усилилось чувство опасности, 69,5% — что появились или усилились страхи. 25,7% квир-женщин сообщили, что после вступления в силу “закона о запрете ЛГБТ-пропаганды среди

людей всех возрастов" у них были суицидальные мысли, а 7% — что у них были попытки суицида.

80,2% квир-женщин сообщили о появлении или усилении у них чувства опасности: эти изменения произошли после 30 ноября 2023 года, когда Верховный Суд РФ принял решение о признании экстремистской несуществующей организации "Международное общественное движение ЛГБТ". 79,9% квир-женщин сообщили о появлении или росте тревожности после этого. Существенно, что 24,1% квир-женщин сообщили о появлении у них суицидальных мыслей после такого решения суда, в то время как 5,9% — о попытках суицида.

После вступления в силу в декабре 2022 года "закона о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов" трансгендерные женщины значительно чаще, чем цисгендерные женщины, отмечали у себя суицидальные мысли или попытки суицида: 42,1% в сравнении с 21,7% в первом случае и 14,7% в сравнении с 4,6% во втором случае. После того, когда 30 ноября 2023 года Верховный Суд РФ принял указанное выше решение, суицидальные мысли посещали 41,1% трансгендерных женщин и 19,3% цисгендерных женщин в нашей выборке, а попытки суицида соответственно 11,7% у трансгендерных женщин в сравнении с 4% у цисгендерных женщин (илл. 9).

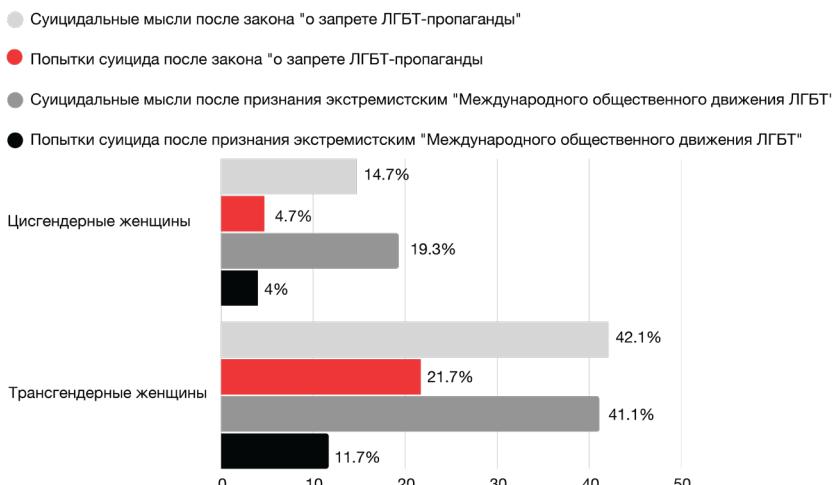

Иллюстрация 9. Суицидальные мысли и попытки суицида

Различие можно объяснить фактором видимости: трансгендерные женщины ощущали большую безысходность, чем цисгендерные женщины, из-за того, что их ЛГБТИК-идентичность была более заметна. Подтверждением влияния видимости на рост суицидальных мыслей служит тот факт, что трансгендерные женщины и небинарные люди на феминном спектре чаще, чем цисгендерные женщины, пытались выглядеть более цисгетеронормативно после названного выше решения Верховного Суда РФ: 33,5% и 31% против 22,2% у цисгендерных женщин.

О суицидальных мыслях и попытках суицида чаще сообщали квир-женщины из более молодых возрастных групп, и особенно часто они встречались среди несовершеннолетних. Так, после «закона о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов» суицидальные мысли отметили 38,7% квир-женщин до 18 лет включительно, в сравнении с 24,2%, 22,5%, 19,2%, 24% соответственно в возрастных группах 19–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет и 46–55 лет.

О попытках суицида после вступления в силу в декабре 2022 года этого же закона сообщили 11,4% несовершеннолетних квир-женщин и квир-женщин в возрасте 18 лет включительно, в сравнении с 7,2%, 4,8%, 4,8 соответственно в возрастных группах 19–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет (в группе 46–55 лет таких случаев отмечено не было).

Суицидальные мысли после того, когда Верховный Суд РФ принял в ноябре 2023 года решение о признании экстремистской несуществующей организации «Международное общественное движение ЛГБТ», отметили у себя 33% квир-женщин в возрастной группе до 18 лет включительно, в сравнении с 23,1%, 22%, 19,9% и 16% соответственно в возрастных группах 19–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет и 46–55 лет.

О попытках самоубийства после принятия этого решения Верховного Суда РФ сообщили 11,1% несовершеннолетних квир-женщин и квир-женщин в возрасте 18 лет включительно в сравнении с 6,2%, 2,9%, 3,4% соответственно в возрастных группах 19–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет (в группе 46–55 лет таких случаев отмечено не было) (илл. 10).

Иллюстрация 10. Суицидальные мысли и попытки суицида в разных возрастных группах

Эти данные могут быть интерпретированы в ключе того, что **несовершеннолетние квир-женщины чаще других оказываются не готовы к изменению правовых норм в условиях войны России в Украине, испытывая страх, отчаяние и потерю смысла жизни из-за них**. Меньшая, по сравнению с совершеннолетними людьми, устойчивость психики подростков заставляет воспринимать эти цифры с большой тревогой.

Ответы респонденток на открытые вопросы о том, как изменилась их жизнь из-за принятия антигендерных законов, показывают, что пересекающееся действие последних (см. подробнее в гл. 4), наряду с ростом насилия в обществе и со стороны правоохранительных органов (см. подробнее в гл. 7), воспринимаются ими как череда негативных стимулов, каждый из которых трудно выносим сам по себе, а в совокупности приводит к чувству отчаяния и безысходности:

Из-за новых законов у меня появился постоянный страх будущего, мне кажется, что моя жизнь оборвётся в любой момент или из-за случайного насилия на улице, от которого я ни физически ни с помощью полиции не смогу защититься, или сама же полиция оборвёт мою жизнь заключением в мужскую тюрьму, если кто-то сдеанонит мои аккаунты сексуализированными фото, или

если мой телефон проверят при случайных задержаниях. Этот страх ломает вообще всю мою картину будущего, ничего не имеет смысла, если твоя жизнь будет всегда в опасности. Из-за этого уже несколько раз совершила попытки суицида. Какой смысл бесконечно терпеть всю эту боль от дисфории, незащищенности, дискриминации ежедневно, если эта боль будет бесконечной. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Самооценка выраженности симптомов депрессии за последние полгода

Для оценки общего самоощущения квир-женщин в последний период мы задали вопросы, связанные с самоопределением респондентками компонентов депрессии и депрессивных состояний. Большинство респонденток отмечает у себя выраженность разнообразных характеристик депрессивного состояния. В первую очередь респондентки жалуются на подавленное настроение (82,80%), снижение энергии и утомляемость (78,6%), чувство безнадежности в отношении будущего (78,0%). Далее по частоте встречаемости следуют нарушения сна (67,9%), снижение способности к концентрации внимания (65,6%), снижение интереса к занятиям, ранее приносившим удовольствие (64,9%), чувство собственной никчемности (59,6%).

Отдельное беспокойство вызывает, что **49% опрошенных квир-женщин жалуются на суицидальные мысли и мысли о смерти**. Из других симптомов квир-женщины также отмечают следующие: изменения аппетита или значительное изменение веса (46,5%), частые возбужденные или заторможенные состояния (42,4%), ослабление сексуального влечения (38,3%).

Нужно отметить, что ряд симптомов депрессивных состояний, в том числе таких серьезных, как мысли о смерти, оказывается более выражены в подгруппе трансгендерных женщин. Этот показатель может свидетельствовать о дополнительной маргинализации.

Заметим, что положение в обществе оказывается не только на психологическом, но и на физиологическом состоянии людей. **Две трети квир-женщин не могут нормально спать**, почти половина испытывает проблемы с аппетитом, более трети испытывают ослабление сексуального влечения — в то время как 89,8% опрошенных моложе 36 лет! Все это происходит

на фоне общей подавленности, сниженной энергии и чувства безнадежности относительно будущего у большей части выборки. И хотя по данному опросу было бы некорректно диагностировать депрессию, мы можем сказать, что **сообщество квир-женщин в России на данный момент живет в самоощущении депрессии**, даже если отдельные женщины справляются с гомофобией и трансфобией лучше других. Только 1,9% опрошенных женщин не отметили у себя ни одного симптома депрессии за последние полгода (илл. 11).

Иллюстрация 11. Самооценка выраженности симптомов депрессии за последние полгода

Респондентки часто описывают свое состояние в 2025 году через упоминание “сильных эмоций”: страха, тревожности, паранойи, неуверенности, усталости. Эти эмоции респондентки связывают с отсутствием чувства безопасности, с необходимостью контролировать свои высказывания в социальных сетях и поведение:

Перманентное чувство тревоги что “они” узнают о моей принадлежности к ЛГБТК+ (даже если без опознавательных знаков и одета обычно) и страх физического насилия из-за этого. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я начала испытывать сильные эмоции на постоянной основе, такие как: страх, тревога, паранойя, и появилась сильная усталость. Не чувствую никогда себя в безопасности. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, средний город)

Я чувствую постоянную фоновую тревожность от того, что я вынуждена выбирать между моей семьей и любимым человеком. Я чувствую постоянную тревожность из-за необходимости контролировать все, что я говорю, пишу в соцсетях, и все, что я делаю. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Фактором страха и тревожности для многих респонденток стало чувство преследования и давления со стороны государства на основании того, что респондентки являются негетеросексуальными и/или нецисгендерными людьми. Это чувство у некоторых респонденток усугубляется чувством вины, которое может быть связано с самокритикой предпринимаемых мер предосторожности (таких как отказ от ношения ЛГБТИК-атрибутики) как проявления слабости и “трусости”, либо с переживанием за родственников, которых респондентки, как квир-женщины, попадающие в поле действия законов против ЛГБТИК-людей, якобы могут “подставить”:

Я боюсь “подставить” родителей, если меня привлекут к уголовной ответственности за старые посты. Моих знакомых привлекли к административной ответственности. Я ощущаю, что перестала быть собой. [...] Я ощущаю себя очень подавленной и трусливой. Я боюсь носить свои крупные радужные серьги в Месяц гордости и виню себя за это. Я вроде таким образом обеспечиваю свою безопасность, но я предаю себя. Серьги — это мелочь, но это маркер моего состояния. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Появилось чувство вины, опасения, неуверенности в завтрашнем дне. Увеличился страх не иметь физическую и психологическую безопасность в своей стране. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Северо-Западный ФО, небольшой город)

Мне стало больнее. Я теперь понимаю, что государство не видит в женщинах, что-то кроме функции инкубатора. А в гомосексуальных женщинах государство не видит ничего. Я хочу уехать из России и не чувствовать себя второсортной, никчемной и брошенной своей собственной родиной. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, крупный город)

Просто ощущение стирания меня с лица земли этим государством. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Страх и тревожность становится для многих опрошенных нами квир-женщин перманентными и привычными чувствами. В условиях гомо- и трансфобной кампании в российских медиа, особенно усиливающейся при обсуждении законов против ЛГБТИК-людей (см. подробнее в гл. 4.1), новости становятся одним из триггеров, провоцирующих тревожность:

За период с 2022 по 2025 годы могу на пальцах пересчитать моменты, когда у меня не было фонового страха и стресса. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

В целом после каждой новой новости о законах против меньшинств, повышается тревожность. Страхи усиливаются. Отсутствует ощущение безопасности. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, крупный город)

Нередко респондентки, описывая свое состояние за последние три года, сами упоминают депрессивные эпизоды, а также описывают свою потребность в помощи профессионального психолога или потребность в регулярном приеме антидепрессантов:

Мое состояние в целом ухудшилось по началу, но мне повезло, что я обратилась к хорошей специалистке, чтобы лечить тревожность. Я на антидепрессантах уже два года, и, как кажется, я вывожу только благодаря ним. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Решение ВС РФ об экстремистской организации очень встревожило, стало страшно подвергнуться преследованию

властей, появилась чрезмерная бдительность, граничащая с параноидальным страхом, а вместе с ней общая усталость и вымотанность. В апреле 2023 я обратилась за помощью к психиатру, и мне диагностировали депрессию средней тяжести — думаю, не последнюю роль в ее формировании сыграли последствия принятия этого судебного решения. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

На психологическое состояние также влияет потребность постоянно следить за тем, кому они рассказывают о своей идентичности. Потребность в постоянной бдительности и перестраховки даже в неформальном общении сочетается со страхом перед доносами, которые становятся распространенной практикой при бытовых конфликтах или неприязни на почве гомо- и трансфобии в России на третий год полномасштабной войны (см. также в гл. 3.3, гл. 5.1)¹⁷. В свою очередь, страх перед доносами подкрепляется ассоциацией их с полицейским насилием:

С признанием ЛГБТК+ экстремистским я покинула все квир-сообщества, все чаты, удалила переписки и все соцсети в страхе из-за доносов. Я практически не выхожу на улицу, кроме работы и совсем неотложных дел, не посещаю больницы, кроме стоматологии, никаких концертов и встреч с друзьями. Мне страшно попасть под рейд силовиков, страшно, что если со мной снова что-то произойдет на улице или на работе, то я не то что не получу помощи — на меня саму могут завести уголовное дело просто за факт существования. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Дальневосточный ФО, средний город)

Почувствовала себя как в Средневековье. Всегда нужно думать что и кому говоришь, следить чтобы никто посторонний не заглядывал в телефон, пока я читаю новости. Постоянная тревога, что кто-то из знакомых, кто знает о моей ориентации, может настучать в полицию. Со временем начинаешь мириться с тем, что в какой-то момент можешь оказаться в тюрьме и это лучший из возможных исходов. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

¹⁷ См. о доносах в России, например: Trevelyan, M. In echo of Soviet era, Russians are informing on each other over Ukraine // Reuters. 15.11.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/more-russians-denounce-each-other-over-ukraine-echo-soviet-era-2024-11-15/>; Rosenberg, S. Russia's targeting of 'enemies within' evokes ghosts of the Soviet past // BBC-News. 13.09.2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c3ejk4p3jx0>; Vitkine, B. Russia's surging denunciation culture // Le Monde. 07.09.2023. URL: https://www.lemonde.fr/en/russia/article/2023/09/06/russia-s-surging-whistleblowing-culture_6125272_140.html ; Coalson, R. Soviet-Style Denunciations On The Rise As Russian Society Confronts Ukraine War // Radio Free Europe. 08.04.2022. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-denunciations-stalin-putin-ukraine-war/31793081.html> (дата обращения: 26.08.2025).

Хочется просто убежать на Марс. Жизнь вроде только начинается, а уже приходится постоянно быть другим человеком. Усталость и страх. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Постоянное тревожное ощущение, что будет написан донос и я потеряю работу, буду привлечена к уголовной или административной ответственности. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Сибирский ФО, крупный город)

В ответах на открытый вопрос о том, что изменилось в их жизни после принятия закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды”, закона о запрете трансгендерного перехода и решения ВС РФ о признании экстремистским “международного общественного движение ЛГБТ”, респондентки говорили о постоянном чувстве страха, тревоги и неуверенности (доходящем в некоторых случаях до потребности обратиться к специалисту), провоцируемом неопределенными формулировками законов:

Власти, которые больше месяца обсуждали закон о запрете транс-людей. Неопределенность в формулировках очень сильно повлияла на мое психическое здоровье. В итоге пришлось обратить к психиатру и пройти курс лечения в течении 8–9 месяцев. (Полисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Тревожность и постоянный страх провоцируют сами формулировки законов, сохраняющие неопределенность относительно того, что считается преступным деянием. [...] После принятия этого закона меня много раз накрывали панические атаки. Мне непонятно было, что считается за выдуманную пропаганду, а что нет. Сейчас уже не так часто панички, но я до сих пор не поняла этой границы пропаганды, и просто страшно по улице вместе с девушкой ходить. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Приволжский ФО, небольшой город)

Одна из респонденток описывает случай, когда страх перед вниманием к ее гомосексуальной ориентации вынудил ее пойти на такую радикальную меру, как фиктивный гетеросексуальный брак. Подобные случаи позволяют предполагать, что квир-женщины испытывают серьезное и длительное психологическое давление,

заставляющее их отказываться от того, чтобы быть собой, даже в значимых частях приватной жизни:

Вступила в фиктивный брак, чтобы закрыться в шкаф, так как до принятия закона я особо не скрывалась, но и не заявляла о себе открыто. В результате распространившихся слухов о моей ориентации я оказалась под прессом преподавателей (так как на тот момент еще заканчивала обучение). Сейчас я живу только одной мыслью — уехать из РФ и вздохнуть чуть-чуть свободнее. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, средний город)

Некоторые респондентки описывали свое эмоциональное состояние из-за вынужденной закрытости как “внутреннюю парализованность” или “эскапизм”. Эти состояния они связывают с внутренними страданиями, усугубляемыми тем, что респондентки вынужденно скрывают их и переживают их в одиночестве, или тем, что толкают респонденток к компенсациям в виде вредных привычек (например, употреблению алкоголя и перееданию) или к апатии.

Я ушла в эскапизм и гедонизм. Стала больше времени проводить в виртуальном мире, чем в реальной жизни. Стала много есть и набрала +10 кг. У меня начались проблемы с алкоголем. Беру много кредитов и мало заботюсь о финансовой грамотности. Для меня любые импульсные покупки здесь и сейчас заменяют отсутствие долгосрочных планов на жизнь. Я мало сплю, потому что поздно ложусь спать, и не контролирую свои желания. Периодически меня захватывает ужас и страх, что меня лишат моей жизни, не обязательно в физическом смысле, а в целом. Что у меня отнимут мою идентичность. Я не могу вырваться из этого состояния. (Полисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Залог моей внешней безопасности — моя внутренняя парализованность. А попытки это объяснить кому-то заканчиваются необходимостью оправдываться, почему недостаточно боролась или недостаточно уехала. И в общем-то это обычно утомительно, но никуда не девается. Ну я просто немножко в постапокалипсисе живу. Уже вроде как достаточно плохо, можно расслабиться. Парадокс такой. “Не сталкиваюсь” исключительно потому, что не проявляюсь. После [закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды”] уехал очень важный для меня

человек ..., и я живу с ощущением, что кусок меня вырвали с мясом просто. (Гетеросексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

В результате такого образа жизни может складываться долгосрочное состояние выживания, разочарования из-за постоянного ответа на вызовы, отсутствия чувства контроля за своей собственной жизнью и реализации. О подобном состоянии в одна из респонденток рассказывает в интервью:

[Однажды я] проснулась ночью и поняла, что последние десять лет моей жизни я от чего-то отбиваюсь и за что-то оправдываюсь. Что вся моя жизнь — это какая-то борьба, а ее результат — “спасибо, что живой”. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Самооценка основных сложностей в жизни квир-женщин в текущий период

В среднем по выборке всех квир-женщин чаще всего упоминаются несколько проблем:

- Законы, касающиеся против ЛГБТИК-людей (78,2%);
- Опасность открыто говорить о своей ЛБТИК-идентичности (75,3%);
- Страх будущего (72,4%);
- Другие репрессивные законы в РФ (65,8%);
- Ощущение неопределенности (64,9%).

В интервью респондентки подробнее говорят об этих факторах негативного влияния на свое психологическое состояние. В частности, упоминается рост тревожности после принятия законов, из-за которых они чувствуют себя в центре негативного и враждебного к ним внимания со стороны незнакомых людей:

Как будто бы ты выходишь на улицу, и все знают, что ты лесбиянка. Как будто все смотрят, и они это знают, они это видят. Ты ощущаешь опасность. Хотя ... это просто люди рандомные на улице. Но как будто они знают про тебя, видят, что ты именно такая вот ... экстремистка. И как будто для тебя это лично опасно. Как будто бы все новостные каналы, что у нас находится сейчас в России, в повестке, она направлена именно на тебя.

Она опасна для тебя лично, для человека. <...> Ты открыто не высказываешься, ты не носишь флаг на себе. Но все равно как будто бы обвиняют именно тебя. (Интервью, Алиса, 19–25 лет, Северо-Западный ФО).

Особенно высокий уровень тревоги, когда запретили переход. Ну, прям, мне было очень тревожно. Потом мне было тревожно, когда <...> вышел закон о пропаганде среди взрослого населения. (Интервью, Кристина, 19–25 лет, Дальневосточный ФО).

Респондентки часто делают выводы о том, что ради безопасности необходимо скрывать себя и свои идентичности:

Жить можно и со старыми документами, с нейтральными именами как-то [...] при нынешнем устое чем меньше показываешься, тем наверное, лучше. (Интервью, Олеся, 36–45 лет, Центральный ФО).

Я сейчас не могу завести детей, не могу вступить в брак, не могу быть опекуном... Не имею даже права просто заявить о том, кто я. Я иду ко врачу — меня сдают. Я попадаю в полицию — меня сдают. Если я попадаю в тюрьму, ну, там вообще непонятно, что со мной происходит. (Интервью, Ева, 26–35 лет, Центральный ФО).

В рассказах респонденток фоном проходит тема безнадежности, тревоги за будущее, непредсказуемости, невозможности нормально планировать жизнь:

С одной стороны, ты свыкаешься с этой ситуацией, которая вокруг, и учишься с этим всем жить, но с другой стороны, как будто бы надежды все меньше и меньше. И какая-то потеря контроля над своей жизнью. (Интервью, Нелли, Уральский ФО).

Меня очень сильно расстраивает или напрягает общая тенденция всей страны. [...] Здесь нет никакой уверенности в завтрашнем дне, в будущем. Потому что все может измениться буквально за одну ночь, в один момент. И вот это больше всего пугает, больше всего тревожит. (Интервью, Дебора, Северо-Западный ФО).

Далее по распространенности среди опрошенных нами квир-женщин следовали такие факторы ухудшения психологического состояния, как:

- Беспокойство за благополучие других людей из ЛГБТИК-комьюнити (**63,2%**)
- Беспокойство за финансовую стабильность (**62,1%**)
- Милитаризация общества (**59,8%**)
- Тяжелые переживания из-за “СВО” (так называемой “специальной военной операции”¹⁸) и ее последствий (**57,5%**) (илл. 12).

В интервью респондентки подробнее высказывались на эти темы. Одна из них говорит о финансовой ситуации в семье с партнеркой, на фоне проблем с психологическим здоровьем:

У обеих дофига диагнозов, так что почти все <...> деньги уходят на таблетки. (Интервью, Тася, 19–25 лет, Северо-Западный ФО).

Эта же респондентка описывает, что полномасштабная война оказала резко негативное влияние на ее психологическое состояние:

Я совершенно не была готова к тому, что будет происходить войны. Для меня это стало абсолютным шоком <...> Это совершенно другое количество жесты, которое происходит. Безумное количество человеческих жизней. У меня не подбираются слова, чтобы это описать. То есть, для меня это абсолютно шокирующая вещь, с которой я тупо не нахожу никаких ресурсов справляться, даже несмотря на то, что я постоянно нахожусь в терапии, несмотря на психофарм, все равно мне с этим очень тяжело. Естественно, в это очень большую часть добавляет тот факт <...>, что я тупо родилась в стране, руководство которой все это устроило <...> от моего имени, и я не могу ничего с этим сделать вообще.

¹⁸ Опрос проводился внутри России. С 04.03.2022 года в России за использование слова “война” предусмотрена административная и уголовная ответственность: за первое нарушение предусмотрена административная ответственность по статье 20.3.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях (введена Федеральным законом “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях” от 04.03.2022 N 31-ФЗ, с изменениями и дополнениями) в виде штрафа на гражданина от 30 тысяч до 100 тысяч рублей (по состоянию на 05.08.2025), а за совершение второго нарушения — уголовная ответственность по статье 280.3 Уголовного Кодекса РФ (введен Федеральным законом от 04.03.2022 N 32-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”) с наказанием до 7 лет лишения свободы (по состоянию на 05.08.2025). В связи с этим для безопасности лиц, распространяющих опрос в России. Мы использовали в вопросах акроним “СВО” (“специальная военная операция”). В тексте доклада вместо “СВО” мы используем то, что скрывается за “СВО” — война России в Украине.

Другая респондентка рассказывает, что из-за войны у нее существенно повысилась тревожность, и это влияет на ее способность концентрироваться, выполнять повседневные рабочие задачи:

После начала войны я поняла, что мне нужен психолог, была даже паническая атака ... Без этого очень тяжело [...] Тяжелее сфокусироваться на делах. [...] Постоянно листаешь ленту, новости. Тревожишься постоянно, мысли заняты не тем. <...> И когда эта тревожность повышается, ты просто сидишь и думаешь только о том, что происходит в стране. А не о том, что тебе нужно сделать самому лично. Тяжело что-то делать на самом деле теперь стало. То есть раньше это было гораздо легче, сейчас просто тяжело что-то сделать. Гораздо чаще начались эпизоды того, что просто лежишь в кровати, и ты не можешь встать, потому что тяжело. (Интервью, Алиса, 19–25 лет, Северо-Западный ФО).

Помимо этого, более половины опрошенных квир-женщин отметили **опасность построения личных отношений из-за гомофобии и трансфобии (56,4%)** в качестве существенного негативного влияния на свое психологическое состояние. Одна из респонденток рассказывает подробнее:

Усилилась тревожность, чувство опасности, потому что если довериться незнакомому человеку — он вполне может оказаться доносчиком. То есть открыться перед незнакомым человеком еще большая проблема. По той простой причине, что можно получить обвинение в пропаганде. А уж как у нас умеют стряпать дела на ровном месте, я прекрасно знаю. (Интервью, Дебора, 46–55 лет, Северо-Западный ФО)

Более четверти опрошенных нами квир-женщин отметили, что негативное влияние на их психологическое состояние оказывает ощущение **опасности для детей и близких вследствие гомофобии и трансфобии (27%)**. Одна из респонденток рассказывает:

Для меня, во всяком случае, это самый страшный <...> ужас и самый большой страх. Да и самый большой риск. Это опасность моего ребенка и нас как родителей — для него, ну, важных взрослых. То, что ребенок может попасть в систему. (Интервью, Юлия, Центральный ФО).

В качестве причин психологических сложностей опрошенные квир-женщины достаточно часто отмечали также затруднения в получении медицинских услуг (11,6%). Одна из самых частых проблем для квир-женщин – визиты к гинекологу. Из-за невозможности прямо обсуждать с врачом вопросы, касающиеся половых характеристик партнера, многие ЛБТИК-женщины избегают посещения гинекологов. У трансгендерных женщин, помимо этой, могут иметься и дополнительные проблемы, которые мы подробнее осветим ниже (см. подробнее в гл. 8.1).

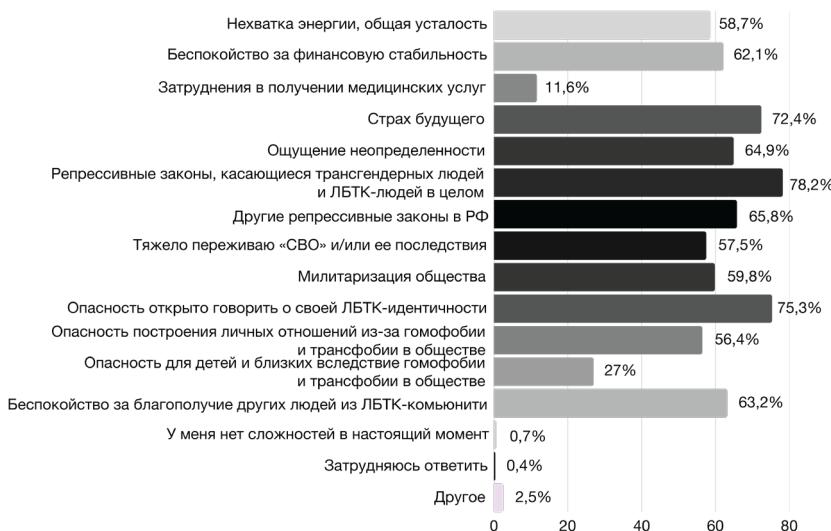

Иллюстрация 12. Основные сложности в данный период

Исследование показало, что вследствие реализации государством гомофобной и трансфобной политики более трех четвертей квир-женщин в выборке ощущает личные проблемы безопасности, заставляющие замалчивать свою идентичность.

Самооценка основных сложностей в жизни трансгендерных женщин в текущий период

На диаграмме (илл. 13) можно увидеть, что часть основных сложностей, которые были отмечены всеми квир-женщинами в выборке, являются примерно настолько же выраженными в подвыборке трансгендерных женщин. Несколько выше в данной выборке оценено наличие проблем нехватки энергии, репрессивных законов относительно ЛГБТИК-людей. Значительно выше оценена проблема, касающаяся затруднений в получении медицинских услуг (37,6% против 11,6% в выборке квир-женщин в целом). Также чаще выделяется наличие таких проблем, как опасность построения личных отношений из-за трансфобии, беспокойство за финансовую стабильность.

Иллюстрация 13. Основные сложности в данный период: Трансгендерные женщины

Мы оценили психологическое состояние трансгендерных женщин на третий год после полномасштабного вторжения России в Украину и последовавшего за этим резкого роста милитаризации российского общества. Мы пришли к выводу о том, что трансгендерные женщины подвержены дополнительным факторам дискриминации — это косвенно следует из того, как они оценили свое психологическое состояние в сравнении с другими

группами квир-женщин.

Так, 51,7% цисгендерных женщин ответили “иногда” на вопрос о том, чувствуют ли они себя счастливыми в настоящий момент. Со значительным отрывом шел ответ “редко” (24,7%), а вариант “никогда” выбрала наименьшая доля (3,1%) цисгендерных женщин.

Среди ответов трансгендерных женщин наблюдается противоположная картина: 39,1% выбрали вариант “редко”. На втором месте доля ответивших, выбравших вариант ответа “иногда”, но при этом почти в два раза меньше соответствующего процента среди цисгендерных женщин (30,5%). При этом вариант ответа “никогда”, свидетельствующий о серьезном психологическом неблагополучии, выбирался трансгендерными женщинами более чем в пять раз чаще, чем цисгендерными женщинами, составив 17,3% (илл. 14).

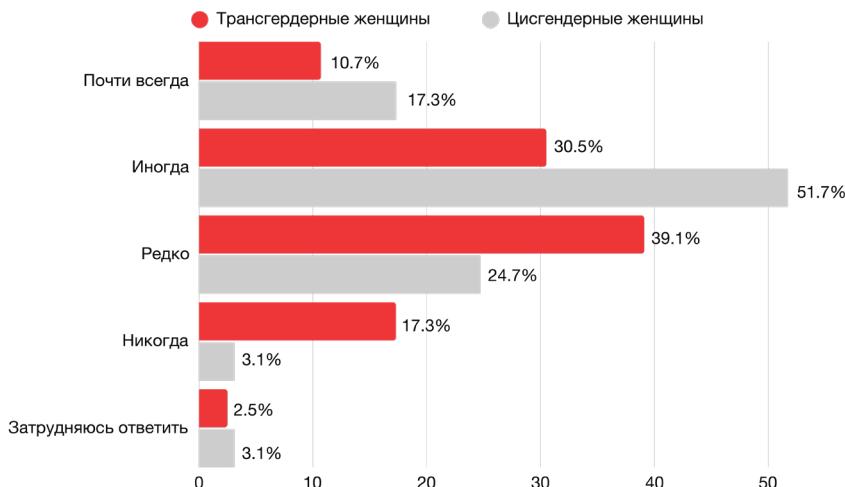

Иллюстрация 14. „Чувствуете ли вы себя счастливыми в настоящий момент?“

Институционализированная трансфобия создает трансгендерным женщинам дополнительные сложности: из-за трансфобии в обществе и медицинских учреждениях трансгендерные женщины боятся обращаться за медицинской помощью.

Одна из респонденток рассказывает в интервью о страхах и психологических трудностях, с которыми связано для нее обращение к врачу:

Сейчас введена аудиозапись в кабинетах государственных клиник, и это меня останавливает. И если мне придется объяснять врачу о своих особенностях, о своей идентичности, то мои слова могут вполне быть истолкованы как пропаганда нетрадиционной ориентации, трансгендерности и тому подобное с соответствующими результатами. <...> Это тоже одна из причин, по которой я стараюсь лишний раз не обращаться к врачам. (Интервью, Дебора, 46–55 лет, Северо-Западный ФО).

При этом та же респондентка указывает, что один из врачей обращается к ней в мужском роде, но он вынужден оправдывать тем, что он старшего возраста и “хороший специалист”. На этом примере мы видим, как **институционализированная трансфобия переходит в форму интернализированной трансфобии** (негативного и ограничивающего самоотношения из-за гендерной идентичности) под давлением обстоятельств, связанных с качеством здоровья и жизни. Интернализация институциональной дискриминации — это процесс, повреждающий самооценку и самоотношение, ответственность за эти повреждения на институциях, поддерживающих, реализующих и воспроизводящих дискриминацию.

Таким образом, государственная трансфобия, закрепленная в законодательстве, негативно влияет на здоровье трансгендерных женщин и ведет к недополучению необходимой помощи вовремя (см. подробнее в гл. 8). Дискриминация трансгендерных людей создает большие затруднения в получении трансгендерными женщинами полноценной и качественной помощи в системе государственного страхования.

Милитаризация, репрессии, гомофobia/ трансфобия: связь явлений в рамках психологического исследования

Милитаризация, репрессии, гомофobia и трансфобия являются традиционным кластером факторов усиления диктатуры. Так, в интервью с респондентками ими дважды была упомянута метафора **“Третьего рейха”**. ЛГБТИК-женщины в значительной части считают милитаризацию и войны проблемами, негативно влияющими на их жизнь и жизнь ЛГБТИК-сообщества. Заметим также, что по данным диаграммы (Илл. 12), несмотря на отдельные репрессивные законы против ЛГБТИК-людей, около двух третей квир-женщин считают проблемой и репрессии в целом.

Квир-женщины непосредственно связывают гомофобные/трансфобные преследования и военные действия. Одна из респонденток отмечает угрожающие тенденции в отношении ЛГБТК-людей после начала войны:

Жизнь в России... разделилась на до и после, после войны. Совершенно... Да, до этого тоже были какие-то проблемы. Но в сравнении с тем, что стало, это совершенно разные вещи. И, в принципе, этого было меньше: даже если кто-то говорил, например, что мне не нравятся геи, это было обычно, в каком-то сиюминутном контексте и не носило какого-то устойчивого характера. <...> А сейчас это именно носит... устойчивый характер... полного уничтожения. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО).

Респондентки прямо связывают свое ухудшившееся психологическое состояние с действиями государства — войной и законами против ЛГБТИК-людей:

Мой КПТСР однозначно приобрел много новых витков. В первую очередь это было связано с войной. [...] У меня и так были диагнозы КПТСР и генерализованное тревожное расстройство. Они, естественно, очень сильно обострились на фоне войны и колossalного усиления трансфобии, гомофобии и квирфобии в целом. <...> Я лично считаю, что принимаю достаточно большую для себя дозу антидепрессантов, и связываю ее увеличение именно с этим. <...> Со мной такого не происходило до всех

этих событий, то есть до начала войны и до начала усиления всех вот этих проблем с квирофобией. (Интервью, Тася, 19–25 лет, Северо-Западный ФО)

Мы считаем, что приведенные данные будут важны в будущем для оценки масштабов влияния политических репрессий и оперирования гомофобией, трансфобией, мизогинией в России в качестве рычагов управления социумом на состояние квир-женщин и определения масштабов ответственности людей, принимающих политические решения.

Источники помощи и опоры

В интервью респонденткам был задан вопрос, что бы они пожелали другим ЛБТИК-женщинам, осознавшим свою квир-идентичность в современной России. Респондентки также делились собственными практиками совладания. В высказываниях респонденток можно увидеть несколько важных трендов.

Даже в условиях опасности преследований респондентки рекомендуют другим квир-женщинам **опираться на квир-сообщество**, искать “свою группу”, опираться друг на друга. Квир-женщины рассказывают и о своем опыте сохранения связи друг с другом, взаимопомощи и адресной помощи, а также использования доступных практик гражданского сопротивления:

Я бы пожелала найти [квир-]сообщество, общаться с этими людьми, искать <...>, жизнь здесь и сейчас... Я бы пожелала найти людей, которые поймут и примут, потому что такие люди есть. [...] Потихоньку люди начали по небольшим компаниям самоорганизовываться: или у кого-нибудь дома посидеть, поболтать, попить чаю, поиграть в настольки или где-то прогуляться. [...] Когда я слышу о том, что что-то происходит, это дает очень много надежды. [...] Есть еще на свете адекватные люди, есть ощущение, что еще не все потеряно. (Интервью, Алиса, 19–25 лет, Северо-Западный ФО).

Искать тех, кто будут рядом, кто будут помогать, кто будут поддерживать. (Интервью, Эш, Центральный ФО)

Респондентки также формулировали такие стратегии поиска опоры, как использовать имеющиеся легальные возможности для **дистанцирования от общегосударственной политики** и продолжать делать свое дело, жить свою жизнь (сохранять

и поддерживать свою идентичность, не подстраиваться под гомофобию и трансфобию).

При этом часто респондентки называли в качестве рекомендации другим квир-женщинам переезд из России:

Если есть возможность и готовность, то стараться строить жизнь за пределами России. (Интервью, Эш, Центральный ФО)

Я бы сказала, что нужно учить хотя бы базу для английского языка, если его нет [...] именно программы переездов мне видятся самой главной помощью и наиболее полезными. (Интервью, Мариэлла, 26–35 лет, Центральный ФО)

Обязательно <...> быть в контакте с адвокатами, иметь план Б. <...> Копить деньги. На переезд. Ну, в смысле, если срочно надо будет уезжать или как-то обезопасить себя. (Интервью, Нелли, Уральский ФО).

Исходя из этого, важной задачей извне является **поддержка сообществ внутри России**, даже если это труднее осуществлять напрямую в текущей политической ситуации. **Люди продолжают опираться друг на друга**, и это помогает им выживать в условиях, когда государство обозначило их как людей “второго сорта” и ограничило в правах.

Глава 3. Социальная динамика положения квир-женщин: до и после полномасштабной войны

§1 Ценности квир-женщин в России в контексте полномасштабной войны России в Украине и антигендерного поворота

Современные исследователи отмечают, что правый популизм — не только мобилизация на время выборов¹⁹. В этом контексте Россия, ведущая войну в Украине, представляет пример успешной правопопулистской диктатуры, в которой демонизация ЛГБТИК-людей (как группы, ассоциированной в государственной пропаганде с правом на свободную и защищенную от дискриминации гендерную и сексуальную экспрессию) приводит к трансформации всей системы права, социальных и публичных институтов и практик охраны правопорядка.

Так, вступивший в силу 5 декабря 2022 года федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, используется государством в качестве апробации механизма изоляционистской цензуры неугодного властям контента. Вступивший в силу 24 июля 2023 года федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода” впервые в российской истории запретил трансгендерный переход — несмотря на то, что в Российской Федерации до сих пор действует МКБ-10, содержащая диагноз F64.0 “Транссексуализм” и рекомендующая меры по юридическому и медицинскому трансгендерному переходу для лиц, которым был поставлен такой диагноз. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 года о признании экстремистской несуществующей организации “Международное

¹⁹ См., например: Mapping anti-gender movements and resistance // The London School of Economics and Political Science. 23.03.2023.URL: <https://www.lse.ac.uk/research/research-for-the-world/society/mapping-anti-gender-movements-and-resistance> (дата обращения: 18.07.2025).

общественное движение ЛГБТ” криминализирует продвижение ЛГБТ-повестки, в том числе допуская привлечение организаторов и участников такой деятельности к уголовной ответственности за экстремизм (статья 282.2 Уголовного Кодекса РФ, до 12 лет лишения свободы).

Антигендерная повестка в современной России — это пример популистской ширмы, за которой уничтожаются право на равенство и запрет дискриминации, право на свободу слова, право на свободу выражения мнений и право на свободу собраний, запрет государственной цензуры, принцип верховенства права, равенства всех перед законом независимо от какого-либо признака. Помимо этих общих следствий, антигендерное законодательство напрямую влияет на повседневную жизнь ЛГБТИК-людей в России, создавая и развивая неправовые, дискриминационные практики.

Наше исследование показывает, что для большинства квир-женщин в России на третий год полномасштабного вторжения в Украину война стала главным фактором, определяющим их личные судьбы, взгляды и мировоззренческие установки. Она создает для них одновременно прямую угрозу безопасности и благополучию, а также вызывает у них чувство бесперспективности и неопределенности будущего тех социальных и моральных ценностей, которые для них важны. Помимо анализа прямых угроз и ухудшения качества жизни квир-женщин в современной России (к которому мы вернемся ниже), одна из главных задач нашего исследования — изучить влияние войны на их мировоззрение и систему ценностей, напрямую связанное с психологическим состоянием и проясняющее его причины (см. гл. 2).

Чтобы осветить проблему тяжелого психологического состояния квир-женщин в России с точки зрения ценностей, мы включили в анкету несколько вопросов: открытых и предполагающих выбор варианта ответа. Мы предложили респонденткам ответить на вопрос, какие из перечисленных общественных ценностей кажутся им наиболее важными, предложив отметить любое число из списка.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что квир-женщины в несколько раз чаще поддерживают такие ценности как экология и защита окружающей среды (71,9%), свобода личностной реализации (86,3%), свобода слова и самовыражения (91,7%), космополитизм и интернационализм (31,6%), социальные гарантии и поддержка уязвимых групп

(77,6%), предотвращение радикализации (77,5%) и продвижение толерантности/инклюзивности (80,5%), чем группу ценностей, к которым апеллируют правопопулистские политики (такие как сильное государство, уважаемое на международной арене (18,3%), продвижение национальной культуры и языка (25%), сильная армия и безопасность государственных границ (5,4%)). Это приводит нас к выводу о том, что ЛБТИК-женщины в целом разделяют демократические принципы участия, стремятся к реализации свободы выражения мнений. При этом ценности, связанные с государственным принуждением, среди опрошенных занимают последние места (илл. 15).

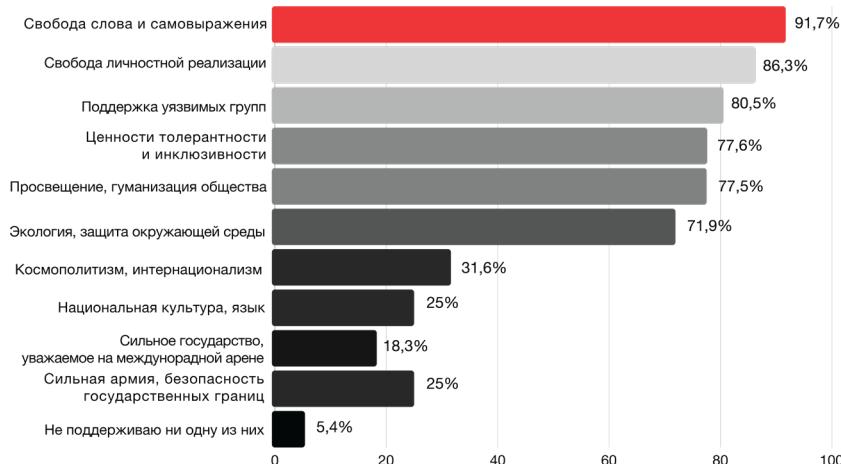

Иллюстрация 15. Ценности, близкие квир-женщинам в России

Эта картина показывает, что среди квир-женщин в России фактически военного времени подавляющее большинство испытывает устойчивую антипатию к правой и праворадикальной политической риторике. Мы можем предположить, что ультраконсервативный политический курс в России больше всего возмущает опрошенных нами квир-женщин ограничением личностной реализации, свободы слова и самовыражения, отсутствием поддержки ценностей толерантности и инклюзивности, отсутствием социальных гарантий и отсутствием сопротивления радикализации в обществе. Характерно, что этот набор наиболее значимых для квир-женщин ценностей может

свидетельствовать о сочетании несогласия с правым поворотом в политике и опыта жизни в условиях, когда антигендерный поворот поворот в России на фоне милитаризации общества привел к усилению тоталитарных тенденций.

Примечательно также, что трансгендерные женщины (41,6%) и небинарные персоны на фемининном спектре (38,8%) чаще, чем квир-женщины в среднем по выборке (31,6%), поддерживали ценности космополитизма и интернационализма. Это различие может объясняться тем, что трансгендерные женщины и небинарные люди на фемининном спектре чаще нуждаются в законах и институтах, которые позволяют безопасно осуществлять трансгендерный переход и защищают от дискриминации и насилия из-за трансфобии. В России исторически и политически появление этих возможностей и норм тесно связано с постсоветскими трансформациями, ориентацией на партнерство со странами Европейского Союза и на международную открытость — в то время как изоляционизм и кризис в отношениях с этими странами, напротив, приводит к демонстративной юридической дискриминации ЛГБТИК-людей²⁰.

В контексте правого поворота квир-женщины представляют специфическую сторону постсоветской памяти. Если для большинства ценностей их важность примерно одинаково распределена по возрасту, то интерес к космополитизму и интернационализму растет с возрастом: среди квир-женщин до 18 лет включительно эту ценность считают важной 24%, в возрасте 19–25 лет — 29,4%, 26–35 лет — 36,5%, 36–45 лет — 41,1%, а 46–55 лет — 48%. Аналогично, значимость ценности сильного государства, уважаемого на международной арене, дополнитель но снижается с возрастом: среди квир-женщин до 18 лет ее считают важной 27,3%, 19–25 лет — 18%, 26–35 лет — 15,1%, 36–45 лет — 13,7%, 46–55 лет — 8% (илл. 16).

Таким образом, квир-женщины в России фактически военного времени оказываются той группой, которая, вопреки влияющим на них социальным и экономическим факторам, сохраняют последовательную приверженность демократическим ценностям и непринятию ультраконсервативных ценностей. Можно предположить, что у квир-женщин старше 35 лет эта позиция связана с их исторической памятью: они воспринимают

²⁰ См., например: Die Rechtslage von LGBTQ-Personen im kriegsführenden Russland. Berlin: Quarteera e. V., 2024 S. 71–84, 83–83. URL: https://www.quarteera.de/de/projects/die_lage_von_lgbtq_personen_im_kriegsfuehrenden_russland (дата обращения: 15.07.2025).

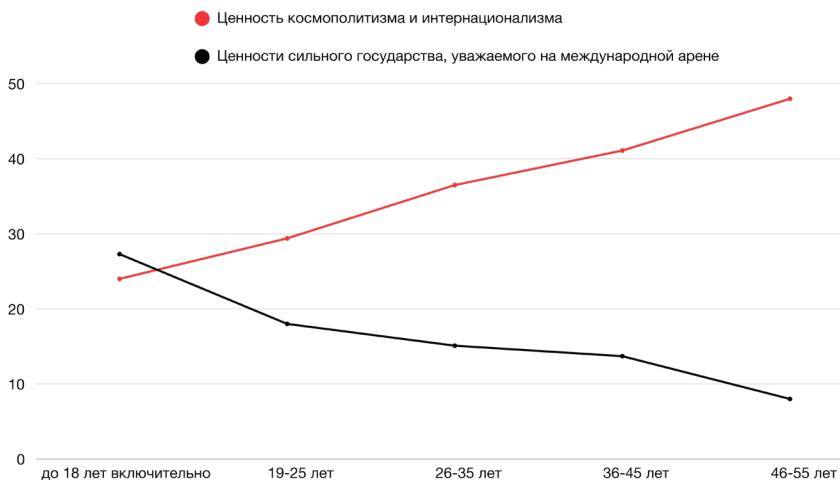

Иллюстрация 16. Поддержка ценностей в зависимости от возраста квир-женщин

советское прошлое как негативный опыт изоляции, милитаризации и ограничений, где невозможно было реализовать свои права и свободы и пользоваться возможностями, открытыми во свободном мире. Возрастная динамика последовательной поддержки демократических ценностей среди квир-женщин в России имеет отличия от мировой динамики.: например, в США и Германии в возрастных группах от 35 до 44 лет и от 25 до 34 лет больше всего тех, кто поддерживает правопопулистских политиков (не выделялись по признаку СОГИ)²¹.

В ходе исследования мы также задали вопросы о том, какие изменения в обществе видят квир-женщины на третий год полномасштабной войны. 87,6% квир-женщин, принявших участие в опросе, согласились с тем, что заметили милитаризацию российского общества после февраля 2022 года. При этом еще 72,5% согласились с тем, что эта милитаризация повлияла на усиление в обществе патриархальных практик. Также, согласно данным опроса, после 24 февраля 2022 года психологическое

21 См., например, на примере выборов в Бундестаг 24.02.2025 года: Wen wählen Jüngere und Ältere? // Tagesschau. 24.02.2025. URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2025-02-23-BT-DF/umfrage-alter.shtml> (дата обращения: 18.07.2025). Ср. также с анализом электорального поведения во время выборов США в декабре 2024 года: Cousens, M. 2024 Post-Election Survey: Gender and Age Analysis of 2024 Election Results // Navigator. 12.12.2024. URL: <https://navigatorresearch.org/2024-post-election-survey-gender-and-age-analysis-of-2024-election-results/> (дата обращения: 18.07.2025); Hartig, H., Keeter, S., Daniller, A., Van Green, T. Demographic profiles of Trump and Harris voters in 2024 // Pew Research Center. 26.06.2025. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2025/06/26/demographic-profiles-of-trump-and-harris-voters-in-2024/> (дата обращения: 18.07.2025).

состояние 74,6% квир-женщин ухудшилось. Эта доля сопоставима с 82%, 73% и 75% ЛГБТИК-людей, соответственно в 2022, 2023 и 2024 году указавших, что начало полномасштабной войны повлияло лично на них²².

Тяжелые переживания квир-женщин из-за войны активно проявляются в их ответах на открытые вопросы, а также в интервью. Среди квир-женщин распространено недоверие к военным и к росту милитаристских настроений, потому постоянное появление на улицах людей в военной форме или плакатов, пропагандирующих войну, воспринимается ими как фундаментальная и трагическая деградация общества:

Общество расколото на части, не готовые друг друга принять, самоцензура душит творческих людей, государство пытается стать тоталитарным с переменным успехом. По улицам ходят люди с перевернутой моралью и искалеченными душами, одетые в камуфляж с нашивками. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, крупный город)

Я считаю, что российское общество стало более злым и поглупело. Это громкое заявление, я это понимаю, но именно так для меня ощущается общение практически со всеми людьми 35+ и даже со своими ровесниками. Я не чувствую себя в безопасности в первую очередь как женщина, особенно во время путешествий по России. Меня очень сильно пугают поездки на поездах, потому что в них часто едут “свошники” [участники войны], мне некомфортно даже просто встречать их на улицах, потому что я их боюсь. Меня расстраивает одновременно и перспектива оставаться в России, потому что российское общество больше не соответствует моим стандартам места, в котором я хотела бы жить, и перспектива из России уезжать, потому что я все еще чувствую, что здесь мой дом, здесь моя семья, мои друзья и родные мне места, которые, как и я, были преданы уродливыми баннерами с “героями россии”. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

После февраля 2022: чувствую себя изгаем в собственной стране, так как не приемлю агрессивную внешнюю и репрессивную внутреннюю политику властей. В 2022 году была задержана и оштрафована на антивоенном митинге. (Гомосексуальная цисгендерная 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

²² Доклад: Положение ЛГБТ+ людей в России в 2024 году / Н. Павлова; ЛГБТК+ группа “Выход”, Фонд “Сфера”. С. 75. URL: <https://comingoutspb.org/ru/publications/doklad-o-polozhennii-lgblk-lyudej-v-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения: 13.07.2025).

В своем интервью Тася описывает, что начало полномасштабной войны серьезно повлияло на ее восприятие собственного общества, сделав страх и недоверие базовыми эмоциями:

Когда начались военные действия, я где-то семь дней была в состоянии шока. Это перевернуло мое понимание общества вокруг меня. Мое восприятие резко изменилось на то, что в целом вокруг меня страшные люди и изредка среди них попадаются хорошие [...] Уровень доверия ко всем незнакомым мне людям снизился до абсолютно отрицательных значений. Я тупо стала бояться людей. (Интервью, Тася, Северо-Западный ФО)

Проведенный нами опрос позволяет сделать вывод, что для значительного большинства квир-женщин в России **ощущение небезопасности и неравноправия связано в равной степени и с действием репрессивных законов против ЛГБТИК+, и с контекстом агрессивной войны России против Украины**. В 2025 году эти дополняющие друг друга факторы усугубляются правоконсервативным поворотом в политике как России, так и Западных стран. Наше исследование показывает, что **большинство квир-женщин тесно связывает все эти факторы с невозможностью собственной жизненной реализации, с чувством ненужности и с вызовом базовым установкам их мировоззрения**.

Российские власти экспортируют праворадикальные нарративы в другие страны. В этом они подражают правопопулистской антигендерной риторике по всему миру. Это часто приводит квир-женщин, живущих в России, к рефлексии своей собственной жизни и планов на будущее с точки зрения нахождения в эпицентре расходящегося по всему миру правого радикализма. Для многих квир-женщин, принявших участие в опросе, война и праконсервативный поворот в собственной стране встраивается в мировой политический контекст. Он понимается ими как глобальный кризис ценностей и личная обреченность. Особенно острой такая рефлексия оказывается для трансгендерных женщин, осознающих, что права трансгендерных людей на признание их идентичности (базирующееся на уважении достоинства личности), на защиту от дискриминации, на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, превращаются в юридическую фикцию

и произвольно пересматриваются государством — как на законодательном уровне, так и в процессе правоприменения:

“Мир раскололся на до и после”. В целом просто надеюсь дожить свою жизнь. Сложно поверить в происходящее не только в этой стране, но и по всему миру — творится какой-то полнейший абсурд. (Демисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Транс-мизогиния и очень нечестное отношение к трансженщинам меня пугает так же, как и сам факт того, что патриархальные установки становятся крепче. [...] Проблемы транс-женщин воспринимаются все менее серьезно, потому что в нас видят мужчин, которые все еще имеют что-то от “мужских привилегий” — тогда как все мои транс подруги живут в страхе. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Многие квир-женщины в России воспринимают ситуацию в стране как одну из самых тяжелых форм происходящего в мире правового поворота. В их глазах его движущими силами являются война, рост безнаказанного насилия со стороны военных, которых государство превозносит как новую элиту²³, а также полицейское насилие и вмешательство государства в личную жизнь:

В США при Трампе есть кейсы, что новые паспорта транслюдям выдают с указанием “биологического пола”. В России это может пойти еще дальше вплоть до публичных унижений. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Постоянно боюсь, что смену документов откатят, как недавно в США, а когда об этом не думаю, думаю о том, как мне стыдно перед близкими за то, что я [сменила гендерный маркер], а они нет. Из-за разговоров о законе о запрете смены пола испытала очень большие проблемы в отношениях с родителями и очень много психологического насилия, в результате чего ушла из дома. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

²³ См., например: Zygar, M. Wie sich Putins Familie am Krieg bereichert // Spiegel. 07.04.2024. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/russland-wie-der-krieg-eine-neue-elite-beguenstigt-putins-vetternwirtschaft-a-aeccdae2-070a-48af-8259-01a8b08sec99> (дата обращения: 18.07.2025).

Общее отношение общества к т[ранс]-персонам под влиянием гос[ударственной] пропаганды; открытые выступления отдельных одиозных депутатов, призывающих к насильственной изоляции или “откате” документов для т[ранс]-персон; принудительная смена гендерного маркера т[ранс]-персонам в США. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, крупный город)

В российском контексте характерная для антигендерных дискурсов тема доступа трансгендерных женщин к женским пространствам напрямую связывается с дискриминацией на рабочем месте, полицейскими злоупотреблениями и анти-ЛГБТК законами. Такое сочетание усиливает унизительный характер этой риторики, демонстрирует ее абсурдность и показывает, как она служит инструментом популистского потакания бытовой трансфобии. Через это нормализуется государственный и правоконсервативный контроль над внешностью и личной жизнью людей со стороны государства и праворадикальных активистов (в том числе запугивающих работников различных сфер, в частности, сферы услуг, и заставляющих отказывать трансгендерным женщинам в услугах, маркированных как “женские”²⁴):

2 года назад, на меня вызывали полицию из-за посещения женского туалета (у меня сменены документы и внешний вид достаточно женственный). (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

После 2022 начала ЗГТ, сменены документы. [...] Демонстративный случай возмущения использованием туалета. После этого я старалась избегатьходить в туалет на работе. Терпела до дома. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, средний город)

Я ходила на бровки, мейк-укладку, электроэпиляцию и другие процедуры на одну студию и однажды за разговором призналась, что я трансдевушка. В итоге меня перестали обслуживать, потому что там “обслуживают только девушек”, а я оказалась неправильной девушкой. Ходила на брови к одному мастеру, но когда она узнала, что я транс-девушка, меня опять перестали обслуживать. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, крупный город)

²⁴ См., например, распространявшийся в Интернете ролик с отказом трансгендерной женщине в услуге эпиляции в городе Махачкала: <https://t.me/sotaproject/70914> (дата обращения: 18.07.2025).

До принятия закона меня в женские пространства еще пускали, потому что у меня внешность позволяла. Тусили в раздевалке с подругой, болтали, пока та красилась. Потом выгоняли либо охранники, в грубой форме, типа “извращуга, вали отсюда”, а иногда сами женщины начинали кричать, что я не имею права здесь находиться. [...] В салоне красоты мне говорили, что не имеют права меня обслуживать. Еле договорились, специалистка взяла с меня обещание, что я так больше делать не буду. [...] Выгоняют в основном охранники в торговых центрах [...] При этом были и случаи, когда [в мужских уборных воспринимали как женщину и выгоняли]. (Интервью, Рей, Центральный ФО)

Для разных подгрупп квир-женщин в современной России общей становится уязвимость, связанная с женской идентичностью. Эта уязвимость особенно проявляется перед мужчинами с правоконсервативными взглядами, связанными с участием или поддержкой войны в Украине или силовыми структурами, которых государство рассматривает как привилегированную социальную группу. 72,5% опрошенных квир-женщин сообщили в ходе опроса, что милитаризация общества повлияла на усиление патриархальных практик и практик ограничения прав женщин в России (еще 19,4% ответили, что не знают, и только 8,1% ответили на этот вопрос отрицательно). При этом для многих квир-женщин фактор антивоенных убеждений расценивается как риск насилия в одном ряду с идентичностью женщины и внешностью либо поведением, потенциально считываемыми как негетеронормативные и вызывающими тем самым одобренную государством агрессию:

...Милитаризация общества. Я серьезно боюсь, что какой-нибудь мужик на улице решит, что я — отличная цель для продолжения его рода, и что он — идеальный кандидат сделать меня “нормальной”/ “такой как все бабы”. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я боюсь полицейских. Я боюсь мужчин* в “военной одежде” (с хаки принтом). Я боюсь людей с Z на автомобилях. Я боюсь проявлять нежность к своей любимой женщине на людях. Я стараюсь быть невидимой и незаметной. (Асексуальная панромантическая агендерная персона, 26–35 лет, Сибирский ФО, большой город)

Мое государство ненавидит меня трижды: как гражданину с позицией, как квир-персону, как женщину. (Сапфическая бисексуалка демиагендальная цис-девушка, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Мне стало больнее. Я теперь понимаю, что государство не видит в женщинах что-то кроме их функции инкубатора. А в гомосексуальных женщинах государство не видит ничего. Я хочу уехать из России и не чувствовать себя второсортной, никчемной и брошенной своей собственной родиной. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, крупный город)

Страшно не только выходить на улицу, но и в Интернет, даже не как квир-персоне. По мне визуально не скажешь, что я из “этих”. Но просто, как достаточно миниатюрная женщина, я в любой момент могу быть подвергнута насилию со стороны вернувшихся [с войны] покалеченных психикой мужчин (Асексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Уральский ФО, крупный город)

Косвенным подтверждением пересечения этих контекстов можно считать ответы квир-женщин на вопрос о доступности для них помощи в кризисных центрах для женщин. В условиях роста домашнего насилия, отсутствия эффективной правовой защиты в России, репрессий против гражданского общества и невозможности публично говорить о насилии над квир-женщинами, такие центры могут играть роль узлов горизонтальных сетей взаимопомощи. Между тем в ходе проведенного нами опроса наибольшая доля опрошенных квир-женщин (23,9%) отметили, что хотя знают о существовании кризисных центров для женщин и хотели бы обратиться туда за помощью в случае необходимости, не думают, что такое обращение для них возможно.

Исследование показало **более чем пятикратную разницу между цис- и трансгендерными женщинами в уверенности, что они смогут обратиться в кризисный центр при необходимости:** так ответили 20,5% цис-женщин и только 3,6% транс-женщин. Хотя они знают о существовании кризисных центров для женщин, 39,1% сомневаются, что смогут туда обратиться (для сравнения: среди цис-женщин — 21,3%, небинарных персон на феминном спектре — 26,7%, на маскулинном — 16,3%, среди интерсекс-женщин — 20%). При этом именно транс- и интерсекс-женщины

реже всего считают, что им никогда не понадобится помочь кризисного центра — соответственно 10,7% и 8%, тогда как среди небинарных персон на феминном спектре таких 19,8%, среди цис-женщин — 20,9%, а среди небинарных на маскулинном спектре — 30,6%.

Таким образом, в сравнении со средними по выборке ответами квир-женщин о знании кризисных центров для женщин (илл. 17), транс-женщины демонстрируют как меньшую информированность о существовании таких центров, так и большее недоверие к возможности воспользоваться их поддержкой (илл. 18).

Наибольшая доля квир-женщин, не знающих о существовании кризисных центров для женщин, наблюдалась среди интерсекс-женщин (40%) и транс-женщин (33,5%) — групп с дополнительными факторами стигматизации, вокруг которых формируются отдельные сообщества, информационные ресурсы и активистские практики. Для сравнения, среди цис-женщин, а также небинарных персон на феминном и маскулинном спектре эти показатели были заметно ниже (19,1%, 18,6% и 14,3% соответственно). Вероятно, это связано с более широким распространением феминистских теорий, рефлексией вопросов защиты прав женщин и лучшей информированностью о соответствующих ресурсах в этих группах.

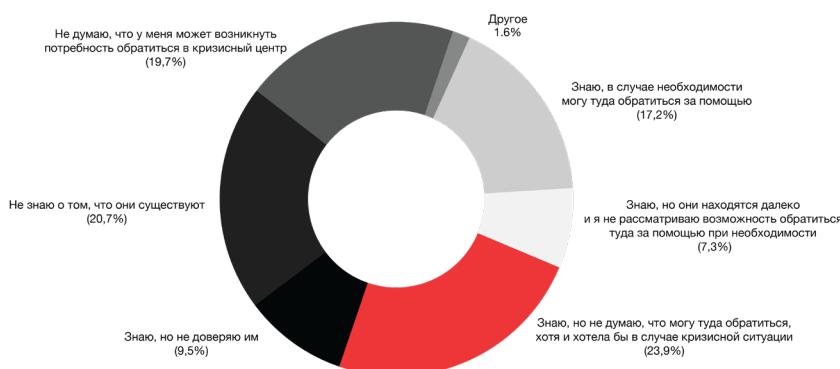

Иллюстрация 17. Квир-женщины и кризисные центры для женщин

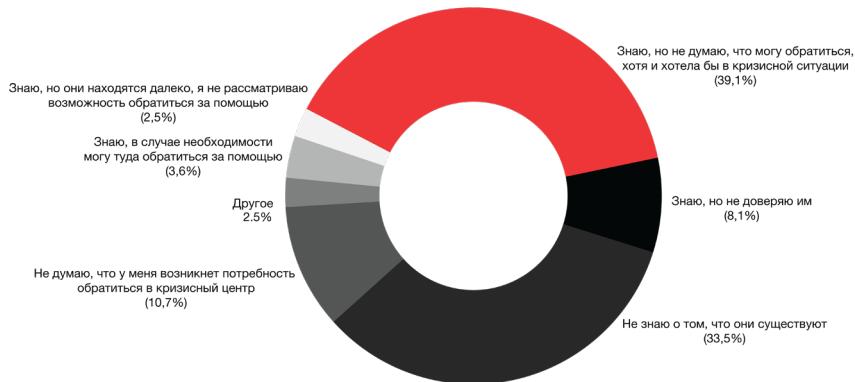

Иллюстрация 18. Трансгендерные женщины и кризисные центры для женщин

Иллюстрация 19. Доступность женских кризисных центров для квир-женщин по регионам

Существенно, что среди квир-женщин, знающих о кризисных центрах и способных туда обратиться, выделяются жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов, где расположены Москва и Санкт-Петербург — соответственно 22,3% и 19,6%. В других округах этот показатель ниже: Дальневосточный — 12,5%, Приволжский — 12%, Уральский — 11%, Сибирский — 9,8%, Южный — 9,3% (в полтора-два раза меньше) (илл. 19).

Похожая картина наблюдается для тех, кто знает о центрах, но считает их слишком далекими от места своего проживания: Центральный и Северо-Западный ФО — 3,4% и 2,9%, Приволжский — 10,3%, Южный — 12%, Уральский — 12,3%, Сибирский — 14,6%, Дальневосточный — 30%.

Также оценка доступности кризисных центров зависит от размера города: в крупном городе о том, что знают о кризисных центрах и могут туда обратиться, сообщили 22,1% квир-женщин, в большом — 12,8%, в среднем — 9,2%, в небольшом — 8,9%, в маленьком — 3,6%. Напротив, доля тех, кто не знает о центрах, снижается с уменьшением размера города: в маленьком городе — 35,7%, в небольшом — 25,4%, в среднем — 22,4%, в большом — 20,2%, в крупном — 18,9%.

Ситуация усугубляется негативным опытом обращения в государственные кризисные центры, поскольку они не специализируются на помощи квир-женщинам или часто не имеют опыта работы с квир-сенситивными вопросами. В интервью с Мариэллой затрагивается история ее обращения в такой центр (в городе Дмитров Московской области, Центральный ФО), который не смог помочь квир-женщине с ее запросом (цисгендерной лесбиянке, чья кризисная ситуация была связана не с домашним насилием со стороны мужа, на что был ориентирован центр, а со злоупотреблением коменданта общежития, одним днем выселившего Мариэллу из-за гомофобии):

Когда меня неожиданно выселили из общежития и я осталась без жилья, я по совету своего психолога обратилась в кризисный центр для женщин, который может предоставить временное жилье. [...] Я обратилась туда, сказала, что меня не принимают родители, а из общежития внезапно выселили. Мне назначили собеседование, где стали допрашивать: “Почему вас выселили из общежития? Давайте номера родителей, мы будем с ними разговаривать. А у вас точно нет мужа? Часто мужа выгораживают, но на самом деле бегут от побоев”. В итоге

места мне не дали, когда поняли, что мужа у меня действительно нет, и детей нет, а раз меня еще и выгнали из общежития — значит, я для них асоциальный элемент. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Авторы исследования обращают внимание, что ситуация в негосударственных кризисных центрах часто может быть иной: специалисты таких центров часто настроены на собственное развитие вне мифов и стереотипов и стараются работать с проблемой насилия комплексно, учитывая особые потребности и уязвимости квир-женщин. Ведь вопрос предоставления квалифицированной помощи в ситуациях насилия зависит не от того, государственный или частный кризисный центр для женщин оказывает помочь, а от того, стремится ли центр оказать поддержку любой женщине, оказавшейся в кризисной ситуации. Нам известно о случаях получения квир-женщинами качественной и квалифицированной помощи в таких центрах в России.

Антигендерные нарративы, транслируемые в России, а также недостаточные реакции на них в демократических странах, мешают развитию низового активизма, направленного на ценности мира и прав человека. Многие квир-женщины в России связывают соблюдение этих ценностей с уровнем политического, социального и культурного развития страны в сравнении с демократическими странами Европы и США. В таких условиях личные инициативы и самоорганизация квир-женщин становятся особенно важными: они поддерживают гражданское общество и отражают позицию против любых форм правого радикализма.

Проведенное исследование показывает, что в личном самосознании и социальной жизни квир-женщин в современной России значительное место занимает не просто антивоенная позиция, но и иногда низовой антивоенный активизм. В интервью Василисы и Ангелины, которые находятся в постоянных отношениях, прозвучало то, что центральную роль в их знакомстве сыграла их совместная волонтерская помощь беженкам и беженцам из Украины:

Когда началась война, Василиса координировала помощь беженцам из Украины. Я решила волонтерить. Так мы познакомились. [...] В волонтерской среде, в помогающих сообществах очень много квиров. Когда я стала искать волонтеров для помощи украинцам [в моем городе], оказалось,

что 90% из них — это женщины, и процентов 60 из них — это квир-женщины. [...] У меня есть ощущение, что квир люди привыкают из-за гомофобии вокруг, из-за того, что нам приходится с подросткового возраста отстаивать собственную нормальность, сопротивляться системе и отстаивать свои права, в том числе гражданские и политические, общечеловеческие. (Интервью, Василиса и Ангелина)

Когда некоммерческие организации, помогающие квир-людям, закрываются, прекращают работу или уходят в подполье из-за рисков, некоторые квир-женщины собирают небольшие неформальные группы и помогают друг другу советами, информацией и установлением горизонтальных связей. В интервью с Мартой описывается такая практика:

Мой “микроактивизм” — что и у меня, и у партнерки есть свои “квир-детсадики”: спонтанно сложившееся шефство над «квирятами», ЛГБТК-людьми 18-20 лет. Они не настолько младше нас, чтобы мы были для них небожителями, но мы для них — первые примеры квир-людей. То есть, они никогда не встречали квир-людей до нас, вообще. Думаю, один из самых ценных форматов микроактивизма — это такая поддержка молодых людей. ... Мы прежде всего даем им уверенность в том, что у них есть будущее. Это чаще всего информационная поддержка о мероприятиях, о безопасных пространствах, где можно попробовать найти отношения, о френдли-врачах. В том числе это моральная поддержка, иногда — направление к психологу. Им банально не с кем поделиться своими переживаниями. (Интервью, Марта, Северо-Западный ФО, крупный город)

Война и рост гомо- и трансфобии в обществе воспринимаются квир-женщинами как отход от гуманистических ценностей. Особенно остро это ощущают те, кто работает в областях культуры или образования — сферах, традиционно более инклюзивных и космополитичных. Не поддерживая правоконсервативный поворот и антигендерную риторику, многие квир-женщины в России чувствуют себя исключенными из общества, лишенными возможности влиять на него и вынужденными больше заботиться о собственной безопасности и выживании.

Мы [я и партнерка] всего лишь держались за руки на улице (при этом я иногда и своих подруг/друзей/родителей держу за руки, это не сексуализированный жест), и две очень юные

девочки закричали нам “Ууу, лесбушки”. Это было отвратительно еще и тем, что им было лет по 18. Я таким лекции про книжки читаю, понимаете. Мы стоим обе в платьях как дуры, ну вот знаете, чисто иллюстрация к конвенциональной феминности, две специалистки сферы культуры, и слышим такое от маленьких девочек. Что, блин, за хрень. Для чего мы вообще делаем все эти книги. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, средний город)

...Я почувствовала себя исключенной из общества. Я женщина, феминистка, бисексуалка и не поддерживаю нынешние события в стране, и по каждой из этих характеристик я не в безопасности. Я не могу получать информацию без этой оскорбительной пометки “*признана экстремистской организацией”. Меня вычеркнули из общества и продолжают давить. [...] Я чувствую себя связанной и закинутой в подвал. Я не могу ничего делать, я не могу говорить, меня больше не видят, и я не в безопасности. Вся эта ситуация в целом ужаснейшим образом меня удручет. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, большой город)

Война России против Украины и правоконсервативный поворот, одним из проявлений которого стала антигендерная политика, воспринимаются квир-женщинами в России не только как личная угроза их безопасности и качеству жизни, но и как фактор их социальной исключенности. Эти события противоречат гуманистическим и демократическим ценностям, которыми они руководствуются. Так, если о том, что они испытывали дискриминацию из-за гражданской позиции до 2022 года, сообщили 28,5% опрошенных, то о том, что после 2022 года, — уже 40,7%.

События в России — продолжение войны и принятие новых репрессивных и квирофобных законов — становятся для квир-женщин источником постоянной тревоги, подавленности и усталости. Усиление этого негативного фона связано также с правым поворотом и антигендерными движениями в мировой политике. Особенно остро это ощущают трансгендерные женщины, воспринимающие себя меньшинством — российские власти лишают людей из этой группы прав, дискриминируя как на законодательном уровне, так и в социальных практиках. Потеряв возможность реализовать многие свои права в России (см. подробнее в гл. 4.4.) и испытывая постоянный страх давления

со стороны государства, трансгендерные женщины часто испытывают отчаяние, видя, что радикальные антигендерные тенденции из России повторяются и в демократических странах. Те квир-женщины, которые объединяют в себе квир-идентичность и антивоенную позицию, часто испытывают страх перед репрессиями и агрессией. С начала войны они часто не видят возможностей быть услышанными в публичных пространствах и ищут пути участия в волонтерских и других поддерживающих активностях.

§2 Влияние антигендерной риторики на поколенческие конфликты квир-женщин в их семьях

Как уже упоминалось (см. главу 1), большинство проживающих в России квир-женщин, составивших выборку настоящего исследования, относятся к молодежи²⁵. Во многом такая ситуация объясняется тем, что постсоветское поколение чаще задумывается о своей гендерной идентичности и сексуальной ориентации. Кроме того, в условиях гомо- и трансфобной политики возможность такой рефлексии сильно зависит от доступа к интернету, технологических навыков (например, использования VPN) и знания иностранных языков — то есть, от умения пользоваться заблокированными в России источниками информации и каналами общения. При этом стоит учитывать, что эти же факторы частично объясняют ограниченность нашей выборки и преобладание в ней людей до 35 лет: из-за цензурных ограничений анкета могла распространяться только через интернет-каналы, посвященные ЛГБТИК+, доступ к которым без VPN блокируется российскими властями с территории России.

Таким образом, средний возраст респонденток напрямую влияет на специфические проблемы, с которыми они сталкиваются. Одной из наиболее заметных является финансовая зависимость от родителей и старших родственников, характерная для молодой аудитории. Эта проблема усугубляется особенностями правого популизма в России, который ориентируется на старшее

²⁵ Организация Объединенных Наций определяет “молодежь” как лиц в возрасте от 15 до 24 лет (Резолюция 36/28, 1981 г.) В самой России эта возрастная рамка шире, в российском законодательстве выделяются “молодежь, молодые граждане”, под это определение попадают люди от 14 до 35 лет (ФЗ N 489-ФЗ “О молодежной политике в Российской Федерации”).

поколение, романтизируя советский период и противопоставляя молодое поколение старшему. Наши данные показывают последствия такой ситуации: значительная часть респонденток до 18 лет (16,1%) и более половины респонденток от 19 до 25 лет (51,1%) отметили, что с началом полномасштабной войны и кампании гомо- и трансфобной риторики, сопровождавшей принятие дискриминационных законов против ЛГБТК-людей, их отношения с родителями резко ухудшились — как из-за антивоенной позиции респонденток, так и из-за СОГИ:

Как раз-таки главный “дискриминатор” и есть семья... Когда я жила с семьей (только закончила 11 класс, готовилась к переезду в другой город), матери о моих отношениях кто-то рассказал. Был ужасный шантаж, оскорбления, чтобы я лучше была проституткой и инвалидкой, ежедневная проверка телефона, запрет на общение с девушкой, угрозы написать на нее заяву о пропаганде (я была еще несовершеннолетней), гонение из дома, пощечины, я не могла спокойно выходить из комнаты, все сопровождалась оскорблением, косыми взглядами, словесным издевательством, не было поддержки перед поступлением в вуз, когда я не прошла первым потоком. И никуда от такого не денешься... (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, крупный город)

Моя родная мама написала на меня заявление о пропаганде ЛГБТ, когда я подверглась аутингу (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, большой город)

Отношения с родителями во многом влияют на уровень закрытости и тревоги среди молодых квир-женщин. Общим местом в открытых ответах анкеты и в интервью стала связь неприятия в семье с подверженностью старших родственников, особенно мужчин, государственной пропаганде:

На семейных праздниках отец почти каждый раз поднимает тему геев. Высказывания по типу “я в армии служил, а они пидоры, в перьях по сцене скачут”, ... “зачем женщины спят с женщинами, если они не в тюрьме, где нет возможности быть с мужчиной”. После обсуждения насилия по политическим мотивам отец орал с пеной у рта, что всех изменников родине нужно насиливать и убивать, и все кто уехал из страны, чтобы сохранить свою жизнь, — трусы и уроды. Меня не слышали и довели до истерики, плюс

на меня наорали, что я плачу из-за этой ситуации. Не общались полгода после этой ссоры. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Домашняя “конверсионная терапия”. Со стороны отчима, из разряда ведешь себя по-бабски — тебе прилетает. Требования вести себя токсично маскулинно и просто маскулинно. Науськивание драться. Попытки отдать в секцию по боксу. ... Было это из-за того, что я обмолялась в семье [о своих гендерных поисках]. (Интервью, Эш, Центральный ФО)

Эти данные подтверждаются и статистикой открытости респонденток в семье. В целом по выборке квир-женщины гораздо чаще делятся переживаниями с родственницами-женщинами, чем с родственниками-мужчинами: 28,7% обсуждают проблемы с матерями, а с отцами — всего 5,2% (почти в пять раз меньше). С сестрами делятся 12,7%, с братьями — 4,6%.

Различия внутри подгрупп проявляются особенно ярко у трансгендерных женщин. Они заметно закрытее с родственниками, чем цисгендерные женщины, что может быть связано с внешними изменениями и презентацией женской идентичности, которую родственники осуждают или отрицают. Так, трансгендерные женщины открыты матерям почти в два раза реже, чем цисгендерные женщины (18,3% против 31,5%), а отцам — почти в четыре раза реже (1,5% против 5,5%). Обсуждение проблем с братьями примерно одинаково для обеих групп (4,1% и 4,4%), но с сестрами транс-женщины делятся почти в два раза реже (7,1% против 13,6%). Эти данные можно интерпретировать как вынужденную вовлеченность транс-женщин в патриархальную семейную иерархию, где нарушение патриархальных цисгетеронормативных установок вызывает значительно большее давление, чем у цис-женщин. Поддержка таких установок стала центральным элементом государственной пропаганды, нацеленной преимущественно на цисгетеро-мужчин старшего поколения²⁶.

Тема отношений между молодыми квир-женщинами и их родителями или опекунами тесно связана с вопросом конверсионной терапии. Некоторые респондентки отметили, что боятся применения к ним подобных практик из-за угроз со стороны

26 См., например: Neifakh, V. Toxic waste How masculine attitudes in Russia affect men, society and warfare // Novaya Gazeta - Europe. 06.03.2024. URL: https://novayagazeta.eu/articles/2024/03/06/toxic-waste_en (дата обращения: 17.07.2025); Опрос: 76% россиян — за войну, но лишь 40% одобрили бы участие близких // Радио Свобода. 06.11.2024. URL: <https://www.svoboda.org/a/rossiyan---za-svo-no-lishj-42-odobrili-by-uchastie-v-voyne-blizkih/33190647.html> (дата обращения: 17.07.2025).

родителей (см. подробнее в гл. 8.3). Другие прямо указали, что их страхи перед конверсионной терапией формировались в детстве и подростковом возрасте, часто были обусловлены финансовой зависимостью от гомофобных родственников:

После каминг-аута мать стыдила меня и угрожала найти мне “врача”, если это не пройдет до 18 лет (Мне было тогда 16 лет). За психологической поддержкой обращалась к друзьям, психологу. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Южный ФО, небольшой город)

Регулярно слышу о психических больницах, где практикуется “лечение от гомосексуальности”. Боюсь, что родители, если узнают о моей сексуальной ориентации, заставят меня лечиться. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Сибирский ФО, средний город)

Скора с семьей (по крови), аутинг, принуждение к конверсионной терапии и последующая попытка сдать меня на нее, угроза отправить на СВО, постоянное психологическое насилие. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Страх подобных действий со стороны родителей. (Сапфичная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Страх, что родители насильственно подвергнут меня конверсионной терапии, если узнают о моей трансгендерности. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Характерно, что пропаганда милитаризма в обществе и создание правоконсервативных частных и государственных молодежных организаций, направленных на “патриотическое воспитание”, могут использоваться родителями и опекунами как средство воздействия на несовершеннолетних квир-женщин. Такие меры представляют собой форму психологического насилия, угрожающего физическому и психическому здоровью, а передача несовершеннолетних в подобные организации поощряется государством и не может служить основанием для жалоб в органы опеки с целью защиты прав ребенка. Особенно уязвимыми перед

такими мерами становятся трансгендерные женщины, поскольку их “феминный” вид и поведение воспринимаются как основание для вмешательства.

В интервью с Беллой описан случай, относящийся к периоду до начала полномасштабной войны, когда ее направили в “патриотический лагерь”. Этот пример иллюстрирует благодатную почву для распространения психологического насилия и милитаристской индоктринации среди несовершеннолетних квир-людей:

... Мне насилино отрезали волосы, хотя я умоляла этого не делать, выкидывали мою косметику, или же мои вещи, а также отправляли меня в военный лагерь, где хотели сделать из меня “настоящего мужчину”. Я тогда была полностью зависима от своей семьи и ничего не могла сделать. Я не знала, что также в этих лагерях был заключен договор на то, чтобы местные мальчишки-хулиганы, выбили из меня всю мою женственность любым путем. Там я не единожды подвергалась сильным избиениям. Некоторые из родственников обращались к врачам, дабы найти способ “вылечить” меня от этого [женской гендерной идентичности]. (Интервью, Белла, 19–25 лет, Сибирский ФО)

Другие респондентки отмечали, что их родители, хотя не прибегали к содействию каких-либо квази-медицинских или религиозных учреждений, чтобы “исправить” их гендер или сексуальную ориентацию, применяли собственные меры для подобного “исправления”. Консервативные и религиозные взгляды способствуют применению таких мер внутри семьи, в чем можно увидеть радикальную версию укоренения антигендерных нарративов в социальных практиках:

До совершеннолетия я жила в закрытой религиозной общине, где, естественно, выход из шкафа был просто невозможен. Но моя семья узнала о моей ориентации посредством чтения переписок и отбиивания телефона, что привело к попыткам исправить меня — считалось, что “лесбиянство” произошло из-за клятого дьявольского интернета. Мне ограничили доступ к сети, пытались знакомить и сватать к другим мальчикам, называли ненормальной и обещали, что я всю жизнь проживу одна. Ведь я “убогая”, “ошибка природы” и не хочу работать со своими грехами. (Цисгендерная гомосексуальная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, средний город)

С течением времени и с принятием новых законов все больше боюсь, что о моей негетеросексуальности узнают родственники, которые уже сейчас давят на меня по вопросу вступления в гетеро[сексуальные] отношения. Кроме того, довольно большая часть моей жизни связана сейчас с церковными структурами, где распространена гомофобия и поддержка конверсионной терапии. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

В России подобной радикализации способствуют не только законы, легитимирующие регуляцию внешнего вида и вторжение в личную жизнь, но и риторика “традиционных ценностей”, которая ложится на почву религиозных антигендерных дискурсов, особенно в православной и исламской традициях²⁷. Методы воспитания несовершеннолетних оказываются первой областью, в которой адаптируется антигендерная риторика. Причиной давления становится нецисгетеронормативное поведение квир-женщин, а средством воздействия на них может выступать сексуализированное и репродуктивное насилие.

В интервью с Ариной описывается случай, когда желание родителей следовать религиозным нарративам приводит к возникновению социальных практик, которые российское государство не контролирует и в которые не вмешивается в случае нарушения прав несовершеннолетних. В первую очередь, это касается ситуаций, когда по религиозно-национальным обычаям несовершеннолетний может вступить в брак. Случай относится к Татарстану, где распространен ислам, с религиозными практиками которого этот случай и связан:

— Когда мне было 16, я была влюблена в свою одногруппницу в колледже. Но на тот момент моя мать была уверена, что я должна выйти замуж. По ее представлениям, это венчание татарское, никах. Я прожила с этим человеком шесть лет, но как бы против своей воли. Первый мой сексуальный опыт был гетеросексуальным, и я считаю его насильственным. И последующие, за эти шесть лет, тоже считала насильственными [...] Я просто с ним общалась в интернете, хотела просто дружить и пару раз сходить в кино. Но мама посмотрела наш переписку, сказала, что должна его “одобрить”, а потом настолько его одобрила, что решила, что мы должны пожениться. ... Сейчас

²⁷ См.: Roth, J., Sauer, B. Worldwide Anti-Gender Mobilization Right-wing Contestations of Women's and Gender Rights. In: Scheele, A., Roth, J., Winkel, H. (Eds.). Global Contestations of Gender Rights. Transcript Verlag, Bielefeld Univ. Press, 2022. P. 102–103.

я понимаю, что у него были педофилические наклонности, и другим образом он бы не заполучил 16-ти летнюю девушки.

— Может ли мулла совершать никах, если человеку только 16 лет?

— Есть правило, что родители должны быть не против и что мужчина исповедует ислам. [...] Но я думаю, что это единичные случаи. (Интервью, Арина, Приволжский ФО)

В случае трансгендерных людей ситуация часто усугубляется необходимостью приема препаратов заместительной гормональной терапии. Контроль со стороны родителей или опекунов может использоваться для ограничения доступа к этим препаратам, тогда как отсутствие такого доступа ведет к серьезным последствиям для физического и психологического здоровья людей, проходящих заместительную гормональную терапию и испытывающих гендерную дисфорию (F64.0 по МКБ-10 / НА60 по МКБ-11).

Был период в 2022 году, когда я финансово зависела от мамы. Когда она узнала, что я принимаю женские гормоны, она заперла меня дома без денег и, естественно, без лекарств на несколько месяцев. Смотрела, как я мучаюсь в откате. У меня болело все тело. Думать не могла вообще. Тогда я чуть руки на себя не наложила. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, большой город)

Фактор закрытости перед родителями особенно значим в связи с тем, что выборка исследования в целом “молодая” (по возрасту). В связи с этим актуальными являются вопросы материальной зависимости от родителей, трудностями в поиске собственного жилья и средств к существованию, а также необходимостью получения образования. В результате квир-женщины в России, и особенно трансгендерные женщины, сталкиваются с повышенным давлением в отношении скорейшей эмансипации от родителей.

Эта ситуация также осложняется дискриминационными законами и часто — демонизацией ЛГБТИК+ (в том числе при поиске работы, см. гл. 3.4). Другим фактором является потребность в финансовых ресурсах для ведения заместительной гормональной терапии (ЗГТ), которая после вступления в силу федерального закона “о запрете трансгендерного перехода” в России в июле 2023 года стала гораздо менее доступной (что приводит к росту стоимости процедур (см. подробнее в гл. 4.4., 8.4)).

Иллюстрация 20. Возросший страх домашнего насилия в зависимости от возраста

Среди квир-женщин, отметивших, что после вступления в силу в декабре 2022 года федерального закона “о запрете об ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” они стали больше бояться насилия дома и в частной жизни, чаще всего встречаются люди 18 лет и младше:

- 32,8% — до 18 лет,
- 24,5% — 19–25 лет,
- 17,2% — 26–35 лет,
- 13% — 36–45 лет,
- 8% — 46–55 лет (илл. 20).

Давление родителей на квир-подростков в России является серьезной проблемой. Единственные органы, которые могли бы защитить права несовершеннолетних — органы опеки и попечительства — на практике не защищают право подростков на нецигендерную идентичность и негетеросексуальную ориентацию из-за дискриминационных законов и продвижения концепции

“традиционных ценностей” как вектора государственной политики (в том числе в сфере защиты прав несовершеннолетних). Более того, родители часто боятся, что “неправильное” (не соответствующее представлениям родителей и общества) поведение ребенка вызовет претензии со стороны органов опеки. Эти факторы в совокупности создают среду, в которой интересы ЛГБТИК-подростков не являются приоритетом, а на первый план выходят интересы государства, продвигающего “традиционные ценности” и цисгетеронормативные, гомо- и трансфобные представления в обществе о том, как должны выглядеть и жить подростки.

§3 Гомо- и трансфобные доносы: Квир-женщины в России и бытовые конфликты

Молодой возраст квир-женщин и напряженные отношения с родителями (часто — из-за подверженности последних государственной гомо- и трансфобной пропаганде) делают поиск съемного жилья одной из ключевых проблем. При этом на сложность влияет сразу несколько факторов, пересекающихся между собой:

- эмансипация от родителей;
- молодые квир-женщины переезжают в крупные города, где жилье дороже;
- ограниченный круг занятости. Из-за гомо- и трансфобных настроений многие квир-люди ищут работу только в более “толерантных” сферах (досуг, культура, искусство, образование), что сужает географию поиска жилья до крупных городов, таких как: Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Новосибирск, Екатеринбург;
- низкая и нестабильная зарплата: конкуренция в узких “толерантных” сферах снижает доходы и затрудняет оплату аренды;
- зависимость от арендодателей и соседей. Если нельзя снять отдельное жилье, квир-женщины зависят от лендлордов и соседей, чьи гомо- или трансфобные взгляды могут угрожать их безопасности и жилью.

В России правовая защита арендаторов слабее, чем в странах Европейского Союза, поэтому квир-женщины дополнительно уязвимы перед произволом арендодателей и возможными последствиями репрессивных законов против ЛГБТИК+.

Квир-женщины отмечают, что часто проблемы с арендой возникают из-за их внешнего вида, гендерной презентации или того, что две женщины снимают жилье вместе:

Проблемы/отказы при аренде жилья из-за физических данных и голоса. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, крупный город)

Закон об экстремизме [решение ВС РФ о признании экстремистским так называемого “Международного общественного движения ЛГБТ”] пугает: мне сложно снять квартиру из-за того, что я живу с партнершей, и надо придумывать легенды о том, кто мы друг другу. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

[После смены гендерного маркера] я не меняла фамилию, меняла только имя. Когда мы искали новую съемную квартиру, риэлтор, увидев штамп в паспорте моей жены (в мой паспорт штамп не был перенесен после смены гендерного маркера), смутился и хотел отказать с формулировкой: “Разве такие браки разрешены?” (Интервью, Ирина, Северо-Западный ФО)

В каждой анкете каждому владельцу квартиры я должна объяснить, почему мы вдвоем [с девушкой]. [...] У нас есть несколько легенд: что мы сестры, двоюродные сестры, подруги. [...] Допустим, надо как-то объяснить владельцу, что нам нормально, если квартира с двуспальной кроватью. “Нет, нам не нужны раздельные кровати”. — “Почему нам не нужны раздельные кровати?”... Эти объяснения могут быть довольно странными, я понимаю, что они звучат странно. Но как будто бы другого выхода нет, потому что [...] опасно. (Интервью, Эстер, Центральный ФО).

Ответы респонденток на заданные нами открытые вопросы, а также интервью, показывают распространенность бытовых конфликтов квир-женщин с соседями, угрожающими им на основании произвольных претензий к якобы негетеронорматив-

ному внешнему виду и поведению. Гомо- и трансфобия при этом могут перекликаться с ксенофобией в адрес мигранто:к:

Наезжал сосед из-за внешнего вида, и за то, что не мог понять с кем я живу. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Сибирский ФО, большой город)

На меня дважды нападал сосед. После того как я обратилась с заявлением в полицию первый раз, полицейский столкнул меня с лестницы, когда я почувствовала себя плохо и попросила вызвать скорую. А все из-за моей внешности — я носила короткую стрижку. (Гоморомантическая бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Не так давно соседи в доме, где мы арендует жилье, из окна первого этажа громко обсуждали, как я выгляжу, используя гомофобные ругательства, пытались завязать со мной диалог. (Интервью, Ирина, Северо-Западный ФО, крупный город)

Соседы вызывали полицию, по поводу того, что живут “подозрительные чурки”, не то девушки не то мужчины. (Интервью, Нина, Айгюль и Элла)

В интервью с Мариэллой описан случай, когда коммунальные службы игнорировали ее просьбы об экстренном ремонте. При этом они использовали репрессивные законы против ЛГБТИК-людей как повод обвинить проживающую в квартире лесбийскую пару в якобы незаконных действиях. Таким образом, угрозой становится возможность “донести” на ЛГБТИК-людей за их личную жизнь, даже если она проходит в приватном пространстве съемного жилья.

В октябре [2024 года] у меня начала течь крыша. Я обратилась в экстренную диспетчерскую службу, чтобы починили. Мне долго не отвечали, до января [2025 года], не хотели ничего делать, я продолжала настаивать. В итоге пришла техник, пожилая женщина. По сути она смотрела не крышу, а квартиру и наши личные вещи. Спрашивала, с кем я тут живу, почему мы с моей девушкой живем вдвоем. В итоге составила какой-то акт, не отдала мне его, сказала, что отдаст только на приеме в “Жилищнике”. Когда я наконец добилась приема, требуя акт о состоянии крыши, та же женщина мне сказала: “А вы сами не делаете ничего противозаконного? Вы что думаете, я не понимаю? Просто так в вашем возрасте вдвоем не живут.

Прежде чем просить починить крышу, надо самим не делать ничего противозаконного". Акт она мне в итоге отдала — но крышу до сих пор никто не починил. Повлиять на них невозможно. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Статистические данные показывают, что взаимодействие с соседями — один из главных источников конфликтов и угроз для квир-женщин в России. Так, 73,8% респонденток избегают открытости перед соседями из-за страха нападений, угроз или преследования. Более высокий уровень закрытости наблюдается только в общественном транспорте (79,2%), социальных службах (75,8%) и государственных или общественных учреждениях (77,8%), хотя контакт с ними менее тесный, чем с соседями, что подчеркивает уязвимость квир-женщин в бытовых ситуациях.

Тесный контакт с соседями создает условия для наблюдения за личной жизнью квир-женщин и потенциальных доносов²⁸, а также для прямых угроз насилием. Страх перед силовыми структурами и праворадикальными группами часто используется против ЛГБТК-людей. В интервью Мариэлла рассказала, как совместное проживание с девушкой в коммунальной квартире вызвало подобные угрозы, продолжающиеся более полугода:

Мы с девушкой снимали комнату. Наша соседка съехала, и нужно было найти нового соседа. [...] Он прожил два месяца, потом спонтанно решил съехать. Очевидно, при жизни в одном доме, не скрыть, что мы лесбиянки и находимся в отношениях. Потом он начал мне писать: "Я вас уничтожу. Я отдал приказ о вашей ликвидации. Вам несдобривать, с...ки". Скинул ссылку на группу, якобы Академии ФСБ России, на шесть тысяч человек. Там был опубликован текст: "Приказ №... Всем постам чеченцев — уничтожить с...к, которые предают родину и патриотические ценности..." — с нашими именами. Он продолжил писать мне, что "приказ о ликвидации будет выполнен до конца года" что он меня уничтожит. Я его блокировала, но он продолжал несколько месяцев слать мне угрозы и оскорбления. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО, небольшой город)

²⁸ Для целей настоящего текста под "доносами" мы понимаем обращения граждан и организаций (включая активных сторонников продвижения в России "традиционных ценностей"), которые, используя квирофобные законы (например, федеральные законы "о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов", "о запрете трансгендерного перехода") или решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации "Международное общественное движение ЛГБТ" экстремистской (активизировавшие применение к любым людям, выступающим в поддержку равенства для ЛГБТИК+-людей, возможность применения Федерального закона от 25.07.2002 г. №114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" и связанных с ним правовых актов), обращаются в полицию, Следственный Комитет РФ или иные правоохранительные органы с заявлениями о применении этих законов и предусмотренных в них мер ответственности к ЛГБТН-людям и их союзникам за распространение информации об ЛГБТК-повестке или ее продвижении, включая достижение социальных изменений.

При этом жалобы Мариэллы в полицию и в Академию ФСБ, от имени которой предположительно, со слов Мариэллы, был создан праворадикальный интернет-ресурс с призывами к насилию, привели лишь к формальным ответам.

В другом случае страх квир-женщин перед репрессивными законами был использован агрессорами напрямую. Хотя юридические нормы в России не предусматривают наказания за совместное проживание двух людей одного пола, приведенная цитата показывает, какую роль появление законов сыграло в усилении бытовой гомо- и трансфобии и создании для квир-людей невыносимых условий жизни из-за постоянного острекизма и травли со стороны соседей:

Угрозы от бывшей сотрудницы полиции, что ко мне придут и найдут то, чего нет, и посадят по ЛГБТ экстремизму. Пока жили с цис[гендерной]-бывшей так же угрожали, что привлекут полицию из-за совместного проживания двух девушек. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, крупный город)

§4 Гомо- и трансфобия на работе и учебе: Нарушение трудовых и образовательных прав квир-женщин

Системная и индивидуальная дискриминация квир-женщин проявляется в сферах труда и образования, которые для молодого городского населения, к которому преимущественно относится выборка, являются ключевыми социальными пространствами и средствами защиты от маргинализации. Основным фактором дискриминации является возможность или невозможность скрывать свою нецисгетеронормативность — например, гомосексуальные отношения, трансгендерный статус или публичное выражение квир-идентичности.

Это заставляет квир-женщин скрывать детали своей личной жизни и сталкиваться с практикой слежки со стороны работодателей и коллег. Видимость квир-женщин как негетеронормативных людей может привести к угрозам, увольнениям, отчислениям или отказам в приеме на работу и в учебные заведения. В коллективах могут создаваться невыносимые условия: квир-женщины вынуждены слушать гомо- и трансфобные шутки, сталкиваться

с произвольными претензиями к внешности или одежде.

Все эти факторы позволяют говорить о **системной дискриминации квир-женщин в России** в сферах труда и образования, напрямую затрагивающей их право на работу и право на получение образования. Если в среднем по выборке квир-женщин увольнение или отказ в приеме на работу встречались у 6,4%, среди цисгендерных женщин — 2,8%, а среди небинарных персон на феминном спектре у 7%, то среди трансгендерных женщин этот показатель достигал 22,3%. Аналогично, отказ в предоставлении услуг фиксировался у 5,1% в среднем по выборке, у 2,2% цисгендерных женщин и у 7% небинарных персон на феминном спектре, тогда как среди трансгендерных женщин — 19,3%. Таким образом, трансгендерные женщины выделяются среди квир-женщин как группа, чаще подвергающаяся исключению из экономических и социальных отношений.

О том, что трансгендерные женщины чаще других квир-женщин сталкиваются с нарушениями и дискриминацией в области трудовых прав, свидетельствует, в частности, их ответ на один из вопросов анкеты. Мы предложили респонденткам выбрать из списка те потребности, которые они в настоящее время не могут удовлетворить в России. Если в среднем по выборке 23,9% квир-женщин согласились, что не могут найти хорошую высокооплачиваемую работу, то аналогичный показатель в подгруппе трансгендерных женщин оказался почти в два раза больше: 46,2% (в сравнении с 19,4% среди цис-женщин и 26% небинарных персон на феминном спектре). То же соотношение подгруппы транс-женщин к подгруппе цис-женщин, а также к общей группе квир-женщин, наблюдается в оценке респондентками своих возможностей получить в сегодняшней России желаемое образование. Если в среднем по выборке показатель составил 16,5%, среди цис-женщин — 14,8% и среди небинарных персон на феминном спектре — 15,9%, то среди транс-женщин — почти в два раза больше: 27,9%. Аналогичная пропорция наблюдается в оценке опрошенными квир-женщинами возможности удовлетворить в России потребность в экономической безопасности: в среднем по выборке считают, что не могут ее удовлетворить, 34,6%, среди цис-женщин — 31,1 %, среди небинарных персон на феминном спектре — 38%, а среди транс-женщин — 46,7 % (илл. 21).

Это можно объяснить дополнительной стигматизацией тех квир-женщин, чья внешность может быть воспринята как “недостаточно феминная”. Подтверждением служат данные по

- Сталкивались с увольнением или отказом в приеме на работу
- Сталкивались с отказом в предоставлении услуг
- Считают, что не могут найти хорошую высокооплачиваемую работу в России
- Считают, что не могут получить в России желаемое образование
- Считают, что не могут удовлетворить в России потребность в экономической безопасности

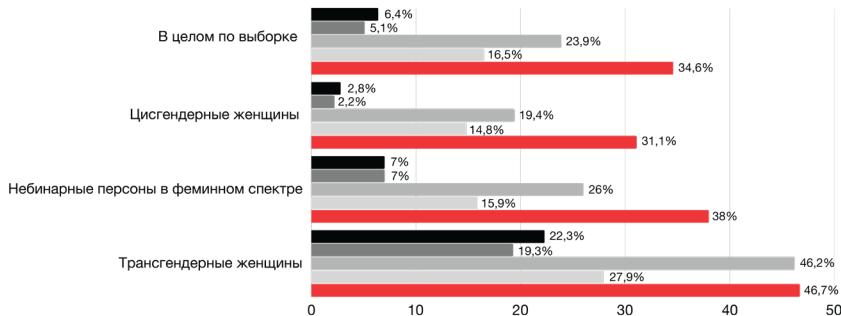

Иллюстрация 21. Дискриминация и ограничения в социально-экономических вопросах

небинарным персонам: среди тех, кто находится на маскулинном спектре, 67,3% сталкивались с критикой манер и умственных способностей, а 14,3% — с отказом в работе или увольнением, что примерно в два раза выше, чем среди небинарных персон на феминном спектре.

Однако более вероятной причиной трудовой дискриминации трансгендерных женщин является юридический аспект: после июля 2023 года в России растет число трансгендерных женщин, которые не могут сменить документы и вынуждены взаимодействовать в деловой сфере с мужским гендерным маркером. Влияние юридического гендерного маркера на экономическую независимость видно в самооценках квир-женщин: средняя оценка финансовой самостоятельности по 10-балльной шкале (1 — полностью завису от других, 10 — основной источник дохода) среди трансгендерных женщин, сменивших маркер на “женский”, составила 5,85, а среди тех, кто этого не сделал, — 4,13.

Гипотеза о влиянии несмененного гендерного маркера трансгендерных женщин на их трудовые права подтверждается данными о самоограничениях, на которые шли квир-женщины в России после начала полномасштабной войны, опасаясь угроз

и проблем. **Как показали результаты нашего исследования, наличие потребности в трансфеминном переходе обратно соотносится с отсутствием самоограничений:** о том, что они не прибегали к самоограничениям до февраля 2022 года, сообщили 64,4% квир-женщин без потребности в трансфеминном переходе заявили, что не прибегали к самоограничениям, 45,7% женщин, у которых потребность в переходе была и уже удовлетворена, и 38,8% женщин с актуальной потребностью в переходе.

Конкретные виды самоограничений подтверждают ту же тенденцию и усиливают различия между цис- и трансгендерными женщинами в областях образования и трудоустройства. Например, в посещении публичных культурных мероприятий ограничивали себя 12,8% цис-женщин (без потребности в трансфеминном переходе), 21,9% транс-женщин, завершивших переход, и 33,1% транс-женщин с несмененными документами — почти в три раза больше, чем у цис-женщин.

Схожая картина наблюдается в неформальных социальных взаимодействиях: в них себя ограничивали 29,2% цис-женщин и 38,1% транс-женщин (равные доли среди совершивших и не совершивших переход). **При этом самоограничения в получении образования встречались у цис-женщин (1,7%) почти в пять раз реже, чем у транс-женщин, завершивших переход (8,6%), и почти в семь раз меньше, чем у женщин с актуальной потребностью в переходе (12,2%).** Наконец, смену места работы из-за опасений не найти другую ограничивали 2,4% женщин без потребности в переходе, 10,5% завершивших переход и 16,5% женщин с актуальной потребностью — разница почти в шесть раз.

Еще более резкий разрыв между разными группами квир-женщин по принципу **потребности в трансфеминном переходе** наблюдается при самоограничении в отклике на желаемые вакансии: лишь 1,2% квир-женщин, никогда не испытывавших потребности в трансфеминном переходе, ограничивали себя в этом, что **почти в 8 раз меньше, чем среди трансгендерных женщин, завершивших переход (10,5%),** и **почти в 12 раз меньше, чем среди трансгендерных женщин с актуальной потребностью в переходе (14,4%).** Интересно, что среди небольшой группы транс-женщин, которые никогда не испытывали потребности в смене гендерного маркера (менее 1% выборки, 14 участниц), никто не ограничивал себя ни в откликах на вакансии, ни в смене работы, ни в получении образования (илл. 22).

Иллюстрация 22. Самоограничения квир-женщин в зависимости от потребности в трансфеминном переходе

Сравнение этих данных с ответами на аналогичный вопрос после начала полномасштабной войны России в Украине в 2022 году показывает, что **доля людей с опытом самоограничения увеличилась во всех подгруппах, однако среди транс-женщин рост оказался наиболее интенсивным**.

Об отсутствии самоограничений после начала войны сообщили всего 41,1% цисгендерных женщин (на 23% меньше, чем до войны), 17,1% трансгендерных женщин, совершивших переход (на 28,5% меньше), и лишь 12,9% трансгендерных женщин с актуальной потребностью в переходе (на 25,9% меньше).

Среди цисгендерных женщин, трансгендерных женщин, совершивших переход, и транс-женщин, не совершивших трансгендерный переход, соответственно:

- 32,7%, 58,1% и 61,2% ограничивали себя в посещении культурных мероприятий (примерно в три раза чаще, чем до 2022 года);
- 48,0%, 73,3% и 68,3% — в неформальных социальных взаимодействиях (примерно в два раза чаще);
- 4,6%, 23,8% и 25,2% — в получении образования;
- 7,2%, 31,4% и 36,0% — в смене места работы из опасения не найти другую;
- 3,8%, 32,4% и 36,7% — в отклике на желаемую вакансию (илл. 23).

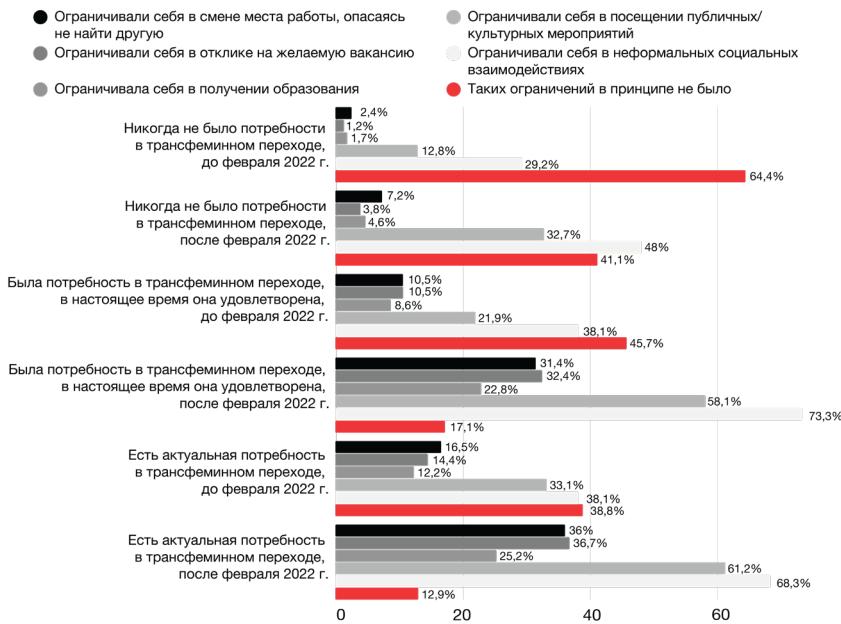

Иллюстрация 23. Сравнение динамики самоограничений до и после 2022 года

После начала полномасштабной войны в 2022 году показатели самоограничений всех групп квир-женщин ухудшились. Особенно это касается тех, кто никогда не испытывал потребности в трансфеминном переходе: их уровень самоограничений приблизился к довоенному уровню тех, кто эту потребность имеет или имел. Это подтверждает тезис правозащитников о “квиризации” социальных групп в России: категория “квир-людей”, имеющая в России негативные коннотации, охватывает все больше людей, подвергающихся дискриминации и насилию на основании сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Таким образом, дискриминационные законы и право-консервативный поворот, напрямую связанные с социальными трансформациями под влиянием войны России в Украине, усугубляют уже существующие в российском обществе тенденции к дискриминации ЛГБТИК-людей. Положение квир-женщин при этом зависит от того, насколько каждая подгруппа внутри этой совокупности идентифицируема как нецисгетеро-

женщины. В открытых ответах и интервью участницы опроса делились информацией о конкретных случаях дискриминации, злоупотребления и нарушения трудовых прав на основании гомо- и трансфобии. Эти случаи показывают, что репрессивные законы против ЛГБТИК+, решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской, а также контекст войны и милитаризация российского общества обостряют нарушения со стороны работодателей, усиливая чувство безнаказанности:

Хотели уволить из-за синего цвета волос, но дальше дело не пошло, потому что директор дал заднюю. Этот конфликт был освещен в соцсетях. Шантажировали увольнением за неподобающее поведение, которого не было. Намекали на то, что при увольнении напишут педофилию, если я не выйду из законного отпуска без официального отзыва из него. (Пансексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Приволжский ФО, крупный город)

... Пришлось сменить место работы, так как на предыдущем месте коллектив состоял в основном из женщин в возрасте 50+, которые были под полным влиянием государственной пропаганды. Они начали подозревать меня в принадлежности к “гейям”, и мои рабочие будни превратились в психологический ад (мелкие подставы перед начальством, беспринципное недовольство качеством работы, разговоры за спиной, “сочувствие”, что я одинокая, открытое высмеивание за внешность и одежду, провокационные высказывания по теме войны, молодежи, ЛГБТ и так далее). Организм начал сдавать, каждый день я плакала, подходя к работе и уходя домой. Появились физические симптомы тревожности, проблемы с желудком и пропал менструальный цикл (я знаю, что я еще очень и очень легко отдалась и меня только психологически “затюкали”). (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

На нынешней работе увольняют сотрудников, которые хоть как-то упоминали о личной жизни, причем, фабрикуя причины, увольняют по статье. Мне приходится молчать и много врать. До этого меня уволили только за одно упоминание в частном разговоре с коллегой. Разговор был в нерабочее время о том, кто как планирует провести выходные. Я сказала: “Еду со своей девушкой загород” ... (Бисексуальная феминная персона, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Из последнего — увольнение по причине того, что один из руководителей узнал о моей ориентации и социальной позиции. Я этого не скрывала. (Гомосексуальная женщина, Северо-Западный ФО, 36–45 лет, крупный город)

Охранники на КПП, когда узнали, что я трансдевушка, начали ко мне приставать, начали постоянно обыскивать, оскорблять меня, говорить, что я мерзкое создание и что было бы здорово, если бы таких, как я, всех поубивали. Всегда долго обыскивали меня с целью, чтобы все, кто проходят через КПП, видели, как надо мной издеваются, и что я недочеловек и недостойна жизни. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, крупный город)

Для квир-женщин в рабочих коллективах нередко создаются сложные условия, поскольку бытовая гомо- и трансфобия становится нормой общения. Квир-женщины часто вынуждены терпеть это, опасаясь возможных санкций или отсутствия механизмов для жалоб в случае возражений. Особенно психологически уязвимыми они оказываются в тех коллективах, где гомо- и трансфобия может сочетаться с оправданием войны:

Апатия. Постоянно на работе выслушиваю о злых вырожденцах-пидорах. Это угнетает и опускаются руки. Голова занята оскорблением и унижениями, которые слышу на работе, из-за этого не могу сконцентрироваться. [...] На работе каждый день слышу, что войну начали пидорасы, все из-за пидоров и надо уничтожить нас всех. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Южный ФО, средний город)

На новой работе сотруднице не нравилась моя короткая стрижка и мужская одежда. (Гомосексуальная небинарная персона на феминном спектре, 46–55 лет, Дальневосточный ФО, небольшой город)

Увольнение из школы, в которой я работал. Ушел тихо, не пытался добиться восстановления, нашел новую работу. ... Причиной стала “пропаганда среди несовершеннолетних”, хотя я просто поддерживал подростков. Уволили тихо, с идеальной рекомендацией, но одним днем, не хотели скандала. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Некоторые работодатели могут считать допустимой “слежку” за личной жизнью своих сотрудниц-квир-женщин и воспринимать проявления их негетеронормативности как повод для давления или угроз увольнением. В таких условиях квир-женщины часто ограничивают свою публичную видимость как ЛГБТИК-людей (например, в социальных сетях) не только из-за действия репрессивных законов, но и из-за опасений потерять работу:

Начальница, проznав про отношения с моей коллегой, с которой до сих пор вместе живем, каждую неделю почти приходила и орала – выбирайте кто из вас увольняется. Из-за слухов. В итоге успокоилась. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет Уральский ФО, небольшой город)

Мне пришлось удалить из социальных сетей все, что связывало бы меня с сообществом. Чтобы меня не уволили и не оштрафовали. Без работы я окажусь на улице, у меня съемное жилье. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я несколько раз получала жалобы в социальных сетях, что таким, как я, нельзя работать с детьми. [...] Мне угрожали пожаловаться руководству, что меня уволят. [...] Не знаю, связано ли это с моими постами или реальной жизнью. Несколько раз на работе со мной были “беседы”, что мой внешний вид не соответствует виду педагога. Хотя я уже три года не красила волосы, чтобы ко мне не было лишних вопросов. [...] Возможно, какие-то мои личные истории (типа как мы вместе ходили в зоопарк) были считаны так, что я нахожусь в отношениях с девушкиой. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Те же произвольные требования к внешнему виду и поведению могут использоваться работодателями уже при приеме на работу, что приводит к прямой дискриминации ЛГБТИК-людей в реализации их права на труд. На это часто невозможно жаловаться из-за действия дискриминационных законов. Наибольшей уязвимости подвергаются квир-женщины, которые открыто проявляют себя в социальных сетях или чья внешность содержит элементы, воспринимаемые как “недостаточно феминные”. Такие основания для отказа в приеме встречались как у цисгендерных женщин, так и у небинарных персон и трансгендерных женщин. Для последних даже само подозрение в том, что женщина когда-

либо совершала трансгендерный переход, может стать проблемой. В нашем исследовании такие случаи оказались достаточно распространенными:

Меня не принимали на хорошую работу, либо потому что я девушка, либо потому что я выглядела недостаточно феминно. (Гоморомантическая бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Один раз мне отказали в трудоустройстве. Менеджер прочитала мой открытый канал, в котором я просто рассказывала про свою жизнь (про свою партнерку и прочее), и отказалась от меня в трудоустройстве. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

На третьем этапе собеседования, после двух дней стажировки, руководитель отдела увидела мой стих про ЛГБТ где-то в заброшенной группе стихов, и высказала резко негативный комментарий. Сказала, что не хочет, чтобы я здесь находилась и порочила компанию. (Гомосексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Уральский ФО, большой город)

Я не успела сделать нижнюю операцию, но успела сменить документы. С ними проблем в целом меньше, но ни одну медицинскую комиссию на официальную работу не пройти. (Асексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Сибирский ФО, маленький город)

В чайный бар требовался работник, но никто не откликнулся. Подруга, которая там работала, предложила мою кандидатуру. Меня пригласили, я вышла на работу (без официального трудоустройства). Меня изначально представили актуальным именем, ко мне было хорошее отношение от начальницы, она относилась ко мне правильно, как к девушке. Но как оказалось, она не поняла, что я трансдевушка. Посовещавшись с другой подругой (она дочь этой начальницы), я решила рассказать обо всем начальнице, чтобы избежать недопониманий в дальнейшем. Оскорблений и ненависти не было, но через несколько дней после этого она сказала, что другие люди откликнулись на вакансии, и моя помощь больше не нужна. По сути меня просто выгнали. (Пансексуальная/демисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, небольшой город)

Тщательная трехэтапная проверка у гинеколога при приеме на работу. Так и сказали: что это требуют сверху. (Бисексуальнаяcisгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

В одном собеседовании отказали в приеме по причине “слишком консервативная команда”. У меня голос мужской, а все остальное женское, видимо, диссонанс они тоже почувствовали и не стали рисковать. (Асексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Отказывали в приеме на работу на должность юриста (у меня юридическое образование и богатый опыт, а главное — желание работать на совесть), на другие вакансии тоже не брали, ссылались на нежелание работать с трансгендерным человеком. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, большой город)

Феминные или маскулинные элементы во внешности и поведении квир-женщин становятся особенно проблемными, если им не соответствует гендерный маркер в удостоверении личности. С давлением и дискриминацией на основании “недостаточно феминной внешности” сталкиваются не только трансгендерные женщины, но и квир-женщины или небинарные персоны с маскулинной экспрессией:

На собеседованиях говорили, что я выгляжу “непрофессионально” (дело было не в одежде или прическе, а именно в том, что возможно изменить только хирургией и/или гормонами). (Бисексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Я нелегально начали гормональную терапию, моя внешность не соответствует документам, и я вынуждены подрабатывать курьером и в фастфуде, потому что на другие вакансии меня не берут. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Мы спросили респонденток о том, повлияли ли на их занятость два события: вступление в силу в декабре 2022 года федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и решение Верховного Суда РФ в ноябре 2023 года о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской. 2,7% квир-

женщин сообщили, что потеряли работу или основной источник дохода под влиянием первого события, а 2% — под влиянием второго. **При этом трансгендерные женщины отмечали потерю работы или основной занятости в несколько раз чаще, чем цисгендерные: в первом случае — 8,6% против 1,6%, во втором — 6,1% против 1%.**

В условиях действия репрессивных законов против ЛГБТК-людей работодатели могут не выполнять свою обязанность по обеспечению безопасности квир-сотрудников на рабочем месте. Особенно уязвимыми оказываются квир-женщины, работающие на неквалифицированных должностях, подразумевающих прямые контакты с клиентами, например, продавцы. Часто выбор таких позиций связано с социальной маргинализацией и стигматизацией квир-женщин. Проблема становится особенно острой для трансгендерных женщин: на рынок труда выходят те, кто по возрасту не успел сменить юридический гендерный маркер. Для них из-за стигматизации и психологических трудностей доступ к высшему образованию и квалифицированной работе сильно ограничен.

В некоторых случаях работодатели сами ограничивают занятость ЛБТИК-сотрудниц, опасаясь возможных проблем для предприятия в условиях гомо- и трансфобных настроений в обществе, особенно если люди выглядят негетеронормативно:

Так как моя работа связана с взаимодействием с людьми — я часто сталкиваюсь с угрозами физического насилия, причиной для этого становится даже длина моих волос. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, небольшой город)

Будучи продавцом, неоднократно получала угрозы от покупателей разобраться/убить “пидора”. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 46–55 лет, Центральный ФО, крупный город)

На работе (заведение общепита) посетитель в отсутствие сменщицы, охраны и других посетителей начал трогать и хватать меня за руки, предлагал секс и изрыгивал мерзкие слова на сексуальную тему, пока не вернулась сменщица и не вызвала охрану, после чего он несколько месяцев приходил в заведение на мои смены, чтобы выкрикивать оскорблений в наш адрес. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Дальневосточный ФО, средний город)

На работе сказали, что некоторые заказчики не будут со мной работать из-за смененного маркера в документах. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Приволжский ФО, большой город)

Из-за моего внешнего вида на работе ограничивали мое участие в публичных мероприятиях, не выдвигали для получения наград и поощрений. (Асексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, средний город)

За последний год — я и девушки сталкивались с домогательствами от мужчин (на работе, в транспорте, на улице) чаще, чем ранее. Уволили с работы, потому что на нас набросился мужчина с крайне неадекватным поведением и оскорблением, а мы пытались защитить себя (словесно), но начальство встало на его сторону. Трудовая инспекция не помогла. (Гоморомантическая бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я работала за кассой в продуктовом магазине, и со мной часто пытались познакомиться, но я открыто говорила, что являюсь лесбиянкой — так почти все из них были уверены, что смогут меня “исправить”, ведь у меня “мужика нормального не было”. Порой даже сталкивалась с домогательствами от тех же самых мужчин, а один раз и с изнасилованием... (Гомосексуальная интерсекс-женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

В феврале 2025 года подобная ситуация стала публичной: в городе Владимир (Центральный ФО, средний город) представитель праворадикальной организации “Ветераны России” пришел в магазин сети “Пятерочка”, после чего начал снимать на камеру и допрашивать сотрудницу магазина — трансгендерную женщину с несменными документами. Поводом для интереса активиста стал внешний вид сотрудницы: мужское имя на бейдже в сочетании с длинными волосами и макияжем. В ходе оскорблений он прокричал в ее адрес: “За таких, как ты, пацаны в окопах мрут”.

В результате этого инцидента работодатель не стал защищать свою сотрудницу от насилия и нападения на нее на рабочем месте. После размещения на сайте “Ветеранов России” требований “разъяснить ... как руководство торговой сети относится к таким ситуациям и какие меры принимает для соблюдения правовых норм Российской Федерации”, работодатель уволил трансгендерную работницу²⁹.

29 Трансгендерную кассиршу уволили из магазина после доноса “активистов” // Радио Свобода. 09.02.2025. URL: <https://www.svoboda.org/a/transgendernyu-kassirshu-uvolili-iz-magazina-posle-donosa-aktivistov-/33308562.html> (дата обращения: 01.08.2025).

В заявлении, размещенном на сайте праворадикальной организации “Ветераны России”, действия ее активиста были обоснованы тем, что он осуществлял контроль за соблюдением законодательства (в данном случае — репрессивного федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды”).

Этот случай наглядно показывает, что используя насилиственные методы (угрозы насилием, запугивание, психологическое давление, раскрытие персональных данных), праворадикальные движения в России рассматривают себя как союзников государства в части антигендерной повестки: активно поддерживают его законы, дискриминирующие ЛГБТИК-людей, и содействуют их исполнению. Одновременно с этим “Ветераны России” обосновывают свою бдительность в отношении исполнения законов их общественной значимостью — необходимостью защищать “традиционные ценности”, а также “угрозой обществу” и “детям” со стороны трансгендерных людей, даже если последние не ведут никакой публичной деятельности, а просто видимы во время исполнения рабочих обязанностей. Более того, значимость “угрозы” легитимируется тем, что говорит о ней “ветеран СВО”, становящийся своего рода рупором правого радикализма в России и каналом его связи с государственной повесткой и законодательством:

Поводом для обращения стал инцидент, получивший общественный резонанс: в одном из магазинов “Пятерочка” покупатель обнаружил кассира-трансгендера.

В условиях действующего законодательства и введенного запрета на пропаганду ЛГБТ* в России движение “Ветераны России” требует от X5 Group разъяснить официальную позицию компании в связи с произошедшим инцидентом. Важно понимать, как руководство торговой сети относится к таким ситуациям и какие меры принимает для соблюдения правовых норм Российской Федерации.

Кроме того, в Генеральную прокуратуру РФ и Следственный комитет России направлены обращения с просьбой провести проверку на предмет возможного нарушения законодательства, связанного с пропагандой ЛГБТ*. [...]

Председатель движения “Ветераны России”, доброволец СВО Ильдар Резяпов:

“В нашей стране четко обозначена государственная политика по защите традиционных ценностей, и любые попытки навязать чуждые нам идеологии должны встречать жесткий общественный отпор.

Случай в «Пятерочке» вызвал резонанс, и у людей есть законное право получить разъяснения от руководства X5 Group. Почему в российской торговой сети происходят подобные вещи? Какие меры принимаются для предотвращения возможной пропаганды среди покупателей, среди наших детей?

Мы направили обращения в Генеральную прокуратуру РФ и Следственный комитет России с просьбой проверить ситуацию на предмет нарушений законодательства³⁰.

В таких ситуациях у квир-женщин мало возможностей защитить свои права, потому что гомо- и трансфобия в обществе сочетается со страхом работодателей перед праворадикальным насилием и действием квирофобных законов в России. Сам текст этих законов делает подобные нарушения возможными: критерии «ЛГБТ-пропаганды» остаются крайне размытыми (см. подробнее в гл. 4.2), что позволяет праворадикальным активистам самим определять, когда трудовые права квир-женщины могут быть нарушены, если она кажется им «опасной».

С начала полномасштабной войны квир-женщины в России сталкиваются с похожими трудностями при получении образования. Негетеронормативная внешность или поведение может становиться поводом для доносов — по личной неприязни, из-за недобросовестной конкуренции или злоупотребления полномочиями. Давление при этом оказывают не только преподаватели и администраторы, но и коллеги или другие студенты:

Я подвергалась всяческим нападкам со стороны воспитательниц в учебном общежитии и руководства колледжа. Меня будто бы специально изводили. И по итогу все это стало

причиной отчисления из учебного заведения. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, небольшой город)

Мы с моей девушкой, обе — студентки одного и того же вуза — жили в общежитии, в городе Дубна. Мы жили в одной комнате, и кто-то на нас пожаловался [что мы лесбиянки и состоим в отношениях]. Мы всегда ходили вдвоем, и уже это

³⁰ «Ветераны России» потребовали разъяснений от X5 Group по поводу кассира-трансгендера в «Пятерочке», а также обратились в Генпрокуратуру и СК // Ветераны России. 01.02.2025. URL: <https://veteransrussian.ru/novosti/novosti-ood/veterany-rossii-potrebovali-razysneniya-ot-x5-group-po-povodu-kassira-transgendera-v-pyatyerochke-a-takzhe-obratilis-v-genprokuratoru-i-sk/> (дата обращения: 01.08.2025).

было подозрительно. И этого оказалось достаточно. Поскольку я была старше, меня сочли "зачинщицей". Был большой скандал с соседями и комендантом общежития. Меня выселили оттуда, и я осталась без жилья. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

В колледже мне говорили, что я занимаюсь "ЛГБТ-пропагандой". Меня тогда вызвали к завучу, где присутствовали и другие педагоги. Один из них преградил мне путь к выходу, с ненавистью смотрел на меня. Он сказал что-то по типу: я конечно знаю, какое сообщество ты представляешь, но постарайся меньше выделяться, если проблем не хочешь. Это была не единственная ситуация. Подобное отношение было в том числе от многих педагогов, были угрозы и со стороны студентов. К слову, я всегда выглядела опрятно. Строгий классический костюм, туфли, сумка, украшения, легкий макияж, но мои длинные волосы, были для них словно красный флаг для быка. [Настояли сначала на переводе меня на заочное обучение, потом на моем уходе из колледжа]. [Одногруппники мне] сказали, что [руководители колледжа] просто ждут того момента, когда я приду к ним "нормальным" человеком. (Интервью, Белла, 19–25 лет, Сибирский ФО).

Важно, что в России квир-женщины сталкиваются с гомо- и трансфобной агрессией не только со стороны руководства и преподавателей, но и со стороны других студентов. После февраля 2022 года наблюдается усиление правоконсервативной активности среди молодых людей, проявляющееся в поощрении слежки за "непатриотичным" поведением и доносительстве, что делает эту проблему особенно заметной. Как и в ситуациях давления со стороны начальства, квир-женщины опасаются жаловаться, а при отсутствии явных злоупотреблений часто не знают, как действовать.

В учебном заведении лично и онлайн в чате группы сталкивалась с трансфобными высказываниями, шутили над [моим] именем, создавали фейк-аккаунты и писали от моего лица, какая я шлюха (в чате параллельной группы). (Бисексуальная трансгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, крупный город)

Выразила мнение насчет гомофобных законов в студентском чате университета, получила в личные сообщения угрозы физической расправы от кавказцев университета. Обращаться

некуда, достаточно посмотреть, что творится с Адамом Кадыровым. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Про мою ориентацию знают от одногруппницы, которая на диктофон записывала наши диалоги между парами, а про мою политическую позицию — конкретно от меня. Из-за того, что я не сдавала деньги на войну, мне сказали быть готовой к “особому” отношению, после чего меня лишили корочки о дополнительном образовании. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, маленький город)

Обычно инициаторы — это знакомые по учебе/работе. Люди, с которыми я вынуждена общаться. Это может быть обычный разговор и внезапная уничижительная шутка или прямые уничижительные комментарии на тему ориентации и прочего. Я не обращалась за помощью, только рассказывала о ситуациях партнерше. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Моя одногруппница натравила на меня около тридцати человек со всего потока, которые в закрытом чате оскорбляли мою внешность (в том числе вес), унижали за ориентацию и умственные способности. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Гомо- и трансфобное давление в профессиональных коллективах может стать одной из причин, по которой квир-женщины отказываются от постоянной очной работы в пользу того, чтобы заниматься фрилансом или работать удаленно (в среднем по выборке, 9,7% квир-женщин сообщили, что подрабатывают регулярно, а 15,7% — что подрабатывают иногда). Часто такая занятость означает меньший и менее стабильный заработок, особенно в условиях международной изоляции России и действия экономических санкций (см. подробнее в гл. 1). Василиса рассказывает в интервью, что после начала полномасштабной войны уволилась с постоянной очной работы, чтобы обезопасить себя от обвинений в ЛГБТИК-пропаганде, а также чтобы выделить больше времени на активизм. Это решение существенно сказалось на уровне ее достатка:

Я довольно много потеряла с деньгах и в стабильности с начала войны. Я работала в школе, плюс у меня была частная практика. Я ушла сначала из школы, а потом вообще

из педагогики — сразу после того, как минюст подал иск [о признании “международного движения ЛГБТ” экстремистским]. [...] Я много сил и времени трачу на волонтерские проекты, за которые ничего не платят, пишу для местного квир-медиа, а на подработку [ресурсов] уже не очень остается. (Интервью, Василиса и Ангелина, Приволжский ФО)

В интервью с Ириной затрагивается ее опыт работы уличным музыкантом, от которой ей пришлось отказаться после того, когда Верховный Суд РФ признал несуществующую организацию “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской. Ирина опасалась агрессии со стороны общества, когда она работала в публичных местах.

Люди стали более агрессивно реагировать на меня, когда я играю музыку в транспорте и на улицах, приставать с расспросами, давать “дельные советы”, как мне жить, давали негативные комментарии. Я не выгляжу как типичная цисгендерная женщина, им трудно понять, что я и кто я, и это работает как фактор, из-за которого они проявляют агрессию. С парикмахерской деятельностью — я красила и стригла в основном трансгендерных и гендерно-небинарных людей, и они все стараются уехать из РФ, я просто потеряла клиентскую базу. (Интервью, Ирина, Северо-Западный ФО, крупный город)

В таких ситуациях наиболее заметными, а значит, чаще подвергающимися трудовой дискриминации, оказываются:

- цис-женщины, открыто выраждающие свою бисексуальную или гомосексуальную идентичность или вступающие в негетеросексуальные отношения;
- небинарные люди, чья идентичность проявляется в негетеронормативной внешности;
- трансгендерные женщины, как сменившие, так и не сменившие документы.

В условиях правого поворота, который проявляется, в частности, в узаконенной дискриминации ЛГБТИК-людей и в гомо- и трансфобной государственной риторике ненависти, категория гендерной идентичности, влияющая на внешние проявления человека, становится ключевой для понимания механизмов дискриминации и уязвимости перед насилием.

Часть II. Репрессивные законы и квир-женщины в России: Юридический и социальный анализ

Глава 4. Антигендерное законодательство: Новые юридические нормы и государственная пропаганда

§1 Кампания против ЛГБТИК-людей как часть информационной пропагандистской кампании в поддержку войны России в Украине

С февраля 2022 года жизнь ЛГБТИК-людей в России изменилась. Агрессивная война привела к милитаризации российского общества и введению новых законов против ЛГБТИК-людей. С этого момента российские власти объявили борьбу с квир-людьми одним из основных элементов внутренней политики³².

С 2013 года в России на федеральном уровне существует закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних”³³, который до изменений 2022 года³⁴ запрещал распространение информации о квир-людях среди лиц до 18 лет. Он позволил инициировать в федеральном масштабе стигматизацию и дискриминацию ЛГБТИК-людей.

В 2022 году закон был расширен — стал запрещать “пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений” не только

³² Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”.

³³ Федеральный закон от 29.06.2013 N 135-ФЗ “О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей”.

³⁴ Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”.

среди несовершеннолетних, но и среди людей всех возрастов. В 2023 году был принят федеральный закон о запрете юридического и медицинского трансгендерного перехода, а в ноябре 2023 года — несуществующая организация “Международное общественное движение ЛГБТ” была объявлена экстремистской организацией и ее деятельность запрещена в России³⁵. Новый этап кампании против квир-людей, реализуемый Россией после февраля 2022 года, — это интенсивная и организованная государственная кампания по полному стиранию видимости ЛГБТИК-людей из публичного поля и инициированию репрессий в отношении ЛГБТИК-людей в связи с их идентичностью.

С февраля 2022 года в связи с началом полномасштабного вторжения России в Украину российские власти избрали ЛГБТИК-людей в качестве социальной группы, на которую направили негативное агрессивное внимание российского общества³⁶. На фоне неудач в военных действиях это позволило российским властям получить поддержку большого количества людей, легко подверженных пропаганде³⁷, и направить агрессию, аккумулирующуюся в российском обществе на фоне всеобщей милитаризации, на квир-людей. Таким способом российские власти объединили вокруг себя сторонников искусственной концепции “традиционных ценностей”, мобилизовав население на борьбу не только с “внешним врагом” — Украиной, но и с назначенным “внутренним” врагом — ЛГБТИК-людьми.

По сути введение новых квирофобных законов и практика их применения на фоне роста авторитаризма и милитаризации российского общества показывают, как российские власти продвигают среди жителей России нарратив о том, что ЛГБТИК-люди — это люди второго сорта, в отношении которых оправданы

35 См., например: Юрист Оленичев: Государство стремится сделать миллионы ЛГБТ-людей в России невидимыми, но они никуда не исчезнут// The Insider. 19.04.2023. URL: <https://theins.ru/news/261099> (дата обращения: 05.10.2023).

36 Признание “движения ЛГБТ” экстремистским не коснется всех открытых ЛГБТ-людей. Оно нужно власти для давления на активистов — юрист Оленичев // The Insider. 17.11.2023. URL: <https://theins.ru/news/266881> (дата обращения: 09.08.2025).

37 Российское общество крайне неоднородно. В условиях введения в стране цензуры независимая социология по вопросам военных действий в России практически невозможна. Между тем независимые социологические проекты, не аффилированные с государством, проводят опросы. Согласно данным исследовательского проекта “Хроники”, в феврале 2025 года 41% опрошенных жителей России выступали за вывод войск с территории Украины и начало переговоров о перемирии. Источник: <https://www.chronicles.report/chapters> (дата обращения: 09.08.2025).

Россия множество людей активно выступают против войны России в Украине даже под риском уголовного преследования. По данным ОВД-инфо, за последние 3 года по состоянию на 24.06.2025 года в суды поступило 11 591 дел об административных правонарушениях в связи с высказываниями против войны (ст. 20.3.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях), российскими правоохранительными органами было осуществлено 20 103 задержания за антивоенную позицию, 1 185 человек подверглись уголовному преследованию за свои антивоенные взгляды. Многие люди в России не поддерживают войну, не имея возможности выразить свою антивоенную позицию из-за цензуры, уголовного преследования и запугивания со стороны государства.

проявления насилия и агрессии. Такая кампания основана на государственной идеологии, возникшей в связи с агрессивной войной России против Украины, а квирофобная кампания — один из основных столпов поддержки такой войны. Этому есть несколько причин.

Во-первых, по мнению российских властей, квир-люди — это носители западной культуры, а значит, в период военных действий, когда Россия окружена “недружественными странами”, квир-люди автоматически назначены государством сторонниками западных стран, которые противостоят России в ее войне в Украине. Значит, по мнению властей, ЛГБТИК-люди в силу уже одного этого факта представляют угрозу “традиционным” ценностям российского государства, а следовательно, и политике российских властей.

Во-вторых, государственная пропаганда, законы и практики их применения приводят к усилению стереотипов и стигматизации в отношении ЛГБТИК-людей. Государство через подконтрольные медиа навязывает российскому обществу идеи об инаковости квир-людей. При этом последние противопоставляются, как назначенные государством носители “нетрадиционных” ценностей, “традиционным” ценностям (под последними российские власти понимают патриархальный уклад общества, в котором не может быть проявлений сексуальности и свободы, а интересы государства стоят выше интересов личности), которых якобы придерживаются гетеросексуальные цисгендерные люди. Это позволяет разделить российское общество на “своих” и “чужих”, а значит, инициировать искусственные конфликты и управлять ими внутри российского общества в условиях его милитаризации.

В-третьих, в авторитарном государстве нет места свободе. ЛГБТИК-люди не вписываются в патриархальные представления российской власти об устройстве общества, которое сегодня восстанавливается по неосоветским канонам. Российские власти в целом отрицают прогрессивные изменения общества, видя в учете потребностей ЛГБТИК-людей и в их видимости угрозу традиционному порядку и “духовно-нравственным ценностям”, присущим российскому обществу, по мнению властей. В этом контексте борьба против ЛГБТИК-людей выступает как необходимый элемент более широкой антигендерной повестки, идеологической войны с “недружественными странами” (которую ведет Россия) и как навязывание “морального” образа жизни, определенного российским государством в зависимости от идеологических представлений лиц, осуществляющих управление

страной. Несмотря на идеологическую составляющую, принимаемые и применяемые законы на практике приводят к нарушению прав и преследованию конкретных ЛГБТИК-людей и их союзников.

Нarrатив о “традиционных” ценностях последовательно закрепляется в официальных документах, определяя смысл и содержание деятельности российских государственных органов:

- В 2021 году президент России утвердил Стратегию национальной безопасности, в которой указал, что “человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов”, что происходит “насаждение чуждых идеалов и ценностей”, а все, что противоречит традиционным ценностям — это “угроза национальной безопасности”³⁸.
- В 2022 году президент России утвердил Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³⁹. Согласно им, традиционные ценности — это нравственные ориентиры, особая роль в установлении и укреплении которых принадлежит православию⁴⁰. Кроме того, Российская Федерация “рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала”⁴¹. По мнению президента России, “идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей [далее — деструктивная

³⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. Согласно п.2 Стратегии — это базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

³⁹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”.

⁴⁰ Пункты 4 и 6 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 N 809.

⁴¹ Пункт 8 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 N 809.

идеология], включая [...] разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений”⁴².

Такие положения не остаются только частью документов. Они постоянно озвучиваются и применяются (в том числе в законотворчестве, деятельности органов исполнительной власти, религиозных и социальных практиках) политиками, государственными и религиозными деятелями, объединившимися вокруг идеи продолжения агрессивной войны России против Украины.

В 2019 году президент России Владимир Путин на саммите “Большой двадцатки” в Осаке сообщил: “Сейчас ведь чего только нет... Шесть или пять полов напридумывали. Трансформеры, транс... Я не понимаю, что это такое. Дай бог здоровья всем. Но проблема в том, что эта часть общества достаточно агрессивно навязывает свою точку зрения подавляющему большинству”⁴³.

24 февраля 2022 года, в день полномасштабного вторжения России в Украину, президент России Владимир Путин заявил, что попытка западных государств “разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека. Этому не бывать, никогда и ни у кого этого не получалось. Не получится и сейчас”⁴⁴. Таким образом, Путин объявил защиту традиционных ценностей — нарратив, вокруг которого российские власти строят свою политику уже более 15 лет, выступающий краеугольным камнем государственной российской идеологии — одним из оснований для развязывания агрессивной войны, а значит, и стирания ЛГБТИК-людей из российской реальности.

В 2022 году председатель Совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) Валерий Фадеев заявил, что “ЛГБТ, чайлдфри, эвтаназия — это идеология смерти, а не развития и жизни. Это явный признак тяжелейшего вырождения западной идеологии, которая двигала мир. Нам не остается ничего

⁴² Пункт 14 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 N 809.

⁴³ “Шесть или пять полов напридумывали. Трансформеры, транс...” Кратчайший пересказ пресс-конференции Путина после саммита G20 // Meduza. 29.06.2019. URL: <https://meduza.io/paragraph/2019/06/29/shest-ili-pyat-polov-napridumyvali-transformery-trans> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴⁴ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 07.08.2025).

другого, как искать новые идеологии”⁴⁵.

В 2023 году патриарх Московский и Всея руси Кирилл высказался о том, что “[...] война, в которую сегодня вовлечена Россия, — это война прежде всего за человеческие души, за право сохранять свою духовную и культурную идентичность. Мы не хотим жить так, как живут они. Мы не хотим легализовать «браки» между лицами одного пола. Мы не хотим, чтобы с детства разрушалось нравственное начало через «половое воспитание». Поэтому мы как цивилизация бросаем вызов Западу”⁴⁶.

В 2023 году его поддержал муфтий Чеченской Республики Салах Межиев: “СВО для мусульман РФ является священным джихадом, потому что мы боремся против против коллективного Запада, который несет зло, нечисть, сатанизм не только мусульманам, а всему человечеству. [...] Люди, которые говорят, что ЛГБТ — это закон, надо принять такой закон — это сатанисты. Они несут зло не только мусульманам, они несут зло против всего человечества. Россия противостоит этому злу и это священная война. Для всей России, а в частности для мусульман, это священный джихад”⁴⁷.

30 ноября 2023 года, в день, когда судья Верховного Суда РФ Олег Нефедов принял решение о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской, Петр Толстой, заместитель председателя Государственной Думы РФ, пропагандист и активный сторонник войны России в Украине, заявил:

Сегодня суд признал движение ЛГБТ экстремистской организацией. Вне всякого сомнения, это историческое событие, ведь наша страна покусилась на самое “святое” из существующего в либеральном мире.

ЛГБТ — это не какие-то несчастные геи или лесбиянки, с которыми, как нам говорят, решила бороться Россия. На самом деле, это хорошо организованный и четко спланированный

проект по подрыву традиционных обществ изнутри. Содомия — это грех и полная противоположность традиционным ценностям. А содомия в красивой упаковке — это еще и привлекательный продукт, призванный совершить эту подмену. В этом и состоит задача. Все остальное — лишь прикрытие.

45 Глава СПЧ заявил о признаках “тяжелейшего вырождения” западной идеологии // ТАСС. 04.10.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15951085?ysclid=lp7xlnlag317345338> (дата обращения: 07.08.2025).

46 Ibid.

47 Муфтий ЧР: “СВО для мусульман России — священный джихад” // Чечня сегодня. 23.10.2023. URL: <https://chechnyatoday.com/news/369653> (дата обращения: 07.08.2025).

Конечно, принятый в прошлом году закон о запрете пропаганды ЛГБТ обрубил многие щупальца этого монстра. Но уничтожать нужно не щупальца, а монстра целиком⁴⁸.

До этого, осенью 2023 года, он заявлял: “Если рассматривать пропаганду и одобрение ЛГБТ в качестве инструмента гибридной войны, то она несет опасность не только для наших детей, но и для всего общества. Мы вступили в решающий этап битвы за наши традиционные семейные, моральные и религиозные ценности, итогом которой может быть только победа”⁴⁹.

Это свидетельствует о том, что систематическое ограничение прав ЛГБТИК-людей после февраля 2022 года — часть идеологии именно российской власти (а не российского общества), которая стремится ограничить ЛГБТИК-людей в правах, мобилизуя население страны на борьбу с квир-людьми как внутренним врагом для продолжения войны России в Украине.

Квирофобная кампания — это составная и неотъемлемая часть сегодняшней государственной российской пропаганды и дезинформации, направленной на укрепление стереотипов, стигматизацию квир-людей и милитаризацию российского общества.

Согласно данным опросов Левада-Центра, с 2019 по 2024 годы количество жителей России, поддерживающих ЛГБТИК-людей⁵⁰, снизилось на треть — с 47% до 30%⁵¹. Это прямое следствие государственной пропаганды и дезинформации.

Эти же данные показывают, как искусственный нарратив о “пропаганде ЛГБТ”, придуманный и продвигаемый российскими властями в рамках государственной пропаганды, повлиял на отношение жителей России к ЛГБТИК-людям.

48 Официальный телеграм-канал Петра Толстого: https://t.me/s/petr_tolstoy (дата обращения: 07.08.2025).

49 В Госдуму внесли пакет законопроектов о запрете “ЛГБТ-пропаганды” // Meduza. 20.10.2022. URL: <https://meduza.io/news/2022/10/20/v-gosdumu-vnesli-paket-zakonoproektorov-o-zaprete-lgbt-propagandy> (дата обращения: 07.08.2025).

50 К сожалению, вопросы Левада-Центра были направлены на выявление отношения жителей России только к геям и лесбиянкам. Однако в России нет других исследований, проведенных ключевыми социологическими центрами, на тему отношения россиян к ЛГБТИК-людям.

51 “Левада-центр”: треть россиян считают, что у геев и лесбиянок должны быть равные права с другими гражданами. Два года назад так считал почти каждый второй // Meduza. 15.10.2021. URL: <https://meduza.io/news/2021/10/15/levada-icentr-tret-rossiyan-schitayut-chto-u-geev-i-lesbiyanok-dolzhny-byt-ravnye-prava-s-drugimi-grazhdanami-dva-goda-nazad-tak-schital-pochti-kazhdyy-vtoroy> (дата обращения: 07.08.2025); Отношение к гомосексуальности, правам ЛГБТ-людей и “пропаганде гомосексуализма”: октябрь 2024 // Левада-Центр. 18.11.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/11/18/otnoshenie-rossiyan-k-gomoseksualnosti-oktyabr-2024/> (дата обращения: 07.08.2025).

Год опроса	2019	2021	2024	Вывод
Количество людей, выступающих за равные с другими права для геев и лесбиянок	47%	33%	30%	Устойчивое уменьшение количества сторонников равенства
Количество людей, которые не согласны с тем, что геи и лесбиянки в России должны пользоваться такими же правами, как и другие граждане	43%	59%	62%	Устойчивый рост настроений, направленных на дискриминацию геев и лесбиянок

Отсюда можно сделать следующие ключевые выводы⁵²:

- Перед вступлением в силу федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних” в феврале 2013 года 27% опрошенных заявили о том, что относятся к людям гомосексуальной ориентации с отвращением или страхом. За 11 лет действия закона (в 2024 году) доля таких ответов увеличилась на 17% — до 44% опрошенных. В 2021 года она составляла 38%⁵³. Наблюдается устойчивый рост укрепления стереотипов и предрассудков в отношении ЛГБТИК-людей.
- Если в 2021 году, накануне полномасштабного вторжения России в Украину, 31% опрошенных относились к гомосексуалам спокойно, без особых эмоций, то в 2024 году доля таких ответов уменьшилась до 25%.

При этом опрос 2024 года показал несколько групп, представители которых чаще всего соглашались, что не стали бы прекращать общение, если бы узнали, что их знакомые — геи или лесбиянки:

- 42% лиц, идентифицирующих себя как женщин,
- 43% лиц, имеющих высшее образование,
- 45% тех, кто считает, что дела в стране идут по неверному курсу,

⁵² Отношение к гомосексуальности, правам ЛГБТ-людей и “пропаганде гомосексуализма”: октябрь 2024 // Левада-Центр. 18.11.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/11/18/otnoshenie-rossiyan-k-gomoseksualnosti-otktyabr-2024/> (дата обращения: 07.08.2025).

⁵³ “Левада-центр”: треть россиян считают, что у геев и лесбиянок должны быть равные права с другими гражданами. Два года назад так считал почти каждый второй // Meduza. 15.10.2021. URL: <https://meduza.io/news/2021/10/15/levada-tsentr-tret-rossiyan-schitayut-chto-u-geev-i-lesbiyanok-dolzhny-byt-ravnye-prava-s-drugimi-grazhdanami-dva-goda-nazad-tak-schital-pochti-kazhdyy-vtoroy> (дата обращения: 10.08.2025).

- 50% тех, кто доверяет YouTube в качестве источника информации,
- 50% тех, кто доверяет Telegram в качестве источника информации,
- 52% молодежи (до 24 лет),
- 83% тех, у кого есть знакомые гомосексуальной ориентации.

Все эти группы в той или иной степени маргинализируются в ведущей войне России: как не согласные с политическим курсом в условиях авторитарного государства; как доверяющие независимым источникам информации, которые подвергаются блокировке, и сомневающиеся в государственной пропаганде; как те, кто не входит в социальные группы, поддерживающие милитаристский и изоляционистский курс.

На фоне этих опросов предшествующих лет, наше исследование 2025 года показало крайне высокую распространенность среди квир-женщин убеждения в том, что они не могут удовлетворить в России базовые потребности в безопасности, равенстве и личном достоинстве:

- 90,2% ответивших сообщили, что не могут быть открытыми в России как ЛБТИК-персона,
- 85,5% респонденток не могут открыто выражать свою гражданскую позицию,
- 80,2% квир-женщин заявили, что не могут по закону иметь равные права с другими людьми как ЛБТИК-персоны (при этом среди гомосексуальных женщин процент ответивших таким образом максимально высок — 85,4%),
- 78,1% квир-женщин сообщили, что не могут на практике иметь равные права с другими людьми как ЛБТИК-персоны (при этом об так ответили 82,8% гомосексуальных женщин, 4 из каждого 5).

Из этого видно, что российские власти последовательно ограничивали права квир-людей, что повлияло на представления о квир-людях в российском обществе. В нашем исследовании мы пришли к выводу о том, что квир-женщины на основании разного жизненного опыта почувствовали резкое сужение пространства для возможностей быть собой в российском обществе в 2025 году.

Подготовка российских властей к полномасштабному вторжению России в Украину и сама эта агрессия стали главными катализаторами ЛГБТК-фобии в России и привели к росту гомо-, би- и трансфобных настроений в российском обществе, культивируемых государством, что негативно отразилось как на жизни ЛГБТИК-людей, так и на деятельности ЛГБТИК-инициатив. С помощью закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды” государство изменило в российском обществе социальную норму: теперь насилие и дискриминация ЛГБТИК-людей в России чаще оправданы социально, чем не оправданы. Это, в свою очередь, изменяет, с одной стороны, поведение квир-людей — они становятся более закрытыми, меньше проявляют себя и свою идентичность; с другой стороны, государственные институты перестают быть нацеленными на поддержку равенства для ЛГБТИК-людей, так как такая социальная группа в обществе стала порицаемой.

§2 Закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди всех возрастов”

С 30 июня 2013 года в России действовал федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних”⁵⁴. Он запрещал “пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних”, а именно — любое распространение сначала позитивной, а в последние несколько лет и нейтральной информации об ЛГБТИК-людях, если она могла стать доступной лицам младше 18 лет. На федеральном уровне такой закон никогда не существовал, он был введен в действие в 2013 году впервые.

В период с 2013 по 2022 год закон позволял привлекать ЛГБТИК-людей и союзников к административным штрафам за распространение информации в сети Интернет или оффлайн, в том числе при проведении митингов, шествий, демонстраций, пикетирования (также часто он становился поводом, который использовали российские власти для отказа в “согласовании” таких публичных мероприятий). Он запрещал распространение любой позитивной информации об ЛГБТИК-людях, их потребностях и деятельности ЛГБТ-инициатив. На практике он привел к стигматизации ЛГБТИК-людей и ЛГБТИК-сообществ в России,

⁵⁴ Статья 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях “Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних”, которая была введена в действие Федеральным законом от 29.06.2013 N 135-ФЗ “О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей”.

способствовал укреплению стигмы и предрассудков, но позволял в ограниченном объеме ЛГБТИК-инициативам проводить свою деятельность в защиту интересов квир-сообществ в России, если эти инициативы избегали работать с несовершеннолетними или делали информацию недоступной для них.

В случае, если такая информация распространялась офлайн (например, в ходе пикета), суды могли наложить штраф на граждан от 4 тысяч до 5 тысяч рублей, а на организации — от 800 тысяч до 1 млн рублей. Если же информация распространялась онлайн, то штрафы увеличивались: граждане могли быть оштрафованы на сумму от 50 тысяч до 100 тысяч рублей, а организации — на 1 млн рублей или их деятельность (включая бизнес-активность) могла быть приостановлена на срок до 90 дней. К иностранцам суд мог применить административный арест на срок до 15 суток с административным выдворением за пределы России.

За период с 2012 по 2021 годы российские суды рассмотрели более 100 таких дел об административных правонарушениях⁵⁵.

Обжалование федерального закона в Конституционном Суде РФ не дало результата. В 2014 году суд решил поддержать консервативный поворот российских властей, истолковав закон в ключе того, что он направлен на защиту семьи и детства, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию⁵⁶.

Этот закон в рамках государственной пропаганды позволил закрепить в российском обществе нарратив о социальном осуждении ЛГБТИК-людей, изменив социальные нормы о вариативности сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей, сместив взгляды основной части общества на неприемлемость ЛГБТ-повестки.

По сути закон выполнял две функции:

- во-первых, он утверждал в обществе новую социальную норму о том, что ЛГБТИК-люди — это люди “второго сорта” (наказывал за распространение информации об “искаженном представлении о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений”⁵⁷),

⁵⁵ Никакие законы не заставят геев и лесбиянок исчезнуть // Медуза. 19.10.2022. URL: <https://meduza.io/feature/2022/10/19/nikakie-zakony-ne-zastavyat-geev-i-lesbiyanok-ischeznut> (дата обращения: 07.08.2025).

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 N 24-П “По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова”.

⁵⁷ Статья 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях в редакции, действовавшая в России с 30.06.2013 по 04.12.2022.

- во-вторых, он стремился подавить любые дискуссии в обществе на темы защиты прав ЛГБТИК-людей под угрозой административного наказания⁵⁸.

Практическими последствиями принятия закона стало социальное одобрение насилия по отношению к ЛГБТИК-людям в России, включая случаи убийств и причинения физического насилия⁵⁹, а также блокировка сайтов ЛГБТ-инициатив⁶⁰.

В 2014 году Human Rights Watch опубликовала доклад “Лицензия на травлю”, в котором проанализировала последствия применения закона, и пришла к выводу, что он провоцирует насилие⁶¹. В докладе приведены рассказы ЛГБТИК-персон о том, как их били, похищали, унижали, называли “педофилями” и “извращенцами”. Виновниками были либо организованные гомофобные группировки, либо просто незнакомые люди в метро, на улице, вочных клубах, кафе и (в одном случае) на собеседовании при приеме на работу⁶².

В 2016 году 21-летний студент Сергей Косырев убил известного петербургского журналиста Дмитрия Целикина. Эксперты насчитали на теле убитого 10 ножевых ранений. Убийца на допросе у следователя назвал свой жизненный путь “крестовым походом против определенной социальной группы”, а чувство, с которым он убивал Целикина, — “не неприязнь, а ненависть”⁶³.

Так, в 2017 году 53-летний актер убил 24-летнюю трансгендерную секс-работницу, которая приехала в Россию из Таджикистана. Убийца расчленил тело жертвы и выбросил останки

58 Статья 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях в редакции, действовавшей в России с 30.06.2013 по 04.12.2022.

59 См., например: Хазов-Кассин, С. Лицензия на убийства // Радио Свобода. 30.04.2016. URL: <https://www.svoboda.org/a/27702827.html> (дата обращения: 07.08.2025); Миншек, М. Государственная гомофобия в России набирает обороты: Депутаты в очередной раз призывают защищать “традиционные ценности” // Скат.Media. 29.07.2022. URL: https://skat.media/post/russian_state_homophobia (дата обращения: 07.08.2025); Рогачева, С. Убил из ненависти: Подставных свиданий становится больше // Радио Свобода. 28.10.2021. URL: <https://www.severreal.org/a/31532651.html> (дата обращения: 07.08.2025); Предполагаемый убийца журналиста Целикина назвал себя Чистильщиком // Фонтанка.ру. 07.04.2016. URL: <https://www.fontanka.ru/2016/04/07/094/> (дата обращения: 07.08.2025).

60 Например, в 2018 году Бурлинский районный суд Алтайского края заблокировал портал для ЛГБТК-людей по вопросам здоровья “Парни плюс” за “отрицание семейных ценностей”. Роскомнадзор заблокирует портал “Парни ПЛЮС” // Парни+. 29.04.2018. URL: <https://parniplus.com/news/roskomnadzor-parni-plus/> (дата обращения: 07.08.2025).

61 License to Harm. Violence and Harassment against LGBT People and Activists in Russia // Human Rights Watch. 15.12.2014. URL: <https://www.hrw.org/report/2014/12/15/license-harm/violence-and-harassment-against-lgbt-people-and-activists-russia> (дата обращения: 07.08.2025); HRW: закон о гей-пропаганде в России провоцирует насилие // BBC-News: Русская служба. 15.12.2014. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141214_hrw_gay_rights_violence_russia (дата обращения: 07.08.2025).

62 Russland: Straffreiheit bei Gewalt gegen LGBT Diskriminierendes „Propagandagesetz“ provoziert Angriffe // Human Rights Watch. 15.12.2024. URL: <https://www.hrw.org/de/news/2014/12/15/russland-straffreiheit-bei-gewalt-gegen-lgbt> (дата обращения: 07.08.2025).

63 Предполагаемый убийца журналиста Целикина назвал себя Чистильщиком // Фонтанка.ру. 07.04.2016. URL: <https://www.fontanka.ru/2016/04/07/094/> (дата обращения: 07.08.2025).

в реку Мга (Ленинградская область, Россия). Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело по факту убийства⁶⁴, но мотив ненависти к трансгендерным людям не расследовал. При этом убийца пояснил⁶⁵, что он ее убил, так как предположил, что она “может усыпить его и обокрасть”.

Этот случай наглядно показывает, насколько уязвимы в России трансгендерные мигрантки и как преступники пользуются такой уязвимостью⁶⁶. В Таджикистане трансгендерный переход практически невозможен, в этой стране трансгендерные женщины не могут быть теми, кем являются, и вынуждены уезжать в другие страны (например, в Россию), где на тот момент медицинский трансгендерный переход был возможен независимо от гражданства. Аналогичная ситуация сложилась в Узбекистане, где трансгендерный переход не предусмотрен законом, а правоохранительные органы используют против трансгендерных женщин статью 120 Уголовного Кодекса Узбекистана о “мужеложестве”, которая позволяет привлекать людей за добровольные однополые контакты к лишению свободы. В России такие люди могли совершить гендерно-аффирмативные операции, но обратно в Таджикистан не могли вернуться из-за высокого уровня социальной стигматизации трансгендерных людей в этой стране. Поскольку юридический трансгендерный переход им фактически был недоступен, имея мужские документы и являясь трансгендерными женщинами с проведенными операциями, они не могли безопасно жить ни в Таджикистане, ни в России.

Кроме того, закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних” повлиял на переоценку государственными органами ЛГБТИК-людей в качестве родителей. В 2017 году администрация района Екатеринбурга расторгла с Френсисом Савиновских (в то время — Юлией) договор на выполнение обязанностей опекуна двоих детей, которые проживали с ним и его мужем несколько лет. Причина состояла в том, что Френсис публично вел блог от имени трансгендерной персоны, в котором описал, что удалил грудь. Администрация района Екатеринбурга пришла к выводу о том, что Френсис — трансгендерный мужчина, что по мнению прокуратуры не позволяет ему воспитывать детей,

64 Часть 1 статьи 105 Уголовного Кодекса РФ.

65 Что известно об убийстве трансгендерной секс-работницы, тело которой нашли в реке Мга. Подозреваемый задержан // Бумага. 23.09.2020. URL: <https://paperpaper.io/chto-izvestno-ob-ubijstve-transgender/> (дата обращения: 07.08.2025).

66 См., подробнее, например: Die Rechtslage von LGBTQ-Personen im kriegsführenden Russland. Berlin: Quarreera e. V., 2024 S. 51-56. URL: https://www.quarreera.de/de/projects/die_lage_von_lgbtq_personen_im_kriegsfuehrenden_russland/ (дата обращения: 15.07.2025).

взятых под опеку⁶⁷, так как по сути он состоит в однополом браке (будучи трансгендерным мужчиной) и это противоречит статье 12 Семейного Кодекса РФ, который определяет брак как союз мужчины и женщины. Двое детей были изъяты государством из-под опеки.

В 2018 году суд не защитил права Френсиса, он уехал в Испанию, где совершил трансгендерный переход⁶⁸. Позднее Френсис обратился в Европейский Суд по правам человека с жалобой, который в 2024 году постановил, что отобрание детей по причине трансгендерности — нарушение права на уважение семейной жизни и нарушение запрета дискриминации⁶⁹. Россия не исполнила решение суда.

Таким образом, закон постепенно распространял возможность дискриминации ЛГБТИК-людей в России на различные ситуации.

С 5 декабря 2022 года в России вступил в силу пакет законов “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”⁷⁰. Он состоит из двух федеральных законов: первый из них расширил составы административной ответственности за “ЛГБТ-пропаганду”, второй — ввел изменения в семь федеральных законов⁷¹ об информации, информационных технологиях и защите информации, о средствах массовой информации, о защите прав потребителей, о государственной поддержке кинематографии, об основных гарантиях прав ребенка, о рекламе и о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Среди ключевых изменений — новые запреты и ограничения. Закон:

1) разрешил без судебного решения по требованию государственного органа (Роскомнадзор) блокировать любые информационные ресурсы, содержащие информацию об ЛГБТИК⁷²,

67 Юлия Савиновских, у которой отобрали детей, пожаловалась в ЕСПЧ // Радио Свобода. 19.03.2019. URL: <https://www.svoboda.org/a/29830358.html> (дата обращения: 07.08.2025).

68 Лагутин, А. “Я вижу, как Россия превращается в Иран”. Потеря детей, смена пола и бегство в Испанию. Как сложилась жизнь Френсиса, которого раньше звали Юлия Савиновских // It's My City. 23.07.2021. URL: <https://itsmycity.ru/2021-07-23/kak-slozhilas-zhizn-samogo-izvestnogo-transgendersa-rossii-yulii-savinovskih-lishennoj-vekaterinburge-dete> (дата обращения: 07.08.2025).

69 Европейский Суд по правам человека принял аргументы, направленные российской ЛГБТ-инициативой, подготовленные Максом Оленичевым, о необходимости принятия во внимание наилучших интересов детей при решении такой ситуации. См. подробнее: Case of Savinovskikh and Others v. Russia (Application no. 16206/19) // European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre/?i=001-234795> (дата обращения: 07.08.2025).

70 Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202212050020> (дата обращения: 07.08.2025).

71 Федеральный закон от 05.12.2022 N 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050019> (дата обращения: 07.08.2025).

72 До данного закона в России действовал исключительно судебный порядок блокировки информации об ЛГБТИК+ в Интернете.

2) обязал социальные сети в рамках регулярного мониторинга самостоятельно выявлять “ЛГБТ-контент” и удалять его под угрозой привлечения социальных сетей к административной ответственности⁷³,

3) запретил средствам массовой информации распространять “материалы, пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола”⁷⁴,

4) продавать товары на ЛГБТИК-тематику,

5) запретил прокат фильмов, которые “демонстрируют нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, информацию, способную вызвать у детей желание сменить пол”,

6) использовать в рекламе информацию, “демонстрирующую нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, или способную вызвать у детей желание сменить пол”,

7) запретил распространение любыми способами и в любых местах, доступных для несовершеннолетних, информации, которая “демонстрирует нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, или способна вызвать у детей желание сменить пол”,

8) запретил распространение информации об ЛГБТК+ по радио и телевидению с 4 до 23 часов.

Второй закон⁷⁵ расширил понятие наказуемых деяний, связанных с ЛГБТ-повесткой, и увеличил наказание с 5 декабря 2022 года. Таких изменений несколько.

Во-первых, увеличилось количество запретных деяний под угрозой привлечения к административной ответственности. Запрещенными деяниями, помимо пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, стали:

- пропаганда “смены пола”,
- навязывание информации о “смене пола”,
- пропаганда “предпочтений нетрадиционных сексуальных отношений либо смены пола”.

Во-вторых, если до 4 декабря 2022 года включительно было запрещено распространение положительной или нейтральной информации про ЛГБТ среди несовершеннолетних, то теперь закон криминализировал распространение такой информации и

⁷³ Статья 13.50 Кодекса РФ об административных правонарушениях: на организации штраф — от 800 тысяч до 4 млн рублей, а в случае повторного нарушения — от 4 млн до 8 млн рублей.

⁷⁴ “Смена пола” — устаревшее понятие. Российские власти используют его, стигматизируя трансгендерных людей. Под “сменой пола” российский законодатель имеет в виду “трансгендерный переход”.

⁷⁵ Федеральный закон от 05.12.2022 N 479-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”.

среди взрослых. По сути, закон запретил распространение любой информации про ЛГБТИК-людей, в том числе про трансгендерный переход, стирая ЛГБТИК-людей и связанные с ними явления из публичного пространства.

В-третьих, он запретил демонстрацию среди несовершеннолетних отношений между ЛГБТИК-людьми.

В-четвертых, по сравнению с ранее существовавшим законодательством значительно выросли суммы штрафов за нарушения. Теперь они составляют:

- за распространение информации оффлайн: для граждан — от 50 тысяч до 100 тысяч рублей, для организаций — от 800 тысяч рублей до 1 млн рублей или суд может приостановить деятельность организации на срок до 90 суток, а если такая информация стала доступна несовершеннолетним, то штрафы увеличиваются вдвое⁷⁶,
- если информация распространяется онлайн, то для граждан суммы штрафов от 100 тысяч до 200 тысяч рублей, а для организаций — от 1 млн до 4 млн рублей или суд может приостановить деятельность организации на срок до 90 суток, а если она стала доступна несовершеннолетним, то граждане могут быть привлечены к штрафу в сумме от 200 тысяч до 400 тысяч рублей, а организации — от 2 млн до 5 млн рублей или суд может приостановить деятельность организации на срок до 90 суток.

Для иностранцев и лиц без гражданства применяются такие же размеры штрафов, но вместо них суд может применить административный арест на срок до 15 суток. Кроме того, они всегда выдворяются за пределы России.

Практика применения новых законов дала взрывной рост дел об административных правонарушениях — за 2 года почти в 10 раз.

⁷⁶ На граждан — от 100 тысяч до 200 тысяч рублей, на организации — от 1 млн до 2 млн рублей или административное приостановление деятельности организации на срок до 90 суток.

Дела об административных правонарушениях, рассмотренные судами по новому закону “о запрете ЛГБТ-пропаганды”⁷⁷

Год вынесения судами постановлений	2022 год	2023 год	2024 год
Количество рассмотренных дел	22	186	221
Количество лиц, подвергнутых наказанию	16	106	151
из них штраф	16	101	146
из них арест	0	4	5
из них административное выдворение	1	9	4
Средняя сумма штрафа	122 500 рублей	256 000 рублей	258 000 рублей

Первыми пострадавшими от новых законов стали трансгендерные мигрантки-секс-работницы⁷⁸. За первые 2 месяца действия закона пострадало 7 человек⁷⁹ — все они были выдворены за пределы России в страны своего гражданства. Помимо этого, у них возник запрет на въезд в Россию сроком на 5 лет⁸⁰.

Первое дело было рассмотрено уже спустя 10 дней после начала действия нового закона. 15 декабря 2022 года судья Савеловского районного суда Москвы Арсеньева М.Н. привлекла трансгендерную секс-работницу, гражданку одной из стран Центральной Азии, к административному выдворению⁸¹ за “ЛГБТ-пропаганду”.

Остальные шесть дел были рассмотрены судьями Коптевского, Тимирязевского и Савеловского районных судов Москвы. Из них известны подробности по 4 делам: в трех из них трансгендерные женщины были привлечены к штрафу с последующим административным выдворением за пределы России, в одном — трансгендерная женщина была арестована на 5 суток с последующим административным выдворения за пределы России.

⁷⁷ Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

⁷⁸ Новый закон о “пропаганде ЛГБТ” используют против трансгендерных секс-работниц. Их судят и выдворяют из страны — уже есть примеры // Холод. 23.02.2023. URL: <https://holod.media/2023/02/23/seks-rabotnits-vygoniaut-iz-rl/> (дата обращения: 07.08.2025).

⁷⁹ Дела в Тимирязевском районном суде города Москвы (дата обращения: 07.08.2025).

⁸⁰ Статья 27 Федеральный закон от 15.08.1996 N 114-ФЗ (ред. от 21.04.2025) “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”.

⁸¹ <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/admin/details/c2b9a4f0-7c69-11ed-9a66-b518dc6d12b4> (дата обращения: 07.08.2025).

Все дела возникли как под копирку. Как следует из материалов дел, полицейский в своем рабочем кабинете искал информацию в сети Интернет, изучая сайт секс-услуг. На нем он нашел несколько анкет трансгендерных женщин, в которых были размещены их фото, адреса и номера мобильных телефонов. Он составил акты осмотров страниц в Интернет, по номерам телефонов установил паспортные данные трансгендерных женщин и доставил их в отдел полиции, где составил протоколы об административных правонарушениях “за ЛГБТ-пропаганду среди всех возрастов”⁸² и передал материалы в суд.

При рассмотрении дел в судах трансгендерные женщины не воспользовались услугами адвокатов и согласились с обвинениями в “ЛГБТ-пропаганде”.

Эти ситуации подчеркивают особую уязвимость людей, которые подвергаются интерсекциональной дискриминации по разным признакам — трансгендерный статус, женщина, мигрантка. Совокупность стигм и применения к обвиняемым дискриминационного законодательства в таких делах по сути лишают последних права на защиту в российских судах. При этом суды, применяя положения закона, не устанавливали, была ли информация из анкет направлена на пропаганду. Для применения закона им было достаточно установить, что в Интернете речь идет о трансгендерной женщине — и это уже оказывалось для них достаточным, чтобы привлечь к административной ответственности за “ЛГБТ-пропаганду”.

Применение данных законов направлено на стирание упоминания ЛГБТИК-людей из публичной повестки, а также на усиление стигматизации и дискриминации квир-людей и их союзников, на запрет для ЛГБТИК-людей в России доступа к материалам о своих правах, возможностях получения помощи (психологической, правовой, экстренной, информационной и иной) и коммуникации между собой. Закон заставляет квир-людей в России уйти “в шкаф” и никак не проявлять себя как ЛГБТИК-персону, что несовместимо с уважением человеческого достоинства.

Благодаря этому закону ЛГБТ-цензура достигла в России огромных масштабов. Если до 2022 года российские власти на основании решений судов заблокировали в общей сложности 7 200 сайтов⁸³ с ЛГБТ-контентом, то в 2022 году Роскомнадзор

82 По данным делом часть 7 статьи 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

83 Роскомнадзор заблокировал более 7,2 тысячи материалов за пропаганду ЛГБТ // Парламентская газета.

своими решениями заблокировал только 239 страниц на квир-тематику⁸⁴. Но в 2023 году было заблокировано уже 45 700 таких сайтов⁸⁵. В их число входят сайты для просмотра аниме⁸⁶, сайты ЛГБТК-инициатив⁸⁷, некоторые популярные сервисы знакомств для квир-людей в России⁸⁸.

Кроме того, было выявлено 27 фильмов и сериалов, в которых содержалась или “ЛГБТ-пропаганда”, или демонстрация отношений между ЛГБТ-людьми⁸⁹. Доступ к ним был заблокирован внутри России. При этом некоторые порталы по требованию Роскомнадзора удаляли ЛГБТК-контент самостоятельно, опасаясь блокировки своих сайтов в России⁹⁰.

В 2022 году все независимые медиа в России были заблокированы, что не позволяет свободно (без дополнительных технических средств) распространять и получать информацию по ЛГБТ-тематике. Теперь такие медиа доступны для пользователей только через VPN⁹¹, что с одной стороны создает препятствия для доступа к информации про ЛГБТИК-людей через медиа, а с другой стороны обеспечивает доступ к такой информации только для тех, кто пользуется средствами обхода блокировок сайтов в Интернете, не запрещенными российским законодательством.

Наиболее частая категория “правонарушений” — распространение информации в сети Интернет. В этом случае российские правоохранительные органы привлекают к ответственности за “ЛГБТ-пропаганду” людей независимо от того, когда был опубликован контент. Для них важно, что на момент привлечения к ответственности такой контент все еще находится в Интернете. Показателен случай Н., которая не идентифицирует себя как ЛГБТИК-персону, но пострадала от действия закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”.

17.10.2022. URL: <https://www.pnp.ru/social/roskomnadzor-zablokiroval-bolee-7-tysach-materialov-za-propagandu-lgbt.html> (дата обращения: 07.08.2025).

84 Роскомнадзор заблокировал 19 тыс. материалов с информацией о ЛГБТ в 2023 году // Коммерсантъ. 17.01.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6454854> (дата обращения: 07.08.2025).

85 В Роскомнадзоре зафиксировали сокращение штрафов за ЛГБТ-контент // Forbes. 14.01.2025. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/528768-v-roskomnadzore-zafiksirovali-sokrasenie-strafov-za-lgbt-kontent> (дата обращения: 07.08.2025).

86 Мизулина сообщила о блокировке сайтов для просмотра аниме из-за ЛГБТ-пропаганды // Forbes. 05.12.2024. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/526586-mizulina-soobsila-o-blokirovke-sajtov-dla-prosmtora-anime-iz-za-lgbt-propagandy> (дата обращения: 07.08.2025).

87 Tilda заблокировала ЛГБТ*-группу “Радужный мир” по требованию Роскомнадзора // Perm.ru. 14.01.2024. URL: <https://properm.ru/news/2023-01-14/konstruktör-saytov-tilda-zablokiroval-permskuyu-lgbt-gruppu-raduzhnyy-mir-po-trebo-vaniyu-roskomnadzora-2687209> (дата обращения: 07.08.2025).

88 Роскомнадзор заблокировал сайт приложения для ЛГБТ-знакомств Ногнет // 07.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/64f8ee249a794723c88673b7> (дата обращения: 07.08.2025).

89 В Роскомнадзоре зафиксировали сокращение штрафов за ЛГБТ-контент // 14.01.2025. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/528768-v-roskomnadzore-zafiksirovali-sokrasenie-strafov-za-lgbt-kontent> (дата обращения: 07.08.2025).

90 Roblox после обращения Роскомнадзора удалила контент с ЛГБТ-пропагандой // Интерфакс. 10.07.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1035479> (дата обращения: 07.08.2025).

91 Список заблокированных в России СМИ // [Wikipedia](https://en.wikipedia.org/wiki/Blocklist_in_Russia). URL (дата обращения: 07.08.2025).

30 июня 2010 года, ровно за 2 года до начала действия первого закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды”, она разместила в российской социальной сети “ВКонтакте” видео. На нем 18 секунд демонстрировался поцелуй двух женщин. Видео было снято при праздновании дня рождения Н., когда она с подругами отдыхала в лесу. Поцелуй носил дружеский характер.

В 2024 году суд наложил штраф 50 тысяч рублей за публикацию такого ролика в 2010 году. Суд пришел к выводу, что размещение такого видео и его доступность на текущий момент — это “пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений”. Апелляционная инстанция согласилась с выводом суда первой инстанции. Н. была привлечена к административной ответственности и уплатила штраф за действия, совершенные 14 лет назад.

Закон серьезно ограничил — сделал невозможным — печать и распространение не только квир-литературы, но и книг, в которых одними из героев выступают квир-люди. В июле 2025 года книжный магазин “Фаланстер” (Москва) был оштрафован на 800 тысяч рублей за то, что продавал 7 книг (в том числе “Инфернальный феминизм” Пера Факснельда). После изъятия прокуратурой этих книг назначенный ей специалист пришел к выводу, что в них содержится “пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений”. Суд положил его выводы в основу своего постановления⁹².

В апреле 2025 года было возбуждено дело на книжный магазин “Подписные издания” (Санкт-Петербург) за распространение книг о феминизме⁹³: “Тело каждого” Оливии Лэнг, “О женщинах” и “Против интерпретации и другие эссе” Сьюзен Зонтаг.

Поскольку закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды” содержит оценочные формулировки, не является ясным и понятным, то его правоприменение осуществляется уже после того, когда правоохранительные органы выявят действия, которые считают нарушением. Понять, что разрешено, а что запрещено — практически невозможно.

Эксперты⁹⁴ отмечают, что такая ситуация усиливает самоцензуру⁹⁵, которую стали применять и развивать как бизнесы,

92 https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoy/services/cases/admin/details/57b5aac0-45eb-11f0-8fc4-5b7e006d1654?participant=%D0%A4%D0%80%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80&_cb=1754828938.3382
(дата обращения: 07.08.2025).

93 <https://www.kommersant.ru/doc/7694442> (дата обращения: 07.08.2025).

94 <https://www.unkniga.ru/ostraya-tema/14721-deloblgbt-propagande-ili-kak-teper-izdavat-knigi.html>
(дата обращения: 07.08.2025).

95 <https://zona.media/article/2022/10/17/books> (дата обращения: 07.08.2025).

так и информационные площадки для того, чтобы выжить и не подвергнуться огромным штрафам или приостановлению деятельности на срок до 90 суток только за одно нарушение.

Так, в ноябре 2022 года один из лидеров продажи электронных книг в России издательство “Литрес” решило снять с продажи книги с ЛГБТ-тематикой⁹⁶. Кроме того, оно предложило авторам переписать книгу, убрав любые упоминания ЛГБТИК-персонажей, как условие для того, чтобы такие книги вернулись обратно в продажу. При этом издательство проактивно стало искать среди изданных им книг литературу с ЛГБТ-тематикой, а также предложило читателям писать им об этом⁹⁷.

Издательство “АСТ” также предложило авторам переписать книги, убрав ЛГБТ-контент, в противном случае пообещав снять книги с продажи⁹⁸. В апреле 2024 года оно отозвало уже изданные в России книги, такие как роман Ханы Янагихары “Маленькая жизнь” и книгу “Песнь Ахилла” Мадлен Миллер по требованию прокуратуры, обнаружившей в них “гей-пропаганду”⁹⁹. Кроме того, в апреле 2024 года издательство сняло с продажи романы “Наследие” Владимира Сорокина, “Дом на краю света” Майкла Каннингема и “Комната Джованни” Джеймса Болдуина, поскольку экспертный центр Российского книжного союза¹⁰⁰ обнаружил в них “ЛГБТ-пропаганду”. Такой экспертный центр создан на базе организации саморегулирования книжного рынка в России и объединяет “проводников идеологии традиционных ценностей” в России — представителей Роскомнадзора, Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества, Русской православной церкви, Духовного управления мусульман России, Федерации еврейских общин России и других учреждений.

Маркетплейс “Мегамаркет” изъял из продажи более 250 наименований книг из-за “ЛГБТ-пропаганды”¹⁰¹, включая “Портрет

⁹⁶ “ЛитРес” попросит авторов переписать тексты из-за закона об ЛГБТ // РБК. 05.12.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2022/638e2d919a7947fcc798406d> (дата обращения: 07.08.2025).

⁹⁷ Все на панике, такой шум-бурум начался!. Из-за закона о пропаганде ЛГБТ стали пропадать спорные книги // 06.12.2022. E1.ru. URL: <https://www.e1.ru/text/culture/2022/12/06/71872130/> (дата обращения: 07.08.2025).

⁹⁸ В издательстве “АСТ” заявили, что под действие закона о запрете ЛГБТ-пропаганды подпадут 23 книги // Daily Storm. 09.12.2022. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/v-izdatelstve-ast-zayavili-chto-pod-deystvie-zakona-o-zaprete-lgbt-propagandy-podpadut-23-knigi> (дата обращения: 07.08.2025).

⁹⁹ Издательство АСТ решило прекратить продажи романа Ханы Янагихары «Маленькая жизнь» // Meduza. 23.04.2024. URL: <https://meduza.io/news/2024/04/23/izdatelstvo-ast-reshilo-prekratit-prodazhi-romana-hani-yanagihary-malen-kaya-zhizn> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁰⁰ Российский книжный союз возглавляет Сергей Вадимович Степашин, в прошлом — первый директор Федеральной службы безопасности России. URL: <https://ru.wikipedia.org/>; <https://bookunion.ru/about/management/> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁰¹ “Сбер” подтвердил изъятие более 250 книг из продажи в связи с законом о “пропаганде ЛГБТ”. Среди них — Уайльд, Мураками и Достоевский // Meduza. 20.02.2024. URL: <https://meduza.io/news/2024/02/20/sber-podtverdil-iz-yatiere-boleec-250-knig-iz-prodazhi-v-svyazi-s-zakonom-o-propagande-lgbt-sredi-nih-ayuld-murakami-i-dostoevskiy> (дата обращения: 07.08.2025).

Дориана Грея” Оскара Уайльда, “Норвежский лес” Харуки Мураками, “Неточка Незванова” Федора Достоевского.

Сайт фанфиков “Фикбук” внес изменения в правила и запретил ЛГБТ-контент¹⁰².

Стриминговый сервис “Амедиатека” решил цензурировать распространяемые фильмы. Так, в сериале “Белый лотос” были вырезаны несколько сцен с ЛГБТ-героями и несколько диалогов были переведены на русский язык с другим смыслом, чем в оригинале¹⁰³.

В июне 2024 года сервис для изучения иностранных языков Duolingo удалил ЛГБТ-контент из своих материалов, доступных в России¹⁰⁴.

Крупнейшая российская социальная сеть “ВКонтакте” стала маркировать ЛГБТ-контент плашкой: “В сообществе могут быть спорные материалы. Некоторые материалы сообщества могут считаться недопустимыми по законодательству РФ”¹⁰⁵. Это уменьшило возможности для квир-людей в России общаться и создавать виртуальные сообщества, не оставаясь одними в условиях стигматизации со стороны общества и государства.

Таким образом государство делает все, чтобы показать, что ЛГБТИК-людей в России не существует и что они самим фактом своего существования представляют угрозу, в связи с чем их потребности государство удовлетворять не будет.

В докладе от 2023 года Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова пришла к выводу о том, что

Несмотря на то, что ЛГБТИК+ в Российской Федерации уже давно сталкиваются с преследованиями, угрозами и дискриминацией, открытая враждебность усилилась после принятия в 2013 году закона “об ЛГБТ-пропаганде” [...] Эксперты Организации Объединенных Наций по правам человека осудили закон как дискриминационный, а также потому, что он может привести к усилению разжигания ненависти, преступности на почве ненависти и жестокого обращения, в том числе в отношении детей¹⁰⁶.

102 https://t.me/ficbook_official/323 (дата обращения: 07.08.2025).

103 <https://t.me/tikhonovichme/7831> (дата обращения: 07.08.2025).

104 Duolingo удалил материалы с ЛГБТ-пропагандой по требованию Роскомнадзора // Forbes. 04.06.2024. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/513984-duolingo-udalil-materialy-s-lgbt-propagandoj-po-trebovaniu-roskomnadzora> (дата обращения: 07.08.2025).

105 <https://vk.com/@vk-notification> (дата обращения: 07.08.2025).

106 A/HRC/54/54, пункт 37

В обществе, которое становится все более гомофобным, негетеросексуальные люди могут столкнуться с насилием, незаконными задержаниями и ложными обвинениями в преступной деятельности¹⁰⁷.

Она рекомендовала его отменить как несовместимый с международными обязательствами России в области прав человека¹⁰⁸.

В ходе проведенного нами в 2025 году исследования на вопрос: “Что изменилось в Вашей жизни в части социальных связей, коммуникации, изменения поведения и доступа к информации после декабря 2022 года, когда в России вступила в силу новая версия закона о «ЛГБТ-пропаганде»?” респондентки сообщили, что у них возникли сложности в поиске дружественного ЛГБТИК-френдли окружения (57,6%), что им стало сложнее знакомиться с романтическими партнерами (41,3%) и что они закрылись/”ушли в шкаф” (38,2%). В форме опроса каждая респондентка могла выбрать несколько ответов, чтобы сообщить о своем разнообразном опыте и изменениях в жизни (илл. 24).

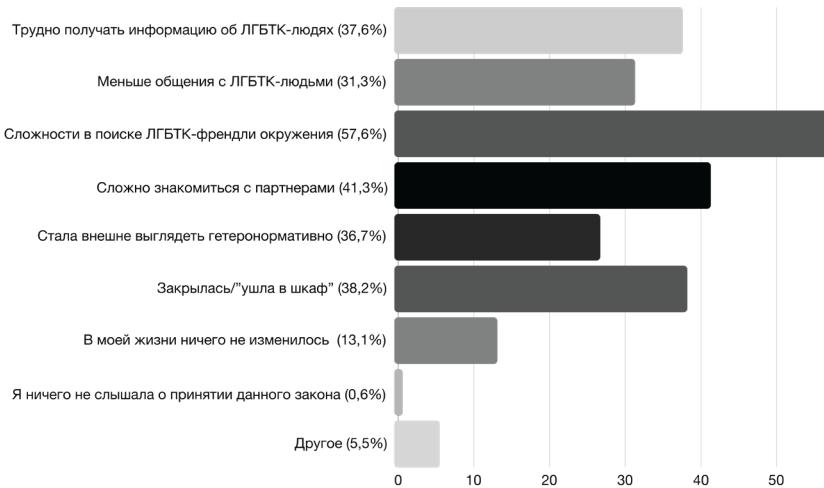

Иллюстрация 24. Ответы на вопрос: “Что изменилось в Вашей жизни в части социальных связей, коммуникации, изменения поведения и доступа к информации после декабря 2022 года, когда в России вступила в силу новая версия закона о «ЛГБТ-пропаганде»?” (в %)

107 А/HRC/54/54, пункт 41.

108 А/HRC/54/54, пункт 112, подпункт г.

В ходе исследования одна из опрошенных нами квир-женщин сообщила:

...после февраля 2022 года я окончательно перестала рассказывать публично (даже в закрытых каналах) о своей ориентации и гражданской позиции из-за угрозы доносов (работаю в сфере образования). (Гомосексуальнаяcisгендерная женщина, 26–35 лет, Сибирский ФО, крупный город)

О сложностях знакомства с романтическими партнерами и влиянии на это государственной пропаганды и дезинформации рассказала другая квир-женщина в ходе проведенного нами опроса:

С 2022 года я боюсь вступать в постоянные отношения, которые неодобряемы российской политикой. Только тайные короткие встречи. (Пансексуальная небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

В 2025 году 60,7% квир-женщин сообщили, по данным нашего исследования, что у них нет чувства физической безопасности от гомофобного/трансфобного насилия. При этом больше всего опасаются такого насилия респондентки, проживающие в городах с численностью населения от 300 тысяч до 700 тысяч человек (68,8%). Что касается возрастной категоризации, наименее безопасно себя чувствуют квир-женщины в возрасте до 18 лет включительно (65,3%), чуть более безопасно — квир-женщины в возрасте от 26 до 35 лет (63,8%) и еще чуть более безопасно — квир-женщины в возрасте от 45 до 54 лет (60%).

В 2025 году, после принятия новой версии закона “о запрете гей-пропаганды” опасаются обращаться в правоохранительные органы в случае, если станут пострадавшими, 59,4% квир-женщин в целом по выборке и 71,1% трансгендерных женщин. Опасаются, что подвергнутся физическому насилию в публичном месте из-за сексуальной ориентации/гендерной идентичности, 53,4% квир-женщин в целом по выборке и 68% трансгендерных женщин.

Квир-женщины в ходе опроса рассказывали, почему у них вырос страх перед угрозы физической безопасности:

Это стало “легитимно”, особенно после принятия закона о ЛГБТ-пропаганде. Мне кажется, именно это стало спусковым крючком. [...] Государству я нужна только для рождения детей. Раньше я действительно это планировала, но нынешняя пропаганда “традиционных” ценностей отбила желание

полностью. В общем, чем жестче политика против ЛГБТК+, тем больше это развязывает руки людям, подверженным политпропаганде. Они думают, что вершат правосудие, видя в нас угрозу. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, средний город)

Я стала чувствовать себя недочеловеком. Как будто гетеро — элита, а мы, остальные — мусор и бесправные вещи. Меня злит, что детей лишают возможности выбора, не дают шанса на цивилизованную жизнь. Меня злит, что гомофобы сейчас мнят себя чуть ли не богами, у которых есть право решать, как нам жить, где, и жить ли вообще (они же мечтают вернуть концлагеря для нас и казни). Мне страшно представить, как я буду выходить на улицу через 20 лет, когда вырастет поколение, которому российские фашисты промыли мозги. (Асексуальная лесбиянка цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, небольшой город)

С нарастанием напряжения в обществе в целом растет и агрессия в сторону ЛГБТК+ персон. Пропаганда из СМИ всех уровней нетерпимости и так называемых “традиционных ценностей” формирует у людей искаженное понимание действительности, а также демонизирует образ квир-персон. А также чувство безнаказанности и ощущение собственной правоты развязывает руки особо радикальным гомофобам. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Южный ФО, небольшой город)

В условиях, когда публичная гражданская активность (в том числе при проведении очных мероприятий не в Интернете) в России влечет за собой применение мер ответственности со стороны государства, а борьба государства с распространением информации об ЛГБТИК+ в Интернете приобрела тотальный характер, российские квир-люди часто лишены возможности встречаться и публично общаться в местах своего проживания в России, не опасаясь привлечения к ответственности. Они не могут производить внутри России контент, печатать и распространять литературу. Но они могут получать информацию из достоверных источников через VPN — через сайты и социальные сети медиа, которые работают не в России, а также через сайты и социальные сети ЛГБТИК+-инициатив, работающих как в России (безопасно, в том числе оффлайн, так и онлайн), так и за рубежом, а также налаживать и поддерживать горизонтальные связи между собой

и союзниками.

В этой ситуации активность и устойчивая деятельность ЛГБТИК-инициатив может помочь квир-людям в России не остаться одним на фоне стирания государством их идентичности, а отмена закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и ликвидация последствий милитаризации, демонтаж патриархального устоя, поддерживаемого государственной идеологией в области традиционных ценностей — качественно улучшить ситуацию с правами квир-людей в России. После реализации этих мер потребуется принятие закона о противодействии дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, его внедрение и неукоснительное соблюдение на практике, а также обучение сотрудников правоохранительных органов исходя из безбарьерной среды и доступных, адекватных и эффективных средств правовой защиты для квир-людей в случаях дискриминации.

§3 Признание “Международного общественного движения ЛГБТ” экстремистской организацией

30 ноября 2023 года Верховный Суд РФ в одном закрытом судебном заседании признал несуществующую организацию “Международное общественное движение ЛГБТ” и его структурные подразделения экстремистскими, запретил их деятельность на территории России. **Это первое в мире решение суда о запрете ЛГБТ-движения как экстремистского¹⁰⁹.**

Этим решением российский суд “активировал” применение к ЛГБТИК-людям и инициативам уже существующего в государстве антиэкстремистского законодательства¹¹⁰.

Справка: Оно характеризуется неясными и нечеткими формулировками запретов, что на практике уже в течение длительного времени, с 2002 года¹¹¹, позволяет привлекать людей,

¹⁰⁹ См., например: Рейды вместо рейдов: что ждет гей-клубы в России. 29.11.2024 // Парни плюс. URL: [https://parniplus.com/lgbt-movement/discrimination/pervoe-delо-o-raduzhnom-ekstremizme-slovo-zashhitniku/](https://parniplus.com/lgbt-movement/discrimination/pervoe-delo-o-raduzhnom-ekstremizme-slovo-zashhitniku/) (дата обращения: 01.08.2025).

¹¹⁰ См., например: Оленичев М.В. Как «ЛГБТ-экстремизм» изменит жизнь сообщества? Комментарий юриста. 10.01.2024 // Парни плюс. URL: <https://parniplus.com/lgbt-movement/lgbt-extremism-lawyers-comment/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹¹¹ В первую очередь Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности” от 25.07.2002 N 114-ФЗ, вступивший в силу в России с 10.08.2002 года, а также связанные с ним нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях (статьи 20.3, 20.3.1, 20.29) и Уголовного Кодекса РФ (статья 282, 282.1–282.4).

в том числе из других социальных групп¹¹², к административной и уголовной ответственности за те действия, которые при ознакомлении с таким законодательством не подпадают под запреты, но после их совершения людьми они квалифицируются в каждом конкретном случае судами как правонарушения, влекущие граждансскую, административную или уголовную ответственность.

Такие нормы “антиэкстремистского законодательства” работают в современной милитаризованной России не только как инструмент репрессий внутри страны — позволяя преследовать активистов по надуманным причинам и вводить цензуру, которая формально запрещена Конституцией. **Эти нормы также опасны в международном контексте:** они создают прецедент и легитимируют для других, нероссийских, антигендерных движений по всему миру представление о том, что ЛГБТК-люди — это не социальная группа с имеющимися у них правами, а “движение”, участником которого государство может посчитать любого по своему усмотрению и привлечь в связи с этим к юридической ответственности, если такой человек выражает поддержку ЛГБТ-повестке; его оказывается возможным преследовать и лишать защиты закона.

Это создает неопределенность, произвол и атмосферу страха¹¹³ — именно так сегодня работают репрессии в современной России, в которой правый и антигендерный поворот развиваются не первый год. В свою очередь это ведет к самоцензуре людей, опасающихся подпасть под репрессии современного милитаризованного российского государства. Как заявил Хью Уильямсон, директор по Европе и Центральной Азии в “Human Rights Watch”, “российские власти превращают систему уголовной юстиции в орудие своей драконовской кампании по насаждению «традиционных ценностей», маргинализации и лишению права голоса ЛГБТ-людей. Они грубо нарушают права россиян на свободу выражения мнений и свободу ассоциаций, а также на защиту от дискриминации”¹¹⁴.

Юридически суд запретил конкретную несуществующую организацию — “Международное общественное движение ЛГБТ”. На практике правоохранительные органы преследуют

112 Например, сообщение Amnesty International. 01.03.2029. URL: <https://www.amnesty.de/mitmachen/urgent-action/russische-foederat-zeugen-jehovas-gefoltert-2019-03-01> (дата доступа: 01.08.2025).

113 См., например: Оленичев М.В. Что случилось? 18.11.2023 // Парни плюс. URL: <https://parniplus.com/lgbt-movement/discrimination/ctho-sluchilos/> (дата доступа: 01.08.2025).

114 Russia: Rising Toll of LGBT “Extremism” Designation Administrative, Criminal Charges Used in Crackdown // Human Rights Watch. 30.06.2025. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/06/30/russia-rising-toll-of-lgbt-extremism-designation> (дата обращения: 07.08.2025).

за “ЛГБТ-экстремизм” любых людей, которые проявили какую-либо публичную видимость в качестве ЛГБТИК-активистов или хоть каким-то образом в представлении правоохранительных органов могли организовывать квир-сообщество или поддерживать его.

Административный иск о признании экстремистской несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” был инициирован Министерством юстиции РФ. Генеральная прокуратура РФ его поддержала, а судья Верховного Суда РФ Олег Нефедов его удовлетворил.

Верховный Суд РФ официально решение суда не опубликовал. Материалы дела носят гриф “секретно” и недоступны, в связи с чем неизвестно, какие именно доказательства были исследованы судом, а также какие лица фигурировали в деле как представители или участники мифической организации.

16 января 2024 года решение Верховного Суда РФ вступило в силу. 1 марта 2024 года “Международное общественное движение ЛГБТ” и его неназванные структурные подразделения были внесены в перечень экстремистских организаций. 12 марта 2024 года официальное издание российских властей “Российская газета” опубликовало сведения об этом. С момента публикации стало возможно привлечение к административной или уголовной ответственности за “ЛГБТ-экстремизм”¹¹⁵. Однако на практике преследование ЛГБТ-людей и их союзников началось раньше.

Первое дело об “ЛГБТ-экстремизме” возникло в Саратове. 13 декабря 2023 года полицейский находился в своем рабочем кабинете и исследовал Интернет. В одном из аккаунтов в сети Instagram он обнаружил фотоработы, в которых использовались элементы радужного флага. Авторка фотографий — Инна Мосина.

18 января 2024 года полицейский составил протокол об административном правонарушении, а 5 февраля районный суд Саратова наложил на Инну административный штраф — 1 500 рублей.

Она была признана виновной в том, что поскольку несколько лет назад разместила в Интернет свои фотоработы с радужным флагом и они были доступны после того, когда Верховный Суд РФ вынес решение о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской, то таким образом Инна Мосина демонстрировала радужный флаг

115 См., например, доклад Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.de/informieren/amnesty-report/russland-2023#section-23638620> (дата обращения: 07.08.2025).

как символику экстремистской организации “Международное общественное движение ЛГБТ”.

Несмотря на то, что российские власти отказались опубликовать решение Верховного Суда РФ, юристам правозащитного проекта “Первый отдел” в рамках дела Инны Мосиной¹¹⁶ удалось получить полный текст решения Верховного Суда РФ¹¹⁷.

Из него стало известно, что радужный флаг признан Верховным Судом РФ символом экстремистской организации. Его демонстрация теперь запрещена и влечет административную ответственность — штраф в сумме от 1 000 до 2 000 рублей или арест на срок до 15 суток¹¹⁸. Повторное нарушение влечет за собой уголовную ответственность, в этом случае наказание варьируется от штрафа (от 600 тысяч до 1 млн рублей) до 4 лет лишения свободы¹¹⁹.

Закон запрещает также изготовление радужного флага, его сбыт или приобретение в целях сбыта с наложением штрафа в размере от 1 000 до 2 500 рублей¹²⁰. Повторное нарушение влечет за собой уголовную ответственность¹²¹.

С 11 августа 2025 года наказание за совершение административного правонарушения расширилось: была введена возможность также привлечения виновного лица к обязательным работам на срок до 100 часов с конфискацией радужного флага¹²².

В феврале 2024 года пресс-служба Индустриального районного суда Перми сообщила, что “выявлен факт размещения флага ЛГБТ-сообщества в оконном проеме в доме, где проживает гражданка. Данные действия суд квалифицирует по части 1 статьи 20.3 КоАП РФ — публичное демонстрирование символики экстремистских организаций, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. Суд считает, что наказание в виде административного штрафа обеспечит достижение целей наказания”¹²³.

В марте 2024 года, во время так называемых президентских

116 См., например: Оленичев М.В. Первое дело о “радужном экстремизме”: слово защитнику. 06.02.2024 // Парни плюс. URL: <https://parniplus.com/lgbt-movement/discrimination/pervoe-delo-o-raduzhnom-ekstremizme-slovo-zashhitniku/> (дата обращения: 07.08.2025).

117 Решение Верховного Суда о запрете “международного движения ЛГБТ” // Первый отдел. 19.01.2024. URL: <https://dept.one/story/zapret-lgbt-docs/> (дата обращения: 07.08.2025).

118 Часть 1 статьи 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

119 Статья 282.4 Уголовного Кодекса РФ.

120 Часть 2 статьи 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

121 Статья 282.4 Уголовного Кодекса РФ.

122 Федеральный закон от 31.07.2025 N 302-ФЗ “О внесении изменений в статьи 5.35 и 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”.

123 Пермичку оштрафовали за радужный флаг в окне квартиры // РАПСИ. 28.02.2024. URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20240228/309662717.html (дата обращения: 07.08.2025).

выборов, И. — глава Штаба Надеждина (кандидата в президенты России) был арестован районным судом Владивостока на 6 суток (то есть, на время выборов) за то, что сотрудники полиции нашли в чате (в котором состояло 11 человек) анкету знакомств одной из его знакомых, в чьем сообщении содержалось радужное эмодзи. При этом И. — не ЛГБТИК-персона, а привлечение его к административной ответственности за “ЛГБТ-экстремизм” наглядно показывает, как российские правоохранительные органы используют законодательство против ЛГБТ-людей в качестве инструмента давления на политических активистов, не согласных с действиями российской власти.

2 мая 2024 года Тверской районный суд Москвы арестовал Данилу Морозова, председателя комиссии Молодежного парламента при Государственной думе России¹²⁴, за то, что в 2022 году в Telegram он разместил репост публикации с радужным флагом. Поскольку публикация была доступна к просмотру в Интернет в 2024 году, то суд посчитал это нарушением. Как следует из постановления суда, “Морозов Д.А. в судебном заседании фактические обстоятельства дела не отрицал, вину признал, в содеянном раскаялся, пояснил, что не помнит, что размещал у себя на странице, в настоящее время пересмотрел свои взгляды на жизнь, политику ЛГБТ не поддерживает”¹²⁵. Однако это ему не помогло — суд привлек его к максимальному наказанию в виде 15 суток административного ареста.

Согласно данным Human Rights Watch по состоянию с января 2024 года по июнь 2025 года — за почти 2,5 года применения решения Верховного Суда РФ — российские суды рассмотрели как минимум **98 дел** об административных правонарушениях за демонстрацию радужного флага¹²⁶. Само решение Верховного Суда РФ российские власти применяют “для произвольных преследований ЛГБТ-людей, людей, кого таковыми считают, а также всех тех, кто защищает их права или выражает с ними солидарность”¹²⁷.

С 2024 года запрещено под угрозой административного и уголовного (в случае совершения повторного нарушения)

¹²⁴ Символика ЛГБТ* и дискредитация армии. В Москве арестовали студента НИУ ВШЭ — члена Молодежного парламента Госдумы // MSK1.ru. 04.05.2024. URL: <https://msk1.ru/text/incidents/2024/05/04/73539638/> (дата обращения: 07.08.2025).

¹²⁵ Официальный сайт Тверского районного суда города Москвы: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj> (дата обращения: 07.08.2025).

¹²⁶ Russia: Rising Toll of LGBT “Extremism” Designation Administrative, Criminal Charges Used in Crackdown // Human Rights Watch. 30.06.2025. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/06/30/russia-rising-toll-of-lgbt-extremism-designation> (дата обращения: 07.08.2025).

¹²⁷ Ibid.

наказания:

- демонстрация радужного флага онлайн или оффлайн (например, при чтении книги с радужным флагом в метро или другом публичном месте, публикации — даже несколько лет назад — радужного флага в Интернет и доступности его в Интернет (в том числе и в тех случаях, когда человек не имеет доступа к аккаунту или не помнит где его опубликовал в Интернет)) после вступления в силу решения Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 года, названного выше,
- распространение любых материальных носителей с флагом или их ношения (например, значки, книги, серьги, браслеты и иная атрибутика),
- репосты материалов с радужным флагом в сети Интернет,
- вывешивание дома радужного флага, если последний видят прохожие.

Однако помимо демонстрации радужной символики, решение Верховного Суда РФ криминализовало любую публичную деятельность в поддержку ЛГБТИК-людей. Несмотря на то, что российские ЛГБТ-инициативы успели перестроить свою деятельность до вступления в силу решения Верховного Суда РФ и продолжили поддержку квир-людей в России безопасными способами (например, предоставление консультаций онлайн, проведение публичных мероприятий для узкого круга участниц), то люди и бизнесы, которые и не могли предположить, что запрет коснется их, пострадали в первую очередь.

По сути решение Верховного Суда РФ открыло возможности для уголовного преследования людей за “причастность” к деятельности несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ”. Несмотря на то, что решение суда было направлено против организованной деятельности за права ЛГБТ-людей в России¹²⁸, на практике оно стало использоваться гораздо шире.

Начиная с 2024 года российские правоохранительные органы могут привлекать за “ЛГБТ-экстремизм” к уголовной ответственности — от штрафа в размере от 300 тысяч рублей до 12 лет лишения свободы.

128 Как “ЛГБТ-экстремизм” изменит жизнь сообщества? Комментарий юриста // Парни+. 10.01.2024. URL: <https://parniplus.com/lgbt-movement/lgbt-extremism-lawyers-comment/> (дата обращения: 07.08.2025).

Так, за организацию деятельности “Международного общественного движения ЛГБТ” подсудимым грозит до 10 лет лишения свободы, за участие в нем – до 6 лет лишения свободы, за вовлечение в его деятельность – до 8 лет лишения свободы, а если такие действия совершены с использованием служебного положения – до 12 лет лишения свободы¹²⁹. За предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг может грозить наказание до 8 лет лишения свободы, а если оно совершено с использованием служебного положения, то до 10 лет лишения свободы.

Подозреваемые и обвиняемые в преступлениях за “ЛГБТ-экстремизм” также вносятся в списки “экстремистов и террористов”. Они не могут без согласия Росфинмониторинга (российский государственный орган) распоряжаться денежными средствами с банковского счета (кроме суммы не более 22 440 рублей в месяц), распоряжаться недвижимым имуществом и ограничены в других правах, связанных с собственностью и доходами¹³⁰.

По состоянию на август 2025 года в России обвинены в совершении преступлений по “ЛГБТ-экстремизму” не менее 20 человек¹³¹.

В марте 2024 года правоохранительные органы вместе с членами ультраправой организации “Русская община”¹³² провели рейд в клубе “Pose” в Оренбурге. После этого Управление Следственного комитета РФ по Оренбургской области возбудило уголовное дело в отношении сотрудников клуба “Pose”. Клуб проводил драг-шоу и был популярным местом для ЛГБТ-людей в Оренбургской области. 20 марта 2024 года Центральный районный суд города Оренбурга арестовал арт-директора клуба Александра Климова и администратора заведения Диану Камильяннову. Их обвинили в том, что “обвиняемые, являясь лицами с нетрадиционной сексуальной ориентацией, действуя группой лиц по предварительному сговору с неустановленными следствием лицами”, также поддерживающими ЛГБТ, обеспечивали работу бара. Администратор подбирала персонал, утверждала

129 Статья 282.2 Уголовного Кодекса РФ.

130 Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” от 07.08.2001 N 115-ФЗ, статья 6 (пункты 2.1 и 2.4), статья 7.

131 Russia: Rising Toll of LGBT “Extremism” Designation Administrative, Criminal Charges Used in Crackdown // Human Rights Watch. 30.06.2025. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/06/30/russia-rising-toll-of-lgbt-extremism-designation> (дата обращения: 07.08.2025).

132 В Оренбурге мужчину и женщину отправили в СИЗО по первому в России уголовному делу об экстремизме за ЛГБТ // BBC News: Русская служба. 20.03.2024. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cpd37jlk7o> (дата обращения: 07.08.2025).

программы мероприятия и “обеспечивала фото-видеосъемку выступлений, пропагандирующих нетрадиционные сексуальные отношения”. В свою очередь, арт-директор “осуществлял подбор travesti-артистов, проводил с ними собрания, пропагандировал среди посетителей бара и в мобильном приложении Telegram нетрадиционные сексуальные отношения”¹³³. Им грозит до 10 лет лишения свободы за участие в работе обычного заведения для ЛГБТ-людей. 31 марта 2024 года тот же суд арестовал собственника клуба Вячеслава Хасанова¹³⁴. В настоящее время уголовное дело поступило для рассмотрения по существу в суд.

В течение 2024 года аналогичные дела за “ЛГБТ-экстремизм” были возбуждены в Самаре, Ярославле, Алтайском крае, Воронеже, Кирове, Ульяновской области, Москве и других регионах.

В ноябре 2024 года в Москве был задержан Андрей Котов, организовавший туристические туры для гомосексуалов. Следственный комитет РФ обвинил его в организации деятельности “экстремистской организации”. Во время обыска в квартире двое силовиков в масках избивали его и пытали электрошокером. Суд арестовал его, а в декабре 2024 года он погиб в следственном изоляторе, куда был помещен судом на время расследования уголовного дела¹³⁵.

Первый приговор был вынесен Яйским районным судом Кемеровской области 19 февраля 2025 года за вовлечение в деятельность “Международного общественного движения ЛГБТ”. Осужденным оказался мужчина, который уже был осужден за иное преступление на 18 лет лишения свободы и в момент “совершения преступления” отбывал наказание в виде лишения свободы. Какие именно действия суд посчитал преступными – неизвестно, приговор в открытом доступе отсутствует. Суд постановил осудить его за такое преступление на 6 лет лишения свободы¹³⁶.

В настоящее время в отношении Артема Фокина, экс-главы

133 В Оренбурге арестованы сотрудники ЛГБТ-клуба за “экстремизм” // Deutsche Welle. 20.03.2024. URL: <https://www.dw.com/ru/v-orenburge-arestovany-sotrudniki-lgbtkluba-po-delu-ob-ekstremizme/a-68626469> (дата обращения: 07.08.2025).

134 Суд в Оренбурге арестовал владельца ЛГБТ-клуба Pose // Deutsche Welle. 31.03.2024. URL: <https://www.dw.com/ru/sud-v-orenburge-arestoval-vladelca-lgbtkluba-pose/a-68708509> (дата обращения: 07.08.2025).

135 “Большой ребенок”. Как жил и погиб обвиненный в проведении “туров для геев” Андрей Котов // BBC News: Русская служба. 27.01.2025. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cj91v7gzmeno> (дата обращения: 07.08.2025).

136 В Кузбассе заключенному дали срок по делу об “ЛГБТ-экстремизме”. “Медиазона” называет это первым приговором после запрета “движения ЛГБТ” в России // Meduza. 19.02.2025. URL: <https://meduza.io/news/2025/02/19/v-kuz-basse-zaklyuchennomu-dali-srok-po-delu-ob-lgbt-ekstremizme-mediazona-nazyvaet-eto-pervym-prigovorom-posle-zapreta-dvizheniya-lgbt-v-rossii> (дата обращения: 07.08.2025).

самарской общественной организации “Ирида” (которая пыталась в декабре 2023 года обжаловать решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской, но ее жалоба была снята с рассмотрения) закончено расследование уголовного дела за “ЛГБТ-экстремизм” и оно передано в суд. По версии следствия, поскольку в 2024 году онлайн проводились собрания организации, то ее экс-глава виновен в организации деятельности экстремистской организации, ему грозит до 10 лет лишения свободы¹³⁷.

15 марта 2025 года Главное Управление Следственного комитета РФ по городу Москве возбудило уголовное дело в отношении троих сотрудников издательства ЭКСМО (его структурного подразделения “Individuum”) — Артема Вахляева, Дмитрия Иванова и Дмитрия Протопопова. Их обвиняют в вовлечении в деятельность экстремистской организации и участии в ней, совершенные с использованием служебного положения (ч.1.1, ч. 2 и ч. 3 ст. 282.2 Уголовного Кодекса РФ), им грозит до 12 лет лишения свободы. В настоящее время они помещены под домашний арест.

По версии следствия, когда они работали в издательстве, они обеспечивали печать и распространение книг на ЛГБТ-тематику в рамках своих должностных обязанностей. Логика предъявленного им обвинения строится на том, что после распространения книг на ЛГБТ-тематику через книжные магазины или напрямую людям читатели таких книг станут сторонниками “Международного общественного движения ЛГБТ”. По мнению следствия, как минимум восемь женщин таким образом были “вовлечены” в деятельность несуществующей организации.

В этом деле следствие считает распространение “ЛГБТ-литературы” среди неограниченного круга лиц экстремистской деятельностью. Формально ни одна квир-книга не признана “экстремистской” в России. В качестве преступления следователи вменяют в вину фигурантам массовое распространение квир-литературы с целью вовлечения в деятельность “Международного общественного движения ЛГБТ”¹³⁸.

Следственный комитет РФ считает, что распространяя книги, не признанные экстремистскими материалами, обвиняемые

¹³⁷ Второе уголовное дело об “экстремизме”, “Ирида” и гомофобии // Парни+. 29.05.2024. URL: <https://parniplus.com/news/irida-i-gomofobi/> (дата обращения: 07.08.2025).

¹³⁸ Правозащитный проект “Первый отдел”: <https://t.me/deptone/13176> (дата обращения: 07.08.2025).

распространяли “ЛГБТ-идеологию”, а именно:

- формировали у читателей “привлекательный образ нетрадиционных (негетеросексуальных) сексуальных отношений и предпочтений”;
- распространяли “идеологию полной моральной эквивалентности” “нетрадиционных и традиционных сексуальных отношений”; легализации однополых браков; возможности усыновления и воспитания детей однополыми парами; убежденности в привлекательности таких идей и их допустимости¹³⁹.

По сути, правоохранительные органы обвинили их в распространении книг (в рамках книгоиздательского бизнеса).

Параллельно ультраправые организации, формально не созданные государством, но взявшие на себя функции по “борьбе с ЛГБТ”, совместно с сотрудниками правоохранительных органов или индивидуально проводили и проводят регулярные рейды по местам, в которых могли собираться ЛГБТИК-люди. За 2024 год таких рейдов было не менее 42¹⁴⁰.

Объявив несуществующую организацию “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской, российские власти криминализовали в России любую публичную деятельность в поддержку ЛГБТИК-людей. Среди уголовно преследуемых — как сотрудники сферы услуг (бары, клубы, турагентство, медицинская клиника, издательство), так и ЛГБТК-активисты (Артем Фокин, Ярослав Сироткин).

Криминализация деятельности мирного движения противоречит международным обязательствам России, в том числе нарушает положения Международного пакта о гражданских и политических правах.

Как указала в своем докладе от 2024 года Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова, “признание «Международного общественного движения ЛГБТ» «экстремистским» в 2023 году сделало любую деятельность, связанную с ЛГБТ, в Российской Федерации незаконной”¹⁴¹.

Эти выводы подтверждаются материалами проведенного нами исследования. На вопрос: “Что изменилось в Вашей жизни

139 Правозащитный проект “Первый отдел”: <https://t.me/deptone/13182> (дата обращения: 07.08.2025).

140 Закурдаева, К., Шмарева, Е. Уголовные дела, рейды в клубах и заявления Путина. Как изменилась жизнь ЛГБТК-людей в России в 2024 году // Настоящее время. 10.01.2025. URL: <https://www.currenttime.tv/a/kak-izmenilas-zhizn-lgbtk-lyudey-v-rossii-v-2024-godu-data/33270127.html> (дата обращения: 07.08.2025).

141 A/HRC/57/59, пункт 94.

в части социальных связей, коммуникаций, изменения поведения и доступа к информации в связи с тем, что 30 ноября 2023 года Верховный Суд РФ принял решение о признании несуществующей организации «Международное Общественное движение ЛГБТ» экстремистской организацией?» респондентки сообщили, что у них возникли сложности в поиске дружественного ЛГБТИК-френдли окружения (54,3%), им стало сложнее знакомиться с романтическими партнерами (36,8%) и они закрылись/“ушли в шкаф” (36,5%). Отвечая на вопрос, респондентки могли выбрать несколько вариантов ответа, которые отражают их опыт (илл. 25).

В ходе исследования в 2025 году мы также спросили респонденток: “Что изменилось в Вашей жизни в части риска насилия/пережитого насилия в связи с тем, что 30 ноября 2023 года Верховный Суд РФ принял решение о признании несуществующей организации «Международное общественное движение ЛГБТ» экстремистской организацией?” В этом вопросе респондентки также могли выбрать несколько вариантов ответа, которые отражают их опыт.

№ п/п	Показатель	Трансгендерные женщины (% от опрошенных в категориях)	Цисгендерные женщины (% от опрошенных в категориях)	Разница (% от опрошенных в категориях)	Разница в количестве раз (от опрошенных в данной категории)
1	Я опасаюсь обращаться в правоохранительные органы в случае, если стану пострадавшей	60,9	53,8	7,1	1,13
2	Стала больше опасаться подвергнуться физическому насилию в публичном месте из-за моей сексуальной ориентации/гендерной идентичности	63,5	51,5	12	1,23
3	Стала больше опасаться подвергнуться физическому насилию в частной жизни/дома из-за моей сексуальной ориентации/гендерной идентичности	32,5	25,2	7,3	1,29
4	В моей жизни ничего не изменилось из-за этого решения ВС РФ	20,8	26,5	- 5,7	0,79
5	Подверглась аутингу	20,3	8	11,7	2,54
6	Подверглась физическому насилию	12,2	2,1	10,1	5,81
7	Подверглась сексуализированному насилию	6,1	2	4,1	3,05

8	Подверглась экономическому насилию	8,1	1,4	6,7	5,79
9	Я обращалась в правоохранительные органы (полиция, следственный комитет) по фактам нарушений моих прав, которые возникли в связи с проявлениями моей гендерной идентичности/сексуальной ориентации, но они не предприняли действий, чтобы расследовать	4,1	1,2	2,9	3,42
10	Я ничего не слышала о принятии этого решения ВС РФ	2,0	1,5	0,5	1,33

Для улучшения ситуации требуется немедленно отменить решение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 года о признании “Международного общественного движения ЛГБТ” и его структурных подразделений экстремистскими, пересмотреть и отменить все дела об административных правонарушениях и уголовные дела за “ЛГБТ-экстремизм”, восстановив права привлеченных и выплатив им компенсацию¹⁴².

Кроме того, требуется поддержать деятельность правозащитных организаций по оказанию адресной прямой помощи пострадавшим в России от обвинений в “ЛГБТ-экстремизме”, облегчить пути их легализации в безопасных странах, в том числе восстановить порядок приема по программе гуманитарных виз (по § 22.2 Закона ФРГ о пребывании, трудоустройстве и интеграции иностранцев на федеральной территории) в ФРГ для тех, кто в связи с ЛГБТК-активизмом подвергся репрессиям и нуждается в защите от давления российского государства.

Мы предлагаем рассматривать лиц, пострадавших от применения к ним российского законодательства об “ЛГБТ-экстремизме”, как преследуемых в России по политическим мотивам.

¹⁴² Аналогичную рекомендацию дала Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова в докладе о положении прав человека в России (2024 год). A/HRC/57/59, пункт 150, подпункт г.

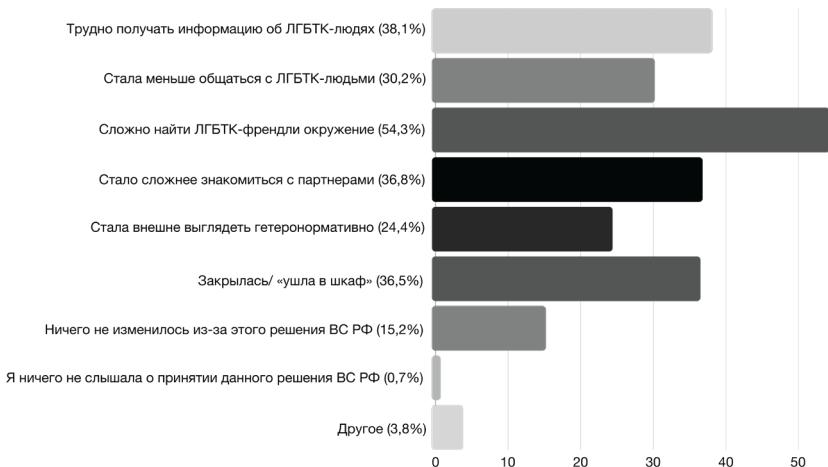

Иллюстрация 25. Ответы на вопрос: “Что изменилось в Вашей жизни в части социальных связей, коммуникаций, изменения поведения и доступа к информации в связи с тем, что 30 ноября 2023 года Верховный Суд РФ принял решение о признании несуществующей организации «Международное Общественное движение ЛГБТ» экстремистской организацией?” (в %)

§4 Законы о лишении трансгендерных людей прав

С 24 июля 2023 года в России вступил в силу закон “о запрете трансгендерного перехода”¹⁴³. Он внес изменения в 4 федеральных закона и вступил в силу в срочном порядке — в день его опубликования.

Инициаторами законодательной инициативы выступили 369 депутатов (82% от всех депутатов ГосДумы РФ), включая руководителей всех парламентских партий. Почти аналогичное количество парламентариев — 86% — выступили авторами законодательной инициативы 2022 года “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”¹⁴⁴.

Отличительная черта авторитарных государств — срочное принятие любых законов, направленных на ограничение прав граждан. Рассматриваемый проект закона не проходил общественного обсуждения. С момента внесения его

¹⁴³ Федеральный закон от 24.07.2023 №386-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240059> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁴⁴ Официальные данные сайта Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 07.08.2025).

в Государственную Думу РФ до опубликования истекло всего 55 дней. За это время он был рассмотрен и принят нижней палатой федерального парламента в трех чтениях, одобрен Советом Федерации, подписан президентом и опубликован.

Еще на стадии принятия закона правозащитники отмечали беспрецедентный характер его вторжения в личную жизнь и право на доступ к медицинской помощи¹⁴⁵. Если прежде закон “об ЛГБТ-пропаганде” касался запрета на распространение позитивной и нейтральной информации про ЛГБТ-людей, то принятие закона “о запрете трансгендерного перехода” привело к тому, что государство стало контролировать телесность.

16 августа 2023 года сразу три мандатария ООН — Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова, Независимый эксперт по вопросу о защите от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности Виктор Мадригал-Борлос и Председатель-докладчик Рабочей группы по вопросу о дискриминации в отношении женщин и девочек Дороти Эстрада-Танк обратились к властям России с просьбой не принимать закон “о запрете трансгендерного перехода”¹⁴⁶, поскольку он нарушает базовые права трансгендерных людей. Российские власти оставили такое обращение без внимания.

В своем обращении мандатарии ООН указали, что “этот закон является дискриминационным и нарушает многие обязательства Российской Федерации в области прав человека и должен быть отменен”, он нарушает “неотъемлемые права на достоинство, равенство перед законом, физическую неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни, право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, а также абсолютный запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания”.

145 См., например: Russia: Trans Health Care, Families Bill Violates Rights Intensifying Assault on LGBT Rights // Amnesty International. 18.07.2023. URL: <https://www.hrw.org/news/2023/07/15/russia-trans-health-care-families-bill-violates-rights>; Трансли в России — в опасности. Интервью с экспертом // Deutsche Welle. 21.06.2023. URL: <https://www.dw.com/ru/transludi-v-rossii-v-opasnosti-intervju-s-ekspertom/a-65987700> (дата обращения: 15.07.2025).

146 Mandates of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation; the Independent Expert on protection against violence and discrimination based on sexual orientation and gender identity and the Working Group on discrimination against women and girls. 16.05.2023. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownLoadPublicCommunicationFile?gId=28318> (дата обращения: 07.08.2025).

Какие законодательные гарантии были у трансгендерных людей в России до принятия этого закона?

В 1990 году Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) приняла Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра (далее — МКБ-10). В ней трансгендерность была определена как “расстройство половой идентификации” с кодом F64.0 “Транссексуализм”. МКБ-10 была внедрена в России в медицинскую практику с 1 января 1999 года и до сих пор составляет основу для диагностирования состояний человека.

В 2019 году ВОЗ приняла МКБ-11, которая депатологизировала трансгендерность. В случае необходимости оказания трансгендерным людям по их желанию специализированной медицинской помощи медицинские специалисты могут использовать иной код — “гендерную инконгруэнтность” (НА60). ВОЗ рекомендовала государствам перейти на МКБ-11 с 1 января 2022 года. В России началась подготовка к переходу на МКБ-11, но в 2024 году такая работа была приостановлена на неопределенный срок.

До 1 февраля 2018 года трансгендерные люди могли сменить документы в России только по судебному решению. При этом они могли обращаться к психиатрам за установлением диагноза F64.0, а после — получать доступ к гормональной терапии или совершать гендерно-аффирмативные операции.

В результате исполнения Россией рекомендаций Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (октябрь 2017 года) Министерство здравоохранения РФ ввело со 2 февраля 2018 года форму справки “об изменении пола” (087/у). Таким образом, трансгендерные люди получили возможность сменить документы без обращения в суд — через получение справки от врачебной комиссии и обращение в орган записи актов гражданского состояния (ЗАГС), который выдавал трансгендерным людям новое свидетельство о рождении¹⁴⁷.

Такой быстрый, доступный и четкий порядок замены документов просуществовал лишь немногим более пяти лет — со 2 февраля 2018 года по 23 июля 2023 года, — после чего был отменен.

147 См. подробнее: Die Rechtslage von LGBTQ-Personen im kriegsführenden Russland. Berlin: Quarteera e. V., 2024. S. 73-84. URL: https://www.quarteera.de/de/projects/die_lage_von_lgbtq_personen_im_kriegsfuehrenden_russland/ (дата обращения: 15.07.2025).

Как новый закон повлиял на жизнь трансгендерных людей в России?

Во-первых, закон запретил медицинский трансгендерных переход.

Запрещается осуществление медицинских вмешательств, включая применение лекарственных препаратов, направленных на смену пола, в том числе формирование у человека первичных и (или) вторичных половых признаков другого пола¹⁴⁸.

До 23 июля 2023 года включительно врачи в России могли диагностировать трансгендерность, после чего трансгендерные люди посвоему желанию могли получать в России феминизирующую или маскулинизирующую гормональную терапию, а также проводить гендерно-аффирмативные операции, не входящие в систему обязательного медицинского страхования, а значит, расходы на такие медицинские вмешательства трансгендерные люди оплачивали самостоятельно.

С 24 июля 2023 года те трансгендерные люди, которые не успели сменить документы, лишились возможности получения гормональной терапии и/или проведения гендерно-аффирмативных операций в России. Врачи в России опасаются назначать гормональную терапию трансгендерным людям из-за риска быть обвиненными правоохранительными органами в нарушении вступившего в силу в июле 2023 года федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”¹⁴⁹.

Однако российские власти предусмотрели, что трансгендерные люди могут обращаться в государственные психиатрические учреждения, в рамках которых пройти обследование, встать на учет у психиатров и получить психологические консультации. Необходимо отметить, что такая “помощь” не помогает трансгендерным людям, которые нуждаются как в медицинской специализированной поддержке, так и в социализации в обществе в соответствии со своей гендерной идентичностью. Запрет государства на предоставление трансгендерным людям необходимой им помощи, включая доступ к гормональным препаратам, гендерно-аффирмативным операциям и юридической процедуре изменения гендерного маркера в документах может расцениваться как нарушение Российской Федерации ее

148 Часть 1 статьи 45.1 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан”, которая была введена Федеральным законом от 24.07.2023 №386-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

149 См. подробнее: Die Rechtslage von LGBTQ-Personen... S. 67-72. URL: https://www.quarteera.de/de/projects/die_lage_von_lgbtq_personen_im_kriegsfuehrenden_russland/ (дата обращения: 15.07.2025).

международных обязательств в области прав человека¹⁵⁰.

Во-вторых, новый закон **запретил юридический трансгендерный переход**, исключив из федерального законодательства об актах гражданского состояния возможность предоставить заключение врачебной комиссии для внесения изменения в запись акта о рождении в части изменения гендерной идентичности¹⁵¹.

Впервые законодательная возможность смены документов была предоставлена трансгендерным людям в России в 1997 году. Спустя 26 лет она была утрачена. В настоящее время трансгендерные люди — граждане России — не имеют возможность сменить указание на гендерную идентичность (включая гендерно-маркированные окончания фамилии, имени, отчества) во всех официальных документах, что препятствует их социализации в российском обществе в рамках своей гендерной идентичности.

Однако в законе есть исключение: тем, кто сделал гендерно-аффирмативную операцию до 23 июля 2022 года включительно, не сменил документы, но хотел бы их сменить, предоставлена возможность пройти специальное обследование в одной из пяти врачебных комиссий (все они расположены в Москве и Санкт-Петербурге на базе медицинских учреждений, входящих в систему Министерства здравоохранения), которая подтвердит, что у обследуемого человека имеются признаки “мужского” или “женского” пола, несмотря на иной гендерный маркер в документах. В этом случае по специальному решению такой комиссии они могут изменить гендерный маркер в документах через обращение в органы записи актов гражданского состояния.

Количество таких заявителей, который прошли заседания комиссии за 2 года, по нашим данным — не более 30 человек, что свидетельствует о том, что данное исключение в настоящее время применимо для очень небольшого количества людей, а с течением времени те, кто совершил гендерно-аффирмативные операции до 23 июля 2023 года, но не сменили документы, будет уменьшаться ввиду уменьшения количества людей в такой группе и запрета на гендерно-аффирмативные операции. К тому же такая процедура смены документов в виде исключения недоступна тем, кто на момент вступления в силу названного выше закона были несовершеннолетними. Поэтому такое исключение практически

150 Зачем Госдума приняла закон о запрете смены пола // Ведомости. 14.07.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/14/985428-gosduma-prinyala-zakon> (дата обращения: 07.08.2025).

151 Максим Оленичев: “Приходят темные времена” // Парни+. 13.07.2023. URL: <https://parniplus.com/lgbt-movement/discrimination/maksim-olenechев-prihodyat-tyomnye-vremena/> (дата обращения: 07.08.2025).

никак не затрагивает интересы трансгендерных людей и в целом не влияет на ситуацию тотального запрета в России трансгендерного перехода.

Законодатели ввели это исключение в закон также по трансфобным причинам. По логике современных российских властей, реализующих антигендерный поворот, в России может существовать только бинарная система: мужской пол и женский пол. И если человек, по их мнению, уже существенно трансформировал тело в рамках трансгендерного перехода, но не внес изменения в документы в части изменения гендерного маркера, то таких людей необходимо маркировать как мужчин или как женщин — так, как представляют себе члены врачебной комиссии, ориентированные на то, что базово трансгендерный переход в России невозможен.

С учетом этого, мы исходим из утверждения о том, что почти для всех трансгендерных людей такая процедура юридического трансгендерного перехода недоступна.

Таким образом, с 24 июля 2023 года российские власти отказывают трансгендерным людям в признании их гендерной идентичности.

В-третьих, новый закон запретил браки с участием трансгендерных людей, указав что “брак прекращается вследствие [...] внесения изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов”¹⁵².

Еще до вступления в силу нового закона, в декабре 2022 года, отдел записи актов гражданского состояния одного из регионов в России отказал трансгендерной женщине N. во внесении изменений в запись акта гражданского состояния. Причина — она состояла в ранее заключенном разнополом браке. По мнению властей, в случае изменения указания ее гендера с мужского на женский она будет состоять в однополом браке, что российским законодательством не предусмотрено. Орган записи актов гражданского состояния рекомендовал N. расторгнуть ранее заключенный брак и после этого обратиться за внесением изменений в документы в части гендера.

Поскольку такая позиция властей не была основана на действовавшем в то время законодательстве, N. обратилась в суд. В июне 2023 года районный суд, а вслед за ним в октябре 2023 года областной суд, в июне 2024 года кассационный суд

¹⁵² Часть 1 статьи 16 Семейного Кодекса РФ.

и в декабре того же года Верховный Суд РФ, отказали в иске. Они ссылались на то, что Семейный Кодекс РФ определяет брак как союз между мужчиной и женщиной. Наличие заключенного брака — препятствие для смены гендерного маркера в документах.

В другом случае в марте 2024 года орган записи актов гражданского состояния отказал трансгендерному мужчине иcisгендерному мужчине в том, чтобы расторгнуть брак через орган записи актов гражданского состояния, ссылаясь на новый закон. В 2022 году они заключили разнополый брак, после чего один из партнеров совершил трансмаскулинный переход. В 2023 году семейные отношения разладились и они решили расторгнуть брак, для чего они подали в орган записи актов гражданского состояния совместное заявление, которое не было удовлетворено. В ноябре 2024 года суд первой инстанции впервые в российской практике расторг юридически однополый брак¹⁵³ (см. подробнее о нарушениях прав квир-женщин и, в частности, трансгендерных женщин на заключение партнерств в гл. 9.1).

В-четвертых, новый закон **запретил трансгендерным людям**, совершившим юридический трансгендерный переход — независимо от гражданства — **быть усыновителями и опекунами несовершеннолетних детей**. Российские власти также приняли специальные законы, расширяющие такой запрет.

С 3 июля 2023 года¹⁵⁴:

- на лиц, которые состоят в зарегистрированных однополых союзах (в том числе браках), независимо от гражданства,
- на граждан государств, в которых легализованы любые формы однополых союзов и если такие граждане не состоят в браке;

С 23 ноября 2024 года¹⁵⁵:

- на граждан государств, в которых разрешен медицинский трансгендерный переход (не важно, только путем приема гормональной терапии или с проведением гендерно-аффирмативных операций),
- на граждан государств, в которых разрешен юридический трансгендерный переход без гендерно-аффирмативных операций,

153 Из практики юриста по правам ЛГБТ-людей Макса Оленичева.

154 Федеральный закон от 23.11.2024 N 405-ФЗ “О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации”.

155 Федеральный закон от 23.11.2024 N 405-ФЗ “О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации”.

- на лиц без гражданства, которые постоянно проживают в таких государствах.

В-пятых, закон ввел калечащие операции на половых органах у интерсекс-детей¹⁵⁶. В случае, если родители решат, что необходимо провести такую операцию, они должны получить заключение одной из 5 врачебных комиссий, действующих в Москве и Санкт-Петербурге. Если в результате операции половые органы будут отличаться от “мужских” или “женских”, то такая же врачебная комиссия должна будет провести обследование ребенка и выдать медицинское заключение о соответствии половых признаков признакам определенного пола. На основании такого заключения родители от имени ребенка могут обратиться в орган записи актов гражданского состояния за сменой документов.

Как отметила Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова в своем докладе о соблюдении прав человека в Российской Федерации (2023 год), целый ряд механизмов Организации Объединенных Наций осудили эти вредные, производимые без согласия и ненужные с медицинской точки зрения вмешательства, связанные с высоким риском, и их серьезные пагубные последствия¹⁵⁷.

Закон “о запрете трансгендерного перехода” появился уже после полномасштабного вторжения России в Украину; он был вызван как общей кампанией против ЛГБТИК-людей в России, так и стереотипами и предрассудками в отношении трансгендерных людей, существующими у высших российских чиновников.

Так 11.05.2023 года председатель Следственного комитета РФ Александр Баstrykin (его функция — расследование многих преступлений в России, самых сложных и тяжких) публично заявил, что те, кто решили “сменить пол”¹⁵⁸ «на бумаге», чтобы не попасть в армию, — мошенники¹⁵⁹. “Если это мошенничество, этот обман нарушает интересы государства, нашу обороноспособность”¹⁶⁰. По его словам, он имел в виду тех, кто совершил трансгендерный

¹⁵⁶ Часть 2 статьи 45.1 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан”, которая была введена Федеральным законом от 24.07.2023 №386-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

¹⁵⁷ A/HRC/54/54, пункт 37.

¹⁵⁸ Российская государственная пропаганда, российские чиновники и законодательство используют устаревший и стигматизирующий термин “сменой пола”, понимая под ним трансгендерный переход.

¹⁵⁹ Баstrykin назвал мошенничеством смену пола “на бумаге” // Ведомости. 11.05.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/05/11/974633-bastrykin-nazval-moshennichestvom-smenu-pola> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶⁰ Там же.

переход ради ухода от мобилизации¹⁶¹ (на войну России в Украине). Как сообщили СМИ, его логика заключалась в том, что люди якобы пользуются “лазейкой в законе”, чтобы получить справку о трансгендерности и избежать призыва или мобилизации¹⁶².

Этой фразой, видимо, он стремился подчеркнуть, что трансгендерные люди проходят изматывающие процедуры юридического и медицинского трансгендерного перехода не в связи с имеющейся у них дисфорией и потребностью ее устраниить или смягчить, а по своему желанию, которое заключается в стремлении избежать военную службу. В тот же день министр юстиции РФ Константин Чуйченко сообщил, что в целях закрепления семейных ценностей в законодательстве может быть отменена возможность смены пола в документах¹⁶³.

Спустя 74 дня после такого заявления соответствующий закон был принят и вступил в действие. Таким образом, высшие российские чиновники представили российскому обществу репрессии против трансгендерных людей как устраниние в законодательстве уловки, якобы позволяющей уклоняться от службы в армии в России военного времени. При этом чиновники, продолжая кампанию против квир-людей, действовали исходя из мифов и стереотипов о “трансгендерных людях” и во имя продвижения идеологии “традиционных ценностей” в российском обществе.

Этот закон — дискриминационный и поражает трансгендерных людей в правах, имеющихся у цисгендерных людей.

Для изменения ситуации для трансгендерных людей в России необходимо:

- отменить федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода”,
- ввести быструю, доступную и эффективную процедуру и юридического, и медицинского трансгендерного перехода.

На это, в частности, обратила внимание в своем докладе от 2023 года Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова, которая также рекомендовала российским властям

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Голубева, А. В России могут полностью запретить смену гендерного маркера для транс-людей. Чем это обернется? // Русская служба BBC. 31.05.2023. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-65768808> (дата обращения: 10.08.2025)..

¹⁶³ Баstrykin назвал мошенничеством смену пола “на бумаге”...

отменить закон “о запрете трансгендерного перехода” как несовместимый с международными обязательствами государства в области прав человека¹⁶⁴.

Глава 5. Социальные последствия антигендерного законодательства в России для квир-женщин

§1 Доступ квир-женщин к информации, их вынужденная закрытость и видимость как уязвимость

Одним из важнейших следствий начала и эскалации полномасштабной войны стало расширение изоляционистских тенденций (особенно в отношениях России с государствами Европейского союза). Это проявляется также в введенных Россией ограничений на доступ к информации. Так, принятые в период войны законы против ЛГБТИК-людей создают правовую базу для блокировки неугодного государству квир-контента в Интернет, а федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды” и решение Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме” создает новые правовые риски в безопасном распространении информации (в том числе оффлайн). Применение государством таких законов вынуждает многие ЛГБТИК-организации, продолжающие работу в России, практически полностью отказываться от очных публичных мероприятий для незнакомых людей (сохраняя при этом очные встречи для тех людей, кто хорошо верифицирован и знаком организаторам мероприятий для целей сохранения квир-сообществ в разных регионах страны).

При этом те ЛГБТИК-инициативы и активист:ки, которые находятся в эмиграции, могут более свободно распространять информацию по российской ЛГБТИК-повестке — в этом случае квир-люди, проживающие в России, слышат голоса квир-людей из сообщества и могут следить за новостями, участвовать в онлайн-дискуссиях и чувствовать свою причастность к ЛГБТИК-

164 A/HRC/54/54, пункт 112, подпункт г.

сообществу онлайн. Это “новые правила игры”, которые навязало современное российское государство квир-людям в России. И те ЛГБТИК-люди, которые не хотят потерять свою идентичность внутри страны, придумывают способы получать информацию по ЛГБТИК-новостям и иногда принимать участие в мероприятиях онлайн, а также обращаться за психологической, юридической и экстренной помощью в ЛГБТИК-инициативы.

В сочетании с правоконсервативной государственной пропагандой, усиливающей гомо- и трансфобные настроения в обществе, а также с растущим страхом квир-женщин перед любой открытостью, это приводит к практически полной потере многими из них круга неформального доверительного общения, практик общественного досуга, к ограничению своих контактов и в некоторых случаях даже выходов на улицу. В ходе опроса респондентки часто отмечали, что после февраля 2022 года они резко сузили свой круг общения. Как правило, многие из них не стремятся его расширять. Главные причины такого поведения — страх применения законов, криминализовавших высказывания против войны России в Украине, и применение к ним квирофобных законов.

При этом принимаемые в России законы, ограничивающие личную жизнь и публичные проявления ЛГБТИК-людей, представляют собой кальку с законов, отражающих правоконсервативные ценности, и риторики праворадикальных движений по всему миру. В частности, среди этих движений оказывается популярной риторика “традиционных ценностей” (под которыми понимаются цисгетеросексуальные семьи и сопротивление “гендерной угрозе”) и агрессивное противодействие ЛГБТИК-прайдам¹⁶⁵, в том числе через запугивание, адресные угрозы и даже нападения.

В современной России давление и насилие против квир-людей со стороны радикальных групп и государства раньше проявлялось главным образом во время публичных акций и демонстраций¹⁶⁶. Однако после начала полномасштабной войны такие акции фактически исчезли, и внимание властей, праворадикалов и частных лиц сместилось в сферу частной жизни,

¹⁶⁵ См., например: Queerfeindlichkeit im Rechtsextremismus // Bundesamt für Verfassungsschutz. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/hintergrunde/DE/rechtsextremismus/queerfeindlichkeit-im-rechtsextremismus.html#doc-1288830bodyText1> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁶⁶ См., например: Russia LGBT activists detained during St Petersburg rally // BBC. 04.08.2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-45072583> (date of access: 20.07.2025); LGBT Activists Detained at St. Petersburg Pride Event // The Moscow Times. 05.08.2019. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/08/05/lgbt-activists-detained-at-st-petersburg-pride-event-a66716> (date of access: 22.07.2025).

рабочих и бытовых отношений, а также культурных практик. Этот сдвиг особенно показателен: **он демонстрирует, как в России происходит демонтаж принципов равенства и верховенства права по мере усиления гомо- и трансфобной политики**, что делает ее примером для анализа в контексте глобального антигендерного движения.

Анкета содержала вопросы о том, как изменился доступ респонденток к информации о правах ЛГБТИК-людей **до и после начала полномасштабной войны**. Средняя оценка доступности такой информации до февраля 2022 года по 10-балльной шкале, где 10 — избыток такой информации, а 1 — полное отсутствие такой информации, составила 6,23 балла. При этом средняя оценка доступности информации о правах ЛГБТК-людей после февраля 2022 года составила 5,57 баллы. Эти данные позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, полномасштабная война и усиленный ею правоконсервативный поворот в социальной и правовой сферах ощущается опрошенными квир-женщинами как фактор, сокративший их доступ к значимой для них правовой информации.

Во-вторых, ограничение доступа к информации о правах ЛГБТИК-людей ощущалось квир-женщинами и до начала полномасштабной войны, так что принесенный ей правоконсервативный поворот пришелся на подготовленную почву и усилил давно сложившиеся тенденции к государственной цензуре и ограничению доступа к “нежелательной” для властей информации.

В-третьих, несмотря на государственную цензуру и риски быть обвиненными в “экстремизме” за ЛГБТИК-активизм, российским квир-инициативам (преимущественно находящимся в изгнании за пределами России к лету 2025 года) удается сопротивляться государственной цензуре и знакомить квир-женщин в России с информацией об их правах и правозащитных инициативах.

В-четвертых, технические ограничения (такие как блокировка веб-сайтов) и угроза административного и уголовного преследования, а также социальных санкций не останавливают квир-женщин от поддержания связей с контекстом правозащиты и ЛГБТИК-активизма, а также доступа к информации об их правах и к онлайн-общению с сообществами.

Наибольшая доля опрошенных квир-женщин отметили, что на момент заполнения анкеты получают информацию о правах ЛГБТИК-людей преимущественно из мессенджера “Телеграм”

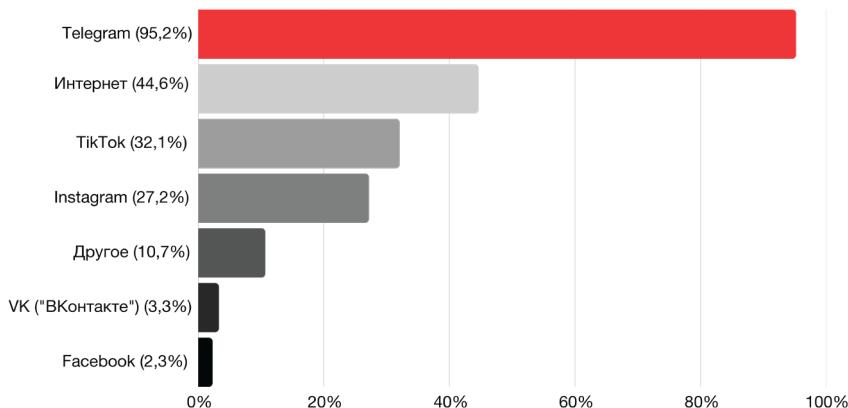

Иллюстрация 26. Источники информации и правах ЛГБТИК-людей

(95,2%). На втором месте с разрывом более чем в два раза следует ответ “Поиск в Интернете” (44,6%) и “Тик-ток” (32,1%). При этом отвечая на вопрос респондентки могли выбрать несколько вариантов ответов (илл. 26).

Такое положение дел может быть следствием блокировки в России продуктов компании Meta Platforms Inc. — социальных сетей “Инстаграм” (с 21 марта 2022 года) и “Фейсбук” (с 25.02.2022 года)¹⁶⁷ сразу после начала полномасштабного вторжения в Украину. Так, первой из них для получения информации о правах ЛГБТИК-людей пользуется 27,2% квир-женщин, а второй — только 2,3% (наименьший процент, оказывающийся ниже даже открыто контролируемой российскими силовыми структурами¹⁶⁸ социальной сети “ВКонтакте” — 3,3%).

Сохраняющаяся и усиливающаяся популярность “Телеграма” связана в том числе с тем, что доступ к нему технически до последнего времени не блокировался российскими властями. Кроме того, несмотря на блокировки со стороны Роскомнадзора,

167 Решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 года по делу №02-2473/2022. Согласно нему 25.02.2022 Генеральная прокуратура РФ приняла решение о признании социальной сети Facebook причастной к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ (статья 3.3 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”). Доступ к Facebook ограничивается на территории России ограничен. 11.03.2022 Генеральная прокуратура РФ вынесла аналогичное решение в отношении Instagram (см., например: <https://www.forbes.ru/tehnologii/458877-instagram-vnesli-v-reestr-zapresemyh-v-rossii-sajtov> (дата обращения: 01.08.2025)). 21.03.20222 Тверской районный суд Москвы запретил в России деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram по основаниям осуществления экстремистской деятельности. При этом суд специально указал, что его решение не распространяется на продукт компании Meta WhatsApp “ввиду отсутствия функций по публичному распространению информации”.

168 См, например: Таланова, Д. Лайк, шир, срок: В России завели более 30 тысяч дел за посты и мемы в соцсетях. Исследование “Новой-Европы” // Новая газета — Европа. 02.12.2024. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/12/02/laik-sher-srok> (дата обращения: 10.07.2025).

Телеграм не блокировал и не удалял Телеграм-каналы ЛГБТИК-инициатив и блогер:ок, что позволяло и позволяет оперативно получать доступ к информации со своего смартфона.

С другой стороны, журналистские расследования о зависимости мессенджера “Телеграмм” от российских властей¹⁶⁹ и вероятная готовность владельцев мессенджера раскрывать в некоторых случаях персональную информацию о пользователях по запросу российских правоохранительных органов не позволяет исключить, что пользующиеся этим мессенджером квир-женщины, а особенно активистки, находятся в зоне возможного внимания сотрудников силовых ведомств.

Еще одна причина тех ответов, которые мы получили на этот вопрос — использование доступных и безопасных каналов распространения опроса через Интернет. Мы не исключаем, что респондентки, получившие приглашение для участия в опросе в одном из мессенджеров, чаще используют именно его чем иные, как источник информации.

Опрос позволил проследить влияние федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, и решения Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской на закрытость квир-женщин в России.

На вопрос о том, как вступление в силу 5 декабря 2022 года новой версии федерального закона “о запрете об ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” сказалось на их социальных связях и доступе к информации:

- 57,6% квир-женщин отметили появление сложностей с поисками дружественного окружения,
- 41,3% — сложностей в знакомстве с романтическими партнерами,
- 38,2% — что они закрылись и «ушли в шкаф»,
- 37,6% — что они начали испытывать трудности в получении информации об ЛГБТК-людях и их правах.

Решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской также существенно повлияло на закрытость квир-женщин:

¹⁶⁹ Latschan, T. Telegram — der umstrittene Messengerdienst // Deutsche Welle. 29.08.2024. URL: <https://www.dw.com/de/telegram-der-umstrittene-messengerdienst/a-70068064> (дата обращения: 10.07.2025); Putin berichtet von Treffen mit Telegram-Chef Durow // Der Spiegel. 05.09.2024. URL: <https://www.spiegel.de/netzwelt/netzpolitik/telegram-wladimir-putin-berichtet-von-treffen-mit-pawel-durow-a-8a4167dd-db74-4020-8675-561821007c9b> (дата обращения: 10.07.2025); Lokshin, P. Vom Staatsfeind zum Liebling des Kremls // Welt. 08.08.2024. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article253212380/Telegram-Gruender-Durow-Vom-Staatsfeind-zum-Liebling-des-Kremls.html> (дата обращения: 12.07.2025).

- 54,3% опрошенных отметили, что из-за этого решения у них возникли трудность с поиском дружественного окружения,
- 38,1% сообщили, что начали испытывать трудности в поиске информации об ЛГБТК-людях и их правах,
- 36,8% отметили, что из-за этого решения им стало труднее знакомиться с романтическими партнерами,
- 36,5% — что закрылись, “ушли в шкаф” (илл. 27).

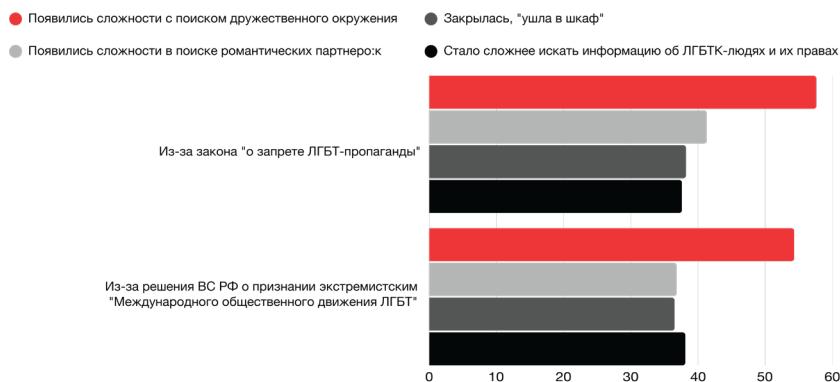

Иллюстрация 27. Влияние на закрытость квир-женщин в России закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды”, и решения ВС РФ о признании экстремистским „Международного общественного движения ЛГБТ“ (в %)

Все эти проявления закрытости связаны не только с действующей в России цензурой на информацию о квир-людях, привлечением людей к ответственности за так называемую “ЛГБТ-пропаганду” даже в случае распространения в Интернете нейтральных текстов о СОГИ, а также штрафами и арестами (до 15 суток) за использование радужной символики (подробнее об этом см. в гл. 4.3). Важную роль играет и то, что многие ЛГБТК-инициативы в России были вынуждены закрыться, сократить офлайн деятельность, перевести основную деятельность в онлайн или уехать за рубеж. Эти инициативы раньше создавали офлайн-площадки для неформального открытого общения и встреч с новыми людьми. Теперь связующим звеном стала коммуникация в сети Интернет и проведение ЛГБТК-инициативами

и активист:ками закрытых оффлайн-встреч для участниц ЛГБТИК-сообщества, что снизило видимость в России ЛГБТИК-людей и инициатив (в значительной мере это компенсируется тем, что российские медиа в изгнании стали больше уделять внимание теме положения квир-сообщества в России и предоставлять ЛГБТК-активист:кам из России, живущим в более безопасных странах, возможность озвучивать голоса тех, кто живет в России и не может открыто говорить), но в существующих неблагоприятных условиях удалось сохранить деятельность ЛГБТИК-движения. Дополнительным фактором стало закрытие многих культурных и досуговых пространств, включая квир-клубы, после серии полицейских рейдов по всей стране, начавшихся в 2024 году¹⁷⁰.

В ходе исследования мы выявили закономерность, согласно которой общая уязвимость квир-женщин перед дискриминацией доминирует над различными конкретными рисками уязвимости для разных подгрупп внутри этой совокупности. Вместе с тем, различия наблюдаются в уровне рисков столкновения с насилием и дискриминацией — который прямо зависит от того, насколько просто квир-женщине скрыть свою нецикнетеронормативность. Этот вывод иллюстрируют статистические данные, полученные нами в ходе опроса весной 2025 года.

На вопрос о том, сталкивались ли опрошенные с дискриминацией после 2022 года, нами были предложены различные варианты ответа, в том числе: “Да, из-за моей гендерной идентичности” и “Да, из-за моей сексуальной ориентации”. Среди цисгендерных женщин (то есть тех, кто никогда не испытывал потребности в трансфеминном переходе) доля выбравших первый ответ составила **13,8%**, в то время как выбравших второй ответ — **51,0%**.

Среди трансгендерных женщин (то есть тех, кто испытывал или испытывает прямо сейчас потребность в трансфеминном переходе) более **71%** (71,4% для тех, кто испытывал потребность в переходе раньше, но уже частично или полностью ее удовлетворил, и 73,4% для тех, у кого она есть сейчас) после 2022 года сталкивались с дискриминацией из-за своей гендерной идентичности. И только около **34%** трансгендерных женщин (соответственно 34,3% и 33,8%) сообщили, что после 2022 года сталкивались с дискриминацией на основании своей сексуальной ориентации.

¹⁷⁰ Теперь в гей-клубах звучит SHAMAN. Как облavy и обвинения в экстремизме меняют квир-культуру в России // BBC. 03.12.2024. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/c0q0e4jz4veo> (дата обращения: 01.08.2025).

Показатель	Сталкивались ли вы с дискриминацией после 2022 года по признаку гендерной идентичности?	Сталкивались ли вы с дискриминацией после 2022 года по признаку сексуальной ориентации?
Цисгендерные женщины	13,8%	51%
Трансгендерные женщины	71%	34%

То есть, предполагаемое различие между цисгендерными женщинами (например, гомосексуальной или бисексуальной ориентации), с одной стороны, и трансгендерными женщинами, с другой, в котором первая группа сталкивается с дискриминацией на основании сексуальной ориентации, а вторая — гендерной идентичности, не выступает в качестве главного фактора (хотя и внутри каждой группы соответствующий показатель остается в пределах высоких значений).

Если доля цисгендерных женщин, отметивших дискриминацию на основании сексуальной ориентации, на 15% больше, чем доля трансгендерных женщин, выбравших этот ответ, то доля трансгендерных женщин, согласившихся, что сталкивались с дискриминацией на основании женской гендерной идентичности, выше доли цисгендерных женщин, выбравших тот же ответ, почти на 60%, или почти в пять раз.

Помимо этого, если 21,6%, цисгендерных квир-женщин сообщили о том, что после 2022 года они не сталкивались с дискриминацией, то такой ответ дали только 12,4% трансгендерных женщин, которые уже удовлетворили свою потребность в трансфеминном переходе (то есть в 2 раза меньше), и 8,6% трансгендерных женщин, которые испытывают, но не могут удовлетворить потребность в трансгендерном переходе.

Эти данные подтверждают часто высказываемое правозащитниками предположение¹⁷¹ о том, что в современной России уязвимость квир-людей возрастает по мере увеличения их видимости: цисгендерным квир-женщинам оказывается проще всего скрыть свою негетеронормативность, что позволяет им реже сталкиваться с дискриминацией на основании гендерной идентичности и сексуальной ориентации; напротив, труднее

¹⁷¹ См., например: “Государство не запретило нас, оно запретило себе видеть нас”. Почему трансженщины — одна из самых дискриминируемых групп среди квир-сообщества? // 7x7: Горизонтальная Россия. 24.10.2024. URL: <https://semnasem.org/articles/2024/10/24/transzhenshiny> (дата обращения: 01.08.2025).

всего скрыть свою нецисгетеронормативность оказывается трансгендерным женщинам, которые не имеют возможности сменить свой юридический гендерный маркер. **Хотя в стратегическом видении только повышение видимости** представителей уязвимых групп может привести к благоприятным для таких групп социальным изменениям (к учету обществом и государством их потребностей, их субъектности и борьбе за свои права), в данном случае речь идет о видимости в негативном смысле: которую сам человек не выбирает, которая приводит его к столкновению с агрессией и дискриминацией.

Статистика, полученная в ходе нашего опроса, опровергает популистский тезис о том, что трансгендерные женщины якобы находятся в более безопасном положении (по сравнению с цисгендерными женщинами), потому что общество может воспринимать их как мужчин и, следовательно, они якобы реже сталкиваются с насилием и дискриминацией. По полученным данным на самом деле главным фактором дискриминации является “выпадение” из привычных гендерных ролей и норм, а также заметность этого выпадения. Именно так дискриминация действует в патриархальном обществе. Особенно уязвимыми оказываются транс-женщины с несмененным гендерным маркером — те, кого, согласно транс-эклузивным феминистским нарративам, можно было бы воспринимать как мужчин и, таким образом, защищать от дискриминации. **На практике же именно трансгендерные женщины чаще всего сталкиваются с насилием и притеснением.**

Этот вывод подтверждается и характером дискриминации, с которой квир-женщины в России сталкивались после 2022 года. Среди трансгендерных женщин и небинарных персон процент тех, кто сталкивался с оскорблениеми и шутками, был заметно выше, чем среди цисгендерных женщин: 77,2% транс-женщин, 72,5% небинарных персон на феминном спектре и 71,4% на маскулинном, против 61,7% цис-женщин. Аналогичная ситуация наблюдается с невежливым обращением: с ним столкнулись 56,3% транс-женщин, 52,3% и 55,1% небинарных персон на феминном и маскулинном спектре соответственно, и 39,5% цис-женщин. Также выше уязвимость при критике внешнего вида, манер или умственных способностей: с ней сталкивались 64% транс-женщин, 58,5% и 67,3% небинарных персон, и 38,4% цис-женщин.

При угрозах физического насилия или нападениях картина

немного другая. Наименьший процент столкнувшихся с ними — среди цис-женщин (14,7% угрозы, 2,5% нападения), далее идут небинарные персоны на феминном (29,5% и 6,6%) и маскулинном спектре (28,6% и 8,2%). **Транс-женщины сталкивались с угрозами примерно в три раза чаще, чем цис-женщины (41,1%), и почти в шесть раз чаще сталкивались с реальным насилием (15,2%)** (илл. 28).

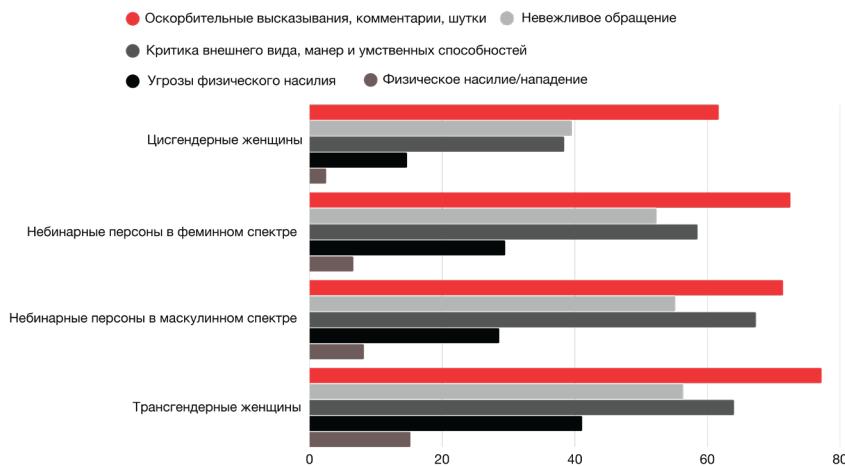

Иллюстрация 28. Видимость в качестве квир-человека как фактор повышенного риска дискриминации квир-женщин: На примере столкновения с дискриминацией после февраля 2022 г. (в %)

Это показывает, что видимая **гендерная неконформность** — то есть внешняя презентация, отличающаяся от циснормативной, — **увеличивает риск вербальной и физической агрессии, а также социальных ограничений**. Реакция на этот риск может проявляться по-разному: многие квир-женщины ограничивают свою социальную активность, что в патриархальном обществе снижает прямой риск насилия, но одновременно ведет к социальной изоляции. В некоторых случаях неконформное поведение или попытки изменений в социальной среде могут вызывать агрессию со стороны окружающих, особенно когда возможности для безопасного изменения ситуации ограничены.

Таким образом, уровень насилия и дискриминации зависит от видимой гендерной неконформности людей. При

этом трансгендерные женщины особенно уязвимы. Этот вывод приводит нас к тому, что поскольку любые ограничения видимости представителей уязвимых групп — это нарушение права на достоинство личности, на соблюдении которого выстроена вся система защиты прав человека, то **реализуемые в современной России тенденции в рамках антигендерного поворота не совместимы с уважением достоинства представителей уязвимых групп и соблюдением их прав как прав человека** (в рамках общепризнанного подхода согласно международным стандартам прав человека)¹⁷².

Следовательно, несмотря на то, что многие квир-женщины в качестве временного индивидуального ответа на вопрос об обеспечении личной безопасности в условиях усиления в России патриархата, квирофобии и милитаризации принимают решение закрыться, стать невидимыми, то в конечном счете это не решает проблему соблюдения их прав как представителей уязвимых групп, обеспечения их жизни в условиях свободы и без страха за свою жизнь (в том числе для каждой из них), продвижения социальных изменений для обеспечения равенства прав и возможностей для всех людей независимо от сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Поэтому мы подчеркиваем **ключевую роль ЛГБТИК-инициатив и активист:ок, медиа и инфлюенсеров**, которые даже в такой сложной ситуации нарастающего антигендерного поворота в России стремятся, с одной стороны, сохранить ЛГБТИК-сообщество, а с другой стороны, добиваться социальных изменений доступными способами в интересах уязвимых групп — пусть и в более сложных обстоятельствах и с менее сильными результатами, чем могло бы быть в обществе, свободном от современной диктатуры, в котором права человека не имеют ценности, а правит культ силы. Такая деятельность нуждается во всесторонней поддержке.

Закрытость трансгендерных женщин оказывается выше, чем у цисгендерных. Так, лишь 8,8% цис-женщин сообщили, что не делятся своими переживаниями и не обсуждают проблемы ни с кем, тогда как среди трансгендерных женщин таких оказалось 14,7% — более чем на треть больше. При этом почти одинаковые доли цис- и транс-женщин открыты со своими партнерами: 45,7% и 43,3% соответственно. Аналогично, небольшие доли обеих групп

¹⁷² В первую очередь, прав и свобод, зафиксированных во Всеобщей декларации прав человека (10.12.1948), Международного пакта о гражданских и политических правах (16.12.1966) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (16.12.1966).

открыты с другими родственниками: 5,2% и 5,1%.

Один из факторов, который влияет на закрытость трансгендерных женщин со своими старшими родственниками, — государственная пропаганда и дезинформация. Особенно это касается несовершеннолетних трансгендерных женщин (см. подробнее в гл. 3.2). В ходе опроса в 2025 году трансгендерная девушка, родившаяся в Ханты-Мансийском автономном округе, поделилась описанием ситуации в своей семье:

Я постоянно слышу по телевизору на федеральных каналах (у меня их смотрят дядя и тетя) и в соцсетях трансфобные и гомофобные высказывания. Родные изначально знают о моей идентичности, но видимо забыли (потому что я предпочитаю об этом не говорить и не проявлять себя открыто при них). При этом я слышу, как в моменты, когда обсуждаются квир-персоны, все возмущаются и высказывают крайне негативное отношение. Так же из-за того, что я не могу открыто выражать свою идентичность и начать трансгендерный переход (смотрим на законы) я вынуждена сидеть в шкафу и стараться соответствовать. В связи с этим я часто сталкиваюсь с мизгендерингом. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Другая респондентка сообщила, что:

Помимо простой невозможности в принципе быть открытой лесбиянкой, я несколько лет сталкивалась с дискриминацией со стороны собственной семьи. До войны эта тема редко поднималась, но разговоры часто доводили меня до слез. После начала войны поводов для ссор стало больше, и я просто замкнулась. Было больно думать о том, что я навсегда оторвана от своей семьи, даже находясь под одной крышей. Слушать, как телевизор говорит из другого конца квартиры, было невыносимо. Сейчас я съехала и сижу на антидепрессантах. Это мне немного помогло. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Дополнительная закрытость транс-женщин проявляется в их отношениях с друзьями — кругом, с которым они регулярно общаются и который выбирают сами. Если 82,3% цис-женщин делятся проблемами и переживаниями с друзьями, то среди транс-женщин таких оказалось всего 64% — примерно на четверть меньше. При этом транс-женщины чаще используют

онлайн-общение: анонимно делятся проблемами в соцсетях 19,7% (против 11,3% у цисженщин), открыто — 16,2% (против 12,5%). Наибольший разрыв наблюдается в использовании закрытых чатов для квир-персон: 20% транс-женщин делятся там переживаниями, тогда как среди цис-женщин — только 6%.

Эти данные показывают, что многие транс-женщины боятся выходить за пределы узкой группы, где они защищены от трансфобии, и избегают оффлайн-общения из-за страха непонимания, насилия, оскорблений, обвинений в “ЛГБТ-пропаганде”, а также из-за гендерной дисфории — желания, чтобы собеседник не видел их физическую внешность. В результате растет их социальная закрытость: транс-женщины привязываются к замкнутому кругу, могут терять социальную мобильность и автономию.

Среди молодых цисгендерных женщин распространено переживание недостатка доступа к квир-литературе и другим произведениям искусства, рефлексирующих квир-идентичность и права ЛГБТК-людей, что связано с цензурой и вынужденной самоцензурой после вступления в силу в декабре 2022 года федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”. При этом квир-женщины отмечают, что **вынуждены ограничивать свое собственное творчество, что негативно сказывается на их психологическом состоянии и рабочей активности**. Это следует прежде всего из ответов на открытые вопросы:

Я – художница, которая рисует много сапфического и квирного контента, это **ОЧЕНЬ** важная часть моего творчества и самовыражения, и в связи с законами я потеряла возможность открыто делиться им в русскоязычных пространствах. Я не могу сотрудничать с российскими компаниями по этой же причине и мне грозят штрафы за “пропаганду” из-за контента, который я создаю. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, средний город)

Закон о запрете пропаганды лишил меня очень важной части жизни — моего литературного творчества. Я делилась им публично, для меня было важно через персонажей показывать разные идентичности, отношения и ориентации, но из-за закона я не смогла публично делиться этим. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

...Теперь я, как художник, боюсь выкладывать работы с намеком на гомосексуальные отношения. Также стало сложнее легально смотреть интересующий контент, так как стриминговые сервисы вырезают моменты с квир людьми/отношениями. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

В моем паблике с творчеством я больше не могу выставлять рисунки, где романтично изображены две женщины. Стало страшно сохранять картинки по теме, но все равно делаю (в ВК-альбом сохраненные, и он у меня не закрыт), осознанный риск, но мне и так плохо от ограниченности, я не могу просто молчать о себе, так хоть это. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, небольшой город)

Вступление в силу федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и решения Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской сместили границы приватного и публичного в жизни квир-женщин. Начавшись с цензурных ограничений на распространение художественных произведений о квир-отношениях, а также позитивной и нейтральной информации об ЛГБТ-людях и ЛГБТ-повестке, действие этих актов сместилось в сторону жесткого контроля над самовыражением и публичными проявлениями.

Неопределенность формулировок законов и решения Верховного Суда РФ, описывающих запрещенные и наказуемые в России действия, приводит к тому, что квир-люди оценивают свои риски по показательным делам против ЛГБТК-людей, каким-либо образом проявивших свою видимость. К таким делам часто относятся, например, аресты издателей и владельцев квир-клубов, или же людей, публично проявивших себя как ЛГБТК-персоны и занимающихся какой-либо публичной активистской деятельностью (см. подробнее в главе 4).

Помимо угрозы быть привлеченными к административной или уголовной ответственности за “ЛГБТ-пропаганду” или “ЛГБТ-экстремизм”, квир-женщины сталкиваются с постоянным социальным давлением — поскольку раскрытие информации об их СОГИ может дополнительно их стигматизировать в обществе, потенциально воспринимающем их как “нарушителей закона” в силу существующих правовых ограничений на распространение информации о СОГИ. Это, в свою очередь, может повлечь

неприязнь к ним и стремление избегать их в любом коллективе (см. подробнее в гл. 3, гл. 5.2), а также желание подать заявление в правоохранительные органы за “ЛГБТ-пропаганду” или “ЛГБТ-экстремизм”.

Нужно думать “не будет ли это выглядеть гомосексуально” прежде, чем сделать; нельзя носить никакую атрибутику. (Бисексуальнаяcisгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, средний город)

Я постоянно боюсь, что какой-нибудь злой лодырь напишет на меня донос. (Пансексуальная cisгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Почувствовала себя как в Средневековье. Всегда нужно думать, что и кому говоришь, следить, чтобы никто посторонний не заглядывал в телефон, пока я читаю новости. Постоянная тревога, что кто-то из знакомых, кто знает о моей ориентации, может сообщить в полицию. Со временем начинаешь мириться с тем, что в какой-то момент можешь оказаться в тюрьме — и это лучший из возможных исходов. (Бисексуальная cisгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Я делала квир-френдли вечеринки, и у нас было квир-комьюнити в городе, где можно было знакомиться и общаться. После вступления [в силу антигендерных законов] пришлось закрыть свои проекты, чистить соцсети и внимательнее относиться к тому, что я пишу и кто за мной следит. На одной из вечеринок ворвались менты. Оказалось, на меня и мою организацию написали анонимный донос. В тот день я отдалась объяснительной, но все гости изрядно испугались (их паспортные данные записали). С тех пор пришлось прекратить организацию. Пару раз с тех получала сообщения, что за мной следят. (Гомосексуальная cisгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Ответы респонденток на открытые вопросы показывают, что **закрытость, подозрительность и попытки скрыть личную жизнь распространяются на самые обычные бытовые сферы**. Квирфобные законы и названное выше решение Верховного Суда РФ делают самоцензуру повседневной нормой, а страх перед доносами со стороны знакомых и незнакомых людей — постоянной эмоцией:

Я переживаю больше не за себя, а за своих подруг, находящихся в длительных отношениях и проживающих вместе. Очень сложно “не выдать” себя в общественных местах в такой ситуации (тот же разговор о банальных бытовых вещах в магазине или такси, по типу вопросов “будешь на завтрак кашу?” или обсуждения совместного отпуска по пути домой, в которых особо внимательные негативно настроенные персоны легко могут разглядеть то, что и хотят разглядеть). (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, крупный город)

В таких условиях некоторые **респондентки отмечают**, что из-за одиночества их жизнь кажется проще, чем у их знакомых, состоящих в гомосексуальных отношениях. Некоторые респондентки также говорят, что **рост страха и тревожности заставил их прекратить отношения или отказаться от их поиска, а также свести к минимуму неформальное общение**:

Мне живется проще (нет), поскольку я живу одна и не состою в отношениях, так что проявлений моей ориентации практически не бывает в том формате, в котором это можно было бы хоть как-то привязать к пропаганде или чему либо еще. Но это не потому что я так хотела бы, а просто потому что страх преобладает над желанием открытости, знакомств и построения отношений. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, крупный город)

По большей части я перешла в огромный стелс везде, кроме работы, где и так все знают, что я трансперсона. Вне работы я стараюсь не общаться с людьми, у меня есть страх, что любой может меня посадить в тюрьму просто за то, кто я есть. ... Я люблю панические атаки и стараюсь всегда быть дома. (Пансиексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я перестала посещать ЛГБТК+ клуб, общаться в крупных компаниях, знакомиться по сети для общения. В целом это можно назвать “ушла в шкаф, веду переговоры азбукой Морзе”. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Сибирский ФО, крупный город)

Квир-женщины также отмечают рост градуса насилия и нетерпимости не только в обществе, но и в своем ближайшем

кругу. Социальные и неформальные связи квир-женщин распадаются, доверительное общение и понимание под действием гомо- и трансфобной государственной пропаганды оказывается все в большей степени возможным только между ЛГБТК-людьми. Эту трансформацию респондентки относят к периоду полномасштабной войны России в Украине и милитаризации российского общества:

Мы с подругой обсуждали, как с друзьями пойдем курить кальян. [В разговоре зашла речь о том, что] один из друзей — гей. Тогда моя подруга отказалась идти, сказав: “Я плохо отношусь к таким людям. Не буду с ним курить одну трубку — неизвестно, что он этими губами делает”. Я в тот момент не говорила о своей ориентации, но поняла, насколько фиктивной была наша дружба и какой важный пласт моей жизни вообще никогда не будет доступен моей подруге. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Если раньше было отношение “нам не по пути”, то сейчас — “ты не человек”. [...] Уровень трансфобии в обществе ближе к высокому. [...] Сейчас я бы, наверное, не решилась на переход, скорее шагнула бы под поезд. [...] Сейчас мне бы и начальство не простило мои финты, вроде маникюра [который я делала на работу раньше, до смены документов на женские]. (Интервью, Олеся, Центральный ФО, маленький город)

При этом тематические мероприятия для ЛГБТК-людей, которые до появления квирофобных законов организовывали различные квир-сообщества в России, практически перестали проводиться на третий год после начала полномасштабного вторжения России в Украину или же стали доступными только закрытому кругу:

Большой проблемой стал отдых вне дома: заведения/площадки/тематические вечеринки — количество проводимых мероприятий упало раз в 10. Закрываются или сильно перепрофилируются тематические заведения, которые считались и ощущались безопасными и открытыми для разных групп меньшинств. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 36–45 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Раньше было легко найти группы и контакты: в городе работали заведения, где можно найти близких по духу людей. Сейчас ЛГБТК-сообщество полностью ушло в тень. Вся

видимость в публичном пространстве и интернете исчезла, найти тематические сообщества очень трудно. Сообщество осталось только в Телеграмме и между теми, кто давно знаком. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Ситуация закрытости усугубляется в случае трансгендерных женщин, особенно у тех, кто не успел сменить юридический гендерный маркер после вступления в силу в июле 2023 года федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”. Такая видимость трансгендерных женщин в России как квир-людей становится для них постоянным источником тревоги, усиливаемой периодическими случаями насилия. Отсутствие документов с “женским” гендерным маркером превращает любые проверки личности в риск дискриминации и насилия, а также вызывает сильный психологический дискомфорт из-за гендерной дисфории. Чтобы защитить себя, **многие трансженщины ограничивают социальные контакты** или фактически замыкаются дома, ограничивая свободу передвижения.

Страх за себя в обществе (затворничество, езжу на такси, чувство тревоги в общественных местах), риски преследования за активистскую деятельность. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Из-за того что я сейчас не могу сменить документы (а в 2023 не могла, потому что мне было меньше 18-ти лет), мне очень сложно заставить себя как-то взаимодействовать со всем, что их касается. (Асексуальная трансгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я начала переход за полгода до принятия закона о его запрете, и не успела сменить документы и получить необходимую помощь. На улице на меня постоянно пялятся, появился ПТСР, боюсь выходить на улицу лишний раз. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, крупный город)

В интервью с Беллой затрагивается тема ее фактического затворничества в “доме, который стал клеткой”: из-за страха за свою безопасность у респондентки фактически не оказывается никаких социальных контактов, постоянной работы или учебы, неформального общения с принимающим кругом. Эта ситуация приводит к тому, что ее целеполагание полностью переносится в

область планирования переезда в другую страну, как возможности “начать жить, а не существовать” в другом правовом, политическом и социальном контексте:

— Как в принципе сейчас проходит Ваше время? Где Вы проводите день, за какими занятиями: например, учеба, работа, общение, онлайн или офлайн? Есть ли у Вас цели на ближайшие год, пять лет?

— Я никуда из дома не выхожу... Пишу стихи, много читаю, порой продаю некоторые из своих работ. Мне страшно выходить из дома, пусть он и стал моей клеткой, но хотя бы тут я в безопасности. Общение знатно сократилось, большинство моих знакомых прильнули к мнению общества и стали на постоянке играть “нормальных”, чтобы себя обезопасить. Касаемо работы — все плохо. Я много раз столкнулась с буллингом, а также один раз и с попыткой насилия. Цель?... Уехать отсюда, начать жить, а не существовать. Я боюсь, что если слишком долго буду тут находиться, то это ничем хорошим не кончится. (Интервью, Белла, 19–25 лет, Сибирский ФО)

В интервью со Скай описывается, как вынужденное затворничество превращается в сложную систему скрытности, которая отнимает значительную часть времени и моральных сил у трансгендерных женщин, не имеющих возможности сменить юридический гендерный маркер на “женский”. В этом положении самые простые социальные взаимодействия и “обычный человеческий комфорт” вступают в противоречие с возможностью не испытывать страдания от гендерной дисфории. Респондентка резюмирует это положение как “постоянная жизнь узника”:

Я живу вообще как узник. Если я, например, хочу одеть платье или сделать макияж, то это значит, что я ни в коем случае не должна ехать на машине или идти в клуб (у меня спросят документы). Я не могу этого сделать на работе — тоже скорее всего возникнут проблемы. Постоянная жизнь узника, когда ты выбираешь между своим комфортом в плане трансгендерного перехода и обычным человеческим комфортом (типа доехать на машине). (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

Антигендерное законодательство в России радикально усиливает закрытость среди квир-женщин. Законы против ЛГБТИК-людей создают атмосферу страха и формируют культуру доносов, в которой праворадикалы

и недоброжелатели воспринимают свои действия как поддерживаемые государством, а жертв — как “преступников” или “экстремистов”. Эта особенность российского правового поворота делает страну уникальной среди других государств с похожей тенденцией и показывает, насколько опасной для общества в целом и для уязвимых групп в частности может быть опора ультраконсервативной политики на антигендерную риторику.

В таких условиях даже самые строгие меры самоограничения, на которые квир-женщины идут ради собственной безопасности, не могут полностью скрыть их от негативного внимания общества и тем более защитить их от насилия и дискриминации. Наибольший риск видимости и угроз безопасности испытывают трансгендерные женщины и небинарные люди, которые нуждаются в трансфеминном переходе.

Тем не менее, в современной России поддержка квир-женщин в защите их прав и достижение их силами и силами союзниц социальных изменений, направленных на реальное обеспечение прав всех людей независимо от сексуальной ориентации и гендерной идентичности, может заключаться, как минимум, в следующем:

- Необходимо создавать и развивать безопасные сообщества для поддержки квир-женщин, обеспечивать их доступ к такой поддержке и квир-ресурсам (в том числе информационным), поддерживать безопасные практики взаимоподдержки, а также привлекать международное внимание к вопросам нарушения прав и положения ЛГБТИК-людей в милитаризованной России и предлагать демократическим государствам оказывать давление на российскую диктатуру с целью улучшения положения и прав представителей уязвимых групп.
- Не должны быть оставлены без внимания такие практики как поддержка и солидарность внутри сообщества, цифровые платформы для безопасного общения и просвещение общества о правах и реальных рисках квир-людей. Это может постепенно снизить уровень тревожности и закрытости квир-женщин.

Кроме того, несмотря на то, что иногда это кажется невозможным, необходимо продолжать постоянный диалог с более широкими группами российского гражданского общества о видимости квир-людей в России, проблемах и учете их потребностей. Для этого важно создавать площадки и инструменты, в которых голоса квир-людей будут слышны и учтены. В этой связи сегодня как никогда важна деятельность медиа в изгнании, блогерок и блогеров в России и за рубежом, деятельность квир-инициатив и активист:ок, которые озвучивают квир-повестку в России, следят за развитием ситуации, поддерживают квир-людей в России и дают надежду на реальные положительные изменения ситуации в будущем.

К сожалению, в условиях антигендерного поворота требуется больше времени и усилий для качественных институциональных изменений, направленных на обеспечение равенства всех людей независимо от сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Однако только продолжение активности и поддержка сообществ создают ту основу, которая уже является базой для будущих социальных изменений в России.

Мы исходим из того, что эти шаги могут даже в условиях репрессивной среды укрепить социальную защищенность и расширить безопасные пространства для самоидентификации и самовыражения — пусть и не так быстро, как это могло бы происходить в обществе без правой диктатуры.

§2 Право на юридический гендер: Запрет трансгендерного перехода как инструмент социальной маргинализации трансгендерных женщин

Запрет трансгендерного перехода в современной России является причиной социального неравенства — причем не только между цисгетеро-людьми и трансгендерными женщинами, но и между теми трансгендерными женщинами: теми, кто успел, и теми, кто не успел осуществить юридический трансгендерный переход.

Социальное неравенство в этом контексте проявляется двояко. С одной стороны, оно связано с психологическими страданиями из-за гендерной дисфории, которую для многих

трансгендерных людей помогает снизить или полностью преодолеть трансгендерный переход. С другой стороны, неравенство проявляется через то, как общество считывает трансгендерную персону и относит ли ее к категории квир-людей. В последнем случае действие федерального закона “о запрете трансгендерного перехода” усиливается другими законами против ЛГБТИК-людей, действующими в России после начала полномасштабного вторжения России в Украину¹⁷³. **Это означает, что государство не только отказывается защищать квир-людей от дискриминации, но и криминализирует их публичную видимость и низовой активизм.**

Проведенный нами опрос показал, как невозможность смены гендерного маркера на “женский” влияет на самоограничения квир-женщин, нуждающихся в трансфеминном переходе. Мы спросили таких респонденток, избегали ли они каких-либо социальных практик до смены гендерного маркера (или избегают ли сейчас, если маркер не был сменен). Почти половина респонденток избегала неформального общения (41,8%) и участия в культурной жизни (42,2%). Это свидетельствует о том, что **невозможность смены гендерного маркера приводит к высокой закрытости, которая распространяется даже на свободное, добровольное общение.**

Самоограничения в контактах с официальными структурами (банки, почта) отметили 31,6% опрошенных, а отклики на желаемые вакансии — 29,5%. В профессиональной сфере и сфере образования 22,5% ограничивали смену места работы из опасений не найти новую, а 17,6% — получение образования. Еще 18% затруднились ответить. Лишь 21,3% респонденток признались, что до смены гендерного маркера у них не было ни одного из перечисленных самоограничений. Таким образом, **смена юридического гендерного маркера напрямую связана с уменьшением самоограничений и повышением социальной мобильности трансгендерных женщин** (илл. 29).

Исследование также помогло выявить **причины, по которым трансгендерные женщины не смогли сменить гендерный маркер до принятия закона “о запрете трансгендерного перехода”**. Оказалось, что **88,5% квир-женщин в России, у которых сейчас есть потребность в смене маркера на “женский”, были несовершеннолетними на момент вступления в силу**

¹⁷³ Федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, решение Верховного Суда РФ, активировавшее антиэкстремистские законы против ЛГБТ-людей и иные.

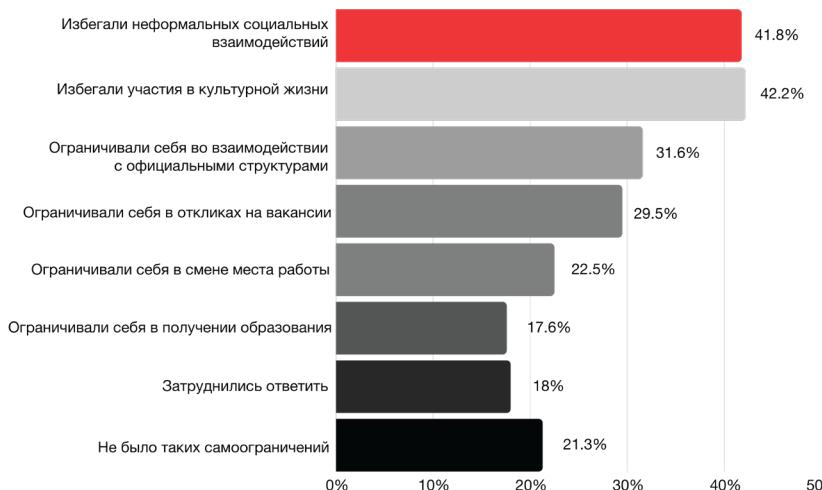

Иллюстрация 29. Самоограничения квир-женщин с потребностью в трансфеминном переходе: До смены гендерного маркера (в %)

этого закона. Это говорит о том, что после достижения многими из таких транс-женщин 18 лет и начала их самостоятельной социально-экономической жизни количество случаев трудовой дискриминации, трансфобного насилия и социальной маргинализации может существенно вырасти. Вторая по величине возрастная группа — 19–25 лет (64,2% транс-женщин этого возраста указали, что испытывают актуальную потребность в смене гендерного маркера на “женский”), в которую входят люди, не достигшие 18 лет к моменту запрета транс-перехода в июле 2023 года.

Наименьший процент тех, у кого есть нереализованная потребность в смене гендерного маркера, оказался в возрасте 25–36 лет — люди, совершеннолетние на момент закона, характеризующиеся большей социальной активностью и мобильностью. Высокий процент отсутствия смены маркера сохраняется и в возрастной группе 36–45 лет. Это может быть связано с низкой социальной мобильностью, страхом радикально менять жизнь и ожиданием негативной реакции на трансгендерный переход от круга общения и коллег, что свидетельствует о высоком уровне гомо- и трансфобии в обществе, который влияет на частную жизнь трансгендерных людей. Среди этой группы не было ни

Иллюстрация 30. Реализация потребности в смене гендерного маркера на „женский“ к 2025 году: В зависимости от возрастной группы (в %)

одной транс-женщины, которая бы не испытывала потребности в смене гендерного маркера, тогда как в более молодых возрастных категориях таких людей от 4,6% до 11,5% (илл. 30).

Примечательно, что **доля трансгендерных женщин, которые не смогли сменить гендерный маркер на "женский" до запрета трансгендерного перехода, сильно различается в зависимости от федерального округа**. В Центральном и Северо-Западном федеральных округах (где находятся Москва и Санкт-Петербург) актуальная потребность в смене маркера есть у 52,2% и 44,9% респонденток соответственно. В отдаленных регионах этот показатель выше: в Дальневосточном федеральном округе — 60%, в Южном — 64,7%, в Приволжском — 65,5%, в Сибирском — 73,9%, в Уральском — 76% (илл. 31).

Эти данные отражают характерную для России проблему: **качество жизни трансгендерных людей заметно хуже в регионах, удаленных от столиц**. В контексте запрета юридического трансгендерного перехода и невозможности успеть осуществить желаемую смену гендерного маркера до этого запрета, на эту проблему отдаленных регионов могло влиять сочетание факторов:

- с одной стороны, более низкие доходы и более высокий риск социальной маргинализации после

- смены документов (возможность сохранения работы, риски увольнения, давление со стороны соседей и знакомых);
- с другой стороны — необходимость личного присутствия на врачебной комиссии в Москве для получения справки (форма 087/у), что влекло дополнительные расходы на поездку и проживание.

Активисты и правозащитники уже поднимали проблему неравенства в доступе к трансгендерному переходу для жителей регионов. После появления законопроекта о его запрете была организована помощь транс-людям в оплате поездок и медицинских услуг¹⁷⁴. Однако данные исследования показывают, что даже эти усилия помогли устраниТЬ структурное неравенство только частично, поскольку главная причина невозможности трансгендерного перехода — действие в России федерального закона, запрещающего этот переход.

- Есть потребность в смене гендерного маркера на "женский"
- Была потребность в смене гендерного маркера на "женский", но она уже удовлетворена
- Нет и не было потребности смене гендерного маркера на "женский"

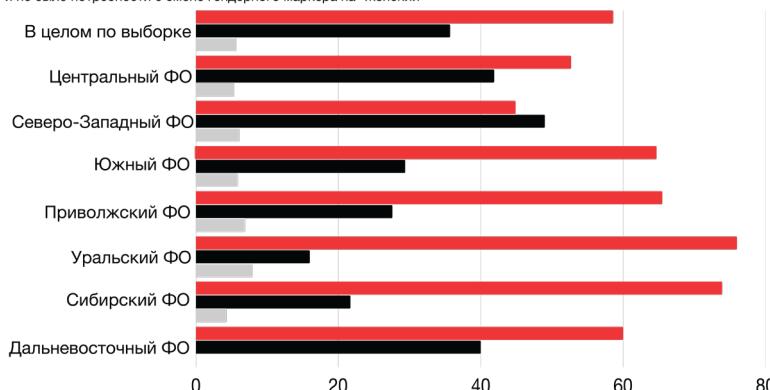

Иллюстрация 31. Реализация потребности в смене гендерного маркера на „женский“ к 2025 году: В зависимости от региона проживания (в %)

(Показатель “в целом по выборке” включает в себя квир-женщин, испытывающих или испытывавших потребность в трансфеминном переходе/трансгендерных женщинах и небинарных персон)

¹⁷⁴ См.: Активисты помогли 395 трансгендерным людям сменить гендерный маркер // Радио Свобода. 26.10.2023. URL: <https://www.svoboda.org/a/aktivisty-pomogli-395-translyudym-smeniti-gendernyy-marker/32654851.html> (дата обращения: 15.07.2025). (In Russian).

Невозможность сменить гендерный маркер на “женский” связывается респондентками с крайней уязвимостью даже в бытовых ситуациях и одновременно безысходностью: потерей смысла жизни, ее автономии и представления о будущем, желанием прекратить такую жизнь. Отдельно некоторые респондентки отмечали сочетание законов против ЛГБТК-людей с ростом агрессии в обществе за время полномасштабной войны, а также непонимание, как они смогли бы начать трансгендерный переход в России в 2025 году после произошедших в обществе негативных изменений, в том числе милитаризации и роста трансфобии:

Я начала переход в 2022-м как раз, и я могла спокойно с мужским паспортом ходить по улице с накрашенными ногтями и бородой. Сейчас я отлично выгляжу (для своего возраста конечно и для довольно позднего перехода), но даже так на меня косятся... Я не представляю, насколько сложно будет людям сейчас начать переход. (Интервью, Олеся, Центральный ФО, маленький город)

Могли прохожие [пристать] (начиная от расспросов, какого я пола, заканчивая допросами пояснить, почему я выгляжу так, а не иначе, с предложением физического насилия). Один раз было нападение ночью несколькими людьми с ножом, пару раз на вокзале при посадке в поезд были расспросы насчет соответствия моего паспорта и внешности. Два раза на разных почтах пришлось минут 10 доказывать, что я это я, чтобы получить свою посылку. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, средний город)

Не могу сменить документы на женские, выкрутилась с ФИО как смогла. Не могу социализироваться с документами нормально, теперь это лотерея и договоры. Усложнился доступ к медицинской помощи. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, до 18 лет, Сибирский ФО, крупный город)

Наличие документов, удостоверяющих личность, в которых указан не соответствующий внешности и презентации гендерный маркер, превращается в самостоятельный фактор дискриминации, особенно в условиях, когда отсутствует институциональная защита от гомо- и трансфобии:

Если у вас имя в документах не соответствует внешности – извините. [Также обращение за услугами]. Мне отказали в салоне красоты: мы не обслуживаем трансгендерных людей. Нас с подругой не пустили в клуб: таких людей не обслуживаем. (Интервью, Нина, Айгуль и Элла).

Нормативные и судебные акты, которые запрещают трансгендерным людям реализовать юридический и медицинский переход и игнорируют их потребности, действуют вместе как дискриминационные факторы. Федеральный закон “О запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской усиливают и легитимируют гомо- и трансфобию в обществе. А запрет юридического трансгендерного перехода обостряет уязвимость и заметность трансгендерных женщин, не успевших сменить гендерный маркер до его принятия, в качестве квир-женщин (что может провоцировать гомо- и трансфобное насилие). Эту проблему отмечает, например, участница интервью Скай, объясняя, что именно запрет трансгендерного перехода оказал на нее наибольшее влияние среди других антигендерных законов:

Больше всего на меня повлиял запрет трансгендерного перехода: мне было бы уже намного легче, если бы я просто могла изменить гендерный маркер в документах. Закон о пропаганде [также негативно на меня] влияет, потому что у меня есть свой блог. Но именно закон о смене документов делает так, что нормально жить в России для меня просто невозможно. (Интервью, Скай, Приволжский ФО).

В интервью затрагивается и другой пример пересекающегося действия законов против ЛГБТИК-людей, принятых в России после начала полномасштабной войны. В контексте систематических рейдов, которые полиция и праворадикальные активисты проводят вочных клубах после указанного выше решения Верховного Суда РФ, владельцы клубов вырабатывают практики “перестраховки” и часто отказывают трансгендерным женщинам во входе (см. подробнее в гл. 7.2). Обосновывая этот запрет, администраторы заведений ссылаются на то, что удостоверение личности (паспорт) трансгендерной женщины с “мужским” гендерным маркером в сочетании с ее феминной внешностью может стать

доказательством “ЛГБТ-экстремизма” в случае рейда:

В последнее время, из-за облав наочные клубы, я не могу туда ходить. Мне говорят, что из-за твоей внешности, если сейчас будет облава, у нас будут проблемы. По паспорту мужчина — но маникюр. И у них запрет на феминную одежду, даже гендерно-нейтральную. ... Из-за маникюра в некоторых клубах мне приносят перчатки, говорят: надень — и тогда можешь войти. [...] Это были и обычные клубы, и специализированные по ЛГБТК+, и около БДСМ-клубы. [...] Их смущает одежда и маникюр, у них есть список того, что пропустить нельзя. И широкие брюки, не просто феминная, а гендерно-нейтральная одежда, и то, что я “парень, но похожа на девушку”. Они не могут мне предъявить за феминное лицо. (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

Подобная ситуация в России является яркой иллюстрацией к тезису Джудит Батлер о том, что гендерная дискриминация работает вне конкретного определения гендера, а как возможность коннотировать какой-либо признак, связанный с гендером, в качестве негативного¹⁷⁵.

Проведенное нами исследование показывает, что трансгендерные женщины в России, не успевшие сменить гендерный маркер, но испытывающие в этом потребность, вынуждены жить в постоянном ожидании угроз и на фоне множественных пересекающихся факторов ухудшения качества их жизни, от которых у них нет ни юридической, ни институциональной защиты. Анализ полученных нами свидетельств трансгендерных людей позволяет проследить, что **потребность в смене гендерного маркера в значительной степени связана с потребностью в безопасности от такого рода угроз**.

Мы задали квир-женщинам, сообщившим о потребности в трансфеминном переходе вопрос, как смена гендерного маркера повлияла на их ощущение безопасности. 59,4% опрошенных сообщили, что не успели сменить гендерный маркер, в то время как 40,6% от общего числа ответивших прошли эту процедуру. Среди последних более двух третей (29,5% от всей выборки) отметили, что **после смены гендерного маркера стали чувствовать себя в большей безопасности**. Лишь 1,6% от выборки указали, что их ощущение безопасности не изменилось.

¹⁷⁵ Butler, J. Who's afraid of Gender? New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2024. Chapter 5.

Эти результаты важно рассматривать в контексте милитаризации общества, усиления патриархальных практик и роста праворадикального насилия, а также существования в России культуры доносительства, связанной с квирофобными законами против ЛГБТК-людей. Для трансгендерных женщин смена гендерного маркера становится не только юридическим признанием их женского статуса, но и способом “нормализовать” свою женственность в рамках действующих в обществе патриархальных норм. Кроме того, она позволяет в повседневных социальных взаимодействиях уменьшить видимость как квир-людей, что особенно важно в условиях, когда эта видимость может спровоцировать донос, административное или уголовное преследование, либо насилие.

Таким образом, высокий уровень чувства безопасности после смены гендерного маркера и крайне низкая доля тех, для кого она не имела значения, указывают косвенно на то, что среди трансженщин и небинарных людей, не успевших пройти юридический трансфеминный переход до запрета, чувство небезопасности остается очень распространенным. Наконец, важно обратить внимание, что в контексте полномасштабной войны и до сих пор не прекращенной “частичной мобилизации” (объявленной в сентябре 2022 года), юридический статус женщины означает защиту от насильственной отправки на войну, а также от столкновения с жестоким обращением и издевательствами на основании трансфобии в вооруженных силах.

Вместе с тем, достаточно высокой оказалась доля тех квирженщин, которые отметили, что после смены гендерного маркера на “женский” они, наоборот, почувствовали себя в большей опасности, чем до юридического трансгендерного перехода — 5,3%. Эти ответы можно связать с тем, что угроза столкнуться с насилием и оскорблением из-за видимости в качестве квирчеловека возникает уже в ситуации заметного перехода (илл. 32).

Из-за фактического размывания в современной милитаризованной России правовой сферы, гарантирующей личную неприкосновенность и достоинство личности, некоторые квир-женщины могут начать видеть в смене гендерного маркера, напротив, повышение своей заметности как ЛБТИК-человека, а не социальный и юридический механизм, призванный защитить их честь и достоинство в социальных взаимодействиях.

Право на юридический гендер

205

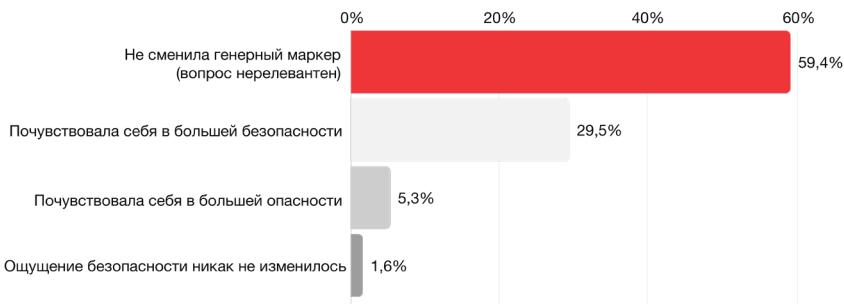

Иллюстрация 32. Сменили гендерный маркер на “женский” и столкнулись с нарушениями на работе после февраля 2022 года (в %)

Это положение дел буквально возвращает трансгендерных женщин в ситуацию “шкафа”, когда из-за страха перед насилием и маргинализацией они вынужденно нормализуют себя в приписанном им “мужском” гендере (что причиняет драматический вред их личной свободе, самореализации, самоощущению и психологическому здоровью, на чем и делают акцент определения диагнозов “Транссексуализм” и “Гендерное несоответствие” в МКБ-10 и МКБ-11). Ответы на открытые вопросы позволяют лучше проследить эту проблему:

С точки зрения законодательства, я стала чувствовать себя чуть-чуть безопаснее. С точки зрения общества и социальных связей я тогда осознала себя в еще большей опасности. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, большой город)

Планировала добиться пасса и уйти в стелс [сознательное сохранение человеком в тайне, что он когда-то делал трансгендерный переход], но это получилось лишь частично, и теперь в некоторых ситуациях я чувствую себя безопаснее, а в некоторых – наоборот, в зависимости от того, пассую ли я [выгляджу ли как цисгендерная женщина]. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, крупный город)

Почувствовала себя в большей безопасности, но в тоже время появилась необходимость иметь пасс [выглядеть как цисгендерная женщина], что негативно сказалось на моем состоянии. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Риски значительно повысились, стала намного больше уделять внимание своему пассу как девушка, чтобы “слиться” с толпой цис-девушек. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

В интервью с Евой затрагивается пример той степени усилий и ограничения своей личной жизни, до которой трансгендерным женщинам приходится доходить из-за потребности скрыть факт трансгендерного перехода. Ева описывает, что после смены гендерного маркера не может вернуться в родной маленький город, где остаются ее родные, опасаясь насилия против себя. Ева также рассказывает, что вынуждена фактически отрезать всю свою жизнь до смены гендерного маркера — выдумывая легенду о брате-близнеце и отождествляя себя с ним. Только такие меры предосторожности дают Еве ощущение относительного спокойствия за себя и своих родственников — в том числе своего несовершеннолетнего ребенка (см. подробнее в гл. 9 пар. 2):

Сейчас я живу в крупном городе, и там можно затеряться. Но раньше я жила в небольшом городе [в Южном ФО]. И со времени моего отъезда расположились слухи [о моем переходе], так что отношение ко мне стало очень негативным. Я не могу вернуться в свой родной город, я не могу навестить семью. [...] О себе я теперь [после перехода] рассказываю [неблизким знакомым], что мы были сестрой и братом-близнецами, со схожими интересами, и что брат в итоге покончил с собой из-за гомосексуальной ориентации.

В интервью с Евой также поднимается проблема невозможности использовать документы о высшем образовании после смены юридического гендерного маркера из-за риска раскрытия этой информации. В России запрос на изменение персональных данных в дипломе направляется в учебное заведение, которое его выдало. Для Евы эта процедура невозможна, поскольку ее близкий родственник работает в том же вузе, где она училась. Таким образом, обращение за изменением документов могло бы раскрыть ее трансгендерный статус коллективу и, по ее мнению, привести к травле родственника на работе. В результате Ева не может устроиться на работу по своей специальности и после длительного периода отсутствия дохода была вынуждена заняться секс-работой:

Все упирается в диплом на старое имя. А сменить его нельзя — поскольку [мой близкий родственник] работает в том же заведении и в том же маленьком городе, где я жила. В результате я не могу сменить документы об образовании на новое имя, так как это подставит его. [...] [В итоге оказалось что] мой основной источник дохода — это секс-работа.

При этом **смена юридического гендерного маркера часто приводит к прямой трудовой дискриминации** (см. также гл. 3.4). Настоящее исследование показало, что **такие случаи во многом связаны с контекстом законов против ЛГБТК-людей**. Мы спросили респонденток, испытывавших потребность в трансфеминном переходе, сталкивались ли они с каким-либо из перечисленных нарушений на работе после февраля 2022 года, если успели сменить гендерный маркер.

- 2,9% сообщили, что были уволены или принуждены к увольнению.
- 5,3% вынуждены были сами уйти с работы из-за непринятия или давления в коллективе.
- Еще 5,3% столкнулись с давлением или оскорблением при прохождении медицинских осмотров.
- Чаще всего трансгендерные женщины и небинарные люди, сменившие гендерный маркер на “женский”, сталкивались с аутингом на работе — о нем сообщили 8,2%.
- При этом лишь 24,6% отметили, что никогда не сталкивались с подобными ситуациями, что свидетельствует о высокой распространенности дискриминации транс-женщин на рабочем месте после смены гендерного маркера. После исключения более чем 60% тех, кто не сменил гендерный маркер, доля тех, кто не сталкивался с дискриминацией, связанной с этой сменой, составляет лишь чуть более половины от релевантной выборки (илл. 33).

В открытых вопросах и интервью мы также затрагивали **давление на трансгендерных людей на работе после смены имени гендерного маркера на женский**. В одних случаях трансгендерные женщины предпочитали добровольно прекращать трудовые

Иллюстрация 33. Изменение ощущения безопасности после смены гендерного маркера

отношения (увольняться с работы) перед сменой гендерного маркера на “женский”, поскольку были убеждены, что аутинг неизбежен в случае сохранения работы на этом месте. В других — увольнялись с работы после аутинга и последующего непринятия в коллективе из-за факта их трансгендерного перехода:

Меня после перехода понизили в должности. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, маленький город)

Пришлось уйти с работы, чтобы сменить документы до запрета и не получить травлю на прошлом месте работы. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Просто заходит в кабинет человек, заходит второй, который знает о переходе, тыкает пальцем в меня и говорит: “А это наша достопримечательность. Пол сменила”. (Интервью, Эш, Центральный ФО).

Я сменила документы, сказала работодателю, что у меня произошли изменения. Работодатель спросила, будем ли меня представлять [коллективу]. Я решила, что нет. Но в результате

в системе я оказалась под двумя именами. [К тому же] я долго работала с женскими документами, но под мужским именем, ходила в мужскую раздевалку. [Работодатель сказала, что мне не надо увольняться]. Затем [коллеги], которые увидели [мой номер в системе и женское имя], стали ржать. Спрашивали: “А это ты? Ты типа пол сменил?”. [Хотя я не хотела, чтобы кто-то говорил]. Аутинг точно был: кто-то из менеджеров про меня говорил, и часть работников узнала. (Интервью, Кристина, Дальневосточный ФО)

При этом отказ от смены гендерного маркера или невозможности его сменить также приводит к проблемам с сохранением должности — из-за изменений во внешности или гендерной экспрессии. Самыми наглядными примерами дискриминации трансгендерных женщин на основании их гендерной идентичности в контексте “антигендерного законодательства” являются увольнения ради “перестраховки”. В интервью с Рей затрагивается такой случай:

Я уже полноценно чувствовала себя женщиной и проявляла это. Были длинные окрашенные волосы, маникюр, вся форма женская. И к этому мои работодатели относились нормально. ... Ругать меня было не за что. “Прикольно, молодец, дерзай”. После закона [о запрете трансгендерного перехода], когда мне не удалось сменить гендерный маркер, меня обвинили в “диверсионном поведении” ... [Хотя] мой рабочий процесс никак не менялся в этот период. ... В итоге у нас была сильнаяссора с моим руководителем... И она вскользь сказала, что да, это все из-за того, что вышел закон, так что не место тебе в моих салонах и придется тебе покинуть пост. (Интервью, Рей, Центральный ФО)

Таким образом, у трансгендерных женщин в России высокие шансы подвергнуться трудовой дискриминации. Любая стратегия по снижению их видимости как квир-людей в условиях “антигендерных законов” потенциально приводит к трансфобному давлению и дискриминации. **Это позволяет говорить о системной дискриминации, которая может привести часть трансгендерных женщин к социальной маргинализации.** Такая ситуация заставляет респонденток, не успевших сменить юридический гендерный маркер (то есть сталкивающихся одновременно с социальной изоляцией, дискриминацией и гендерной дисфорией), говорить о проблеме качества жизни и

неопределенности в том, как жить в России:

Отдельный вопрос — качество жизни... [В России] понятно, что мне всю жизнь придется работать под мужскими документами. Нелогично, что делать, если работа вдруг перестанет быть удаленной, так как будут изменения в теле (например, грудь, которую я уже не смогу никогда спрятать). Поэтому я вообще никакого хорошего будущего для себя в России не вижу. (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

В день признания “движения” экстремистским я начала самостоятельную гормонотерапию, потому что просто устала жить в страхе, потом „выпала“ из шкафа из-за изменений, и теперь я буквально не могу выйти на улицу. Да, я интегрирована среди соседей как странная девушка, но на этом для меня хорошее закончилось. Все проходило неплохо, максимум ловила на себе взгляды, но только до одного момента. Мой паспорт. Если он где-то появляется: медицинские услуги, оформление чего-то, покупка товаров — то все, мне обеспечена прямая угроза. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Такое положение дел толкает некоторых трансгендерных женщин к вовлечению в секс-работу. О таком опыте в своем интервью рассказала одна из респонденток, Ева, уже упоминавшаяся выше в контексте невозможности сменить документы о высшем образовании в соответствии с новым, женским, гендерным маркером и именем. Причиной вынужденного вовлечения в секс-работу является таким образом невозможность трудоустроиться в соответствии со своей квалификацией:

У меня есть некий ментальный барьер, который позволяет мне не сойти с ума. Если я попадаю в правовое поле, то я в принципе не жилец. Как транс-женщина, как лесбиянка, как трансгендерная родительница. Быть в секс-работе — это только еще один фактор риска. [...] Поводы могут быть маленькие: или интерес врача, или если заметят мою вовлеченность в секс-работу. [...] Мы живем в постоянном страхе и осознаем огромное количество рисков, будучи квир-семьей с ребенком. (Интервью, Ева, Центральный ФО)

В нашем исследовании эта тема освещается прежде всего по комментарию пожелавших остаться анонимными активисток,

которые занимаются помощью трансгендерным секс-работницам в России и Кыргызстане. В интервью они коснулись как своего личного опыта, так и опыта пострадавших, обращавшихся к ним за консультациями.

Вовлечение в секс-работу в значительной степени обусловлено невозможностью сменить гендерный маркер в документах. Сама же секс-работа связана с высокими рисками для физического и психологического здоровья, а также насилия, как со стороны соседей или случайных людей, так и со стороны полиции:

Да, единственная возможность выжить — это секс-работа. В отсутствие паспорта трудоустройство невозможно. Иначе куда нас возьмут? Я до перехода работала официанткой — и клиенты жалуются, брезгуют. [...] Одна девушка работала в швейном цеху. Постоянно была дискриминация, один раз ее избили и ограбили. (Интервью, Нина, Айголь и Элла)

Я ехала в такси. Таксист начал говорить “Как вы, трансы, мне надоели”. Я спросила: “Что мы тебе сделали?” Слово за слово, он предложил выйти из машины, после этого избил меня, сломав ребра. [...] В общей сложности, за год было несколько случаев, когда меня избили или пытались избить. [...] А с психологическим насилием мы сталкиваемся каждый день. (Интервью, Нина, Айголь и Элла)

У нас был случай. Год назад одну секс-работницу избивали всю ночь. Это снимали на видео, заставляли ее извиняться и говорить, что она “встанет на путь истинный”. Затем ее ограбили, в том числе забрали все телефоны, чтобы она не могла ни с кем связаться. [...] К счастью, этот случай удалось довести до суда. [...] В этом году было пять смертей [среди известных нам трансгендерных секс-работниц-мигранток]: это самоубийства, передозировка наркотиками, отсутствие медицинской помощи при СПИДе и один возможный случай убийства. (Интервью, Нина, Айголь и Элла)

Пожаловались в полицию. Пришел участковый, ему дали взятку, потом он стал приходить за взятками каждую неделю. [...] Был случай, когда полицейские при содержании совершили групповое изнасилование в отношении трансгендерной секс-работницы-мигрантки. По ее словам, сами полицейские были при этом под воздействием наркотиков. (Интервью, Нина, Айголь и Элла)

Существенно, что насилие со стороны полиции стало более распространенным после вступления в силу “закона об ЛГБТ-пропаганде”. Трансгендерные женщины с “мужским” гендерным маркером, занимавшиеся секс-работой, стали одни из первых, кого привлекли к ответственности в рамках этого закона. В основу обвинения при это легло то, что они, “будучи мужчинами”, разместили в Интернете фотографии “в женском образе” и предложение сексуальных услуг (см. подробнее в гл. 4.2)¹⁷⁶.

Тяжелое положение трансгендерных женщин иногда приводит их к мыслям о детранзишене¹⁷⁷. Эта тема часто становится табуированной и недостаточно известной, во-первых, из-за небольшого процента трансгендерных людей, которые решают, что им нужен детранзишен¹⁷⁸ (что дополнительно влияет на меньшую освещенность этой темы по сравнению с другими аспектами трансгендерной идентичности), а во-вторых, из-за спекуляций правых политиков на том, что такая практика якобы свидетельствует о том, что потребность в трансгендерном переходе не является фундаментальной.

В рамках исследования мы задали вопросы о детранзишене участникам, которые испытывали или испытывают потребность в трансгендерном переходе. Наши выводы можно обобщить следующим образом: причин детранзишена может быть несколько и они разнообразны; при этом мысли о детранзишена редко реализуются на практике; в большинстве случаев они связаны не с сомнениями в собственной гендерной идентичности (хотя такие случаи также происходят), а с социальной маргинализацией, нехваткой ресурсов, давлением со стороны общества или отсутствием поддержки. **Опыт изменения или отмены ранее предпринятых шагов по трансгендерному переходу подавляющее большинство тех, кто его проходил, оценили либо как “негативный”, либо как “травматический”.**

Из 244 квир-женщин, испытывавших потребность в трансфеминном переходе, 19,7% (48 человек) упомянули мысли о детранзишене. При этом сам опыт такого процесса встречался

¹⁷⁶ См. подробнее: Московские суды начали выдворять из России трансгендерных секс-работниц по новому закону о “пропаганде ЛГБТ” // MediaZone. 23.02.2023. URL: <https://zona.media/news/2023/02/23/vydorenje> (дата обращения: 10.08.2025). Положение трансгендерных секс-работниц мигранто_к в России: ситуация на декабрь 2022 — апрель 2023 года // Транс*Коалиция. 27.04.2023. URL: <https://www.transcoalition.net/transgender-migrant-sex-workers-in-russia-2023/> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁷⁷ Хотя причинами детранзишена также могут быть поиск себя и уточнение своей гендерной идентичности как осознанные решения вне контекста описываемых в настоящей главе обстоятельств.

¹⁷⁸ См., например: MacKinnon, K. R. The Truth About Detransitioning // The New York Times. 10.08.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/08/10/opinion/trans-health-care-detransitioning.html> (дата обращения: 11.08.2025). МакКиннон также подчеркивает, что даже для этого малого процента значительную роль в решении о детранзишении играет социальное давление и непринятие.

значительно реже: до начала полномасштабного вторжения России в Украину в феврале 2022 года и после него детранзишен совершили одинаковое количество трансгендерных женщин принявших участие в нашем опросе — 2,9%. Важно отметить, что это равенство наблюдается на фоне неравных по длительности временных периодов. Лишь чуть более половины респонденток (54,1%) заявили, что никогда не испытывали мыслей об изменении или отмене ранее предпринятых шагов по трансгендерному переходу. Стоит учитывать и то, что статистика частоты детранзишена размыта из-за высокой доли (20,5%) трансгендерных женщин, которые еще не начинали трансгендерный переход ни в юридическом, ни в медицинском плане.

Мы также попросили тех респонденток, у которых был опыт детранзишена, оценить его. Положительный опыт, связанный с поиском себя и чувством “гендерной эйфории”, отметила только одна квир-женщина (0,4%). Еще одна указала, что опыт был нейтральным и просто частью жизни (0,4%). Большинство же оценили изменение или отмену ранее предпринятых шагов по трансгендерному переходу как негативный опыт, которого им хотелось бы избежать, либо как травматический опыт, оставивший серьезный негативный след в жизни и самовосприятии: 2,9% от выборки (7 человек).

Таким образом, **детранзишен остается редким явлением и приносит серьезные негативные последствия большинству трансгендерных людей**. Открытый ответ одной из респонденток наглядно это демонстрирует:

Я пробовала откат [временный отказ от транс-перехода, в том числе от ведения ЗГТ], это не совсем детранзишен... Спустя год ЗГТ я подумала, что мне [нормально и так], и решила откатиться... Выдержала месяц... Меня трясло, и я ушла в [алкоголизм]... Это ужасно... После этого поняла, что мне [покончить с собой] проще, чем откат. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, маленький город)

Мы попросили респонденток указать, что вызывало у них мысли о детранзишне. Наиболее частыми причинами оказались:

- **страх социальной маргинализации** — о нем сообщили 20,1% транс-женщин,
- **опасения за собственную безопасность** — с влиянием которого согласились 20,9% транс-женщин.

Эти показатели показывают серьезность опасений за социальную позицию, здоровье и жизнь квир-женщин, проходящих трансгендерный переход.

Следующими по частоте оказались психологические трудности, такие как **отсутствие поддержки и чувство одиночества** — их отметили **16,4%** респонденток. Это косвенно отражает уровень изоляции квир-людей в России, ограниченность доступа к поддерживающему сообществу и оторванность от принимающего круга.

Далее идут факторы, связанные с трудовой и социальной сферой:

- **невозможность сменить юридический гендерный маркер — 12,3%,**
- **финансовые трудности — 11,1%.**

Такое сочетание причин, приводящих к мысли о детранзишене, подробнее видно по следующему ответу на открытый вопрос:

Нередко, из-за мужских документов и феминной внешности, в разнообразных инстанциях чуть-ли не раздевать хотели, дабы убедиться в том, что маркер в паспорте соответствует действительности. Смотрят в такие моменты на тебя как на военного преступника или террориста. В работе отказывали даже в каких-нибудь кофейнях из-за внешности. В целом ситуация плачевная, денег на жизнь по факту транс перехода тратится больше, а на работу устроиться практически невозможно. Выходит систематическая дискриминация, потому что возможность сменить документы отобрали новыми законами. Либо детранс, чтобы было, на что есть, либо страдай и умирай. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, средний город).

Также **значимой причиной мыслей о детранзишене является недоступность гендерно-аффирмативных операций** — ее отметили **9,8%** опрошенных. Только **3,7%** респонденток связывали мысли об изменении или отмене ранее предпринятых шагов по трансгендерному переходу с утратой женской гендерной идентичности.

Интервью с трансгендерными женщинами, которые не успели изменить юридический гендерный маркер, дают более глубокое понимание причин детранзишена. В этих случаях речь чаще всего идет о мыслях отказаться от гормональной терапии или обратить

всплыть изменения внешности на гормональной терапии. Участницы отмечают, что из-за усиления гомо- и трансфобного давления со стороны общества и государства, а также из-за невозможности юридически “нормализовать” себя, их жизнь превратилась в постоянное поддержание двух раздельных миров.

Такая “двойная жизнь” оказывается крайне морально утомительной и унизительной, часто вызывая тяжелые психологические состояния и желание свести к минимуму любые социальные контакты. В этом контексте мысли об изменении или отмене ранее предпринятых шагов по трансгендерному переходу становятся результатом постоянного давления, возникновении вопросов о бессилии или проявлении отчаяния.

В какой-то момент в этом положении полуперехода... Потому что полноценным его назвать все равно нельзя. [...] И вот эта бесконечная двойная жизнь, страх за себя, за свою безопасность — потому что государство показывает, что тебя можно избить, убить и за это ничего никому не будет. Это все очень давит. Кажется, что твоя жизнь никогда не будет полноценной, что всегда будут какие-то проблемы. Непонятно как работать, непонятно как пойти к врачу, непонятно как снимать квартиру. Иногда думаешь, что может быть попробовать пожить без перехода и не сталкиваться со всеми этими проблемами. (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

Речь идет скорее о страхе. Я думала о детранзишене, что так может быть безопаснее жить в этой стране. ... Но так я бы просто постепенно умерла изнутри. ... 2022-й год, осень и весна 2023 года, мобилизация, риски отката. Давление на работе, новости о законе, слухи о принудительном откате [обратной смене] документов. Боялись очень многие. Тогда я еще и не была уверена, насколько корректно меня будут считывать на улице. (Интервью, Эш, Центральный ФО)

В дополнение к этому, **специфической приметой положения трансгендерных женщин в России на третий год полномасштабной войны стал страх принудительного детранзишена по инициативе государственных органов**. При этом сама практика детранзишена по инициативе государственных органов отсутствует¹⁷⁹, поскольку не имеет под собой никаких

¹⁷⁹ За исключением некоторых случаев отмены юридического трансгендерного перехода у трансгендерных мужчин, которым суд назначает в качестве наказания по уголовному делу лишение свободы. В настоящем исследовании мы не останавливаемся на этом случае, так как концепция исследования не предполагала изучение данного вопроса, касающегося трансгендерных мужчин.

законодательных оснований.

Такой страх, среди прочего, отражает состояние реализации в России принципа верховенства права и доверия граждан к правовой определенности. При этом он является одним из ярких примеров понимания гражданами России того факта, что поскольку системы сдержек и противовесов, а также контроля институтов гражданского общества над деятельностью властей в России фактически не существует, то в современной милитаризованной стране право может быть у них отобрано, а документ признан недействительным.

Тема “отмены” юридического перехода трансгендерных людей, признание недействительными их новых документов (так называемый “откат документов”) часто появлялась в 2023–2024 годах в российской государственной пропаганде. Также она распространена в законотворческих инициативах с 2020 года — когда толчком для дальнейшего закрепления в законодательстве “традиционных ценностей” послужило изменение Конституции РФ 4 июля 2020 г.¹⁸⁰: впервые в российском законодательстве брак был определен как “союз мужчины и женщины”, что повлекло за собой укрепление антигендерных нарративов в федеральном и региональном законодательстве. Это привлекло внимание российских ультраконсервативных политиков¹⁸¹ к юридическому статусу людей, сменивших гендерный маркер в документах, и сподвигло их на хаотичные и радикальные дискриминационные инициативы, которые стали обсуждаться в публичном пространстве: от запрета на вступление в брак трансгендерных людей (что прямо противоречит 19 ст. Конституции РФ, закрепляющей равенство всех перед законом и судом) до признания их документов с новым гендерным маркером недействительными¹⁸². Это укрепило среди квир-людей готовность к тому, что такие радикальные меры теоретически могут быть приняты. Однако на практике были реализованы некоторые из них (например, запрет трансгендерным людям вступать в брак, брать под опеку и усыновлять детей).

Наше исследование показало, что страх перед этой перспективой среди трансгендерных женщин достаточно устойчив. Фактически это означает, что трансгендерные женщины, сменившие

180 Закон РФ о поправке в Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”.

181 Особенно бывшего депутата Елены Мизулиной, находящейся сегодня под персональными санкциями 27 стран ЕС, а также Австралии и Новой Зеландии.

182 Даузчати, А. “Эти трансы непонятные угрожают вашим детям”. Во что поправки Мизулиной превратят жизнь трансгендерных людей // Настоящее время. 24.07.2022. URL: <https://www.currenttime.tv/a/transgender-law/30744764.html> (дата обращения: 24.07.2025).

в России гендерный маркер в документах, живут с опасениями в том, что их юридический статус как женщин может быть аннулирован. После законодательного запрета трансгендерного перехода представители власти снова стали возвращаться к теме “проверки” статуса документов с новым гендерным маркером (на основании лицензии клиник, выдавших справку 087/у)¹⁸³. Однако такие проверки не дали результата и дальнейший вопрос об отмене документов для трансгендерных людей постепенно ушел из публичной повестки.

Такие инициативы, вместе с реализовавшимся запретом трансгендерного перехода и наряду с сохраняющейся потребностью государства в поддержании антигендерной повестки, актуализируют страх трансгендерных женщин перед “принудительным детранзишеном” (называемым также “откатом документов”). Сила и распространность этого страха также связана с мировым антигендерным движением (например, изменениями в законодательстве, введенными администрацией Дональда Трампа, о признании “только гендера при рождении” и введении ряда профессиональных ограничений для трансгендерных людей¹⁸⁴) и апоприацией его дискурсов российскими политиками.

В ходе нашего исследования трансгендерные женщины делились опасениями относительно принудительного детранзишена, эта тема возникала в интервью и ответах на открытые вопросы. Этот страх становится еще одной причиной закрытости трансгендерных женщин, их постоянных самоограничений в социальных коммуникациях, в сферах жилья и медицины. Такой страх при этом сохраняется в контексте страха перед пенитенциарными мерами: попаданием в тюрьму или следственный изолятор (СИЗО):

Страх аутинга на работе, страх обращения к врачам и страх отката документов. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

183 Трансгендерной мафии требуется зачистка // Парламентская газета. 20.11.2023. URL: <https://www.pnp.ru/social/transgenderskoy-mafii-trebuetsya-zachistka.html> (дата обращения: 24.07.2025).

184 Thoreson, R. Trump Administration Moves to Reject Transgender Identity, Rights Sweeping Executive Order Seeks to Dramatically Curtail Protections // Human Rights Watch. 23.01.2025. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/01/23/trump-administration-moves-reject-transgender-identity-rights> (дата обращения: 10.08.2025).

Страх принудительного детранзишена — причина, по которой я предпочитаю бездичайшей необходимости не взаимодействовать с государственными органами, у которых есть доступ к моему прошлому. Даже если это не полиция, которая может прямо такое инициировать, это могут быть люди, которые зацепятся, потому что на них воздействовала пропаганда, что такие люди не должны существовать. [...] Если я, например, окажусь в СИЗО [следственный изолятор временного содержания. — прим. пер.], я просто не смогу существовать, это будет для меня абсолютная пытка. Был период, когда я откладывала ЗГТ — и я поняла, что для меня это невыносимое состояние, и вернуться в него опять, когда я уже привыкла, что я не в нем, это то, чего я больше всего боюсь в жизни. [...] Очевидно, такое возможно, были прецеденты принудительного детранзишена. [...] Это условная безопасность: пока меня не заметили, я держусь; но если вдруг заметят, то все. (Интервью, Тася, Северо-Западный ФО).

Проблема недобровольного возвращения в случае заключения под стражу того гендерного маркера, который был у трансгендерных людей до юридического перехода, проявляется в случае Юлии. Случай Юлии демонстрирует, как государство вначале разрешило совершить трансгендерный переход, а затем его отменило, несмотря на изменившуюся социальную жизнь трансгендерной женщины¹⁸⁵.

Осенью 2021 года в отношении нее было возбуждено уголовное дело, которое длительное время расследовалось, и на этот период Юлия была на свободе: суд не стал на время расследования уголовного дела избирать ей меру пресечения, связанную с ограничением свободы.

В январе 2022 года она прошла консультацию у психиатра и получила справку, необходимую ей для трансгендерного перехода, о диагнозе F64.0 (“транссексуализм”). Через месяц она начала медицинский переход: получила консультацию эндокринолога, начала принимать феминизирующие гормональные препараты.

Летом 2022 года началось рассмотрение уголовного дела в суде. Юлия представила судье справку о диагнозе “Транссексуализм”. В октябре 2022 года она получила справку врачебной комиссии, которая подтвердила у нее диагноз “Транссексуализм”. После этого Юлия совершила юридический переход, получив новый паспорт с указанием “женского” гендеря.

¹⁸⁵ “Я прошу уважаемый суд не разрушать мою жизнь”. История девушки, которой отменили трансгендерный переход против ее воли // Верстка. 25.08.2025. URL: <https://versitka.media/istoriya-devushki-kotoroi-otmenili-transgenernyi-perehod-protiv-ee-voli> (дата обращения: 25.08.2025).

В ходе рассмотрения уголовного дела суд решил, что нужно назначить психиатрическую экспертизу. Сначала она была проведена в ноябре 2022 года очно в психоневрологическом диспансере (Юлию разместили в мужском отделении), затем — летом 2023 года в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского в Москве (Юлию разместили в женском отделении). В последнем центре врачи не подтвердили у Юлии диагноз “Трансексуализм”.

В 2023 году Юлия вышла замуж. В марте 2024 года суд вынес приговор — 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года. Суд апелляционной инстанции оставил приговор в силе. Суд кассационной инстанции отменил приговор по требованию прокуратуры, направив уголовное дело на новое рассмотрение.

Параллельно прокуратура “в интересах Российской Федерации” обратилась в суд, который рассмотрел гражданское дело и признал незаконным решение врачебной комиссии о “смене пола” (вынесенном в октябре 2022 года), аннулировал юридический трансгендерный переход и ее брак. Суд первой инстанции руководствовался тем, что поскольку Институт им. В.П. Сербского не подтвердил трансгендерность Юлии, то и сменить документы она не могла, и заключить брак не могла (суд посчитал ее “мужчиной”, а браки в России между партнерами одного гендера запрещены)¹⁸⁶.

Юлия оказалась в той правовой реальности, когда государство принудительно “откатило” ее документы, измененные в ходе юридического трансгендерного перехода, не только отказавшись признать ее гендерную идентичность, но лишив ее семейных прав.

В экспертном интервью был затронут случай трансгендерной женщины, находящейся в СИЗО города Брянск. Этот случай подтверждает опасения респонденток о том, что нахождение в пенитенциарном учреждении не позволит им вести ЗГТ. Более того, инициатива следствия о проведении генетической экспертизы в отношении подозреваемой транс-женщины, о которой рассказывается в интервью, можно интерпретировать как стремление следствия ходатайствовать о признании смены ее гендерного маркера на “женский” недействительным¹⁸⁷:

186 На 25.08.2025 года решение суда первой инстанции не вступило в силу.

187 Например, схожим образом гендерный маркер был обратно сменен на “женский” у трансгендерных мужчин в Ярославле, приговоренных к реальному тюремному сроку (см.: Генетически — женщины: в Ярославле суд признал незаконным смену паспортов у двух трансгендеров // 76.ru. 12.10.2023. URL: <https://76.ru/text/gorod/2023/10/12/72802688/> (дата обращения: 10.08.2025).

220

В СИЗО Брянска с февраля 2025 года находится трансгендерная женщина. Она сменила документы незадолго до запрета. С момента попадания в СИЗО у нее нет доступа с ЗГТ, которую она раньше вела. [...] Над ней издеваются, конвоиры собираются на нее посмотреть, как на обезьяну. Прокурор обращается к ней "он", хотя у нее женский паспорт. Следователь ходатайствовала, что раз паспорт женский, но органы мужские, нужно провести анализ ДНК. (Интервью, Наталия, адвокат и правозащитница)

Проведенное исследование показывает, что для трансгендерных женщин право на верный гендерный маркер (и на возможность его смены) является важнейшим условием защиты от дискриминации. Однако в России трансгендерные женщины с июля 2023 года фактически не имеют возможности сменить его. Это приводит к неравенству в целом между цис- и трансгендерными людьми, между цис- и транс-женщинами в частности, а также между теми транс-женщинами, кто успел и кто не успел сменить гендерный маркер. Это неравенство может проявляться по возрастному признаку (если транс-женщина с потребностью в смене гендерного маркера не достигла 18 лет на момент вступления закона в силу), а также по принципу проживания в отдаленных от центра регионах (исследование показало, что разрыв между сменившими и не сменившими гендерный маркер до принятия закона в пользу второго значительно повышается в отдаленных от Центрального федеральных округах). Это неравенство проявляется особенно сильно с сферой труда, доступа к услугам, медицине (см. подробнее гл. 8.4) и защите от насилия (см. подробнее гл. 7), а также приводит к маргинализации трансгендерных женщин в обществе, к их вынужденному вовлечению в секс-работу или вынужденному детранзишенну, серьезно ухудшающему ментальное состояние. У тех же транс-женщин, кому удалось изменить гендерный маркер, понимание такого неравенства часто вызывает постоянный фоновый страх перед тем, что государство может признать их юридический переход недействительным.

Глава 6. Социальные последствия милитаризации общества для квир-женщин в России

§1 Динамика дискриминации квир-женщин до и после полномасштабного вторжения

В этой главе мы анализируем результаты опроса квир-женщин о том, как изменился уровень дискриминации до и после полномасштабного вторжения России в Украину. Во многих вопросах мы просили респонденток сравнить в 2025 году, **как законы и их применение влияли на них до 2022 года и после этой даты, с февраля 2022 года по февраль 2025 года**. Во всех вопросах, указанных в настоящей главе, респондентки могли выбрать несколько ответов, отражающих их опыт и представления.

Количество случаев дискриминации квир-женщин до и после полномасштабного вторжения России в Украину изменилось.

41% (каждые двадцать из пятидесяти опрошенных) квир-женщин сообщили, что **после февраля 2022 года они стали чаще сталкиваться с проявлениями дискриминации**. И только 5,9% респонденток заявили, что **стали реже сталкиваться с такими проявлениями** (каждые три из пятидесяти опрошенных).

Соотношение респонденток, ответивших, что стали сталкиваться с дискриминацией чаще, было практически равным среди тех, кто проживал в городской (41%) и сельской (41,9%) местности.

Респондентки с начальным, неполным средним и средним (11 классов) образованием чаще других сообщали о дискриминации: 52,6% в первом случае и 53,1% во втором.

Приведенные таблицы показывают распределение по федеральным округам¹⁸⁸ и по возрастным группам ответов квир-женщин, ответивших утвердительно на вопрос о том, стали ли они чаще чувствовать дискриминацию после февраля 2022 года (илл. 34 и илл. 35).

¹⁸⁸ При этом следует учитывать, что в нашей выборке было всего 16 квир-женщин (менее 1%), проживающих в Северо-Кавказском ФО

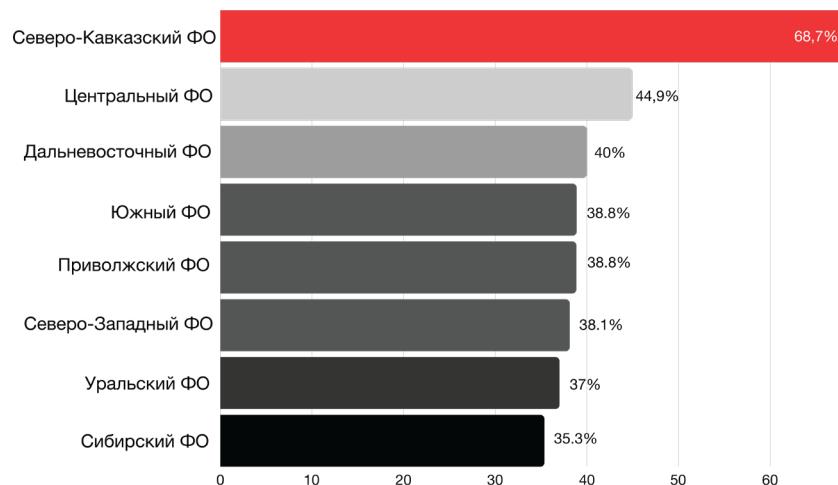

Иллюстрация 34. Квир-женщины, согласившиеся, что стали чаще сталкиваться с дискриминацией после февраля 2022 года: В зависимости от федерального округа (в %)

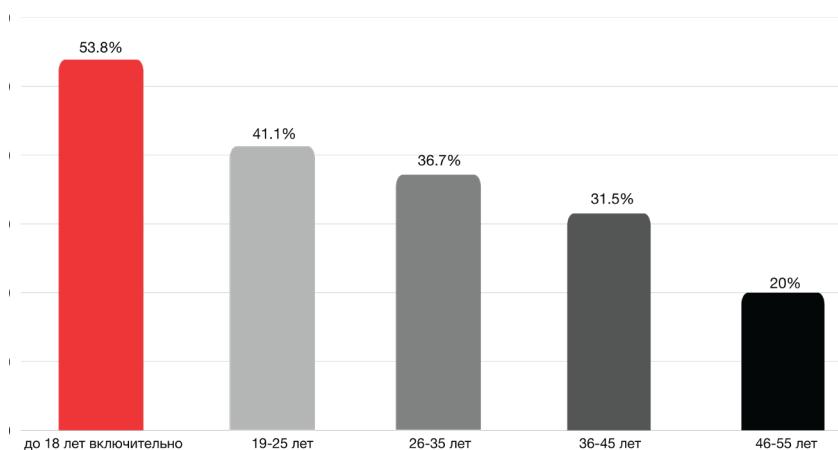

Иллюстрация 35. Квир-женщины, согласившиеся, что стали чаще сталкиваться с дискриминацией после февраля 2022 года: В зависимости от возраста (в %)

Исходя из данных опроса, более всего почувствовали на себе рост дискриминации несовершеннолетние и те квир-женщины, которым только исполнилось 18 лет: практически каждая вторая респондентка отметила такую тенденцию. С повышением возраста респонденток доля положительных ответов на вопрос о том, сталкивались ли они с дискриминацией после февраля 2022 года, снижается, однако все равно остается высокой: самое низкое значение (20%) от всех ответивших в возрасте от 46 до 55 лет, каждая пятая из ответивших квир-женщин в этой возрастной группе.

При этом практически каждая вторая трансгендерная женщина (51,8% ответивших в этой группе) и каждая вторая небинарная персона на феминном спектре (50% ответивших в данной группе) отметили рост дискриминации по отношению к ним лично после февраля 2022 года. Вместе с тем положительно ответивших на этот вопрос было значительно меньше среди небинарных персон на маскулинном спектре — 36,7%.

Исследование показало, что количество ограничений прав квир-женщин в России после начала полномасштабного вторжения в Украину изменилось:

- **на 6,2% выросло количество случаев дискриминации по признаку сексуальной ориентации** (при этом каждая вторая гомосексуальная женщина (54,4% ответивших), почти каждая вторая асексуальная (45%) и каждая вторая бисексуальная (44,7%) женщина подверглись дискриминации после 2022 года),
- **на 4,8% выросло количество ограничений прав квир-женщин по признаку гендерной идентичности** после 2022 года (об этом сообщили 73,6% трансгендерных женщин и только 7,6% цисгендерных женщин),
- **почти в 2 раза выросло количество случаев дискриминации в связи с гражданской позицией** (с 28,5% до 2022 года до 40,7% после 2022 года), наиболее часто столкновение с такими нарушениями отмечали небинарные персоны (51,6% на феминном спектре и 51% на маскулинном спектре).

При этом количество респонденток, которые не сталкивались с дискриминацией после 2022 года, снизилось на 6% (до 2022 года

не сталкивались с дискриминацией 26% ответивших, после 2022 года — только 20% ответивших).

Количество людей, кто не распознал дискриминацию или для кого такой фактор не является значимым, практически не изменился (до 2022 года — 11,9%, после 2022 года — 11,2%).

В целом после 2022 года количество квир-женщин, которые столкнулись с дискриминацией по различным основаниям, выросло: с 62,1% в ситуациях до 2022 года, до 68,3 % в ситуациях после 2022 года (илл. 36 и илл. 37).

После 2022 года увеличилось количество проявлений дискриминации и нарушений прав респонденток:

- оскорбления (рост на 3%: до 2022 года — 63% респонденток, после 2022 года — 66% респонденток),
- угрозы физического насилия (рост на 2%: до 2022 года — 19% респонденток, после 2022 года — 21% респонденток) (илл. 38),
- отказ в услугах (рост на 1,6%: до 2022 года — 3,5% респонденток, после 2022 года — 5,1% респонденток),
- отказ в работе (рост на 1,8%: до 2022 года — 4,6% респонденток, после 2022 года — 6,4% респонденток),
- отказ от общения (рост на 2%: до 2022 года — 24% респонденток, после 2022 года — 26% респонденток),
- невежливое обращение (рост на 3%: до 2022 года — 41% респонденток, после 2022 года — 44% респонденток) (илл. 39, илл. 40).

Эти результаты отражают отношение к квир-женщинам в российском обществе, влияющее на реализацию ими своих прав. При этом после полномасштабного вторжения России в Украину речи ненависти и угрозы физической безопасности выросли (что свидетельствует о повышении уязвимости квир-женщин в условиях милитаризации). Кроме того, снизилась социальная защищенность квир-женщин: респондентки сообщали об увеличении случаев нарушения трудовых прав.

Трансгендерные женщины чаще других квир-женщин сталкиваются с нарушениями своих прав практически во всех ситуациях (данные о случаях дискриминации после 2022 года).

Иллюстрация 36. Ответы на вопрос "Сталкивались ли вы с дискриминацией до 2022 года?"

Иллюстрация 37. Ответы на вопрос "Сталкивались ли вы с дискриминацией после 2022 года?"

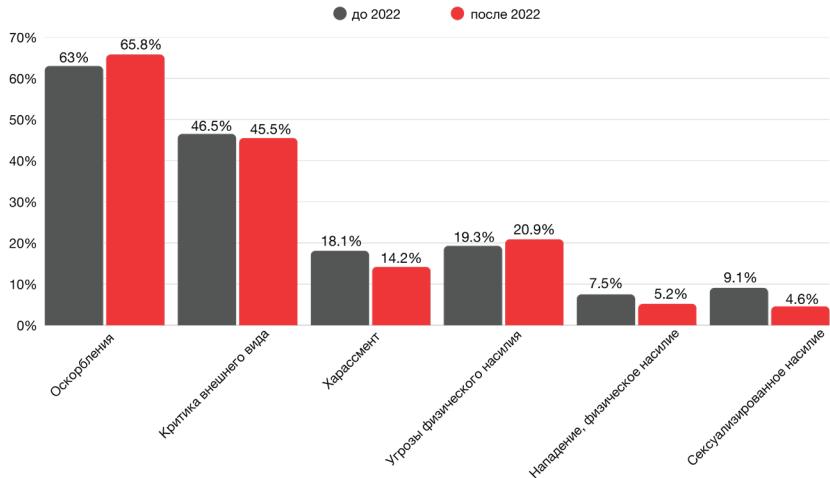

Иллюстрация 38. Проявления дискриминации до и после 2022 года

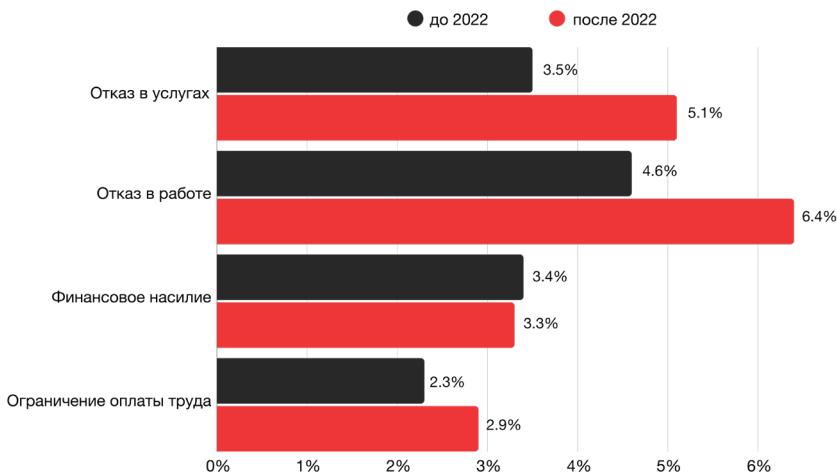

Иллюстрация 39. Проявления дискриминации до и после 2022 года

Динамика дискриминации квир-женщин

227

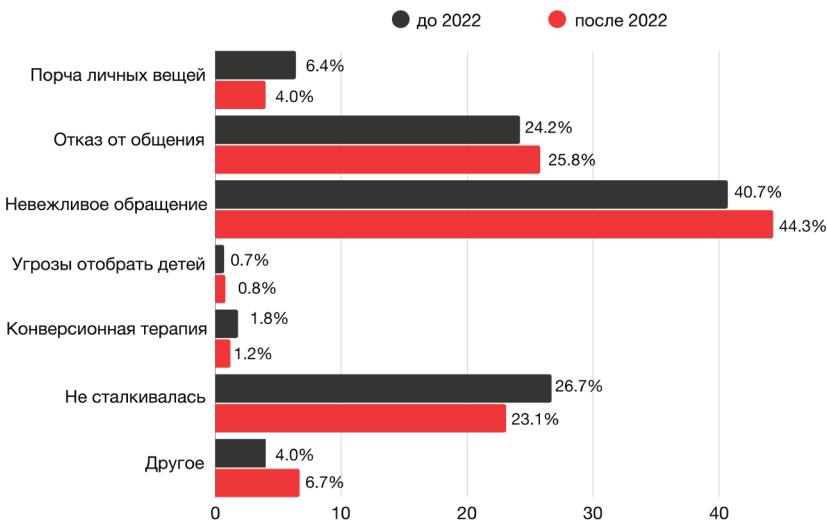

Иллюстрация 40. Проявления дискриминации до и после 2022 года

№ п/п	Показатель	Трансгендерные женщины (% от опрошенных)	Цисгендерные женщины (% от опрошенных)	Разница (%)	Разница в количестве раз (от опрошенных)
1	Конверсионная терапия	5,6	0,5	5,1	11,2
2	Отказ в предоставлении услуг	19,3	2,2	17,1	8,77
3	Отказ в приеме на работу, увольнение	22,3	2,8	19,5	7,96
4	Нападение, физическое насилие	15,2	2,5	12,7	6,08
5	Порча личных вещей	10,2	2,2	8	4,64
6	Финансовое насилие (шантаж, вымогательство, отъем денег)	10,2	2,3	7,9	4,43
7	Угрозы физического насилия	41,1	14,7	26,4	2,80
8	Отказ от общения	39,6	22,4	14,2	1,77

9	Сексуализированное насилие	6,6	3,8	2,8	1,74
10	Харассмент	20,3	11,9	8,4	1,71
11	Ограничение рабочих задач, снижение оплаты труда	5,1	2,8	2,3	1,82
12	Критика внешнего вида, манер, умственных способностей	64	38,4	25,6	1,67
13	Невежливое обращение	56,3	39,5	16,8	1,43
14	Оскорбительные высказывания, комментарии, шутки	77,2	61,7	15,5	1,25
15	Не сталкивалась с дискриминацией после 2022 года	11,2	27,1	-15,9	0,41

После февраля 2022 года 79,5% респонденток сообщили, что, по их мнению, количество случаев физического насилия по отношению к квир-женщинам увеличилось (см. подробнее в гл. 7.1). Только 3,6% опрошенных считают, что ситуация не изменилась, а 0,5% опрошенных считают, что улучшилась (так считают 0,6% цисгендерных и 0,5% трансгендерных женщин, а женщины с иными идентичностями, в том числе небинарные женщины на феминном и маскулинной спектре, интерсекс-женщины, гендерфлюиды, агендерные персоны, не согласны с этим и никто из них не отметил такую тенденцию). 16,3% респонденток затруднились дать ответ на этот вопрос. При этом ответы не зависели ни от того, в какой местности (городской или сельской), ни от того, в каком по размеру населенном пункте проживают респондентки.

Улучшение ситуации с соблюдением прав квир-женщин респондентки связывают с такими практиками как:

- отмена закона о “гей-пропаганде” (97%),
- защита полиции в случаях гомофобного/трансфобного нападения/физического насилия (91%),
- получение легальной возможности заключить брак между партнерами одного пола (89,9%),
- публичные люди, политики, спортсмены и т.д., говорящие открыто о своей сексуальной ориентации

и гендерной идентичности и/или открыто поддерживающие ЛГБТИК-людей (83,7%),

- представители политических институтов, власти, политических партий, продвигающие права ЛГБТИК-людей (82,4%).

При этом среди трансгендерных женщин доля тех, кто сообщил о том, что защита полиции в случаях гомофобного/трансфобного нападения/физического насилия для них важна, составляет 92,9%.

В ходе опроса в 2025 году мы спросили респонденток: “На Вас лично повлияло принятие закона о запрете трансгендерного перехода в России, который вступил в силу в июле 2023 года?”

Ответы респонденток распределились следующим образом:

№ п/п	Показатель	Квир-женщины в целом (%)	Трансгендерные женщины (%)
1	Существенно повлияло	13	67,5
2	Частично повлияло	24,1	24,9
3	Совсем не повлияло	61,8	7,1
4	Я ничего не слышала о принятии данного закона	1,1	0,5

При этом в 2025 году почти каждая третья трансгендерная женщина (62,2%) сообщила о том, что она нуждается в юридическом трансгендерном переходе в части смены гендерного маркера с мужского на женский. Больше всего таких ответов среди возрастной группы женщин до 18 лет включительно (88,5%) и возрастной группы от 19 до 25 лет (64,2%). Однако связи с вступившим в силу в июле 2023 года законом “о запрете трансгендерного перехода” реализовать такую возможность они не могут (см. подробнее в гл. 5.2).

36,7% (почти каждая третья) трансгендерных женщин

сообщили, что не могут обратиться к эндокринологу для получения феминизирующей гормональной терапии, несмотря на то, что желают получать и принимать такие препараты. Однако закон и такие действия запрещает (см. подробнее в гл. 8.4).

Квир-женщины в рамках опроса делились, каким образом квирофобное законодательство изменило их жизнь:

Эти законы повлияли на меня очень сильно: я не могу пройти комиссию [для трансгендерного перехода], из-за этого все эндокринологи в моем городе отказываются меня принимать. Сменить документы на женские, чтобы они совпадали с моей внешностью после транспехода, я тоже не могу. Из-за этого, каждый раз при проверке документов приходится подвергать себя аутингу. Работать тоже приходится под мужским именем.

Из-за новых законов у меня появился постоянный страх будущего, мне кажется, что моя жизнь оборвется в любой момент или из-за случайного насилия на улице, от которого я ни физически ни с помощью полиции не смогу защититься, или сама же полиция оборвёт мою жизнь заключением в мужскую тюрьму, если кто-то сдеанонит мои аккаунты с сексуализированными фото или если мой телефон проверят при случайных задержаниях.

Этот страх ломает вообще всю мою картину будущего, ничего не имеет смысла, если твоя жизнь будет всегда в опасности. Из-за этого уже несколько раз совершала попытки суицида, какой смысл бесконечно терпеть всю эту боль от дисфории, незащищенности, дискриминации ежедневно, если эта боль будет бесконечной. Я уже смирилась с тем, что живу, как в последний день, я даже не откладываю никаких накоплений, не строю планы дальше, чем на пару месяцев, не завожу новых знакомств, это все рано не имеет смысла в такой короткой жизни. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Стало страшно дальше жить в РФ, я всего лишь подросток который осознал себя относительно недавно и тут мне обрушили абсолютно любые возможности жить своей жизнью, быть открытой. (Гомосексуальная цисгендерная девушка, до 18 лет, Центральный ФО, средний город)

Таким образом, в условиях милитаризации российского общества, государственной квирофобной пропаганды влияние законов против ЛГБТИК-людей в России на жизнь квир-женщин в России усиливается. Это негативно влияет как на безопасность квир-женщин, так и на их самореализацию в качестве квир-

людей. После февраля 2022 года российские власти приняли основополагающие для их правоконсервативного курса законы, лишающие квир-людей возможности быть самими собой в военной России. В том числе, квир-люди были лишены ряда прав, которые есть у цисгендерных гетеросексуальных людей (например, право на опеку и попечительство над детьми, распространение информации о своей идентичности и других). Кроме того, власти обязали государственный аппарат контролировать выполнение квирофобных законов, включая привлечение выражавших себя квир-людей и поддерживающих их союзников к мерам ответственности. В этой ситуации видно, как антигендерные нарративы российской власти напрямую повлияли на принятие и внедрение в России квирофобных законов, применение которых привело к созданию в России атмосферы страха у квир-людей и их союзников, поставив многих в ситуацию выживания во враждебной среде, повсеместной стигматизации и дискrimинации.

§2 Милитаризация российского общества и положение квир-женщин

В рамках исследования мы задавали респонденткам вопросы, связанные с милитаризацией российского общества, для того чтобы выяснить, как полномасштабное вторжение России в Украину повлияло на ЛБТИК-женщин, живущих в России.

Согласно данным проведенного нами опроса, милитаризацию российского общества после февраля 2022 года заметили 87,6% респонденток. Примечательно, что это не зависело от того, в какой местности (городской или сельской), в каком населенном пункте проживают респондентки. При этом в опросе удалось установить, что респондентки по-разному отвечали на этот вопрос в зависимости от уровня образования и возраста.

Чаще других милитаризацию российского общества отмечали небинарные персоны на феминном спектре (91,1%) и меньше всего небинарные персоны на маскулинном спектре (69,4%).

Ответы респонденток о том, что они **заметили милитаризацию российского общества после февраля 2022 года: В зависимости от уровня образования респонденток**

№ п/п	Уровень образования респонденток	Процент ответивших положительно в данной группе
1	Законченное высшее	91,1
2	Незаконченное высшее	90,2
3	Имеют ученую степень	86,7
4	Среднее специальное (техникум, училище, колледж)	85,2
5	Среднее (11 классов школы)	84,4
6	Начальное, неполное среднее	73,3

Ответы респонденток о том, что они **заметили милитаризацию российского общества после февраля 2022 года: В зависимости от возраста респонденток**

№ п/п	Возраст респонденток	Процент ответивших положительно в данной группе
1	56–65 лет	100
2	26–35 лет	91,3
3	19–25 лет	89,5
4	36–45 лет	89
5	46–55 лет	84
6	До 18 лет включительно	76

При этом из тех, кто заметил милитаризацию российского общества после февраля 2022 года, 72,5% отметили усиление патриархальных практик и практик ограничения прав женщин в стране. Больше всего положительных ответов на данный вопрос было от асексуальных (86,7%), гомосексуальных (73,5%) женщин,

агендерных женщин (81,3%) и небинарных персон на феминном спектре (77,9%).

Квир-женщины, живущие в сельской местности (77,4%), давали положительный ответ на этот вопрос чаще, чем квир-женщины, живущие в городской местности (72,4%).

Респондентки в возрасте от 46 до 55 лет (84%, самый высокий показатель) замечали усиление патриархальных практик чаще, чем респондентки в возрасте до 18 лет включительно (67,9%, самый низкий показатель).

На этом фоне 88,9% респонденток отметили, что с 2022 по 2025 годы уровень гомофобии и трансфобии в российском обществе вырос. Сильнее всего это почувствовали асексуальные (93,3%), демисексуальные (93,3%) и гомосексуальные (91,2%) женщины. К такому же выводу пришли 90,4% трансгендерных женщин (самый высокий показатель) и только 72% интерсекс-женщин (самый низкий показатель).

Интересно, что такую тенденцию чаще других замечали люди более старшего возраста (в группе от 46 до 55 лет — 96%), а меньше всего — женщины в возрасте до 18 лет включительно (87,8%) и в группе от 36 до 45 лет (84,2%).

Изменился тип социальных взаимодействий: квир-женщины все чаще стали себя ограничивать в коммуникации. Если до 2022 года 61,1% квир-женщин не опасались столкнуться с гомо-, транс- или квирофобией, то после февраля 2022 года таких осталось только 37,6% (то есть количество таких квир-женщин снизилось почти в 2 раза).

На фоне милитаризации российского общества и введения квирофобных законов после 2022 года количество квир-женщин, которые перестали посещать культурные мероприятия из-за риска столкнуться с гомо-, транс- или квирофобией, резко выросло: с 15% до 2022 года до 36,6% после 2022 года. Среди трансгендерных женщин этот показатель также вырос: до 2022 года 40,1% трансгендерных женщин опасались посещать публичные культурные мероприятия, а после 2022 года таких стало уже 59,45 (рост почти в 1,5 раза).

До 2022 года только 30,5% ЛБТИК-женщин прекратили неформальные социальные взаимодействия из-за риска столкнуться с гомо-, транс- или квирофобией. После 2022 года их количество увеличилось до 51,3% (каждая вторая из ответивших на опрос). При этом среди трансгендерных женщин этот показатель остается высоким: с 39,1% до 2022 года до 70,1% после 2022 года

(то есть рост почти в 2 раза).

90,8% квир-женщин сообщили, что после февраля 2022 года их ощущение безопасности ухудшилось. Многие респондентки активно рассказывали в ходе опроса как государственная пропаганда ненависти повлияла на изменение общественных настроений по отношению к квир-людям. Ниже мы предоставляем голоса квир*женщинам, которые живут в России.

Власти перевели гнев граждан из-за войны на ЛГБТ-сообщество дискриминационной пропагандой. Ее транслируют по телевидению на федеральных каналах, в федеральных пабликах в интернете. Квир-люди буквально малюются как враги народа (как и те, кто выступает за мир, только там уже повесточка "иноагент"). В большинстве своем пропаганда действует на людей, потому что помимо войны в стране все больше нарастает инфляция и черта бедности для людей становится ближе и ближе. Мозг просто уже соглашается с любыми врагами, лишь бы излить на кого-то свое недовольство. Так же из-за дискриминационных законов (запрет на трансгендерный переход, запрет пропаганды ЛГБТ, признание ЛГБТ экстремистской организацией) у многих не совсем адекватных людей развязались руки. Закон не защищает права квир людей. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город).

Демонизация ЛГБТК+ персон со стороны правительства, промывка мозгов в новостях и передачах по типу Соловьева¹⁸⁹. Люди с плохо развитым критическим мышлением слышат на постоянной основе из экрана одно и то же и за отсутствием альтернативных источников информации сами начинают придерживаться той позиции, которую навязали им СМИ. Плюсом подливает масла в огонь активная милитаризация, война, отношение остального мира к стране и ее народу, у людей от такой реальности сносит крышу и они готовы кидаться на любого кого с экранов назовут плохим. (Панесексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Когда люди каждый день смотрят телевизор, где пропагандируют ненависть к "не таким как все", как идеологию, то эта самая ненависть постепенно становится нормой. В моем городе произошел случай (после 2022 года), когда в самом центре города люди избили парня до смерти из-за того, что у него были

¹⁸⁹ Имеется в виду российский телеведущий Владимир Соловьев, находящийся под персональными санкциями ЕС.

окрашенные волосы. Это обсуждали у нас в классе и много кто сказал, что поступил бы также. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, средний город)

Инициаторами насилия и гомофобии в целом выступать не только низовые организации или просто отдельные люди, но и государство в целом. Гомофобии стало больше в высказываниях политиков, кроме того был принят ряд гомофобных законов и решений судов (в том числе о признании нас экстремистами). В насилии также активнее стали участвовать полицейские. Это приводит к тому, что больше квир-людей страдают от государственного насилия напрямую, а гомофобы получают одобрение своей деятельности. (Бисексуальная гетеросексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город).

Пропаганда “традиционных ценностей”, критика со стороны церкви и самого государства, аргументация этого “западной пропагандой”. Среди общества встречается мнение, что представителей ЛГБТК специально “вербуют”, чтобы понизить демографию страны. Такие заявления и суеверия подкрепляются государственными СМИ и дискриминационными законами. Типичная попытка объединить всех людей, которые что-либо не понимают или ненавидят, под одним патриотическим русским флагом. (Пансексуальная трансгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, маленький город).

Государственная риторика изменилась и начала нормализовать насилие и нетерпимость. Не только к ЛГБТК+ персонам, но и к украинцам, европейцам, мигрантам, к людям с “неславянской” внешностью, к оппозиционерам и пацифистам. Когда вокруг начинается мракобесие, которое разжигает именно правительство, то есть своего рода авторитет, то и люди вокруг начинают позволять себе многое. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Дальневосточный ФО, небольшой город)

С нарастанием напряжения в обществе в целом растет и агрессия в сторону ЛГБТК+ персон. Пропаганда из СМИ всех уровней нетерпимости и так называемых “традиционных ценностей” формирует у людей искаженное понимание действительности, а также демонизирует образ квир-персон. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Южный федеральный округ, небольшой город).

Если в обществе поощряется насилие, мир делится на черное и белое, а людей убеждают, что есть какие-то враги, которые желают им зла и заслуживают смерти, то народ становится жесток друг к другу. Просто эти самые враги далеко, поэтому вместо них врагами становятся те, кто не понятен, не нравится, не удобный или не согласный. А врагов убивать можно. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город).

Пропаганда в СМИ и на центральных федеральных каналах. В новостях много негативных высказываний по поводу ЛГБТ, сильно нагнетают обстановку. Запрет “пропаганды ЛГБТ” привел к тому, что исчезли многие сообщества в социальных сетях и мы словно стали невидимыми, а потому можно нас безнаказанно травить. (Гомосексуальная цисгендерные женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Одна из респонденток поделилась своими наблюдениями о том, как за последние три года изменилась ситуация с правами квир-женщин в России:

Война. Во время войн всегда растет преступность, ненависть и насилие. Некоторые люди уже вернулись с войны, травмированные, привыкшие к насилию и убийствам, а ЛГБТК+ персоны — легкая мишень для них, уязвимая группа, никак не защищенная государством. Напрямую ЛГБТК+ персоны у них ассоциируются с Западом, их врагом.

В последнее время и мое поколение (зумеры) и новое стали более гомофобны. Новое поколение выросло на гомофобных законах, и сейчас, когда только входят в интернет-пространство, видят: война — хорошо, “традиционные ценности” — хорошо, а все другое — плохо. Мое же поколение изначально подавало хорошую динамику в отношении к ЛГБТК+ персонам, но потом, вступив во взрослую жизнь, разочаровавшись и в себе, и в этой жизни, самое простое что можно сделать — ненавидеть и винить во всем тех, кого никто не защищает, то есть ЛГБТК+ персон. Многие говорят, что “переросли” это все, но просто стали черствее и гомофобнее, прогнувшись под систему ненависти, перестав бороться за лучшее будущее. (Асексуальная, негетероромантичная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

На вопрос о том, как милитаризация российского общества повлияла на усиление патриархальных практик/практик

ограничения прав женщин в России, многие респондентки отвечали, что теперь государство расценивает женщин как инкубатор для воспроизведения детей. При этом изменились настроения в обществе. Ниже мы приводим ответы на открытые вопросы квир-женщин, ставших свидетельницами происходящих в России событий.

Война — всегда насилие. Сейчас военные насилиют и убивают в Украине, а потом вернутся сюда и будут убивать, насиливать, избивать своих родных, знакомых и незнакомых женщин. Закона о домашнем насилии нет, [власти] ограничивают женщину в праве распоряжаться своим телом, желании не иметь детей. Государство давит и пропагандирует больше рожать, им нужно пушечное мясо, солдаты. Женщины остаются с детьми одни, их мужья, отцы, братья, дети умирают, а им за это отправляют банку огурцов, вместе обещанных денег. Женщины, которые ведутся на пропаганду, которые поддерживают это, не понимают, чем это все обернется для них же самих и для всех женщин. У войны есть лицо и оно мужское. (Асексуальная, негетероромантичная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

Женщин снова воспринимают как кухарок и домохозяек, девочек в детском саду учат шаблону “мама — хранительница очага”, усиливают давление на женщин с помощью СМИ, чтобы они повышали демографию страны, а не занимались карьерой или другими своими целями; повышают пошлины на разводы, врачи отговаривают делать аборт, в целом обостряется обстановка в обществе, отчего повышается количество конфликтов и вместе с этим случаев насилия над женщиной, причем правоохранительные органы часто отказывают в помощи или несерьезно относятся к таким нарушениям. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, маленький город).

Многие знают, что на войну вербуют преступников, которые потом возвращаются, получают аннулирование срока [лишения свободы] за [военную] службу и совершают рецидивы. Были убийства женщин, причем очень зверские, были и просто угрозы физической расправы от таких вернувшихся с войны. Так что женщины сейчас стали еще более уязвимы. (Пансексуальная интерсекс-персона, идентифицирующая себя как женщина, 19–25 лет, Южный ФО, средний город)

Зачастую женщины не могут себя защитить перед неприкосновенными военными, которые проявляют агрессию как физическую, так и психологическую. Государство встает на сторону тех, кто служил, а не жертвы. Жертва подвергается травле. (Бисексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Северо-Западный ФО, средний город)

Мужчин призывают соответствовать стереотипному маскулинному образу защитника-воина, что приводит к повышению количества проявлений токсичной маскулинности, что приводит к увеличению насилия/оправданию насилия. (Пансексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Бывшим преступникам прощаются преступления, если они пойдут воевать. Отвоевавшим прощаются убийства и насилие [в отношении] женщин, в том числе жен, матерей и детей. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Случаи насилия со стороны вчерашних военнослужащих, временно или постоянно вернувшихся с войны России в Украине, стали после 2022 года происходить повсеместно (см. подробнее в гл. 7.3). Квир-женщины не чувствуют себя безопасно на фоне милитаризации общества. Респондентки обращают внимание, что уровень жестокости в обществе растет и что это заставляет их больше опасаться физического насилия в публичном пространстве:

Видеть в России военных, которые ходят в форме по улицам, видеть людей, добровольно наклеивающих на свои автомобили или на одежду Z-символику, — страшно. У меня есть почти работающий мужской пасс, достаточный для считывания в мужскую сторону, но моя гендерная неконформность во внешности и в меньшей степени — неконтролируемое поведение иногда выдает во мне трансфеминный спектр. И это кажется особенно страшно сейчас. (Пансексуальная небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Общество в целом ожесточилось, когда из каждого утюга призывают убивать, и кричат про “гейропу”, было бы удивительно, если бы люди не начали с удвоенной силой нападать на непохожих на себя, и они начали. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Усиление пограничного контроля в России привело к тому, что пограничная служба Федеральной службы безопасности часто проводит проверки людей, пересекающих государственную границу. Одна из респонденток сообщила о том, что после 2022 года столкнулась с аутингом при такой проверке:

На границе ФСБ устроили допрос по причине того, что у меня украинский паспорт. На нем меня вынуждали показать содержимое телефона, переписки с друзьями, с партнеркой. Спрашивали, является ли моя партнерка (ждущая меня снаружи) трансгендерной и знаю ли я про закон "о запрете пропаганды ЛГБТ". Это сопровождалось угрозами и агрессией с их стороны, моральным давлением (физического насилия не было). В итоге чтобы меня отпустили, я была вынуждена признаться в том, что я лесбиянка и мы с партнеркой в отношениях. До сих пор не знаю, как это может когда-либо обернуться против меня. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Этими примерами не исчерпывается влияние милитаризации в России на положение квир-женщин. В следующих главах мы более подробно рассмотрим отдельные изменения, связанные с тем, антигендерный поворот в России и война России в Украине изменили положение квир-женщин.

Часть III. Безопасность, телесная автономия и семейные права квир-женщин в России военного времени

Глава 7. Недоверие к полиции, насилие со стороны участников войны

§1 Улица и публичные места как источник насилия и вынужденного затворничества квир-женщин

Черта, объединяющая разные праворадикальные движения и интерес их активистов к антигендерным нарративам, — это принуждение женщин и квир-людей к добровольному исключению себя из социальных взаимодействий посредством поощрения патриархального насилия и злоупотребления¹⁹⁰. На третий год полномасштабного вторжения в Украину в России значительное

190 Например, политика талибов, захвативших власть в Афганистане в 2021 году, основывается на принуждении к такому социальному исключению всех женщин — то есть, половины населения. ООН в связи с этим констатирует отмену 20-летнего прогресса Афганистана в области прав и свобод человека под влиянием США:

“UN experts* today said the situation of women and girls’ rights in Afghanistan has reverted to that of the pre-2002 era when the Taliban last controlled the country, effectively erasing progress on women’s rights in the intervening 20 years”. (Afghanistan: UN experts say 20 years of progress for women and girls’ rights erased since Taliban takeover // United Nations. 08.03.2023. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2023/03/afghanistan-un-experts-say-20-years-progress-women-and-girls-rights-erased> (дата обращения: 15.07.2025).

В своем интервью Robert Crews, эксперт по Афганистану, России, Центральной и Южной Азии (Стэнфордский университет), констатирует:

“What they are doing with respect to women is a very intentional program to dismantle what the US, NATO, and various foreign actors did over 20 years. [...] So the status of women became inseparable from what they think is their struggle against foreign influence and against the Americans. It’s not just about gender narrowly, but about their vision for the country.” (“Control of women is foundational to the Taliban’s project” How life in Afghanistan has changed after the second Taliban takeover, Stanford University historian Robert Crews explains // Novaya Gazeta — Europe. 10.07.2023. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2023/07/10/control-of-women-is-foundational-to-the-talibans-project-en>).

Тем самым, дискриминация одной из групп населения на основании правовых дискурсов о контроле над гендером и сексуальностью используется как политика создания международных альянсов между радикально правыми политическими силами против демократических стран. Нарушение прав квир-женщин и давление на них в сегодняшней России является следствием аналогичного процесса, ставшего возможным после начала полномасштабной войны и международной изоляции. См., например, анализ того, как развитие прав трансгендерных людей в России на смену юридического гендерного маркера было связано с курсом на интеграцию страны в правовую систему ЕС: Die Rechtslage von LGBTQ-Personen im kriegsführenden Russland. Berlin: Quarteera e. V., 2024. S. 71–84, 83–83. URL: https://www.quarteera.de/de/projects/die_lage_von_lgbtq_personen_im_kriegsfuehrenden_russland/ (дата обращения: 15.07.2025).

число квир-женщин вынужденно уходит в социальное затворничество.

В ответах на открытые вопросы они часто сравнивали ситуацию до и после февраля 2022 года, отмечая резкий рост гомо- и трансфобного насилия на улицах и в общественных пространствах:

До войны у меня лично никогда такого не было, чтобы мужчины подходили на улице с орами и унижениями, когда я иду за руку с девушкой, а сейчас это происходит по нескольку раз в месяц, регулярно. [...] (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Поздно вечером я пошла на рынок, и меня чуть не побили. Кричали “гей”, и еще грубее. Я еле убежала. Слышу оскорблений в электричке. Раньше [до полномасштабной войны] этого не было. (Интервью, Олеся, Центральный ФО, маленький город)

За нами увязалась группа тинэйджеров в пригороде Петербурга, а потом подошли и спросили: “А вы женщины или полулюди?” (Интервью, Ирина, Северо-Западный ФО)

С безопасностью после февраля 2022-го года стало намного хуже. Обычные люди, которые смотрят телевизор, ходят по улице, особенно мужчины, они стали намного агрессивнее. Эта жестокость и безнаказанность очень чувствуется. [...] Когда я была в мужской одежде, прохожие за мной собирались драться за маникюр. Кто-то просто очень агрессивно смотрит, кто-то делает комментарии. [...] Я выходила из Макдоналдс, была в мужской одежде, подошел мужчина и сказал, давай я побью тебя за твой внешний вид. В другой раз я была в ресторане, в женской одежде. Даже не знаю, где я спалилась, я молчала и ничего не делала. Меня пристально рассматривали минут десять. Потом подошли ко мне и сказали, что меня надо избить и убить. [...] (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

Так, согласно опросу, **после 24 февраля 2022 года ощущение безопасности ухудшилось у подавляющего большинства квир-женщин в России** — так ответили 90,8% респонденток. Этот показатель ниже среди квир-женщин до 18 лет включительно (85,6%) и 46–55 лет (76%), что, вероятно, связано с меньшей вовлеченностью этих групп в социальные взаимодействия. Среди интерсекс-женщин доля тех, кто почувствовал снижение

безопасности, оказалась заметно ниже, чем в других подгруппах опрошенных нами респонденток — 68%. Эта особенность также интерпретируется через призму антигендерных нарративов и их связи с правым поворотом, часто это связано с тем, что общество и государственные институты отделяют проблемы интерсекс-людей от проблем ЛГБТК-сообщества, воспринимая их как врожденные особенности здоровья, а не как идентичность, и потому интерсекс-женщины в меньшей степени становятся целью гомо- и трансфобной риторики и квирофобного законодательства. Напротив, квир-женщины с выраженной негетеронормативной идентичностью чаще испытывают снижение чувства безопасности, что оказывается особенно болезненным.

Аналогично, уверенность в будущем после 24 февраля 2022 года снизилась у 64% интерсекс-женщин, тогда как среди би- и гомосексуальных цисгендерных женщин этот показатель составил 87,7%, среди транс-женщин — 87,8%, а среди небинарных персон — 86,8% (феминный спектр) и 81,6% (маскулинный спектр).

Квир-женщины, идентифицируемые обществом современной России как одновременно женщины и ЛГБТК+, ощущают себя исключенными и уязвимыми в условиях радикализации и милитаризации, вызванных войной, и воспринимают свое будущее как неясное из-за радикальной правой политики, ориентированной на патриархальную гомо- и трансфобную аудиторию участников.

79,5% опрошенных считают, что с 2022 по 2025 год количество случаев физического насилия против ЛГБТК-людей в России увеличилось. Наименьший показатель отмечен в Дальневосточном ФО (72,5%), наибольший — в Уральском ФО (82,5%). По уровню образования, больше всего таких респонденток среди обладательниц среднего образования (84,4%) и среднего специального (80%), меньше всего — среди закончивших высшее образование (76,3%) и с ученым степенью (73,3%), что отражает **прямую взаимосвязь между более высоким уровнем образованием и большим ощущением безопасности.**

Молодые квир-женщины чаще фиксируют рост насилия: 84,5% среди возрастной группы до 18 лет включительно, 80% — среди 19–25 лет, 71,2% — среди 36–45 лет, 72% — среди 46–55 лет. Это может быть связано с социальной тревогой и неготовностью более молодых квир-женщин к правоконсервативным изменениям в обществе под влиянием войны. Среди квир-женщин до 18 лет

включительно доля тех, кто считает, что насилие снизилось, выше, чем в других возрастных группах (1,8% против 0–0,5%), а процент затруднившихся ответить ниже (11,4% против 15,9–24%), что может отражать тревогу, стремление убедить себя в безопасности и непонимание реалий общества, в котором им предстоит жить. Несмотря на возрастные и региональные различия, во всех группах крайне высок процент квир-женщин, отмечающих рост физического насилия в России за последние три года. В отличие от высокой поляризации мнений среди младших участниц, наибольший процент затруднившихся ответить зафиксирован в старших возрастных группах (по 24% среди 36–45 и 46–55 лет).

Агрессия на улицах воспринимается многими квир-женщинами как не просто унизительная, но и опасная. Чувство безопасности становится значимым фактором в отказе квир-женщин от выхода на улицу или посещения каких-либо общественных мест. Этому способствует в том числе государственная гомо- и трансфобная риторика, а также действие репрессивных законов и признание экстремистской несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ”, воспринимаемые квир-женщинами как фактор, легитимизирующий насилие против них со стороны незнакомцев:

Из-за новых законов у меня появился постоянный страх будущего, мне кажется, что моя жизнь оборвется в любой момент или из-за случайного насилия на улице, от которого я ни физически ни с помощью полиции не смогу защититься. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Каждую секунду, проведённую за пределами своей квартиры, есть ощущение, что в любой момент может произойти что-то ужасное из-за моей принадлежности. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Да просто орут в спину, летят оскорблений и в лицо, харкаются, так как я выгляжу довольно нетрадиционно. Когда ходим изредка с девушкой за руку, становится очень стремно, так как все пялятся и проявляют агрессию: харкаются и [ругаются] в спину. Было несколько попыток физической расправы. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Стало страшно выходить по ночам, так как ходит какая-то компания неадекватов и избивает неконвенционально выглядящих людей. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, крупный город)

Чаще всего респондентки сообщали о немотивированной агрессии на улице со стороны незнакомцев. Цисгендерные женщины рассказывали, что нападения и оскорблении происходили, когда они появлялись на улице вместе с партнеркой или имели внешний вид, выходящий за рамки привычных для патриархальной нормы ожиданий, например короткую стрижку или гендерно-нейтральную одежду. При этом такие элементы внешности сами по себе не связаны с ЛГБТК-идентичностью, квир-культурой или символикой гордости. Подобные случаи отражают нормализацию в России — под влиянием войны и правого поворота — патриархального контроля над внешностью женщин, усиленного милитаризацией общества и квирофобной политикой государства. В аналогичной ситуации оказываются и цис-, и трансгендерные женщины, чья внешность воспринимается агрессорами как “неконвенциональная” и выходящая за рамки цисгетеронормативных представлений о феминности:

Критиковали, предъявили претензии за внешний вид случайные люди на улице иногда. (Асексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Меня оскорбляли просто за то, что у меня была короткая стрижка. (Гоморомантическая бисексуалка цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Незнакомые мужчины на улице угрожали физическим насилием за внешний вид (короткая прическа). (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Сибирский ФО, средний город)

Гадкие слова от незнакомцев или неблизких людей, сальные комментарии от лиц мужского пола. У меня неформальная внешность, так что гадости вслед прилетают периодически. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, крупный город)

Трансгендерные женщины особенно часто подвергаются уличному насилию. Их внешность — даже без элементов, выходящих за рамки предписанной патриархатом “нормы” — открыто комментируют и осуждают как якобы не соответствующую представлениям о женственности. Эти проявления стигматизации нередко перерастают в прямое трансфобное насилие, поддерживаемое и оправдываемое патриархальной культурой, усиленной милитаризацией и антигендерной риторикой государства:

Я пока не открыта как транс-женщина, совсем. Одеваюсь и выгляжу как обычный парень, единственное — это длинные (или средней длины, если сравнивать с женскими) волосы, за которые меня часто спрашивали учителя, однокашники и случайные мужики на улице. (Пансексуальная трансгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, маленький город)

В основном это были случайные прохожие, которые решили, что кидать угрозы на проходящего мимо них случайного человека — это хорошая идея. В 90% случаев это были мужчины 40+ лет. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

В основном [я сталкиваюсь с насилием] на улице из-за внешнего вида. В общественном транспорте. Инициаторы — люди, которых я не знаю. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

Просто идешь по улице. Дети обсуждают: “А это мужик или баба?” Подходят люди: “А ты что, из этих?” Недавно я ехала в общественном транспорте, две пожилые женщины обсуждали, что я слишком откровенно одета (в шорты), потом сказали: “Это мужик, видно же. Переделался в бабу и теперь ходит [в таком виде]”.

Были случаи с нападениями или же преследованиями за рамками работы или учебы. Ты можешь просто пойти в магазин, а по итогу нарваться на неприятности. Я не скажу, что выгляжу максимально феминно, нет. Но даже мои длинные волосы, которые я чаще всего прятала, или же высокий голос, который у меня никак не получается скрывать, срабатывает на людей словно красный флаг для быка. (Интервью, Белла, 19–25 лет, Сибирский ФО)

Важно отметить, что инициаторы уличной агрессии нередко прямо ссылаются на дискриминационные законы против ЛГБТК-людей, оправдывая ими свои действия в отношении тех, чья внешность или поведение не укладываются в цисгетеронормативные представления. **Враждебная антигендерная политика государства становится частью риторики ненависти**, с которой квир-женщины сталкиваются в повседневной жизни.

[Я была] на прогулке со своей девушкой, какой-то парень заорал нам, что “Россия без лесбиянок”. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Один раз шли с девушкой за ручку, гуляли, общались, ничего вызывающего не делали. К нам прикопался мужик средних лет в форме работника метро, скандируя, что у нас запрещено, чтобы две девочки за ручки ходили. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

В общественном транспорте перешептываясь на ушко с партнером, кондуктор начал оскорблять и утверждать на весь автобус о “законах ЛГБТ”, далее подключились еще попутчики мужского пола, что по закону могут выгнать из транспорта. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, средний город)

Пару раз, когда мы с партнеркой шли за руку, на дороге останавливались машины (водителями в обоих случаях были мужчины), открывали окно и кричали: “Лесбиянки е…чие, лесбухи, сдохните”. Было страшно, потому что они могли выйти из машины или еще что то в этом роде, и на это обращали внимание другие люди. (Бисексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, средний город)

Одним из триггеров, к которому апеллируют агрессоры, становится предполагаемое присутствие ЛГБТК-символики — при этом они склонны усматривать ее в самых разных элементах внешности или поведения¹⁹¹. При этом агрессия обусловлена не самой символикой, а готовностью агрессоров воспринимать ее как повод для нападения. В подобных ситуациях **агрессоры**

¹⁹¹ См., например: Путину пожаловались на мороженое с радугой — из-за “пропаганды” ЛГБТ. Тот согласился, что вопрос нуждается в контроле” // Медуза. 04.07.2020. URL: <https://meduza.io/shapiro/2020/07/04/putinu-pozhalovalis-na-morozhenoe-s-radugoy-iz-za-propagandy-lgbt-tot-soglasilsya-chto-vopros-nuzhdaetsya-v-kontrole> (дата обращения: 01.08.2025).

воспринимают квир-женщин как принадлежащих к враждебной группе и бросающих им вызов через мнимую “демонстрацию символики”. Тем самым бытовая гомо- и трансфобия перерастает в ксенофобию:

Друга избили на улице просто за мою радужную шапку. [...] Ехала ночью домой. За мной в метро увязался неадекват (я была с радужной символикой), шел за мной и следил, сел напротив в вагоне и показывал знаками, что убьет. Пришлось выйти на людной станции дальше от дома, чтобы ничего не произошло. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, крупный город)

Человек в торговом центре пристал к рюкзаку без каких либо знаков [ЛГБТК]-сообщества, но с трехцветными лямками, которые являются обычным цветастым рюкзаком от фирмы. Начал угрожать на пустом месте. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Однажды нас с моей девушкой почти избили просто за то, что мы шли за руки и пили кофе, даже не “прижимались” друг к другу или еще что-то. Они отстали от нас только после того, как я стала угрожать перцовой. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

Часто о случаях агрессии на улице сообщали трансгендерные женщины, для которых вербальные нападения нередко перерастали в сексуализированное или физическое насилие. О подобном опыте упоминали и небинарные персоны, отмечавшие, что маскулинная внешность делает их более уязвимыми к нападкам. Когда агрессоры воспринимают квир-женщину как сочетающую одновременно феминные и маскулинные черты, риск физического насилия значительно возрастает:

На меня и партнерку в автобусе напала группа пьяных мужчин, так как своим видом мы якобы глубоко задели их нравственные ценности, а таких, по их мнению, нужно “кошмарить”; кидались бутылками и снимали на телефон, хотели вытащить нас на улицу на ближайшей остановке, пока за нас не вступился другой пассажир. В другом случае до меня домогался мужчина в автобусе, прижался, трогал за ягодицы и бедра, от страха оцепенела, пока не доехала до своей остановки, на улице он последовал за мной и настойчиво предлагал познакомиться,

смогла оторваться от него на светофоре. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Дальневосточный ФО, средний город)

В общественных местах постоянно сталкиваюсь с оскорблениеми в свой адрес, иногда с малым физическим насилием в тех же местах. (Гетеросексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Случайные люди отпускали оскорбительные комментарии по поводу моей сексуальной ориентации и гендерной идентичности, критиковали мой внешний вид. В 2023-м когда я ездила в Москву на комиссию (для получения справки 087/у), я остановилась в хостеле. Там мне под дверь кричали “Пидор！”, в курилке обещали побить, один дедушка-постоялец посоветовал съезжать сегодня же, иначе они (агрессивно настроенные постояльцы) ко мне в комнату зайдут ночью. Я дедушке сказала спасибо и съехала. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, большой город).

Я идентифицирую себя, как женщина, но выгляжу маскулинино, из-за этого часто прилетает от старшего поколения в автобусе, на улице. Что-то вроде “не поймешь, ЭТИХ ВОТ, то ли девочка, то ли мальчик, какое-то “оно”, гадость какая”. Еще прилетает от подвыпивших гопников на районе, они воспринимают меня как гея и не раз грозились поймать и отпиздить. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Южный ФО, средний город)

Случайные мужчины на улице иногда угрожают применить насилие из-за внешнего вида (маникюр, феминная, но подходящая и парню одежда). (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Нельзя уже совершенно никак выражать свое мнение о политике и ситуации, и даже носить одежду какую хочешь, могут прикопаться в транспорте или на работе. когда одежда маскулинина, могут подойти и попросить “пояснить за шмотки”, а если феминная — только ловиши взгляды, но хотя бы не подходят. (Пансексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

На фоне войны и квирофобных законов против ЛГБТК-людей растет насилие. Показательные задержания, проводимые правоохранительными органами и активно освещаемые в СМИ как

медиаповоды для демонстрации давления на квир-сообщество, становятся частью общественной реальности. Милитаризованное общество начинает воспринимать их не только как допустимое поведение, но и как инструмент выражения гомо- и трансфобии, поддерживаемой государственной пропагандой “традиционных ценностей”. Некоторые респондентки рассказывали, что после новостей о рейдах полиции в клубах¹⁹² сотрудники и посетители развлекательных заведений сами начали проверять внешний вид и поведение людей. Паспортный гендерный маркер, который не совпадал с внешностью, часто использовался как повод отказать во входе в заведение.

Эти ситуации показывают, как страх перед возможными репрессиями, осуществлямыми на основе квирофобного законодательства и способные привести к дополнительным проверкам для бизнеса (в государстве, в котором отсутствует верховенство права¹⁹³), привлечению его к административной ответственности за “гей-пропаганду”, к крупным штрафам¹⁹⁴ или приостановлению деятельности на срок до 90 суток¹⁹⁵, и бытовая трансфобия объединяются в повседневной практике. Для квирженщин это означает ухудшение качества жизни, изоляцию, унижение и вынужденное ограничение социальных контактов:

...однажды человек в баре хотел вызвать на меня полицию, мол, я “притворяюсь женщиной”, как так можно. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, средний город)

В клубе, за якобы “тесный” контакт с девушки. Инициатором была сотрудница клуба. Запомощью не обращалась (оскорбления, угрозы). (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, маленький город)

192 Полиция провела рейд в клубе “Три обезьяны” в центре Москвы // Meduza. 07.06.2025. URL: <https://meduza.io/news/2025/06/07/politsiya-provela-reyd-v-klube-tri-obezyanы-v-tsentre-moskvy4> (дата обращения: 01.08.2025); Рейды вместо рейнов: что ждет гей-клубы в России // Медиа “Парни плюс”. 29.11.2024. URL: <https://parniplus.com/reviews/rejd-v-mesto-rejnov/> (дата обращения: 01.08.2025); В клубах РФ проводят рейды в рамках “борьбы с ЛГБТ” // Deutsche Welle. 08.12.2024. URL: <https://www.dw.com/ru/v-klubah-rf-provoda-rejd-v-ramkah-borby-s-lgbt-a-70993463> (дата обращения: 01.08.2025); Полицейские устроили очередной рейд в клубе Моно в Москве // Deutsche Welle. 12.04.2025. URL: <https://www.dw.com/ru/policejskie-ustroili-ocerednoj-rejd-v-klube-mono-v-moskve-a-72227834> (дата обращения: 01.08.2025); Преследования ЛГБТК+ в России в 2024: первые уголовные дела об экстремизме, рейды в клубах и аресты за радужную символику // Голос Америки. 03.01.2025. URL: <https://www.golosameriki.com/a/repressions-lgbt-russia-2024/7923569.html> (дата обращения: 01.08.2025).

193 По данным рейтинга WJP Rule of Law Index Россия занимает 113 (из 142) место в мире по данным за 2024 года, обогнав Беларусь (105 место), Либерию (109 место), Сьера-Лионе (110 место). URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2024/Russian%20Federation> (дата обращения: 01.08.2025).

194 Статья 6.21 КоАП РФ позволяет привлекать организацию к штрафу за “ЛГБТ-пропаганду среди людей всех возрастов” в сумме от 800 тысяч до 5 млн рублей за одно нарушение.

195 Одна из возможных санкций для юридических лиц по статье 6.21 КоАП РФ за “ЛГБТ-пропаганду среди людей всех возрастов”. Накладывается судом. В случае ее применения деятельность организаций по оказанию услуг прекращается на данный срок и бизнес теряет прибыль.

Мне запретили целоваться с девушкой в клубе, сказав, что я занимаюсь экстремистской деятельностью, и пригрозили, что если еще раз увидят, то выгонят. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, большой город)

Меня перестали пускать в некоторые ночные клубы из-за несоответствия [моей] феминной внешности и документов. Площадки боятся, что при облаве на их клуб я стану доказательством того, что у них собираются ЛГБТ-люди. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Таким образом, согласно данным нашего исследования, **бытовая квирофобная и трансфобная агрессия пересекается с рисками насилия со стороны правоохранительных органов, возникающими в том числе во время рейдов и проверок силовиков в публичных местах**. Особенно ярко это проявляется тогда, когда полиция и Следственный комитет РФ проводят внезапные проверки соблюдения закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” или решения Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме” на развлекательных и культурных площадках.

По данным опрошенных квир-женщин, их пребывание в публичных пространствах воспринимается ими как небезопасное: практически отсутствуют эффективные гарантии оперативной защиты в случае нападения, а вероятность столкнуться с оскорблениеми или физическим насилием высока и варьируется в зависимости от гендерной экспрессии и видимой принадлежности к ЛГБТК-сообществу. Поэтому в таких условиях **значительное число квир-женщин вынуждено ограничивать социальную активность и реже посещать публичные места**, стремясь сократить влияние на них указанных негативных факторов.

§2 Недоверие квир-женщин к правоохранительным органам

Насилие против квир-женщин на улице и страх посещения публичных мест как реакция на случаи этого насилия усугубляется другим фактором – недоверием к российским правоохранительным органам, в чью структуру входят полиция, Следственный комитет РФ и иные государственные органы, проводящие как проверку выполнения законодательства, так и принятия мер в случае

выявления нарушений (например, задержание, привлечение к административной и (или) уголовной ответственности).

Основными причинами недоверия к ним являются квирофобные законы и предпринимаемые государством меры по их выполнению, в частности рейды правоохранительных органов в ЛГБТ-клубах после вступления в силу в 2024 году решения Верховного Суда РФ о признании экстремистской несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ”.

Согласно проведенному нами опросу, после вступления в силу федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” 59,4% квир-женщин сообщили, что считают небезопасным обращаться в правоохранительные органы в случае, если они станут пострадавшими. Похожий страх, связанный с решением Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме”, отметили 54,7% опрошенных. Среди трансгендерных женщин эти опасения выражены сильнее, чем среди цисгендерных: 71,1% против 57,6% в связи со страхами применения к ним в таком случае федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” и 60,9% против 53,8% в связи со страхами применения к ним в таком случае решения Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме”.

Мы спросили респонденток об их опыте обращения в полицию и в Следственный комитет РФ с заявлениями о возбуждении дел в отношении агрессоров по фактам насилия в отношении квир-женщин и случаях отказа правоохранительных органов принимать такие заявления и расследовать факты насилия.

Согласно опросу, 1,7% квир-женщин получали такие отказы, предполагая что они связаны с принятием Верховным Судом РФ решения об “ЛГБТ-экстремизме”. Среди транс-женщин этот показатель был выше — 4,1% против 1,2% у цисгендерных женщин.

С действием федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов” такие отказы правоохранительных органов связали 2% квир-женщин в среднем по выборке. Среди трансгендерных женщин этот процент был также выше, чем среди цисгендерных женщин: соответственно 5,6% против 1,2% (илл. 41).

- Стали опасаться обращения в полицию после "закона об ЛГБТ-пропаганде"
- Связывают отказ правоохранительных органов расследовать факты нарушения их прав с законом "о запрете ЛГБТ-пропаганды"
- Стали опасаться обращения в полицию после решения ВС РФ о признании экстремистским "Международного общественного движения ЛГБТ"
- Связывают отказ правоохранительных органов расследовать факты нарушения их прав с решением ВС РФ о признании экстремистским "Международного общественного движения ЛГБТ"

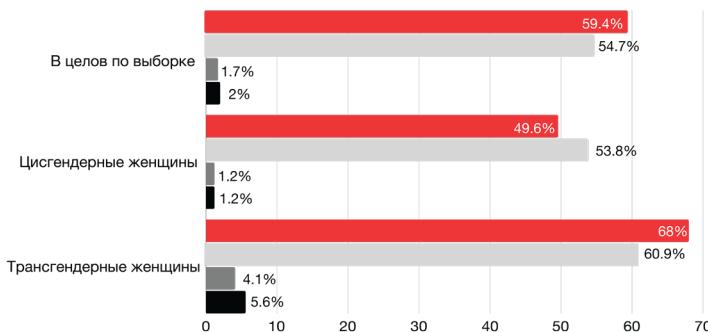

Иллюстрация 41. Влияние „закона о запрете ЛГБТ-пропаганды“ и решения ВС РФ о признании экстремистским „Международного общественного движения ЛГБТ“ на недоверие кир-женщин полиции (в %)

Во многих открытых ответах опрошенные кир-женщины отмечали, что с начала полномасштабной войны их чувство безопасности ухудшилось сразу по нескольким направлениям. Нередко они связывали угрозы гомо- и трансфобной агрессии на улице и в общественных местах с рисками внимания к ним со стороны полиции, действующей на основании кирофобных законов. Дополнительно они упоминали страх доносов на них в полицию со стороны посторонних людей. Вместе это формирует ощущение единой системы опасности, где бытовая дискриминация и действия властей, применяющих кирофобное законодательство, взаимно усиливают друг друга:

Все стали тревожными, осторожными, ибо теперь стало слишком небезопасно. Я иду с подругой за руку и боюсь. Я трясусь, когда вижу полицию, даже если выгляжу непримечательно. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Южный ФО, крупный город)

Появился страх снимать квартиры, хостелы, посещать публичные места с партнеркой, вдруг из-за невинного случайного или не случайного поцелуя потом придется оправдываться

в полиции. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, Центральный ФО, крупный город)

Все это вкупе влияет на понижение уровня безопасности: люди, готовые писать доносы, готовые ударить тебя, если ты против войны, полицейские на каждом углу, военные, возвращающиеся оттуда. (Бисексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Центральный ФО, маленький город)

Опрошенные квир-женщины описывают, что из-за законов против ЛГБТК-людей часто избегают обращения в правоохранительные органы и стараются разобраться самостоятельно в конфликтной ситуации. Сотрудники силовых ведомств нередко вызывают у квир-женщин не меньший страх, чем агрессивные люди на улицах:

Мне ничего не остается делать, кроме как промолчать и уйти. Я понимаю, что я абсолютно беззащитна, что эти люди могут сделать со мной все что угодно и никто их никак не накажет. ... До решения об экстремизме была еще какая-то надежда, что можно пойти в полицию. Сейчас эти шансы минимальны — и мои обидчики это тоже понимают. Раньше была надежда, что полиция разберется [...] Раньше со стороны полицейских, даже когда я организовывала митинги или участвовала в них, отношение не было таким негативным, как сейчас. (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

Когда я сталкиваюсь слюдьми в формах в общественных местах, у меня есть чувство, что это как с дикой собакой: не знаешь, что может сделать, что может спровоцировать агрессию, лучше не подходить. [...] Раньше, если бы что-то случилось, я бы подумала, что надо идти в полицию. Теперь при любом преступлении я дважды подумаю, не могу ли я справиться сама. Потому что я не хочу [допускать возможности,] что полицейский может взять мой телефон, посмотреть мои переписки. (Интервью, Эстер, Северо-Западный ФО)

Одна из респонденток описывает случай привлечения внимания полиции из-за ее внешнего вида: молодежного значка и синего цвета волос. Разговор о “любви к родине”, которые полицейские завязали с респонденткой, мог вестись с целью спровоцировать ее на какие-либо высказывания, противоправные в связи с введением после начала полномасштабной войны

военной цензуры¹⁹⁶ (например, в связи со ст. 20.3.3 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за “дискредитацию вооруженных сил РФ”):

Пару месяцев назад в метро полиция остановила из-за значка на сумке. Там был нарисован мемный гномик из “Гравити Фолз” (которого рвет радугой). Пару минут поговорили со мной насчет ответственности перед государством за свои поступки, спросили, люблю ли я свою страну, РФ (прям вот так, сначала свою страну, потом — Российскую Федерацию), поругали за [голубой] цвет волос (причем прям будто я им лично чем-то врежу через него...) и отпустили, сказав, что в следующий раз будет административный штраф. Все еще не понимаю, как мне нужно было реагировать на эту ситуацию и что вообще от меня хотели... из-за значка с детским мультиком. (Гетеросексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Другая трансгендерная женщина рассказала о том, что из-за трансфобии у нее нет возможности обратиться в полицию за защитой:

До перехода я работала в полиции как вольнонаемная работница, и мои серьги в ушах, длинные волосы, высокий голос подвергали меня постоянной критике за несоответствие стереотипам о мужественности. В полицию обращаться было бесполезно, потому что инициатором были коллеги в полиции. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

В своем интервью Мариэлла описывает произошедший в Московской области случай, когда полиция поддержала человека, решившего нарушить ее права, когда он узнал о ее гомосексуальной ориентации. В полиции гомофобное давление на пострадавшую продолжилось уже со стороны сотрудников полиции:

Летом у нас сломалась машина, мы отвезли ее в автосервис, ремонт оценили в 80 тысяч рублей. Мы заплатили и оставили машину ... Через две недели забрали, но поломка произошла

¹⁹⁶ После 24.02.2022 года в России заблокированы сайты всех независимых медиа, а с 28.12.2023 года Роскомнадзор получил полномочия по блокировке любой информации в Интернет, связанной с действиями российской армии и оценкой ее действий, в том числе в Украине (Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” от 27.07.2006 N 149-ФЗ, статья 15.3, новая редакция). Кроме того, с 04.03.2022 года введены в действие статья 20.3.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях, статьи 207.3 и 208.3 Уголовного Кодекса РФ, предусматривающих административную и уголовную ответственность за распространение информации о войне России в Украине, оценка которой расходится с официальной оценкой российских властей. Максимальное наказание — до 15 лет лишения свободы за одно высказывание.

снова ... Мы вернули машину в автосервис, владелец обещал исправить по гарантии. ... Далее в течение нескольких месяцев владелец неохотно выходил на связь, не возвращал машину, говоря, что ждет запчастей ... В итоге он позвонил, сказал, что можно забирать машину, стоимость 200 тысяч. Я спросила, как же так, гарантийный ремонт. На что он ответил: “Для таких как вы — 200 тысяч. Платите, или машина остается у меня”. [...] У меня оставались ключи, и поздно вечером я просто пришла за своей машиной. [...] Я завела ее, поехала на ней в сторону Москвы ... По дороге нас догнали несколько мужчин, угрожая сбросить нас в кювет. ... Я вызвала полицию, машину задержали. Потом перезвонили из полиции по моей заявке: “Произошла ошибка. У владельца автосервиса сегодня геи угнали машину”. [...] Потом меня вызвали в полицию. Вчетвером начали на меня давить, что я должна заплатить 200 тысяч, что я должна написать расписку, что буду платить в рассрочку. Потом капитан полиции говорил: “Если бы я о вас знал то же, что и владелец автосервиса, я бы сам вас сбросил в кювет”. [...] А поломка так и не была устранена, и машину пришлось ремонтировать дополнительно. [...] Видимо, они догадались, [что мы с девушкой стоим в отношениях], потому что мы всегда были вместе, при этом у нас разные фамилии и мы забираем машины друг друга. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Во многом недоверие квир-женщин к полиции связано со случаями полицейских рейдов в клубах. Чаще всего рейды проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске и Оренбурге и начались вскоре после того, когда 30 ноября 2023 года Верховный суд РФ признал экстремистской несуществующую организацию “Международное общественное движение ЛГБТ”. Участницы исследования, оказавшиеся на таких рейдах, рассказывали, что полицейские вели себя грубо и относились к посетителям клубов как к преступникам. Задержанных нередко снимали на видео, а затем эти записи с открытыми лицами публиковались в Интернете. В ряде случаев применялось и физическое насилие — полицейские избивали задержанных. Однако квир-женщины опасались обращаться в правоохранительные органы с заявлениями о привлечении таких полицейских к ответственности по закону, поскольку опасались применения к ним квирофобных законов.

Мы там были с моей девушкой. Вломилась толпа мужчин в черном. Нас всех положили лицом в пол. [...] Искали [ЛГБТ-] символику и наркотики, но не нашли ни того ни другого. Персону,

которая лежала рядом со мной, с мужскими документами и в женском платье, подняли и сняли на камеру. [...] [Также на камеру] ее спрашивали, [как ее зовут], готовили она прямо сейчас поехать на войну. Потом видео оказалось в Интернете, некоторые медиа перепостили его с незаблуренными лицами. [...]

На выходе фотографировали нас и наши паспорта. [...] К одной девушке полицейские затем приходили в вуз и предлагали ей “стучать”.

Я испугалась, что на мне были браслеты с маленькими пацификами. [...] В итоге браслетики выехали в моем декольте. [...] Было ощущение, что за любую мелочь [могут быть проблемы].

Нас записывали на видео, как мы лежим, потом видео без заблуренных лиц оказалось в Интернете.

У меня обострились ментальные сложности, мне констатировали депрессивный эпизод, пришлось повысить дозу антидепрессантов. Мне до сих пор тяжело и страшно об этом вспоминать. (Интервью Алена, Северо-Западный ФО)

В тематический ночной клуб, который я ходила, ворвались в октябре 2024 года силовики и участники “Русской общины”, людей избивали дубинками и грубо разговаривали, фоткали без разрешения, у всех спрашивали паспорта в попытке выловить несовершеннолетнего. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, средний город).

Такие случаи способствуют формированию у квир-женщин страха перед взаимодействием с правоохранительными органами. В условиях роста бытовой гомо- и трансфобии на улице и в общественных местах, а также распространенного восприятия ЛГБТК-людей как “преступников” или “экстремистов”, квир-женщины в России все чаще воспринимают правоохранительные органы не как институт, обеспечивающий защиту и порядок, а как структуру, которая сама может стать источником насилия.

§3 Насилие против квир-женщин со стороны участников войны

С начала полномасштабной войны России в Украине исследователи и журналисты освещают истории насилия со стороны участников этих боевых действий¹⁹⁷. Зачастую участники войны не получают должного лечения, страдая ПТСР, и при этом фактически остаются безнаказанными после насилия, совершенного в отношении квир-людей. В настоящем исследовании нам удалось собрать описания нескольких случаев насилия участников этой войны против квир-женщин.

Рассматриваемая проблема включает в себя два больших компонента:

- первый — освобождение преступников от наказания за совершение насилия (в том числе в отношении квир-женщин), если они соглашаются заключить контракт на военную службу и уйти воевать в Украину в составе вооруженных сил России. Это порождает безнаказанность агрессоров, поощряемую государством на законодательном уровне и на практике.
- второй — возвращение участников боевых действий с войны в мирную жизнь и воспроизведение ими там агрессии в отношении тех людей, кто не соответствует их представлениям о “нормальности”. И в этом случае агрессоры могут вновь избежать наказания, если продолжат воевать против Украины.

Эта модель, созданная российскими властями после 2022 года, провоцирует новые круги насилия и лишает пострадавших уверенности в том, что закон их защитит в случае насилия, что преступники будут наказаны, а потерпевшие получат надлежащие компенсации.

В военной России в привилегированном положении оказываются агрессоры, а не пострадавшие. Такое искажение реальности, активно поддерживаемое государственной пропагандой и дезинформацией, — это прямое следствие войны, которая не только изменила социальную структуру общества,

¹⁹⁷ Военных стали чаще судить за убийство и сексуализированное насилие // Важные истории. 17.04.2024. URL <https://istories.media/news/2024/04/17/sudi-voennogo-vremeni/> (дата обращения: 01.08.2025); Число военных, осужденных в РФ за убийство, выросло в 9 раз // Радио Свобода. 17.04.2024. URL: https://www.svoboda.org/a/chislo-voennyh-osuzhdyonyh-v-rf-za-ubiystvo-vyroslo-v-9-raz/_32909386.html (дата обращения: 01.08.2025).

но и “отменила” многие дооценные завоевания в области прав человека, обеспечения неотвратимости и справедливого наказания, предотвращения агрессора новых преступлений и защиту пострадавших от насилия.

Как известно, 21.09.2022 года российские власти объявили мобилизацию, которая юридически не прекращена, а ее режим действует до сих пор¹⁹⁸. По словам чиновников, призывать в 2022 году планировали более 300 тысяч человек¹⁹⁹.

Впоследствии российские власти стали рассматривать дополнительные варианты, чтобы мобилизовать на войну России против Украине еще больше людей. Так, с 24.06.2023 года (за месяц до запрета в России трансгендерного перехода) в России начали действовать изменения в законодательстве²⁰⁰, согласно которому некоторые осужденные получили право заключить контракт на военную службу в обмен на освобождение от отбывания уголовного наказания или снятие судимости. 24.03.2024 года этот закон был отменен²⁰¹ и вместо него вступили в силу два новых закона, которые значительно расширили возможности подозреваемых, обвиняемых и осужденных освободиться от уголовной ответственности и уголовного наказания в обмен на участие в военных действиях России в Украине²⁰². Согласно им, те, кто совершили преступления, независимо от того, были они осуждены и отбывали наказание или не были осуждены, но в отношении которых расследовалось уголовное дело, имели право заключить контракт на военную службу. В этом случае они направлялись в зону боевых действий России в Украине. Такие лица освобождались от уголовной ответственности, если в ходе войны получали государственную награду или увольнялись с такой “службы” после достижения предельного возраста нахождения на ней (как правило, 65 лет), по состоянию здоровья (аналогичное должно произойти в случае окончания мобилизации).

198 Указ президента Российской Федерации от 21.09.2022 г. № 647 “Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации”.

199 Что известно о частичной мобилизации в России // РБК. 29.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/632ab4539a7947833bea81d> (дата обращения: 01.08.2025).

200 Федеральный закон от 24.06.2023 N 270-ФЗ “Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции”.

201 Федеральный закон от 23.03.2024 N 61-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон „О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации”, статью 34 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе” и признании утратившим силу Федерального закона „Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции”.

202 Федеральный закон от 23.03.2024 #64-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”; Федеральный закон от 23.03.2024 N 61-03 “О внесении изменений в Федеральный закон „О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации”, статью 34 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе” и признании утратившим силу Федерального закона „Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции”.

При этом, как правило, неважно, в каких преступлениях обвинялись подозреваемые, обвиняемые или осужденные²⁰³. Заключить такой контракт могли и могут лица, совершившие убийства, физическое или сексуализированное насилие (за исключением случаев, когда оно совершено в отношении несовершеннолетних), грабежи и иные преступления, в том числе насильственные.

Таким образом, государство предложило сделку по схеме: “мы тебя прощаем, если поедешь воевать в Украину”. Соответственно, это высвободило из российской пенитенциарной системы тысячи человек, которые совершили насильственные преступления.

Временный или постоянный их возврат из зоны боевых действий в регионы России, не охваченные войной, часто влечет рост насилия в отношении выглядящих неконвенционально людей, в том числе квир-женщин. В России отсутствует государственная статистика насильственных преступлений и нападений бывших или настоящих участников боевых действий в Украине на других людей. Вычислить ее иными способами практически невозможно. Однако респондентки, которые приняли участие в опросе, сталкивались с такими случаями или ограничили свое поведение из-за того, что узнали о таких случаях из средств массовой информации или своих знакомых.

Собранные истории показывают, что возвращение из зоны боевых действий травмированных людей является важным фактором роста насилия против квир-женщин, а также их страха за свою безопасность из-за негетеронормативной внешней презентации:

Я почти не выхожу из дома, потому что ко мне пристал пьяный армеец в моем пограничном городе, в пекарне. Не понимал слов отказа от знакомства, и мой брак его не убеждал в моей недоступности. Мне помогли сбежать очевидцы, отвлекшие его по формальным причинам, и с тех пор я избегаю нелюдных магазинов, праздных прогулок и темного времени суток — потому что при виде человека в камуфляже, которых тут много, я ожидаю от них беду, ведь они ощущают вседозволенность и безнаказанность, а отказ даже без предъявления моей идентичности порой сопровождается претензией: “Ты что, лесбуха?” [...] Я испытываю кризис, ведь до войны мне никто не говорил таких претензий, то есть достаточно было просто

²⁰³ Исключения установлены Федеральным законом от 23.03.2024 №64-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”.

молчать, а теперь от меня в превентивном порядке требуется заявить гетеронормативность... (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, средний город)

Я регулярно сталкиваюсь с дискриминацией от мужчин из-за короткой прически. Прохожие на улице говорят мне в спину, что я не девушка, а мальчик. Среди прохожих были и участники "СВО". (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Случаи насилия против квир-женщин также позволяют увидеть, что гомо-итрансфобия являются важной составляющей в агрессивном поведении бывших участников войны. В таких случаях агрессоры воспринимают нецисгетеронормативные элементы во внешности квир-женщин (например, длину волос) как сигнал для проявления враждебности.

Пьяный военный, видимо, вернувшись с войны, домогался в магазине, угрожая из-за внешнего вида (короткая стрижка), связывая [ее] с [гомосексуальной] ориентацией. (Пансексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Длина волос ... стала причиной угроз от другого комбатанта. Это не вылилось в акт насилия лишь по той причине, что его вывели из подсобных помещений (проникновение куда уже является причиной для работы полиции) раньше, чем он нашел меня. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, небольшой город)

Сигналом для агрессии может стать не только восприятие агрессором человека как квир-женщины, но и место ее работы. Триггером агрессии здесь также становятся правоконсервативные паттерны нравственности (основанные на понимании агрессорами "традиционных ценностей") и связанное с ними табу на публичное проявление сексуальности. В распознавании участниками войны таких паттернов можно увидеть прямое влияние антигендерной государственной пропаганды. В интервью с Мартой описывается один из таких случаев агрессии участника войны в секс-шопе, где работала подруга Марты:

Были три случая, когда мне было очень страшно. Опасные или просто мерзкие случаи с агрессией военных на улице встречаются постоянно, примерно раз в два-три месяца. О таких случаях мне иногда рассказывают подруги — у нас это уже превратилось в анекдот, из серии обсмеять и забыть... Моя знакомая работает в секс-шопе. Она рассказывала, как ночью в магазин пришел участник войны. Долго рассматривал продукцию ... потом разбужился, что все продавцы в этом заведении — нехристи, что не за то он пошел воевать. Продавец была вынуждена полтора часа прятаться в кладовке, по камерам следя оттуда, как участник войны громко возмущается, записывает видео и фотографирует. (Интервью, Марта, Северо-Западный ФО, крупный город)

В антигендерной риторике и в транс-эксклюзивных подходах к феминизму цис- и трансгендерных женщин нередко противопоставляют, исходя из того, что якобы только цисгендерные женщины уязвимы перед сексуализированным насилием со стороны цисгетеро-мужчин. Однако в условиях всплеска насилия в воюющей России **трансгендерные женщины так же, как и цисгендерные, сталкиваются с нарушением сексуальной неприкосновенности**. Это показывает антигуманный и дискриминационный характер попыток выделять трансгендерных женщин в отдельную социальную категорию, отличную от цисгендерных женщин. В интервью Олеся рассказывает о том, как стала жертвой насилия со стороны участника боевых действий — к сожалению, такие истории становятся типичными для России на третий год полномасштабной войны²⁰⁴:

Меня угораздило встречаться с военным [участником войны]. Отношения были, он ко мне приезжал, все было нормально. Потом он позвал меня к себе домой, много выпил. Сделал предложение, но я отказалась. [...] Вышли его родственники, сказавшие мне, что он же убийца, у него несколько контузий, ПТСР. Ему снесло крышу... В итоге у его сестры несколько переломов, его мать тоже где-то там валялась. А меня с ножом у горла насиливали при них. Потом я бежала, уехала на такси. [...] [Поскольку] он штурмовик, должен был через неделю возвращаться в зону боевых действий, я решила [не рисковать и] не обращаться в полицию.

²⁰⁴ См., например, прецедент, когда полицейский отказывался принять у пострадавшей заявление об изнасиловании, мотивируя это тем, что преступники скоро возвращаются на фронт: https://t.me/novaya_europa/29248; см. также об отказе полицейских возбуждать дело против участника войны по заявлениям сразу двух пострадавших: Военный из Приморья насиливает девушек и держит в страхе село. Рассказ жертв и его самого // Дождь. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7urgjCl7GP8> (дата обращения: 16.07.2025).

Уже упомянутая респондентка также говорит о бездействии полиции в случае, когда участник войны напал на нее в публичном месте. Готовность полиции закрывать глаза на преступления, совершаемые участниками войны, может приводить к тому, что преступления будут повторяются:

На меня прямо на рабочем месте напал комбатант, вернувшийся с фронта. Все, что я получила в полиции, это слова о том, что так как он является военнослужащим с фронта — они мало что могут сделать, и предлагали забрать заявление.

С данным человеком я сталкивалась дважды, к счастью, обошлось без особых травм. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, небольшой город)

Бездействие полиции в случаях, когда в совершении преступлений обвиняются участники войны, а также наличие гомо- и трансфобных мотивов в их насильственных действиях, подчеркивают незащищенность квир-женщин в воюющей России.

Проблема агрессии со стороны вернувшихся с войны усугубляется тем, что невозможно точно предсказать, что может спровоцировать нападение. Несколько респонденток описали случаи, когда сталкивались с насилием просто во время прогулки, не услышав при этом никаких гомо- или трансфобных высказываний:

Видимо проездом, я надеюсь, в нашем городе проезжали "СВОшники". Двое мужчин вели себя очень агрессивно и приставали. Мы были с ребенком, наверное, это нас и спасло, но таких людей я не видела никогда до этого. После этого мы уже стали задумываться о переезде. Они так же приставали к нашей подруге (не квир), пытались с ней познакомиться, говорили, как они защищают ее на "СВО", на ответ "Спасибо" (она старалась быть вежливой), ответили: "Че, только спасибо?" (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, небольшой город)

В Ярославской области на нас набросился мужик с кулаками. Разбил лицо моей девушке и вывихнул мне плечо. [...] Моя девушка носила медицинскую маску ... Мужчина преследовал нас, потом перекрыл дорогу. Смотрел на нас, потом спросил, почему моя девушка в маске, и потребовал ее снять. [...] Около Белорусского вокзала в Москве участник войны требовал денег

на алкоголь. Приблизился к нам, стал агрессивно требовать у нас. [...] По всем этим поводам я обращалась в полицию, но ни одно из пяти моих заявлений не было принято. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

Легитимация в России безнаказанного насилия со стороны участников войны, воспринимающих себя как “героев” или “новую элиту”, объявляемых таковыми в государственной пропаганде ради получения их идеологической лояльности, создает серьезную угрозу для квир-женщин. Трансгендерные женщины оказываются в особенно рискованном положении, сталкиваясь с более высокой агрессией, чем цисгендерные женщины, в контексте патриархальной идеологии, поощряемой государственной пропагандой.

Кроме того, **триггером насилия со стороны обидчиков может служить усмотренное ими несоответствие внешности или поведения квир-женщин конвенциональным представлениям о феминности**. Такая логика сопровождает трансфобный радикализм и антигендерную риторику с начала 2000-х годов. Талия Мей Беттчер выделяет феномен “обмана” как аргумента, которым правые политики и журналисты оправдывают преступления на почве ненависти против трансгендерных женщин. В частности, Беттчер анализирует риторику, оправдывающую убийство трансгендерной девушки Гвен Араухо в Калифорнии осенью 2002 года тем, что жертва “обманула” убийца “надругалась” над ними²⁰⁵. В частности, Беттчер цитирует статью Зака Калефа (Zach Calef) в “Iowa State Daily”, в котором Гвен Араухо описывается как мужчина и обвиняется в том, что спровоцировала своих убийц обманом по поводу своего гендера:

Мужчины сделали то, что они сделали, потому что Араухо изнасиловали их. Он использовал ложь и обман, чтобы склонить их заняться сексом. Он не был честен с ними — в противном случае ничего бы не случилось. Речь не может идти о преступлении на почве ненависти. Его убили не потому, что он был кросс-дрессером. Эти мужчины были действительно изнасилованы. Над ними надругались²⁰⁶.

205 См.: Bettcher, T. M. Evil Deceivers and Make-Believers: On Transphobic Violence and the Politics of Illusion // Нуратиа. 2007. Vol. 22. № 3. P. 43–65.

206 Для лучшего понимания трансфобной риторики, в цитате сохранен неверный гендер. Цит. по: Ibid. “The men did what they did because Araujo violated them. He used lies and deception to trick them into having sex. He was not honest with them, and had he been, none of this would have happened. A hate crime should not even be considered. No one killed him because he was a cross-dresser. These men were truly violated. They were raped”.

Логика “наказания за обман” активно форсируется правопопулистскими политиками в качестве инструментария антигендерной повестки. В России эта логика усугубляется контекстом агрессивной войны и милитаризации, которые в принципе подняли в обществе градус физического и сексуализированного насилия, а также прямого поощрения государством ненависти к ЛГБТК-людям (особенно через отождествление их с экстремистами). Все квир-женщины при этом оказываются под потенциальной угрозой нападения со стороны травмированных участников войны — как феминные люди, воспринимаемые более слабыми, а также обязанными удовлетворять представлениям о конвенциональной внешности и поведении женщин. Как показывают приведенные случаи, под воздействием правоконсервативной шовинистической пропаганды участники войны чувствуют себя вправе подобным образом контролировать общественные нормы.

§4 Воинский призыв и насильственная мобилизация как источник насилия против трансгендерных женщин

Война России в Украине привела к возникновению новых проблем и практик, связанных с насильственным призывом квир-женщин в российские вооруженные силы, а также усугубила уже существовавшие к тому моменту проблемы.

По закону и на практике квир-люди могут быть призваны на срочную военную службу (в возрасте от 18 до 30 лет) и по мобилизации (те, кто прошел срочную военную службу; те, кто ее не прошел, но уже находится “в запасе” (то есть старше 30 лет), и лица с женским гендерным маркером в документах, имеющие военно-учетную специальность), которая была объявлена 21.09.2022 года. Активная часть мобилизации прошла осенью 2022 года, она в настоящее время уже не проводится, но официально и не завершена²⁰⁷.

При этом эти проблемы в большей степени затрагивают трансгендерных женщин, хотя в некоторых аспектах могут касаться и квир-женщин (например, при призывае на военную службу по мобилизации при наличии у них военно-учетных специальностей).

²⁰⁷ Указ президента Российской Федерации от 21.09.2022 г. № 647 “Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации”.

В Российской Федерации действует система воинского призыва на срочную военную службу, который на момент лета 2025 года проходит дважды в год (весной и осенью) и под действие которого попадают все граждане страны с мужским юридическим гендерным маркером в возрасте от 18 до 30 лет, не освобожденные от такой службы, не имеющие ограничений по здоровью или отсрочек от призыва (самая распространенная из них – отсрочка для получения образования). Для обеспечения призыва действует система воинского учета, на которой по закону обязаны встать все граждане страны с мужским юридическим гендерным в возрасте старше 16 лет.

Обязательный, всеобщий и при этом гендерно-маркированный характер системы воинского учета и призыва на военную службу делает ее значимым источником тревоги и депрессии для трансгендерных женщин, не сменивших юридический гендерный маркер с “мужского” на “женский”, заставляя их переживать гендерную дисфорию. На это накладываются повсеместные практики злоупотреблений и патриархального насилия в системе военной службы и призыва, создавая у трансгендерных женщин страх столкнуться с унижениями, оскорблением, а также сексуализированным или физическим насилием. Эти страхи усугубляются отсутствием механизмов защиты и социальной поддержки, что делает трансгендерных женщин особенно уязвимыми. **Поскольку в современной России трансгендерные женщины больше не могут изменить гендерный маркер в документах, риски тех из них, кто не успел этого сделать до принятия соответствующего законодательного запрета в июле 2023 года, сегодня возрастают.**

Милитаризация государства привела к тому, что оно рассматривает всех, кто потенциально может воевать в Украине, в качестве заложников государственной системы. С 14.04.2023 года в России вступил в силу закон²⁰⁸, который изменил систему призыва на срочную военную службу: он предусмотрел цифровизацию призыва на военную службу и дополнительные меры ответственности за нарушение законодательных изменений. Его основа – создание электронного единого реестра воинского учета (для внутренних целей призывных комиссий) и электронного реестра направленных и врученных повесток (для взаимодействия

208 Федеральный закон от 14.04.2023 №127-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

с призывниками и иными лицами, состоящими на воинском учете)²⁰⁹. Первый заработал 15.09.2024 как база данных²¹⁰, а с 9 мая 2025 года заработал сайт реестра повесток²¹¹. Реестр воинского учета включает в себя все имеющиеся у государства персональные данные в отношении военнообязанных, в том числе данные медицинского освидетельствования и наблюдения. Реестр повесток служит для вызова призывников на мероприятия воинского призыва.

Согласно изменениям, на воинский учет могут поставить любого человека дистанционно без его личной явки в военкомат (по сведениям военкомата), а человека известят об этом факте через цифровые государственные сервисы. Также будет обстоять ситуация с призывом на срочную военную службу (распространяется на лиц от 18 до 30 лет с мужским юридическим гендерным маркером): призывная комиссия направит повестку на призыв по обычной почте и параллельно разместит ее в реестре повесток, с даты размещения повестки в электронном реестре (независимо от факта ее получения) призывнику будет запрещен выезд за пределы Российской Федерации²¹². В этом случае у трансгендерных женщин, не сменивших документы и не получивших заключение психиатра о наличии у них диагноза “Транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10), подтвержденного врачебной комиссией на базе военкомата (часто только после обследования в стационарном отделении психоневрологического диспансера не менее 21 календарного дня), остается четыре способа реагирования на ситуацию:

- пересилить страх и социальную стигматизацию и пройти врачебную комиссию на базе военкомата, добившись признания наличия диагноза “Транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10), который освобождает от призыва на срочную военную службу, но не освобождает от призыва по мобилизации,
- быть призванной на срочную военную службу в военной России (в случае, если она проактивно не заявила о наличии у нее трансгендерности, врачи

²⁰⁹ Реестр повесток. URL: <https://xn--b1afabzvcgegkfhg.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.08.2025).

²¹⁰ Жители некоторых регионов России получили уведомления о том, что их включили в реестр воинского учета // Meduza. 10.07.2025. URL: <https://meduza.io/news/2025/07/10/zhiteli-nekotoryh-regionov-rossii-poluchili-uvedomleniya-o-tom-chto-ih-vklyuchili-v-reestr-voinskogo-ucheta> (дата обращения: 01.08.2025).

²¹¹ В России заработал реестр электронных повесток // Meduza. 09.05.2025. URL: <https://meduza.io/news/2025/05/09/v-rossii-zarabotal-reestr-ekstronnyh-povestok> (дата обращения: 01.08.2025).

²¹² Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 07.07.2025) „О воинской обязанности и военной службе“. статья 7.1, пункт 1.

не поставили ей диагноз “Транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10) или врачи не подтвердили его после обследования в психоневрологическом диспансере, а меры обжалования не привели к постановке такого диагноза и связанного с ним освобождения от призыва на срочную военную службу),

- уклоняться от явки по повестке и призыва на военную службу, а в случае выявления такого нарушения быть подвергнутой уголовной ответственности²¹³,
- заранее решить, что готова вместо военной службы по убеждениям совести на замену военной службы альтернативной гражданской службой, и пытаться добиваться ее в течение длительного времени, несмотря на сопротивление системы призывных комиссий. При этом даже в таком случае она может быть направлена в военные части, но в качестве гражданского персонала, то есть по сути обслуживать военных, что часто все равно не совместимо с убеждениями человека, который решил не воевать и не помогать вооруженным силам вующей страны в этом.

Если же лицо не явится по такой повестке в течение 20 дней с даты, указанной в ней, то государство запретит ему/ей применять облегченный налоговый режим самозанятой, дарить или продавать свою недвижимость, управлять транспортным средством, регистрировать его за собой в рамках государственного учета, а также заключать договоры ипотеки, кредита, займа. По современным условиям в России это достаточно большой объем ограничений, которые могут быть сняты только после личной явки в военкомат по повестке. Эти ограничения распространяются не только на призывников на срочную военную службу, но и на всех, кто обязан состоять на воинском учете или состоит на нем (в том числе цисгендерных квир-женщин, если они имеют военно-учетные специальности).

Несмотря на то, что фактически всеобщая мобилизация на военную службу сейчас в России пока не проводится, тем не менее она может быть возобновлена в любой момент. Поэтому введенная система цифровизации воинского учета и призыва

213 Статья 328 Уголовного Кодекса РФ, предусматривает наказание от штрафа до 200 тысяч рублей до 2 лет лишения свободы.

может привести к тому, что отказывающиеся от участия в войне трансгендерные женщины, не сменившие документы (в случае мобилизации они подлежат призыву по этому основанию, несмотря на наличие диагноза “Транссексуализм” (F64.0 по МКБ-10)), будут подвергаться репрессиям за отказ брать в руки оружие.

В милитаризованной России трансгендерные женщины особенно остро ощущают свою уязвимость и отсутствие социальных и правовых институтов, которые позволили бы им жить полноценной жизнью. Особый страх вызывает не только ежегодный призыв, но и возможная насильственная мобилизация. В этом страхе для трансгендерных женщин соединяются несколько факторов: отношение государства, которое после начала войны лишило их права на смену гендерного маркера; опыт насилия; ощущение социальной незащищенности; гендерная дисфория. Например, этот страх может возникать из-за отсутствия накоплений для выезда из страны в случае неправового преследования или невозможности получить базовое юридическое признание и правосубъектность в своем гендере. Такой комплекс угроз и ограничений напрямую влияет на возникновение устойчивого депрессивного состояния, суицидальных мыслей, постоянной тревоги и отсутствие уверенности в будущем.

Постоянный риск мобилизации заставляет задумываться над суицидом, везде постоянно ходят мужчины с оружием и смотрят на тебя как на животное какое-то в силу феминной внешности. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, средний город)

После закона о запрете транс-перехода стало психологически очень сложно. Из-за угрозы срочной службы появились сильные суицидальные мысли. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

Мы попросили респонденток, которые испытывают или испытывали потребность в трансфеминном переходе (то есть, тех, чей юридический гендерный маркер “мужской” или когда-то таким был) оценить уровень тревоги, которое вызывает у них возможное взаимодействие с военкоматом.

Среди тех трансгендерных женщин, которые не сменили гендерный маркер, средний уровень страха перед взаимодействием с военкоматом составил высокое число 7,09 из 10. Это примерно в два раза больше, чем среди транс-женщин, сменивших гендерный

маркер: 4.39. Существенно, что даже смена гендерного маркера на “женский” не снимает высокий уровень страха. Одним из объяснений может быть ощущение транс-женщин, что статус их нового “женского” юридического гендерного маркера не является полноценным, абсолютным и необратимым, что российские власти регулярно подчеркивают (см. подробнее в гл. 5.2)²¹⁴.

В современной милитаризованной стране трансгендерные женщины, взаимодействуя с военкоматами и системами призывных комиссий, вынуждены часто делиться информацией о своем трансгендерном статусе (вынужденный каминг-аут) для попытки получить освобождение от призыва на срочную военную службу (не по мобилизации). Система получения такого освобождения от призыва на срочную военную службу включает в себя несколько этапов. Желательно получение справки от психиатра о наличии диагноза F64.0 “Транссексуализм” по МКБ-10, затем сообщение об этом в военкомат, затем раскрытие этого статуса у психиатра и терапевта врачебной комиссии на базе военкомата, затем получение от врачебной комиссии военкомата направления на прохождение стационарного (очного) обследования в государственном психоневрологическом диспансере не менее чем в течение 21 календарного дня (по практике, срок нормативно не урегулирован), прохождении такого обследования (обсуждая и доказывая свою трансгендерность с психиатрами, психологами и, если в составе диспансера работают сексологи, то с ними, наличие у них трансгендерности согласно медицинским критериям (F64.0 “Транссексуализм” по МКБ-10)). После этого возможно подтверждение такого диагноза врачебной комиссией, и затем на основе ее решения призывная комиссия вправе вынести решение о том, что на срочную военную службу такая трансгендерная женщина не годна. На каждом из таких этапов трансгендерная женщина с мужским юридическим гендерным маркером вынуждена доказывать свою трансгендерность.

При этом необходимо не только знать эти процедуры, но и иметь силы и уверенность для прохождения каждого непростого этапа. Поскольку Россия отказалась переходить на МКБ-11, где трансгендерность (гендерное несоответствие) депатологизирована, юридический статус трансгендерного человека в этой стране зависит не от его самозаявления, а от

214 См, например: “Шесть или пять полов напридумывали. Трансформеры, транс...” Кратчайший пересказ пресс-конференции Путина после саммита G20 // Meduza. 29.06.2019. URL: <https://meduza.io/paragraph/2019/06/29/shest-ili-pyat-polov-napridumyvali-transformery-trans> (дата обращения: 01.08.2025).

того, диагностирует врач трансгендерность по медицинским критериям или нет. При этом на врачей, работающих в системе воинского призыва, активно действуют процессы, происходящие в российском обществе. На их представления о трансгендерных людях могут влиять не только разработанные ими внутренние критерии трансгендерности, но и российские анти-гендерные законы, усиливающие стереотипы и предрассудки в отношении трансгендерных людей. Это может привести к тому, что врачи в военкомате или в подчиненном Министерству обороны медицинском учреждении, на заключение которых военкоматы ориентируются, посчитают (причем на любом описанном выше этапе), что у конкретной трансгендерной женщины нет всех, по их мнению, признаков трансгендерности и в связи с этим она не будет освобождена от срочной военной службы. Это описание наглядно показывает, почему не все трансгендерные женщины в условиях милитаризации и усиления квирофобных предрассудков в обществе, влияющих в том числе на медицинских специалистов как членов российского общества, готовы пройти этот сложный и изматывающий путь, требующий многократного раскрытия своего трансгендерного статуса и доказывания его множеству людей, от которых зависит их судьба.

Мы задали вопрос квир-женщинам, которые указали, что испытывали или испытывают потребность в трансфеминном переходе, об их опыте взаимодействия с военкоматами до и после февраля 2022 года. Оказалось, что 59,7% трансгендерных женщин скрывали свою гендерную идентичность при взаимодействии с военкоматом. До февраля 2022 года 1,6% опрошенных сталкивались в военкоматах с физическим насилием, 8,6% — с трансфобными оскорблениями, 9,8% — с угрозами, 23% — с игнорированием их диагнозов. Если о том, что в указанный период они не взаимодействовали с военкоматом, сообщили 31,1%, то о том, что ни с каким из перечисленных видов насилия или нарушения прав они при посещении военкомата в этот период не сталкивались, — 40,6%. Последнее многие респондентки связывали с тем, что в указанный период еще не осознали свою женскую гендерную идентичность и не начал трансфеминный переход.

В период с 2022 по 2025 годы 1,6% опрошенных столкнулись с физическим насилием в военкомате, 3,7% — с угрозами, 4,5% — с трансфобными оскорблениями, а 11,9% — с игнорированием

медицинских диагнозов. Хотя новые формы дискриминации и злоупотреблений пока встречаются редко, они уже внедряются в практику работы военкоматов: 1,6% были обвинены в “ЛГБТ-пропаганде”, 2,9% — в “экстремизме”, а 1,6% подверглись принуждению к заключению контракта на военную службу. Интересно, что сталкивались с этим только респондентки, проживающие в городской местности, и совсем не сталкивались те, кто проживают в сельской местности. Примечательно, что ни с каким из перечисленных видов насилия или нарушения прав они при посещении военкомата в этот период не сталкивались, — ниже (25%).

Наиболее примечательной чертой является увеличение числа тех квир-женщин, которые не взаимодействовали с военкоматами после 2022 года по сравнению с теми, кто взаимодействовал с военкоматами до 2022 года — с 31,1% до 57,8%. Такое большое различие связано с тем, что период до февраля 2022 года оказывается несопоставимо более долгим, чем три года полномасштабной войны и потому включает всю прошлую практику взаимодействия опрошенных с военкоматами. Сама же заметность этого различия связана с тем, что трансгендерные женщины до июля 2023 года имели возможность сменить гендерный маркер в документах. Однако больше этой возможности у квир-женщин нет, и потому число тех, кто не взаимодействует с военкоматом, будет сокращаться (илл. 42).

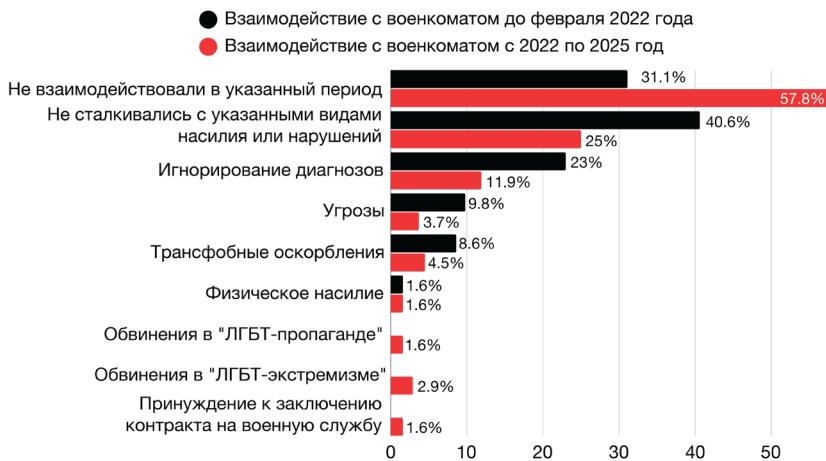

Иллюстрация 42. Насилие и нарушения прав в военкоматах: до и после 2022 года

В ходе исследования были собраны отдельные истории недобровольного взаимодействия трансгендерных женщин с военкоматом, включая случай насилиственного призыва трансгендерной женщины на срочную службу. При этом участница проходила службу в глубине страны и не участвовала в военных действиях на территории Украины.

Участница интервью Белла рассказывает, что хотя не хотела говорить о своей гендерной идентичности в военкомате, зная о других проблемах со здоровьем, столкнулась там с трансфобными оскорблениями и отказом рассматривать иные состояния ее здоровья, кроме психиатрических диагнозов. Обязательное в таком случае по российскому законодательству наблюдение в специальном психиатрическом диспансере также обернулось для нее унижениями и угрозами, злоупотреблениями со стороны медицинских сотрудников:

Я конкретно говорила о своей идентичности лишь с психотерапевтом, но при этом мой внешний вид также выдавал меня, как бы я не старалась этого скрыть. [...] Военкомат сослал меня в адовую государственную поликлинику, где все это и произошло. Был выбор: либо я играю по их правилам, либо же иду служить. К слову, также мне угрожали там опущением и доведением до суицида. [...] Меня направили в психдиспансер (где я и должна была получить нужную мне справку), а там мне чуть не отрезали волосы, обращались ко мне в среднем роде и выбрасывали мои вещи, которые было разрешено брать с собой. Также смеялись мне в лицо и говорили уйму неприятных вещей. На осмотре "врачи" также заставляли меня касаться своих половых гениталий, к которым я всегда испытывала отвращение, и насмехались надо мной. [...] Эта история закончилась тем, что я собрала свои вещи и как можно скорее убралась оттуда. По пути написала жалобу. Я получила какую-то справку, в которой указано, что у меня что-то типа сексуального расстройства. Без понятия, какие выкиды от военкомата мне ожидать в следующий раз. (Интервью, Белла, Сибирский ФО)

Вступление в силу в июле 2023 года федерального закона "о запрете трансгендерного перехода" сделало распространенным среди государственных учреждений сомнение в статусе новых документов, полученных трансгендерными людьми. Часто такие сомнения выливаются в очевидно незаконные требования со стороны военкоматов. Такое положение дел является потенциальным фактором произвола, а также прямым фактором

психологического насилия в отношении трансгендерных женщин. Участница интервью Тася рассказывает, что когда пришла сниматься с воинского учета после смены гендерного маркера в документах, столкнулась с абсурдным требованием доказать сотруднику военкомата, что она совершила гендерно-аффирмативные операции. Другая участница опроса рассказывает похожую историю:

[Я пришла сниматься с учета после смены документов]. Дошла до военкома. Произошел такой разговор. Я показываю документы. Он говорит: “А мы вам не верим. Вдруг вы не делали операции? Вы должны это доказать”. То есть, мои документы [...], юридический факт, для него ничего не значили. (Интервью, Тася, Северо-Западный ФО).

Несогласие снять с учета без вагиноглазии, в связи с наличием ВУС после прохождения срочной службы, игнорирование дальнейших заявлений о смене категории годности и снятии с учета. (Гомосексуальная нейбинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

После запрета трансгендерного перехода трансгендерные женщины больше не могут сменить свой юридический гендерный маркер на “женский”. Тем самым, они оказываются в ситуации постоянного внимания со стороны военкомата, поскольку юридически учитываются в системе воинского учета по указанному в документах гендеру как “мужчины” (например, для целей мобилизации). Например, в интервью с Аленой описывается случай давления на, вероятно, трансгендерную женщину, во время полицейского рейда в ночном клубе (см. подробнее о рейдах в гл. 4):

Персону, которая лежала [на полу] рядом со мной, с мужскими документами и в женском платье, подняли и сняли на камеру. [...] [Также на камеру] ее спрашивали, [как ее зовут], готова ли она прямо сейчас поехать на войну. Потом видео оказалось в интернете, некоторые медиа перепостили его с незаблудренными лицами. [...] (Интервью, Ален, Северо-Западный ФО)

Легитимация насилия и давления на ЛГБТК-людей как “вовлеченных в экстремистскую деятельность” значительно повышает для транс-женщин риски злоупотреблений и насилия

со стороны военкоматов. Избежать взаимодействия с этой инстанцией становится особенно сложно из-за ужесточения контроля за документами воинского учета на рабочем месте: трансженщина, не успевшая сменить документы и старающаяся избегать контакта с военкоматом, может лишиться работы или столкнуться с трудностями при поиске новой. Совокупность этих факторов приводит к повышенной тревоге, депрессивным состояниям, мыслям о суициде и реальным попыткам самоубийства, особенно в случаях недобровольного призыва на военную службу:

Так вышло, что я даже на первичном учете не состою. Если все-таки получится найти работу, наверное, отправят. Скрывать гендерную идентичность не планирую, если меня отправят служить, я при первой же возможности совершу суицид, потому что армия — это, естественно, дэтранс [перерыв в трансфеминном переходе] длинною в год. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, средний город)

[После увольнения] найти работу так и не получилось, из-за военного билета ... меня не могли просто трудоустроить никак. У меня не было военного билета и приписного тоже не было. [...] Я целый месяц искала себе работу, хотя бы серую или черную, хоть какую-то, чтобы просто обеспечивать себя дальше. В итоге моя финансовая подушка опустела. Мы с другом снимали вместе квартиру, он некоторое время еще готов был оплачивать съем, мою долю в том числе. Но в итоге ему это надоело, он сказал, что давай-ка ты пойдешь в военкомат, заберешь там либо приписное, либо военник, либо получишь отсрочку. Я очень переживала из-за этого. ... Деньги ушли, опять же, на дополнительные месяцы обдумывания, идти или не идти в военкомат, или найти работу хоть как-то. Но поскольку ментально я уже сильно пострадала, у меня часть средств также ушла на психолога и психиатра в частной клинике. Получается, у меня был диагноз "Генерализованное тревожное расстройство". Были справки, были все... В итоге меня все-таки друг отправил в военкомат, я туда пошла. [...] Независимо от справок, которые я предоставляла, они меня пропихнули на следующий этап медкомиссии в распределительный пункт. Те мои справки просто, грубо говоря, смяли и все. У меня случился сильнейший приступ тревожный. На что они тоже закрыли глаза. (Интервью, Рей, Центральный ФО)

В интервью респондентка подробно описывает опыт прохождения срочной службы, отмечая, что ей в целом повезло

с отношением к ней отдельных людей. Основным фактором, приведшим ее к попытке суицида, стало усиление гендерной дисфории на фоне отсутствия заместительной гормональной терапии, нахождения в коллективе, маркированном как “мужской”, а также депрессивный эпизод, вызванный новостями о квирофобных законах и ощущением, что трансгендерный переход для нее больше никогда не будет возможен. При этом призыв респондентки на срочную службу был незаконным, поскольку ей был установлен диагноз F64.0 (“Транссексуализм” по МКБ-10), что подразумевает признание негодной к службе в мирное время (военное положение в России не объявлено):

Поскольку я принесла справку F64.0, обо мне уже знали как о транс-персоне. [...] Про Украину говорили, что в ее армии геи и трансгендеры [...] Писарь [в армии], который имел доступ к нашим паспортам, показал всем мою фотографию, с длинными синими волосами. Сослуживцы смеялись, спрашивали, “из этих” ли я. [...] Хотя при этом мне, наверное, повезло с командирами. Если ты уважительно относишься к ним, тебя не трогают...

Мы два месяца проработали на объекте, и у меня началась депрессия. У меня были мысли, что я никогда не вернусь к гормональной терапии, что у нас теперь все это запрещено, а уехать [из России] я не могу. [...] У меня случился сильный приступ депрессии, и он привел к попытке самоубийства: я вскрыла себе вены. [...]

Чем ближе к дембелью, тем страшнее было, что [после армии] я [никогда не смогу быть собой], поскольку было принято столько законов. [...] Триггером моей депрессии стала атмосфера в России после принятия законов. [...] Я решила, что все, это конец, [что у меня нет будущего]. Была очень сильная дисфория. Пришла одна мысль: что это мне все надоело, что я так больше не хочу. (Интервью, Рей, Центральный ФО)

Показательна ситуация тех трансгендерных женщин, которые в силу отсутствия “социальных лифтов” в российском обществе **были вынуждены поступить на военную службу по контракту еще до полномасштабного вторжения России в Украину** с тем, чтобы не участвуя в военных действиях, в отсутствие поддержки со стороны семьи получать хоть какие-то деньги на собственное существование.

Одна из таких ситуаций произошла с Аскатлой²¹⁵, которая проходит военную службу в восточной части России — в Хабаровском крае. Она заключила контракт в 19 лет, находясь на срочной военной службе, который стал ее единственным источником дохода. Она не рассматривала военную службу в качестве “дела жизни”.

21.09.2022 года в России была объявлена мобилизация. Указ президента об этом ввел бессрочную военную службу для всех, с кем на момент объявления мобилизации был заключен контракт на военную службу (как в случае Аскатлы), и с этой даты теперь можно уволиться только по возрасту (в случае Аскатлы это 65 лет), по состоянию здоровья или в связи с осуждением к лишению свободы. Оснований для прекращения контракта по состоянию здоровья у Аскатлы нет (поскольку трансгендерность не является таким основанием, а список “медицинских” оснований был после полномасштабного вторжения значительно сокращен). Попадание в места лишения свободы для открытой трансгендерной женщины с мужским юридическим гендерным маркером приведет к тому, что она будет отбывать наказание в мужской колонии или тюрьме, что создает высокий риск сексуализированного насилия и отсутствие каких-либо возможностей безопасности.

При этом после мобилизации Аскатла начала строить романтические отношения с молодым человеком из Украины, с которым никогда не виделась, но желала бы создать семью.

Пока еще в России действовал закон о трансгендерном переходе, она не смогла (из-за мобилизации) получить разрешение командования на прохождение частной врачебной комиссии в Москве и пройти юридический трансгендерный переход. От Хабаровска это более 8 тысяч км, в то время как самое Хабаровском крае таких комиссий не было (о влиянии региона проживания на доступность гендерного перехода до введения соответствующего запрета см. также в главе 5.2). В настоящее время она не может совершить юридический трансгендерный переход не только из-за невозможности покинуть воинскую часть, но и в связи с тем, что трансгендерный переход в России запрещен законодательно.

Таким образом, Аскатла оказалась в заложниках у государства: она отказывается воевать, но государство ее не увольняет с военной службы. При этом в связи с изменениями

²¹⁵ “Пусть лучше она там где-нибудь умрет”. “Медуза” рассказывает о первой открытой трансгендерной женщине в российской армии. Ее собираются отправить на войну с Украиной (и это еще не вся история) // Meduza. 09.11.2022. URL: <https://meduza.io/feature/2022/11/09/pust-luchshe-ona-tam-gde-nibud-umret> (дата обращения: 01.08.2025).

законодательства с 24.09.2022 года самовольное оставление воинской части в ситуации мобилизации влечет уголовную ответственность исключительно в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет²¹⁶.

Милитаризация общества, рост бытовой гомо- и трансфобии, чувство безнаказанности за насилие над ЛГБТИК-людьми, а также невозможность для трансгендерных людей сменить юридический гендерный маркер на “женский” повышают уязвимость трансгендерных женщин к психологическим травмам, унижению, насилию и суицидам в условиях сохранения в России системы призывной военной службы и действия режима мобилизации.

Глава 8. Нарушения и дискриминация в области медицины, телесной автономии и репродуктивных прав

§1 Доступ квир-женщин к медицинской и психологической помощи

Исследователи отмечают, что важная составляющая антигендерного движения — это нападки на условия гендерного равенства в области здоровья и медицинской помощи. Правоконсервативные политики зарабатывают очки влияния на реализации соответствующих ограничений в отношении женщин* и ЛГБТИК-людей²¹⁷.

Антигендерное движение как часть правого поворота в России, ведущей войну, и в Европе схоже тем, что представление о “гендерной идеологии” объединяет в себе гомо- и трансфобию с ксенофобией. Так, в самом слове “гендер” деятели антигендерного движения подчеркивают его непереводимость на национальные языки и тем самым связывают его с каким-либо иностранным или международным заговором: в случае Европы его инициаторами

²¹⁶ Уголовный Кодекс РФ, статья 337, часть 5. Введена Федеральным законом от 24.09.2022 №365-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”.

²¹⁷ Wittenius, M. The transnational anti-gender movement in Europe // The Gunda Werner Institute for Feminism, Gender Democracy in the Heinrich Böll Foundation. 03.02.2022. URL: <https://www.gwi-hoell.de/en/2022/02/03/the-transnational-anti-gender-movement-europe#:~:text=Right%2Dwing%20populist%20and%20anti,as%20well%20as%20civil%20society>. (дата обращения: 20.07.2025).

часто предстают “чиновники из Брюсселя”²¹⁸, а в случае России — “глобальный Запад”²¹⁹. При этом в ведущей войну России мы наблюдаем, как **правый поворот, черпающий свою публичную риторику из антигендерной повестки, усиливает авторитаризм, способствует подрыву доверия к публичным институтам и ужесточает давление на гражданское общество — вплоть до возможности прямо ограничивать конкретные группы (в нашем случае — квир-женщин) в их праве на наивысший возможный уровень здоровья, в том числе репродуктивного здоровья и телесной автономии.**

В целом по выборке **лишь 47,3% квир-женщин сообщили, что никогда не сталкивались с трудностями при получении медицинских услуг.** Наиболее распространенными проблемами оказались неуважительное отношение со стороны врачей (25,5% опрошенных) и неуместное любопытство медицинского персонала (24,8%). Кроме того, 21% респонденток признались, что отказывались обращаться за медицинской помощью или прерывали лечение из-за опасений столкнуться с дискриминацией или неуважением со стороны врачей.

Сильнее всего от средних показателей по выборке отклоняется подгруппа **трансгендерных женщин, для которых ситуация с доступом к медицинской помощи выглядит наиболее проблемной.** Лишь 27,4% из них никогда не сталкивались с трудностями при обращении за медицинскими услугами. Для сравнения: среди цисгендерных женщин этот показатель составляет 51,5%, среди небинарных персон на маскулинном спектре — 51,1%, на феминном спектре — 41,5%, а среди интерсекс-женщин — 36,0%.

Особенно заметна разница в частоте сообщений о неуважительном отношении со стороны врачей: такой ответ дали 40,1% трансгендерных женщин — почти вдвое больше, чем среди цис-женщин (22,3%), и значительно больше, чем среди интерсекс-женщин (32,0%) и небинарных персон на феминном спектре (29,5%). Схожая картина наблюдается и в отношении психологического давления со стороны врачей. Чаще всего о нем сообщали трансгендерные женщины (15,2%), за ними следуют

218 Там же.

219 См., например, высказывание в личном Телеграм-канале находящегося под персональными санкциями ЕС председателя парламента Вячеслава Володина: “Происходящее в Европе и США — катастрофа, настоящая человеческая трагедия. У многих — у взрослых и, самое печальное, детей — ломается психика, калечатся судьбы [...] Политика Евросоюза, США и Британии, которые лоббируют ускоренный трансгендерный переход, а также законодательное упрощение процесса смены пола, — путь, ведущий к вырождению их наций. Нам с ними не по пути. Мы против этого”. (https://t.me/vy_volo_din/806).

интерсекс-женщины (12%), небинарные персоны на феминном спектре (8,5%), на маскулинном спектре (6,1%) и цисгендерные женщины (3,4%).

Разрыв наиболее велик, когда речь идет о вынужденной смене врача из-за отказа медицинских работников работать с пациенткой или о негативной реакции: среди трансгендерных женщин таких случаев оказалось 21,8%. Это почти в пять раз выше, чем среди цисгендерных женщин (4,9%), и почти в два раза больше, чем среди интерсекс-женщин (12%), где этот показатель самый высокий после трансгендерных женщин (илл. 43).

- Никогда не сталкивались с проблемами при получении медицинских услуг
- Неуважительное отношение со стороны врачей
- Психологическое давление сотрудников медучреждений
- Были вынуждены сменить врача из-за его отказа работать с ними или негативной реакции

Иллюстрация 43. Дискриминация квир-жерчин при обращении за медицинской помощью

Эти данные позволяют предположить, что восприятие врачами негетеронормативного внешнего вида может быть одним из факторов, связанных с проявлениями непрофессионального или некорректного поведения. При этом значимым оказывается не только сам внешний облик, но и необходимость рассказывать о трансгендерном переходе как о важной особенности здоровья: именно поэтому трансгендерные женщины как с “женским”, так и с “мужским” гендерным маркером могут столкнуться с оскорблением или отказом в приеме:

В основном я сталкиваюсь с тем, что врачи отказываются от лечения, просят уйти. Чаще прием, конечно, проводят, но потом фраза “в следующий раз приходите не ко мне” [...] Мисгендеринг: “Подождите, мужчина, <женские Имя Отчество>”. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

С дискриминацией я сталкиваюсь очень часто, можно сказать – везде. В больнице, к примеру, меня даже отказались пускать дальше ресепшена. Цитирую слова: “Место для душевнобольных в психушке, а не с нормальными людьми”. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, крупный город)

Трудности и/или невозможность в получении медицинских услуг для транс-пенсон. Лежала в государственной больнице. Медработники, которые не знали, что я транс-девушка, обращались со мной достаточно вежливо (женщины по палате даже сюсюкались). Но когда медперсонал узнавал о моей трансгендерности, половина из них начинали обращаться в мужском роде, даже при том, что я девушка по документам. Радует, что остальная половина продолжала обращаться по имени и в правильном местоимении без отвращения. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, крупный город)

В интервью респондентка (трансгендерная девушка, не успевшая сменить юридический гендерный маркер на “женский” до вступления в силу запрета на трансгендерный переход) подробнее описывает подобный случай:

Я бы сказала, что были случаи отказа, связанные с переходом, а также и обычный прием в клинике, где [повородом для] отказа послужил мой нетипичный внешний вид. До [антагендерных] законов, я наблюдалась без всяких проблем, после — ничего кроме насмешек, оскорблений, пренебрежения я не получала. ... Это было и в частной, и в государственной клинике.

Порой, были случаи, когда все-таки соглашались [принять], но я уходила сама. Мне было некомфортно от насмешек, пренебрежения, или когда я говорила о том, что я транс-девушка и просила относиться ко мне соответствующе, а мне тыкали в лицо местоимениями “он” или “оно”. Были случаи, когда врач намеренно позвала своих коллег в кабинет во время приема, чтобы они посмотрели на “экспонат”, который пришел к ней на прием. (Интервью, Белла, 19–25 лет, Сибирский ФО)

Иногда препятствием для получения квир-женщинами надлежащей медицинской помощи является не только некорректное поведение или выражение неприязни со стороны отдельных врачей, но и общий дефицит знаний о специфических медицинских потребностях этой группы пациенток. Это особенно заметно на примере интерсекс-женщин: их опыт чаще, чем у трансгендерных женщин, включает ситуации игнорирования потребностей в медицинских учреждениях — 24% против 18,3% (для сравнения: цисгендерные женщины и небинарные люди на феминном и маскулинном спектрах сообщали об этом реже — 9,9%, 14% и 4,1% соответственно). При этом, согласно данным нашего опроса, трансгендерные женщины значительно чаще отказывались от обращения к врачам из-за опасений столкнуться с негативной реакцией или проявлением неуважения — 37,6% по сравнению с 24% среди интерсекс-женщин, 22,5% среди небинарных персон на феминном спектре, 18,4% на маскулинном спектре и 18% среди цисгендерных женщин.

Таким образом, можно предположить, что трудности в удовлетворении медицинских потребностей квир-женщин в России связаны не только с тем, что часть врачей может испытывать затруднения во взаимодействии с пациентками, чья самопрезентация или телесность отличаются от привычных гендерных норм (что особенно актуально для небинарных людей), но и с тем, что медицинская система в целом пока не в полной мере учитывает особенности здоровья некоторых групп, включая потребности, связанные с трансгендерным переходом или спецификой интерсекс-состояний. При этом важно подчеркнуть, что система оказания медицинской помощи неоднородна: она включает специалистов с разным уровнем подготовки, разными взглядами и профессиональными практиками. Здесь мы опираемся лишь на те свидетельства, которыми поделились с нами квир-женщины в ходе опроса, понимая, что их опыт отражает часть, но не всю полноту взаимодействия с медициной в России.

Мы можем предположить, что второй тип проблем — связанный с игнорированием или недостаточным учетом специфических медицинских потребностей — оказывается наиболее острым. Это видно по трем подгруппам квир-женщин, где процент столкновений с трудностями при получении медицинской помощи оказался особенно высоким: трансгендерные женщины, интерсекс-женщины и небинарные персоны на феминном спектре. Вероятнее всего, именно они чаще других обращались к врачам

по поводу телесных изменений, связанных с морфологией или эндокринологией.

В нашем исследовании не участвовали трансгендерные мужчины, которые, как и транс-женщины, нередко нуждаются в медицинском сопровождении трансгендерного перехода. Относительно низкий уровень проблем, зафиксированный среди небинарных персон на маскулинном спектре, можно объяснить тем, что значительная их часть не имела телесных изменений, заметных врачу и провоцирующих предвзятое отношение.

Это обстоятельство вызывает особую беспокойность в отношении здоровья квир-женщин с нециснормативной телесностью и нецисгетеро-идентичностью (см. подробнее в гл. 8.4). Дополнительные риски для таких квир-женщин могут возникать в связи с действием принятого в июле 2023 года федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”, который фактически закрепил в правовой системе подход, ориентированный на “нормализацию” такой телесности как условия получения медицинской помощи. В ряде случаев это может способствовать росту стигматизации и дискриминации, хотя реальные последствия будут зависеть от практик применения закона и конкретных контекстов оказания медицинской помощи:

Самое главное медицинское насилие в моей жизни — это то, что я жертва калечащих операций на гениталиях интерсексных младенцев. ... Попытки “корректировать” интерсексность вмешательствами, в которых нет медицинской необходимости, — это очень важный аспект нарушения прав квир людей. (Гомосексуальная интерсекс-персона, идентифицирую себя как женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Мне недоступна та медицинская помощь, которая мне необходима. Например, сделать гистерэктомию можно только из-за фиброидов, рака и т.п., но никак не из-за того, что наличие этого органа приносит тебе физические и моральные страдания. Операция заграницей еще возможна, но требует огромных финансовых вложений, которых у меня нет. (Бисексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, средний город)

Я долгое время рассматривала для себя возможность мастэктомии, копила деньги, даже проконсультировалась с хирургом уже, но теперь такая опция стать собой на территории

РФ мне не доступна. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Вопросы конфиденциальности особенно актуальны для трансгендерных женщин. В отличие от многих других квир-женщин, им может быть значительно сложнее сохранять приватность при обращении за медицинской помощью, не рискуя при этом качеством лечения. Чаще всего это связано с необходимостью регулярной гормональной терапии и отсутствием гендерно-аффirmативных операций (о проблемах с доступом к ним см. подробнее в гл. 8.4):

Стараюсь избегать посещения медицинских учреждений и специалистов (гинекологов, урологов, эндокринологов), кроме неотложных случаев — ибо в России понятие “врачебная тайна” —
сугубо условное. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, крупный город)

Общие специалисты мне доступны, но как только дело касается интимных зон/гениталий — я вынуждена либо искать платного френдли специалиста, либо и вовсе отказаться от похода ко врачу, даже если на кону мое здоровье. Причина тому — страх разоблачения и политика, направленная на снятие врачебной тайны. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

В своем интервью Ева (трансгендерная женщина, сменившая юридический гендерный маркер) рассказывает подробнее:

Сейчас мне требуется маммолог, из-за странных болей, которые меня беспокоят. [Чтобы избежать аутинга,] я могу обратиться только к платному врачу. (Интервью, Светлана и Ева, Центральный ФО)

Другая респондентка, которая не успела сменить гендерный маркер в документах и начала вести гормональную терапию менее года назад, испытывает серьезное беспокойство по поводу того, как ей в дальнейшем в России получать медицинскую помощь (причем в ее случае ситуация усугубляется врожденными проблемами со здоровьем, требующими часто обращаться к врачам):

Скоро будут видимые изменения в теле — и у меня явно начнутся проблемы с врачами ... их вопросы “Почему у этого мужчины такая грудь?” (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

При посещении гинеколога квир-женщины сталкиваются с дополнительными трудностями. Опасаясь возможного непонимания или некорректного отношения, они нередко умалчивают о своих гомосексуальных отношениях. В результате консультации иногда оказываются менее полными или комфортными, чем могли бы быть при открытом обсуждении вопросов здоровья:

Никогда не разглашала информацию о своей сексуальной ориентации в медицинских учреждениях. Страх быть дискредитированной сильнее невозможности получить

корректную в полной мере медицинскую помощь. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Визиты к гинекологу вызывали сильный стресс, я слышала невежливые комментарии в свой адрес, чувствовала, что меня экзотизируют, мне приходилось выслушивать непрошеные советы, связанные с моим образом жизни и сексуальностью. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Меня упрекали в отсутствии половой жизни при приеме у врача. (Асексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Говорю неправду у гинеколога, так как страшно говорить, что занимаюсь сексом с женщинами. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Недостаток знаний о специфических потребностях квир-женщин в медицинской системе часто заставляет их обращаться к частным специалистам. Это создает дополнительную финансовую нагрузку для пациенток и одновременно увеличивает нагрузку на врачей, которые зарекомендовали себя как внимательные и компетентные при работе с квир-пациентками:

... френдли врачей в стране стало меньше, а у оставшихся ценник заоблачный. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Я чувствую, что могу посещать исключительно платных врачей в частных клиниках, из-за того что в государственной клинике я не могу им доверять и боюсь насилия с их стороны. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Практически невозможно найти вменяемого гинеколога. Ну или 10 тыс + за прием. [...] Большинству врачей просто невозможно сказать о себе. Реакция — как если бы я сказала, что я педофила. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Тяжело сменить гинекологию (я в отрыве от местного сообщества и вообще стараюсь нигде не светиться...) (Пансиексуальная гоморомантическая небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Есть доступ к врачам, которым я доверяю, и это очень дорого. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Моя партнерка не может получать почти никакую медицинскую помощь по ОМС, мы ищем платных врачей, для нашей семьи это большая финансовая нагрузка. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 46–55 лет, Центральный ФО, крупный город)

Существенным остается тот факт, что из-за недостатка помощи, учитывающей потребности квир-людей, активист:ки и инициативные группы ранее часто организовывали соответствующие немедицинские услуги, сотрудничая со специалист:ками. На третий год полномасштабной войны и усиления давления против гражданского общества в России — особенно после криминализации “Международного общественного движения ЛГБТ” в ноябре 2023 года — многие ЛГБТК-организации перевели услуги помогающих специалист:ок в онлайн-режим, практически прекратив публичную поддержку предоставления таких услуг оффлайн. Многие специалист:ки, продолжающие

работать с квир-людьми, из-за рисков квирофобного законодательства работают только с теми, кто уже является их клиент:ками или по рекомендациям от них. В результате этого стало более затруднительно получать оффлайн медицинскую и психологическую помощь в их городе.

Сложности с поиском психологической помощи из-за закрытия организаций, которые я знала, которые предоставляли дружественных психологов. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Уральский ФО, крупный город)

Гинекологическая помощь в постсоветских странах в целом остается проблемной. Многое унаследовано из советского периода, включая подходы к взаимодействию с пациентками. В медицинской практике данного профиля часто недооценивается значимость комфорта и эмоционального состояния пациенток, что создает условия, при которых они могут испытывать боль или стыд без должной поддержки и объяснений²²⁰.

В ходе исследования респонденткам был предложен вопрос, если ли у них сейчас доступ к гинекологической помощи. Среди ответов выделяются две наиболее крупные группы: 31% квир-женщин согласились, что у них есть доступ, однако нерегулярный, либо не в их родном городе, либо у врачей, которым они недостаточно доверяют, и 30,7% согласились, что опасаются обращаться за гинекологической помощью из-за страха перед невежеством или неквалифицированностью врачей. В дополнение к этому, 22,3% квир-женщин указали, что опасаются обращаться за гинекологической помощью из-за страха перед гомо- или трансфобией, осуждением или оскорблением, а 16% – из-за страха, что будут преданы огласке факты их личной жизни (такие как сексуальные отношения или гендерно-аффирмативные операции). Всего 23,1% опрошенных квир-женщин, то есть, менее трети, указали, что у них есть регулярный доступ к гинекологической помощи у врачей, которым они доверяют.

Заслуживает внимание и различие в оценке квир-женщинами своего опыта доступа к гинекологической помощи в зависимости от региона их проживания. Регулярный доступ к вызывающим доверие врачам чаще всего есть у квир-женщин, проживающих

²²⁰ “Раздевайся и садись”. Почему российских гинекологов не учат общаться с пациентками и как от этого страдают все // Холод. 22.07.2023. URL: <https://holod.media/2023/04/28/kak-hamiat-ginekologii/> (дата обращения: 15.07.2025); “Женщина обязана через боль и страдания родить ребенка”: исследование о причинах и последствиях акушерского насилия в России // 7x7: Горизонтальная Россия.06.06.2025. URL: <https://semnasem.org/articles/2025/06/06/akusherskoe-nasilie-v-rossii> (дата обращения: 15.07.2025).

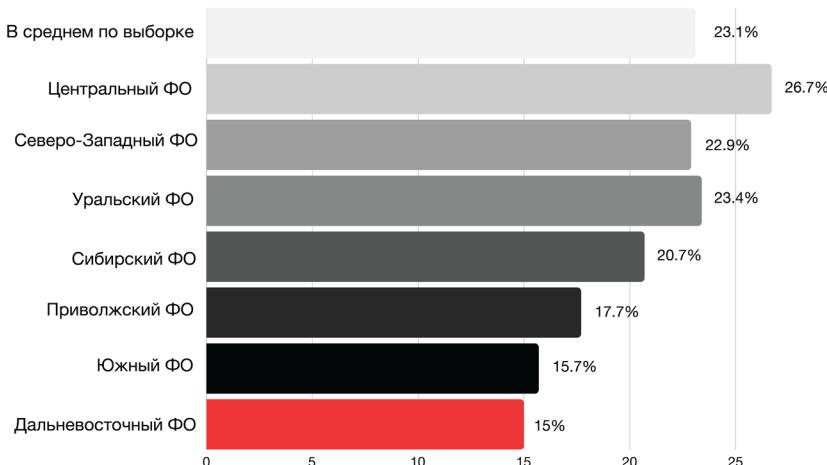

Иллюстрация 44. Оценка квир-женщинами регулярного доступа к гинекологической помощи, которой они доверяют: В зависимости от региона проживания (в %)

в Центральном ФО (26,7%), Северо-Западном ФО (22,9%) и Уральском ФО (23,4%). Характерно, что во всех этих регионах находятся крупнейшие в России города с развитой урбанистической культурой (Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург). В других регионах квир-женщины имеют регулярный доступ к врачам, которым доверяют, значительно реже: в Сибирском ФО он был у 20,7% опрошенных, в Приволжском ФО — у 17,7%, в Южном ФО — у 15,7%, в Дальневосточном ФО — у 15% (илл. 44).

В связи с небольшой выборкой (16 человек, менее 1% от общей) невозможно достоверно оценить ситуацию с доступом к гинекологической помощи в Северо-Кавказском федеральном округе. Тем не менее стоит обратить внимание на несколько особенностей. Квир-женщины в этом регионе значительно чаще отмечали отсутствие доступа к гинекологической помощи: 6,3% против 0,9–3,7% в других федеральных округах (Центральный ФО — 0,9%, Северо-Западный — 2,1%, Южный — 3,7%, Приволжский — 1,7%, Уральский — 2,6%, Сибирский — 1,2%, Дальневосточный — 2,5%). Во всех остальных федеральных округах квир-женщины чаще опасались недостаточной компетентности гинеколога (более 30% во всех ФО, кроме Южного — 23,1% и Уральского — 26,6%) или гомо- и трансфобии (более 20% во всех ФО, кроме Уральского — 19,5%), чем раскрытия фактов своей личной жизни. В Северо-Кавказском ФО ситуация была обратной: если недостаточной

компетентности и дискриминации опасались 18,8%, то предания огласке личной информации опасались 25%. Это может быть интерпретировано как следствие повышенного контроля над сексуальностью и здоровьем квир-женщин в регионе, из-за чего конфиденциальность гинекологической помощи для них оказывается более значимой, чем качество или уважительное отношение врача. Еще один показатель — доля тех, кто не ощущает необходимости обращаться за гинекологической помощью: в Северо-Кавказском ФО она значительно ниже, чем в других округах, и составляет 12,5% против 25,7–34,3% в остальных ФО (илл. 45).

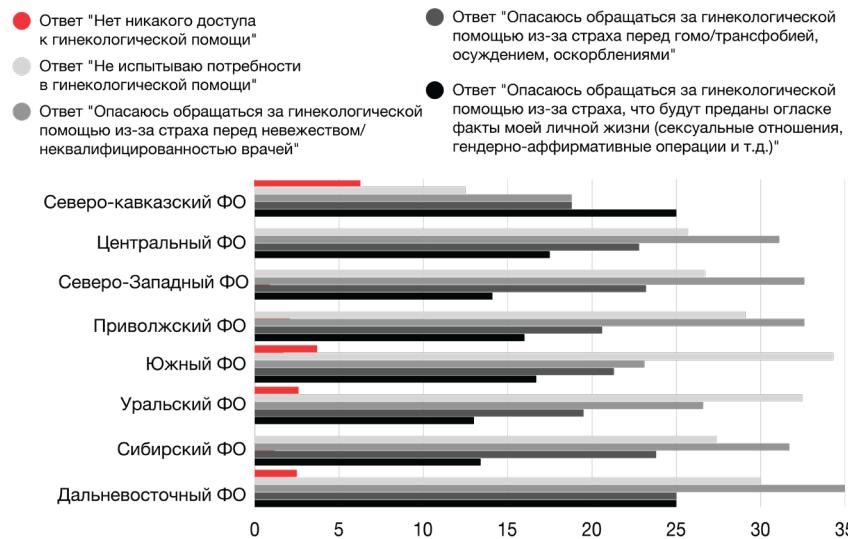

Иллюстрация 45. Доступ квир-женщин к гинекологической помощи: Наблюдаемые закономерности в Северо-Кавказском ФО (сравнение с другими ФО, в %)

Некоторые респондентки указали, что ограничивают себя в обращениях к врачу, опасаясь столкнуться с неуважительным отношением или с раскрытием сенситивной информации о них третьим лицам:

Некомфортно обращаться к медперсоналу из-за своей идентичности, вследствие чего избегаю обращения за медицинской помощью. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Южный ФО, средний город)

Отсутствие лояльности медицинских работников из-за [гомосексуальной] ориентации и чайлдфри позиции. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Мне просто страшно ходить к врачам (хотя я испытываю необходимость), страшно за свои права (даже те, что остались), которые медленно отбирают. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Я не посещала гинеколога, потому что просто не знала, как отвечать на вопросы. Занимаюсь сексом, не использую контрацептивы, но опасности забеременеть нет – как так? [...] Я не хожу, потому что боюсь осуждения. (Интервью, Алиса, Северо-Западный ФО)

При этом в среднем по выборке лишь небольшой процент опрошенных (1,7%) указали, что у них нет никакого доступа к гинекологической помощи. Существенно, что и этот низкий процент складывается в значительной степени из двух подгрупп: в значительно меньшей степени – небинарных персон на феминном спектре (1,9%), и значительно – из трансгендерных женщин (7,6%).

Из-за небольшой выборки в настоящем исследовании, а также малочисленности этой группы, непросто установить проблему гинекологической помощи для трансгендерных женщин в России. В настоящем исследовании мы описываем ситуацию, наблюдаемую на небольшой выборке, а также кейсы, полученные нами из глубинных интервью. Среди 244 трансгендерных женщин, принявших участие в опросе, только 14 указали, что совершили вагинопластику (см. подробнее о потребности трансгендерных женщин в России в вагинопластике и о ее доступности в гл. 8.4). Вопреки возрастной структуре общей выборки, среди этой группы преобладают женщины более старших возрастных групп 26–35 лет и 36–45 лет, что означает повышение потребности в медицинских проверках здоровья. Одновременно с этим, возраст выборки косвенно свидетельствует о том, что транс-женщины годами копят средства, необходимые для проведения операции.

Наличие вагинопластики влияет на появление у трансгендерных женщин потребности в гинекологической помощи. Отвечая на общий вопрос о доступе к ней, те трансгендерные женщины, у которых нет вагинопластики, выбирали либо вариант

ответа об отсутствии потребности в такой помощи (68,9%), либо об отсутствии доступа к ней (7%), либо свободный вариант ответа. При этом доля осуществивших вагинопластику трансгендерных женщин, указавших, что в гинекологической помощи они не нуждаются, была ниже более чем в три раза (21,4%), что существенно даже с учетом небольшой выборки. Эта доля лишь на несколько процентов выше, чем среди цисгендерных женщин (18,8%), а также ниже, чем среди небинарных персон на феминном и маскулинном спектрах (соответственно 31,8% и 22,4%) и среди интерсекс-женщин (28%), что говорит о наличии у транс-женщин с вагинопластикой потребности в гинекологической помощи. Достаточно высокая сложность вагинопластики, а также редкость этой операции в России, очевидно, требуют дополнительных регулярных обследований и консультаций с врачами. О подобной проблеме сообщила в интервью одна из респонденток, связавшая осложнения после своей операции с “законом о запрете трансгендерного перехода”, из-за которого ей пришлось обратиться к недостаточно квалифицированному хирургу (см. подробнее гл. 8.4):

Необходима коррекция после вагинопластики... Были осложнения, которые надо убирать, а не на что... Это проблема нашего законодательства, когда запретили операции и пришлось искать хрен пойми что. Операцию я делала у человека, который этим никогда не занимался. Все остальные клиники мне отказали. С кем смогла договориться, с тем смогла. (Интервью, Олеся, Центральный ФО)

Только 14% опрошенных трансгендерных женщин, совершивших вагинопластику, сообщили, что у них есть регулярный доступ к врачам, которым они доверяют. Еще 14% ответили, что у них нет никакого доступа к гинекологической помощи. Значительные равные доли респонденток ответили, что опасаются обращаться за гинекологической помощью из-за страха перед трансфобией врачей, либо перед тем, что факт совершения ими вагинопластики будет предан огласке, либо перед их некомпетентностью (57%).

Одна из респонденток описывает, что не знает, к какому врачу может обратиться в случае медицинских проблем, а также при необходимости получить медицинские справки:

Спорный вопрос в моем случае. Как юридически так и по факту, неизвестно, к кому мне обращаться в случае появления проблем мочеполового тракта. Сложно однозначно сказать, кто должен заниматься мной — половые органы воссозданы искусственно, и неизвестно как поведут себя врачи, когда им придется иметь дело с внешне женским органом, с искусственным влагалищем при отсутствующей матке и наличии предстательной железы. Диспансеризация и банальная справка в бассейн для меня недоступны просто по факту. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Уральский ФО, небольшой город)

Другая респондентка говорит о столкновении с некомпетентностью:

Ходила к гинекологу... Мало того что она не компетентна, но написала “жената” в заключении... Хотя я в разводе... Как она это определила... Как это относится к гинекологии... (Бисексуальная цисгендерная женщина, 36–46 лет, Центральный ФО, маленький город)

В своем интервью респондентка подробнее описывает, почему, помимо неуважительного отношения, получить гинекологическую помощь для нее оказалось фактически невозможно:

Я ходила к гинекологу, больше не хочу. С одной стороны, ко мне вроде нормально отнеслись. С другой стороны ... врач даже не провела осмотр, хотя мне было это нужно. Врач сказала: “Лезть я туда не хочу, я ничего в этом не понимаю”. И написала какую-то чушь.

Таким образом, опрос показал, что квир-женщины в российской медицинской системе сталкиваются с дискриминацией на основании гомо- и трансфобии. В свою очередь, дискриминационные законы и правая риторика российских властей влияют на активность ее проявлений. Нецисгетеронормативный внешний вид может послужить поводом для неуважительного отношения к квир-женщинам даже в медицинских учреждениях. Дополнительно квир-женщины часто сталкиваются с квирофобными оскорблениеми, неуместным любопытством или некомпетентностью при получении гинекологической помощи. Трансгендерные женщины, совершившие вагинопластику, еще чаще сталкиваются в России с существенными проблемами при поиске не только уважительной, но и компетентной гинекологической помощи.

§2 Проблема репродуктивного давления и доступа к ВРТ для квир-женщин в военной России

Законы против ЛГБТИК-людей и повторствование гомо- и трансфобному насилию мотивируются российскими политиками и публичными деятелями защитой так называемых “традиционных ценностей”. Государство в современной России пытается демонизировать квир-людей, предлагая обществу таким способом решить имеющиеся в стране демографические проблемы²²¹. В результате квир-женщины сталкиваются одновременно и с репродуктивным давлением со стороны органов государственной власти (например, локальными ограничениями на проведение абортов, вводимыми по инициативе регионов²²²; принуждениями к прохождению медицинских тестов на репродуктивное здоровье²²³; действием федерального закона о запрете пропаганды так называемой “идеологии чайлдфри”²²⁴ и региональных законов “о запрете склонения к абортам”²²⁵), и с ограничением своих репродуктивных прав.

28,8% опрошенных квир-женщин отметили, что не могут реализовать в России потребность в том, чтобы родить детей или стать родителями. Существенно, что среди трансгендерных женщин процент респонденток, ответивших утвердительно на этот вопрос, более чем в полтора раза выше, чем в среднем по выборке, — 46,7%.

Одновременно с этим квир-женщины в России сталкиваются с информационным давлением, поскольку государственная антигендерная пропаганда проводит знак равенства между родительством и так называемыми “традиционными ценностями”. В таких условиях семья и родительство перестают рассматриваться

221 Ср., например: Rivkin-Fish, M. Russlands Kampagne für eine Rückkehr des Patriarchalen: Förderung “traditioneller Werte” mit dem Ziel demographischer und sexueller Souveränität // Länder-Analysen. 03.02.2025. URL: <https://laender-analysen.de/russland-analysen/460/patriarch-traditionelle-werte-demographie-russland-frauen/> (дата обращения: 17.07.2025).

222 См., например: “Теперь негде”. Как негласный запрет на аборты в Вологодской области влияет на женщин // Север.Реалии. 26.02.2025. URL: <https://www.severreali.org/a/teper-negde-kak-neglasyny-zapret-na-aborty-v-vologodskoy-oblasti-vliyaet-na-zhenschin/33327862.html> (дата обращения: 12.07.2025).

223 См., например: Студентов российского вуза обязали заполнить анкеты о репродуктивном здоровье и указать номер телефона // Холод. 16.11.2024. URL: <https://holod.media/2024/11/16/studentov-reprodukтивnom-zdorove/> (дата обращения: 12.07.2025).

224 См., например: Ерошенко, А. В России запрещают говорить о бездетности // Новая газета-Европа. 26.09.2024. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/09/26/v-rossii-zapreshchaiut-govorit-o-bezdetnosti> (дата обращения: 12.07.2025); Оленичев, М.В. Запрет чайлдфри в России: взгляд юриста по правам ЛГБТ // Парни плюс. 26.09.2024. URL: <https://parniplus.com/lgbt-movement/discrimination/zapret-chaildfri/> (дата обращения: 01.08.2025).

225 По состоянию на 05.06.2025 года такие законы вступили в силу уже в 20 субъектах Российской Федерации из 83 существующих в России субъектов, то есть в 24% количества регионов в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/06/2025/68404adc9a7947f83235f49a> (дата обращения: 01.08.2025).

как индивидуальный выбор и как право, независимое от образа жизни и убеждений. Это заставляет многих квир-женщин отказаться от планов на рождение детей, которое все чаще ассоциируется не с приватностью и самостоятельностью семейной жизни, а с внешним репродуктивным давлением:

Государству я нужна только для рождения детей. Раньше я действительно это планировала, но нынешняя пропаганда "традиционных" ценностей отбила желание полностью. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, средний город)

Тяжело от понимания, что я не могу создать брак и счастливую жизнь на своей родине. Очень больно. Очень. В будущем хотела бы детей и понимаю, что на них у меня будет ноль прав, я буду для них левой тетей. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, до 18 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Мы спросили респонденток о том, сталкивались ли они с репродуктивным давлением и нарушением прав на телесную автономию до и после 24 февраля 2022 года. Чаще всего участницы опроса сталкивались с опытом принуждения к вступлению в гетеросексуальные отношения, принуждения к вступлению в брак и принуждения к рождению ребенка: после февраля 2022 года с первым из перечисленного столкнулись 18,6% квир-женщин, со вторым — 10%, а с третьим — 9,3%.

Эти цифры на несколько процентов выше аналогичного уровня до начала полномасштабной войны — когда с принуждением к вступлению в гетеросексуальные отношения столкнулись 17,1% квир-женщин, с принуждением к вступлению в брак — 8,1%, а с принуждением к рождению ребенка — 7,4%. Источниками такого опыта и до, и после февраля 2022 года наиболее часто выступали родственники и государственные учреждения: с принуждениями к вступлению в брак или гетеросексуальные отношения либо к рождению ребенка со стороны первых сталкивались соответственно 19,6% и 10,3% квир-женщин.

Заслуживает внимание то, что по сравнению с периодом до начала полномасштабной войны возросла роль государственных учреждений в репродуктивном давлении. Так, до февраля 2022 года с репродуктивным давлением со стороны родственников столкнулось практически столько же опрошенных нами квир-женщин, сколько и после — 19,7%, в то время как о репродуктивном

давлении со стороны государственных учреждений до начала полномасштабной войны сообщили только 7,8% квир-женщин, то есть, на 2,5% ниже, чем после.

Несмотря на нарративы российских политиков о необходимости ограничения и запрета абортов, начавшиеся активно обсуждаться осенью 2024 года, среди опрошенных нами квир-женщин с отказом в проведении абортов и до, и после 24 февраля 2022 года столкнулось почти одинаковое количество опрошенных — соответственно, 0,2% и 0,3%.

Стоит отметить, что из-за небольшой репрезентативности подгруппы (16 человек, менее 1% от общей выборки) возможна погрешность. Тем не менее, исходя из ответов, полученным нами в ходе опроса, с резким ростом ограничений на проведение абортов после февраля 2022 года столкнулись квир-женщины, проживающие в Северо-Кавказском федеральном округе: доля таких случаев составила 6,3%, тогда как до февраля 2022 года подобных случаев не было. В целом, показатели репродуктивного давления в этой группе оказались заметно выше, чем в среднем по выборке.

Участницы опроса из Северо-Кавказского ФО сообщили, что до начала полномасштабной войны среди квир-женщин примерно 25% сталкивались с принуждением к вступлению в гетеросексуальные отношения, а 18,8% — с принуждением к вступлению в брак. После начала войны доля тех, кто сообщал о первом виде принуждения, увеличилась до 31,3%.

До февраля 2022 года квир-женщины этого региона сталкивались с принуждением к рождению ребенка реже, чем в среднем по выборке — 6,3% против 7,4%. Мы связываем это с распространением на этой территории исламской морали, где акцент делается на воздержание от сексуальных отношений вне брака (в подгруппе таких респонденток был только один человек). После начала полномасштабной войны доля респонденток, сообщивших о принуждении к рождению ребенка, увеличилась до 12,5%, что, по всей видимости, связано с инициативами местных властей, направленными на демонстрацию лояльности государственной политике “традиционных ценностей” и реализации государственной политики “увеличения рождаемости” в регионе теми способами, которые использует сегодня милитаризованное государство.

Если до февраля 2022 года лишь 6,3% квир-женщин Северо-

Кавказского ФО отмечали репродуктивное давление со стороны государственных учреждений (ниже среднего по выборке — 7,8%), то после февраля 2022 года этот показатель вырос до 18,8%. Таким образом, распределение акторов репродуктивного давления выровнялось между родственниками и государством, при этом Северо-Кавказский ФО сохранил особенность — высокий уровень давления (по сравнению с другими федеральными округами). Эти различия не объясняются возрастной структурой подгруппы, которая не отличается от общей выборки.

Многие квир-женщины отмечали, что хотели бы стать родителями, однако для реализации этого желания им нередко оказываются необходимы вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). Для гомосексуальных женщин актуальна процедура ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), которая позволяет паре зачать, выносить и родить ребенка. Для трансгендерных женщин важна криоконсервация генетического материала до начала заместительной гормональной терапии (ЗГТ), так как ЗГТ часто снижает фертильность. Содействие гражданам в реализации их репродуктивных прав является важной задачей социально ориентированного государства, а право на свободное решение о рождении детей или отказе от него признается Всемирной организацией здравоохранения как одно из ключевых прав²²⁶.

Мы спросили респонденток, испытывавших или испытывающих потребность в трансфеминном переходе, приходилось ли им откладывать переход из-за желания иметь детей. На момент начала перехода лишь 2,9% трансгендерных женщин имели детей. Почти половина респонденток (48,4%) ответили, что не откладывали переход, а 37,7% — что не задумывались об этом. Эти данные показывают, что для большинства трансгендерных женщин в России родительство не становилось решающим фактором при принятии решения о переходе. Это может отражать разные обстоятельства: ограниченную информированность о доступных репродуктивных технологиях, восприятие их как труднодостижимых или недоступных, а также влияние социального и правового контекста, который снижает видимость сценариев, позволяющих совмещать переход и родительство. Небольшая часть опрошенных указала, что в той или иной степени

226 Права иметь детей // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/tools/your-life-your-health/know-your-rights/rights-across-life-phases---pregnancy--birth-and-after-childbirth/rights-on-having-children> (дата обращения: 01.08.2025).

откладывала переход ради возможности стать родителями: 7% — смену гендерного маркера, 4,1% — гендерно-аффирмативные операции, 14,3% — ведение ЗГТ.

Мы также спросили респонденток о знании возможностей криоконсервации в России. Высокий уровень отрицательных или неопределенных ответов на предыдущий вопрос коррелирует с тем, что 43,4% респонденток не интересуются криоконсервацией, 27,5% знают о ней, но не имели опыта ее использования, и лишь 9,4% ничего не знают о возможностях криоконсервации. При этом 6,6% считают эти возможности недоступными для себя, а 7,8% хотели бы воспользоваться ими, но не смогли. Лишь 5,3% опрошенных женщин успешно воспользовались ВРТ.

Важно отметить, что это число меньше, чем число трансгендерных женщин, которым не удалось воспользоваться криоконсервацией, а также почти в три раза меньше тех 14,3%, кто сообщил о том, что откладывал ведение ЗГТ ради сохранения fertильности и возможности использовать криоконсервацию.

С 26.10.2023 года в российском законодательстве начали действовать новые ограничения на применение ВРТ²²⁷.

До этой даты законодательство (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”) позволяло воспользоваться ВРТ двум группам пациентов:

- лицам с женскими и мужскими гендерными маркерами в документах — независимо от того, зарегистрирован ли их брак,
- одиноким лицам с женским гендерным маркером в документах.

Порядок применения ВРТ урегулирован приказом Министерства здравоохранения РФ²²⁸. Согласно ему, предусмотрены две базовые программы рождения ребенка — это ЭКО и суррогатное материнство. Они могут применяться только по медицинским показаниям (например, лечение бесплодия, наследственные заболевания, сексуальная дисфункция и другие).

При этом если до 25.10.2023 года включительно программой суррогатного материнства могли воспользоваться все указанные

²²⁷ Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 19.12.2022 N 538-ФЗ.

²²⁸ Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н “О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению”, вступил в силу с 01.01.2021, заменив собой ранее существовавший аналогичный приказ.

в законе лица, то после изменений законодательства право на суррогатное материнство имеют только лица, заключившие гетеросексуальный брак, либо лица с женским гендерным маркером в документах. Лица, состоящие в отношениях без заключения брака, а также одинокие лица с мужским гендерным маркером в документах, столкнувшиеся с невозможностью зачатия и вынашивания ребенка естественным способом, такого права теперь в России лишены. Однако до 2022 года в России существовала практика рождения детей по договору суррогатного материнства, заключенных с одиноким лицом с мужским гендерным маркером, после чего последующая легализация новорожденного происходила через суд с закреплением одинокого лица с мужским гендерным маркером в качестве юридического родителя. Теперь такая практика представляется невозможной.

Запись таких людей в качестве родителей осуществляется только с согласия суррогатной матери, а с 26.10.2023 года их юридическое родительство также зависит от того, были ли они гражданами России, когда заключали договор на суррогатное материнство. Если после заключения договора кто-то из потенциальных родителей утратит российское гражданство, то такое лицо может стать юридическим родителем только по решению суда, который будет выяснить, был ли брак заключен с целью создать семью или прикрыться им для заключения договора о суррогатном материнстве. Если последнее, то суд вправе отказать таким лицам в признании юридического родительства.

Таким образом, изменения законодательства базируются на том, реально ли паражелает создать семью или нет, и от этого зависит статус будущих родителей. Это прямое проявление того, как государственная идеология по продвижению традиционных ценностей меняет возможности родительства в стране, вступившей на рельсы антигендерного поворота.

При этом возможность сохранения своих половых клеток по собственному желанию (в том числе в случае “отложенного материнства”) по действующим правилам сохраняется для любых лиц — независимо от гендера и наличия или отсутствия брака. Однако существование в России федеральных законов “о запрете трансгендерного перехода” и “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, а также решение Верховного Суда РФ об “ЛГБТ-экстремизме” напрямую влияют на реализацию этого права, изменяя социальные нормы и социальный контекст.

Немаловажным является тот факт, что федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода” запретил трансгендерным людям брать под опеку и усыновлять детей (но не запретил им становиться родителями, в том числе с применением ВРТ). **Между тем на основании квирофобных законов, государственной пропаганды “традиционных ценностей” в российском обществе возник миф о полном запрете родительства для трансгендерных людей, который напрямую на практике влияет на их доступ к ВРТ.**

Несколько трансгендерных женщин, принявших участие в опросе, рассказали о проблемах с доступом к ВРТ:

Некоторые клиники действительно отказывали в предоставлении услуг по заморозке сперматозоидов человеку с женским паспортом, но мне удалось найти другое место в другом городе. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Знала [о ВРТ], не было денег и сил, пришлось пожертвовать [возможностью иметь биологических детей] ради ЗГТ. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Откладывала начало ведения заместительной гормональной терапии до проведения криоконсервации — к сожалению, после юридического перехода и принятия трансфобных законов воспользоваться этим материалом не представляется возможным. (Гомосексуальная небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

В интервью Олеся подробно рассказывает, что задолго до начала заместительной гормональной терапии позаботилась о сохранении своего генетического материала, чтобы в будущем иметь возможность реализовать репродуктивные права. Однако после смены гендерного маркера ей отказали в дальнейшем предоставлении услуг ВРТ. Олеся связывает этот отказ с ужесточением законодательства о вспомогательных репродуктивных технологиях:

— Это было в 2022 году. Обращалась [за услугой криоконсервации] на всякий случай, сохранить материал перед началом ЗГТ. Оплатила на год вперед. А в 2023 году сам по себе закон не позволил со смененными документами ни усыновить детей, ни воспользоваться материалом. Помимо этого был закон

2022 года, что воспользоваться ЭКО женщина может только в случае, если не может самостоятельно выносить. Так как в моем случае проблема было несколько в другом, ... мне сказали, что и вы [материалом] никогда не воспользуетесь, и мы сами не хотим попасть под статью. [...]

— Ваша гипотеза в том, что по документам Вы были женщиной, но сдавали семенную жидкость?

— Они просто сказали что мы не хотим рисковать и с этим связываться, ссылались на общую государственную риторику. Говорили, что мы не поддерживаем ЛГБТ и что вообще вы не сможете этим воспользоваться. Официального отказа я на тот момент не потребовала, не было сил.

— Получается, они просто не хотели иметь дело с трансгендерным человеком?

— Да, думаю так. (Интервью, Олеся, Центральный ФО, маленький город)

В условиях правоконсервативного поворота в России, выстроенного вокруг политики “традиционных ценностей”, “укрепления семьи” и повышения демографических показателей, квир-женщины сталкиваются с ограничениями в доступе к услугам ВРТ. Одной из причин таких ограничений респондентки называют отсутствие официального гетеросексуального брака:

Не уверена, что это можно назвать в полной мере дискриминацией, однако большие трудности вызывает желание зачать ребенка от донора в клиниках, так как от врачей поступает огромное количество вопросов, на которые невозможно ответить честно, ведь заявлять о своей ориентации небезопасно. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Сибирский ФО, средний город)

Политика увеличения рождаемости посредством пропаганды “традиционных ценностей” оборачивается ограничением репродуктивных прав квир-женщин. Например, в интервью Мариэллы подробно описывается, какими аргументами сотрудники центра ВРТ мотивировали отказ в предоставлении этой услуги Мариэлле (скрывшей в общении с одним из них свою гомосексуальную ориентацию и находившейся в гетеросексуальных отношениях). Риторика первого из сотрудников прямо следует антигендерным нарративам, опирающимся на мифологические образы традиционных гендерных ролей и обосновывающим их необходимость мифологизацией же “прав планируемых

детей на гетеросексуальную ориентацию” — в ущерб реальным юридическим правам женщин на телесную автономию и репродуктивную свободу. В то же время в российском контексте права детей также приобретают гомофобную окраску и характер государственного контроля над частной и семейной жизнью. Так, Мариэлле сообщили, что в семье без отца “ребенок с детства будет с комплексом неполноценности и из него получится кто угодно”, после чего риторически спросили, зачем ей большой ребенок или ребенок-гей. Осознание такого контроля над частной жизнью могут приводить квир-женщин в России к отказу от рождения детей и к депрессии из-за фактической невозможности создать семью в своей стране:

Я подумала о том, чтобы воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями. Записалась на прием, чтобы про это хотя бы узнать. По лицу врача я поняла, что не стоит говорить о моих отношениях с девушкой. Я поняла и сказала, что хочу родить ребенка просто для себя. На это мне сказали: “А вы понимаете, что вы ребенка грабите? Ребенку нужно мужское влияние. Все люди как люди — а вы будете одна с ребенком. Такой ребенок будет с детства с комплексом неполноценности. Из такого ребенка получится кто угодно. Вдруг он вырастет геем? Вы что будете делать с этим?” Я сказала, что я не одна, что у меня семья, мои родители. Мне ответили: “Это хорошо, но ребенку нужен отец … Давайте повременим обсуждение ВРТ. Вот будет вам сорок лет и до сих пор не будет мужчины — тогда и придет. Главное — найти правильного мужчину, чтобы ребенку было комфортно расти в такой семье. У нас в обществе уже так много больных людей, неуверенных в себе мужчин, геев — вам зачем такой ребенок?” … Потом сходила к другому репродуктологу и там послушала уже другие вещи — потому что там я прямо сказала, что я лесбиянка и мужчины у меня никогда не будет. [...] Там мне формально предложили пройти психотерапевта. … После этого у меня неделю была депрессия, потому что я поняла, что ребенка родить в России не могу: это будет постоянная дискриминация каждый день. (Интервью, Мариэлла, Центральный ФО)

В интервью Тася подробно делится своим опытом о том, как возможность применения ВРТ в ходе реализации своих репродуктивных прав оказывается недоступной для нее как трансгендерной женщины. Непрерывное ведение заместительной гормональной терапии, в котором нуждаются трансгендерные женщины, зачастую накладывает временные объективные

медицинские ограничения на возможность воспользоваться ВРТ. Сочетание физиологических и психологических сложностей, связанных с прерыванием заместительной гормональной терапии, и социальных стереотипов и мифов, возникающих в обществе при реализации трансгендерными людьми своих репродуктивных прав, приводит к тому, что многие транс-женщины откладывают или отказываются от использования ВРТ, ограничивая свои возможности в реализации репродуктивных прав, которые в иных условиях могли бы быть доступными:

Я долго откладывала начала ЗГТ, потому что хотела криоконсервацию. Но там меня очень жестко “отшили”. [...] Я к ним записалась, долго описывала ситуацию. К тому моменту у меня уже были женские документы. Сначала они сказали, что все хорошо. Но потом, когда оставалось только подписать договор, мне сказали: “А у вас такой паспорт [с “женским” гендерным маркером], мы не можем с вами заключить договор”. [...] Я чувствовала себя дико из-за этого, потому что я думала, что наконец это все закончится, а мне сказали: “А идите-ка вы...” В итоге я ушла ни с чем. [...] Мне предложили какую-то помощь с юристами, я связалась с ними, мы написали обращение. [...] Но в итоге я чувствовала себя настолько ужасно, особенно в связи с тем, что по-прежнему откладывала начало ЗГТ. [...] И тогда я поняла, что просто умру [из-за депрессии и дисфории], если сейчас не начну ЗГТ. Тогда я просто все бросила, потому что больше не могла этим заниматься, в итоге начала ЗГТ. Сейчас, как я понимаю, криоконсервация для меня уже не совсем реалистична, и я уже смирилась с тем, что это для меня недоступная вещь. Иначе надо надолго бросать ЗГТ – на что я не готова ни на каких условиях. И то возможно из этого ничего не выйдет, так как я веду ЗГТ три года. (Интервью, Тася, Северо-Западный ФО)

Репродуктивные права относятся к базовым правам человека. Ограничения в их реализации, произвольные или мотивированные идеологией (в том числе “традиционных ценностей”), затрудняют квир-женщинам возможность создавать семью и становиться родителями. Такое вмешательство государства в личную жизнь квир-женщин недопустимо, поскольку создает для них дискриминационные условия. Опыт ведущей войну России демонстрирует, как антигендерная политика может негативно сказываться на реализации права на равенство и запрете дискриминации.

§3 Недобровольная конверсионная терапия

Тема конверсионной терапии вновь о себе напомнила в России в 2023 году, в связи с несколькими резонансными случаями ее недобровольного применения к ЛГБТК-людям²²⁹, а также с инициативой российских властей по созданию так называемого “института по изучению ЛГБТ”²³⁰. Случаи конверсионной терапии происходили еще задолго до начала полномасштабной войны²³¹. Подобная мера тесно связана с попытками создать альтернативную систему знаний, сочетающуюся с правоконсервативной пропагандой, в данном случае — в области медицины. Такая политика “постправды” является правопопулистским инструментом, позволяющим убедить широкую аудиторию в правильности собственной позиции и сомнительности международно признанных норм и институтов. В условиях ведущей войну России, где гражданское общество практически не имеет возможности влиять на принятие решений, подобная стратегия может иметь особенно серьезные последствия для общества в целом и для тех групп, которых мера затрагивает напрямую — в случае ее реализации. После заявлений политиков о создании такого “института”, никакой новой публичной информации о реализации этой меры в России нет.

Не в последнюю очередь этому способствует то, что подобное альтернативное знание, базирующееся на представлении о том, что негетеросексуальная ориентация и нецисгендерная идентичность — это вопросы психиатрии (что не совпадает с представлениями современной психиатрии), формирует веру родственников квир-людей в возможность и желательность их “исцеления”. На последнем недобросовестные квазимедицинские и квазицергиозные учреждения выстраивают спрос на свои формально незаконные “услуги”²³². В интервью и ответах на открытые вопросы о причинах страха перед недобровольной

229 См., например: What Happens In LGBT “Conversion Therapy” In Russia // Radio Free Europe. 12.03.2024. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-lgbt-conversion-therapy/32858475.html>; Golubeva, A., Norton, J. Tricked into conversion therapy in Russia for being trans // BBC. 28.07.2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cl7yk21925xo> (дата обращения: 17.07.2025).

230 См., например: Путин поручил создать институт психиатрии по изучению ЛГБТ-людей // Радио Свобода. 16.06.2023. URL: <https://www.svoboda.org/a/putin-poruchil-sozdati-institut-psichiatrii-po-izucheniyu-lgbt-lyudey/32461263.html> (дата обращения: 17.07.2025).

231 “На следующий день приехали санитары”. Как в России “лечат” от гомосексуальности и трансгендерности // Настоящее время. 17.05.2020. URL: <https://www.currenttime.tv/a/conversion-therapy-in-russia/30616113.html> (дата обращения: 03.08.2025).

232 См., например, выше о случае Ады, которая была похищена и недобровольно удерживалась в таком учреждении. См. также: Russian LGBTQ+ “Conversion Therapy” Isolates Patients for Months – Report // The Moscow Times. 04.03.2024. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2024/03/04/russian-lgbtq-conversion-therapy-isolates-patients-for-months-report-a84331> (дата обращения: 17.07.2025).

конверсионной терапией несколько респонденток рассказали, что сталкивались именно с такой схемой — проведения мер конверсионной терапии в отношении квир-женщины в связи с желанием ее родственников:

Когда я написала своему знакомому врачу о том, что начала трансгендерный переход, он пытался убедить меня лечь в больничку (частную психушку или что-то вроде того) к его знакомым, чтобы там у меня эту дурь из головы вытравили и сделали из меня мужика. Я отказалась, тогда он пообещал с моей мамой договориться. Тут мне стало еще страшнее. (Гетеросексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Приволжский ФО, крупный город)

… В 2022 году, когда я сделала каминг-аут матери, она хотела меня отправить “подтвердить диагноз” в клинику к Введенскому, который постоянно дает интервью изданиям типа “Московского комсомольца”, что гомосексуальность надо лечить и что зря ее убрали из МКБ-10. (Интервью, Эш, Центральный ФО)

Разговоры в “депутатской” “среде о возможной необходимости делать т[ранс-]людей “нормальными”, идущие параллельно с обсуждением “закона” о запрете смены пола. Лоббирование и внедрение рекомендаций по работе с т[ранс-] пациентами в сферу психиатрии в виде “психотерапии”, целью которой должно стать смирение человека с его неизменным безнадежным положением (принятие “нормальности”). Общее вмешательство малообразованных по медицинской части депутатов в сферу здравоохранения, лоббирование в любой сфере жизни цисгетеронормативности. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Государство в одном шаге от того, чтобы вернуть карательную психиатрию. (Бисексуальная небинарная персона на феминном спектре, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Конверсионная терапия является для квир-женщин в России достаточно заметным фактором тревоги. На вопрос о том, вырос ли их страх перед столкновением с недобровольной конверсионной терапией за последние три года, 38,7% опрошенных указали, что этот страх увеличился, еще 46,8% ответили, что не изменился, и только 1,1% — что уменьшился. Соотношение ответов при этом существенно менялось в подгруппе трансгендерных женщин: если среди цисгендерных женщин о том, что страх

подвергнуться недобровольной конверсионной терапии вырос с начала полномасштабной войны, сообщили 34,9%, а о том, что не изменился, — 49,9%, то среди трансгендерных женщин больше всего опрошенных сообщили о росте этого страха — 55,3% (более половины), в то время как о том, что уровень этого страха не изменился, сообщили только 33%.

Примечательно также, что среди подгруппы трансгендерных женщин были более категоричные и поляризованные ответы: если среди цисгендерных женщин затруднились ответить 14,5%, в то время как о том, что их страх столкнуться с недобровольной конверсионной терапией за последние три года уменьшился, сообщили 0,7%, то среди трансгендерных женщин затруднились ответить 9,6%, в то время как об уменьшении своего страха перед конверсионной терапией сообщили 2%. Эти результаты могут быть интерпретированы в ключе того, что в основном для трансгендерных женщин опасение по поводу конверсионной терапии оказывается более конкретным и менее отвлеченным, чем для цисгендерных женщин (для которых она также, безусловно, является огромной проблемой), что заставляет их глубже изучать проблему и составлять более определенное мнение.

Распространенность страха перед недобровольной конверсионной терапией среди трансгендерных женщин можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, их большая видимость в обществе по сравнению с цисгендерными гомосексуальными женщинами: это связано с нециснормативной внешностью на ранних этапах перехода или при невозможности сменить гендерный маркер на “женский”. Во-вторых, более значительный рост страха перед конверсионной терапией за три года полномасштабной войны среди транс-женщин может быть связан с принятием федерального закона, запретившего юридический и медицинский трансгендерный переход. Это может порождать тревогу о том, что конверсионная терапия начнет рассматриваться как альтернативный “метод лечения”. В-третьих, страх усиливается на фоне обсуждений в публичной сфере документов трансгендерных женщин, успевших сменить гендерный маркер на “женский”, включая предложения проверять “лицензии клиник”, выдавших медицинские справки, и, следовательно, сомневаться в правомочности изменений документов²³³.

233 Трансгендерной мафии требуется зачистка // Парламентская газета. 20.11.2023. URL: <https://www.pnp.ru/social/transgendernoy-mafii-trebuetsya-zachistka.html>; Полиция в России начала вызывать на опросы трансгендерных людей // Радио Свобода. 19.01.2024. URL: <https://www.svoboda.org/a/politsiya-v-rossii-nachala-vzyvat-na-oprosy-transgendernyh-lyudey/32783856.html>; Мы теперь всех вас знаем Российские силовики собирают данные об ЛГБТК-людях по всей стране.

[Меня заставляет больше этого бояться возможное] законодательное закрепление конверсионной терапии. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, большой город)

Есть переживания, что с абсурдностью законов конверсионную терапии могут сделать принудительной мерой. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, средний город)

Закон о запрете транспортировки по сути оставляет конверсионную терапию как единственный вариант “лечения”. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город)

Запрет транс-перехода. Опасаюсь переквалификации его или назначения конверсионной терапии в качестве официально рекомендованного “лечения”. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Примечательно, что среди цисгендерных женщин и небинарных персон, не испытывающих потребности в трансфеминном переходе, рост страха перед недобровольной конверсионной терапией за последние три года связывался с законами против ЛГБТК-людей и их нечеткими формулировками — в частности, не позволяющими понять, что может быть квалифицировано как “ЛГБТ-пропаганда”. Можно предположить, что принятие федерального закона “о запрете трансгендерного перехода” повлияло и на страх цисгендерных женщин перед конверсионной терапией — поскольку легитимность юридического и медицинского трансгендерного перехода основывалась именно на экспертизе ведомства (Министерства здравоохранения РФ, применяющего классификатор МКБ-10) и на соответствующих конституционных гарантиях (право граждан РФ на охрану здоровья, ст. 41 Конституции РФ). Тем самым, яркий прецедент произвольной трактовки прав в области медицины порождает у опрошенных нами квир-женщин страх других нарушений, связанных с легализацией конверсионной терапии:

Боюсь, что конверсионная терапия станет прописана в законе как обязательная для людей, арестованных по закону о ЛГБТ-

пропаганде. (Бисексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Создание в России своего варианта МКБ, в связи с этим признание болезнью влечение к своему полу. А там уже и до принудительной конверсионной терапии недалеко. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Южный ФО, средний город)

Обсуждение законопроектов о легализации конверсионной терапии. Отказ принимать новую МКБ-11 в медицинских учреждениях. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Приволжский ФО, большой город)

Существенно и возрастное различие в росте или уменьшении страха перед конверсионной терапией за последние три года. Доля тех, чей страх перед конверсионной терапией увеличился, сокращалась в более старших возрастных группах и возрастала в более молодых — особенно среди несовершеннолетних: в группе до 18 лет этот страх увеличился у 50,9%, в то время как среди группы 19–25 лет — у 38,4%, среди группы 26–35 лет — у 34,7%, среди группы 36–45 лет — у 30,8%, среди группы 46–55 лет — у 24%. Эта пропорция подтверждает, что проблема конверсионной терапии тесно связана с юридической и материальной зависимостью несовершеннолетних от родителей. В то же время высокий процент возросшего страха перед конверсионной терапией среди несовершеннолетних соотносится с нарративом защиты детей от “гендерной идеологии”, популярным среди государственной пропаганды и сторонников антигендерной риторики в России. Такое соотношение говорит о том, что у самих квир-подростков подобная “защита” вызывает страх перед физическим и психологическим насилием над их личностью и телесной автономией, перед которым они оказываются беззащитными из-за недостатка финансовой и жилищной независимости, а также правовой дееспособности (см. подробнее в гл.3.2).

В среднем по выборке уровень страха перед недобровольной конверсионной терапией составил 4,09 баллов из 10. Наиболее низкой оценка уровня страха была в подгруппе цисгендерных женщин (3,91), в то время как наиболее высокой — в подгруппе трансгендерных женщин (4,90) и интерсекс-женщин (5,12). Характерно, что обе эти группы затрагивает действие федерального закона “о запрете трансгендерного перехода” —

который одновременно запрещает медицинскую “смену пола”, устанавливает определение пола в зависимости от генитального статуса и узаконивает корректирующие операции для интерсекс-детей без их согласия. Такое соотношение уровня страха позволяет предположить, что центральным в его формировании является переживание квир-женщин в России по поводу своей телесной автономии, а также осознание в качестве реалистичной возможности того, что государство может вмешаться в эту автономию без их согласия.

Несовершеннолетние квир-женщины выше оценили свой уровень страха, чем квир-женщины из других возрастных групп: в группе до 18 лет средняя оценка страха составила 4,83 балла, тогда как в группе 19–25 лет – 4,08, в группе 26–35 лет – 3,83, в группе 36–45 лет – 3,57, в группе 46–55 лет – 3,52. Таким образом, мы можем предположить, что на страх перед недобровольной конверсионной терапией влияет, с одной стороны, та или иная форма зависимости от старших родственников, а с другой стороны, канализация в государственной пропаганде бытовой гомо- и трансфобии в русло “защиты детей от «гендерной идеологии»” – даже если дети уже являются совершеннолетними. Такая риторика одновременно позволяет охватить более широкие слои населения (не только праворадикальные группировки) и сделать персонализированным страх перед “гендерной идеологией”, внедряемой “глобальным Западом”, от которой государство, ведущее войну и вводящее законы против свободы слова, защищает повдростков и даже молодых людей. Одновременно подобная форма пропаганды негласно **легитимирует неполную самостоятельность молодых совершеннолетних людей** в принятии решения о своей телесности, гендере и сексуальности (такая логика лежит в основе деятельности ряда российских ультраконсервативных организаций, например, “Родительская палата”, см. подробнее в гл. 3.2, гл. 8.4).

В отличие от оценки респондентками рисков подвергнуться “конверсионной терапии”, сами случаи столкновения с конверсионной терапией оказались в нашей выборке достаточно редкими. О том, что они не сталкивались с конверсионной терапией до февраля 2022 года, сообщили 96,4% опрошенных квир-женщин. Остальные опрошенные чаще всего отмечали, что сталкивались с такими формами воздействия (со стороны родителей или иных акторов) с целью изменить их сексуальную

ориентацию и(или) гендерную идентичность как применение психологического насилия (запугиваниями и угрозами) — 2,6%, ограничение контактов и лишение связи — 1,2%, физическое насилие (например, побои) — 1%. При этом трансгендерные женщины чаще, чем цисгендерные женщины, говорили о том, что сталкивались со случаями конверсионной терапии: 6,6% против 1,9% в случае психологического насилия, 2,5% против 0,6% в случае физического насилия, 3% против 0,7% в случае ограничения контактов или лишения связи. Большинство столкнувшихся с этими мерами не обращались в полицию (4%).

Этот процент несколько выше, чем в опыте респонденток после февраля 2022 года: о столкновении в этот период с каким-либо видом конверсионной терапии сообщили 1,6% опрошенных в случае психологического насилия, 0,5% в случае ограничения контактов или лишения связи, 0,5% в случае физического насилия. Среди трансгендерных женщин этот уровень также был выше, составив 3% в случае психологического насилия, 2% в случае физического насилия и 1,5% в случае ограничения контактов или лишения связи, в то время как не сталкивались с конверсионной терапией — 94,9% (в сравнении с 98,4% среди цисгендерных женщин).

§4 Доступность медицинской помощи для трансгендерных женщин после введения запрета трансгендерного перехода в России

В современной России прямым препятствием в реализации квир-женщинами своего права на наивысший возможный достижимый уровень здоровья являются квирофобные законы (см. также в гл. 4.4, 5.2).

Федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода”, запрещающий как юридический, так и медицинский переход, в первую очередь нарушает право трансгендерных людей на достоинство личности. Международные нормы (в частности Всеобщая Декларация прав человека) обязывают государство не принимать законы, посягающие на достоинство личности.

Необходимо отметить, что и на сегодняшний день в России действует МКБ-10. Она предписывает, что трансгендерный переход необходимо расценивать как медицинскую помощь, получаемую

лицом с диагнозом F64.0 (“Транссексуализм”, аналог “Гендерного несоответствия” (НА60) по МКБ-11) по своему желанию. На текущий момент государство предоставляет возможность консультаций у психиатра и психолога, запретив современный подход к поддержке трансгендерных людей — предоставление возможностей для медицинского, юридического и социального перехода.

Данные проведенного нами исследования позволяют подробнее рассмотреть, как отсутствие возможности реализовать трансгендерный переход влияет на состояние здоровья трансгендерных женщин.

В первую очередь респондентки отмечали, что сталкиваются с ограничением доступа к консультациям эндокринологов, которые могут в рамках своей компетенции поддерживать трансгендерных женщин в гормональной терапии (включая назначение препаратов и контроль за состоянием здоровья). Среди свободных ответов на вопрос о том, как запретительный закон повлиял лично на них, респондентки отвечали:

Невозможность сменить документы, невозможность проводить ЗГТ с врачами (теперь делаю это сама). (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, крупный город)

...Не могу получить доступ к гормональной терапии, из-за чего приходится обращаться к неофициальным источникам и делать это самостоятельно, без консультации и помощи врачей. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, до 18 лет включительно, Северо-Западный ФО, крупный город)

Я делаю инъекции без эндокринолога, без анализов (1 раз только, на 8[-й] месяц, сейчас уже 14[-й]). [...] Энергии 0, доверия 0, поддержки... ну тут единичку можно поставить. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, крупный город)

Затруднялся доступ к дружественным эндокринологам, для коррекции терапии. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Не могу закончить медицинский переход из-за запрета проведения таких медицинских услуг на территории РФ, стараюсь не обращаться к врачам за помощью, так как опасаюсь дискриминации и потому занимаюсь самолечением. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

По данным интервью, проблемы с доступом к консультациям эндокринологов испытывают как те транс-женщины, которые успели сменить гендерный маркер на “женский” (как в первой цитате), так и те, кто не успел этого сделать (вторая цитата):

Когда я пришла к [государственному] эндокринологу, мне сказали, что мы вызовем полицию или дурку, что давайте отрежем грудь... [Только у частного врача выписали рецепт на эстрадиол] с диагнозом “Эстрогенная недостаточность на фоне отсутствия яичников”. (Интервью, Олеся, Центральный ФО)

Все эндокринологи в моем городе мне отказали. Мой психиатр также не может написать в диагнозе о каких-то проблемах, связанных с гендерной дисфорией: потому что “у тебя самой могут возникнуть проблемы, если введут какой-то новый закон, давай делать вид, что у тебя ничего нет. [...] Сейчас я веду ЗГТ, консультируясь онлайн с эндокринологом за рубежом. В целом я довольна, но это не может заменить полноценного приема с осмотром. (Интервью, Скай, Приволжский ФО)

Данные опроса подтверждают распространенность проблемы доступа трансгендерных и небинарных женщин к эндокринологической помощи. Среди тех, кто проходил трансфеминный переход, большинство отметили, что могут обратиться к эндокринологу только на коммерческой основе — 36,1% (по интервью, чаще всего это онлайн-консультации с врачами, практикующими за границей). Почти такая же доля — 34,8% — заявили, что не имеют возможности обратиться к эндокринологу вообще.

Особенно остро эта проблема проявляется среди женщин, проживающих в сельской местности: из 11 таких респонденток (около 0,5%) 63,6% не могут получить эндокринологическую помощь, что почти в два раза выше, чем среди городских жительниц (33,5%). Это может свидетельствовать о зависимости доступа к помощи от жизни в более толерантной и мобильной городской среде, а также от более высокого уровня доходов.

Также доступ к эндокринологической помощи для трансгендерных женщин может зависеть от того, живут ли они близко к Москве или Санкт-Петербургу. Получить бесплатную помощь по государственному медицинскому страхованию удается крайне редко: от 4,3% в Сибирском федеральном округе до 10,2% в Северо-Западном. Причем все такие случаи касаются женщин,

которые уже сменили гендерный маркер и формально получают консультации как цис-женщины с эндокринологическими проблемами. Главное различие между регионами заключается в том, могут ли трансгендерные женщины получать консультации эндокринолога на коммерческой основе или лишены доступа к такой помощи (платной или бесплатной) полностью.

Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Северо-Западном и Центральном федеральных округах: 44,9% и 40,9% респонденток имеют доступ к частным эндокринологам, тогда как 26,5% и 25,8% не имеют никакого доступа к любой помощи эндокринологов.

В *всех остальных округах* ситуация обратная: доля женщин, лишенных доступа к эндокринологам на платной или бесплатной основе, превышает долю тех, кто может получить помощь платно у частных эндокринологов: Приволжский федеральный округ — 44,5% против 34,8%; Уральский федеральный округ — 48% против 28%; Сибирский федеральный округ — 52,2% против 21,7%; Южный федеральный округ — 47,1% против 23,5%. Для Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов данных, полученных нами в ходе исследования, оказалось недостаточно для полноценных выводов (илл. 46).

Иллюстрация 46. Возможность получить консультации эндокринолога при згт: В зависимости от региона (в %)

Зависимость доступа к частному эндокринологу от проживания вблизи Москвы и Санкт-Петербурга либо в этих городах может объясняться плотностью социальных связей трансгендерных людей и наличием у них доступа к информации (часто специалисты, опасаясь провокаций ультраконсервативных активистов — сторонников “традиционных ценностей”²³⁴, соглашаются принимать новых пациенток только по поручительству и/или рекомендации от пациенток, которые у них уже получают медицинскую помощь).

Также существенным фактором доступа к эндокринологической помощи может быть уровень доходов трансгендерных женщин, которые в России значительно ниже у людей, проживающих не в центральных мегаполисах (например, Москва и Санкт-Петербург)²³⁵:

Не могу позволить себе частного дружественного эндокринолога, разбирающегося в вопросе. Но могу обратиться по ОМС для назначения анализов. Их рекомендации обычно отличаются от знающих эндокринологов. (Пансикуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Доступ трансгендерных женщин к эндокринологам важен для их здоровья. Обращает на себя внимание то, что в проведенном опросе 9% цисгендерных женщин сообщили о наличии у них

234 Активисты таких движений заняты доносительством в правоохранительные органы (применяющие нечеткие законы с размытыми и оценочными формулировками как средство давления и репрессий) на специалистов и организации, оказывающие помощь ЛГБТ+ людям. Основной мотивацией, о которой публично заявляют такие активисты, является защита детей от “пропаганды ЛГБТ” и “защита традиционных ценностей”. Государство, в том числе правоохранительные органы, поощряет деятельность таких активистов. См., например о деятельности правоконсервативного движения “Сорок сороков”: Тату-мастер из Петербурга покинула Россию после доноса // Север.Реалии. 21.02.2024. URL: <https://www.severreal.org/a/tatu-master-iz-peterburga-pokinula-rossiyu-posle-donosa/32829471.html> (дата обращения: 10.07.2025).

Телеграм-канал движения привыкает подиспосиком отправлять в прокуратуру доносы на культурные акции и события, распространяющие, по мнению авторов, “деструктивную информацию среди несовершеннолетних”: <https://t.me/>.

См. также о деятельности консервативной инициативы “Родительская палата”, активисты которой организовали давление на медицинскую клинику с целью не допустить проведения гендерно-аффирмативной операции: Частная клиника отказалась транс-персоне в операции из-за доноса // Activatica. 28.02.2024. URL: <https://activatica.org/content/b10cc740-2d11-45c2-976d-6826442f3907/chastnaya-klinika-otkazala-transpersonu-v-operaciu-iz-za-donosa> (дата обращения: 10.07.2025). Существенно, что инициатива опирается на обращения родственников, связанные с неодобряемым ими поведением совершеннолетних людей молодого возраста (в данном случае трансгендерной девушке был 21 год). В Телеграм-канале “Родительской палаты” описание этого доноса старательно обыгрывает решение Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общество движение ЛГБТ” экстремистской:

От имени Союза “Родительская палата” в адрес Президента Следственного комитета РФ Александра Ивановича Бастрыкина в срочном порядке было направлено обращение с просьбой защитить здоровье молодого человека, пресечь незаконную деятельность указанной клиники, а также провести проверку происхождения денежных средств на указанную операцию. Со слов матери, молодой человек не имеет дохода, который бы позволял ему осуществлять такие значительные траты. Вероятно, имеет место вмешательство и давление со стороны международного движения ЛГБТ, признанного экстремистским. (курсив наш, — авторы исследования). URL: <https://t.me/roditelskayapalata/6580> (дата обращения: 01.08.2025).

235 Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. 04.06.2025. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_11subg-nm.xlsx (дата обращения: 01.08.2025).

серьезных хронических заболеваний, а среди трансгендерных женщин этот показатель составляет 16,8%. Это особенно существенно, так как трансгендерные женщины часто нуждаются в ведении гормональной терапии или гендерно-аффирмативных операциях. Однако со вступлением в силу федерального закона, запретившего медицинский трансгендерный переход, они почти лишились возможности контролировать гормональную терапию через консультации с профильными врачами (эндокринологами).

С доступностью гендерно-аффирмативных операций ситуация еще хуже, чем с ведением гормональной терапии. Более 84% опрошенных трансгендерных женщин в России не сделали ни одной такой операции, хотя только 17,2% заявили, что не нуждаются в них. Наибольшую потребность трансгендерные женщины отмечают в операциях по феминизации черт лица (57%), вагинопластике (54,9%) и феминизации тела (42,6%) (илл. 47).

Несмотря на такой высокий уровень потребности в гендерно-аффирмативных операциях, к 2025 году из опрошенных трансгендерных женщин 82,2% опрошенных не сделали ни одну из них. Существенно, что самыми распространенными совершенными операциями оказываются либо наименее дорогостоящие (орхиэктомия), либо не относящиеся исключительно к сфере гендерно-аффирмативных операций (феминизация черт лица, формально представляющая собой пластическую хирургию) (илл. 48).

Среди тех, кто не сделал ни одной гендерно-аффирмативной операции, доля проживающих в Центральном и Северо-Западном федеральных округах немного ниже (82,8% и 81,6%), но в целом различия между федеральными округами незначительны — от 81,6% до 89,7%.

Интересно, что потребность в операциях, направленных на феминизацию внешности (лица и голоса), чаще отмечалась респондентками, проживающими в федеральных округах без городов федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга). Эти федеральные округа считаются менее урбанизированными и менее привилегированными.

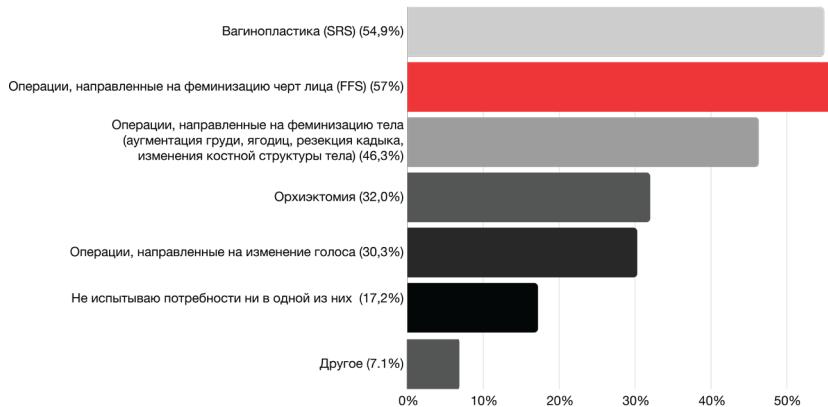

Иллюстрация 47. Потребность в гендерно-аффирмативных операциях (транс-женщины, %)

Иллюстрация 48. Уже совершенные гендерно-аффирмативные операции (транс-женщины, %)

Так, в операциях по **феминизации лица** нуждаются трансгендерные женщины:

- 69% в Приволжском федеральном округе,
- 68% в Уральском федеральном округе,
- 64,7% в Южном федеральном округе,
- 60,9% в Сибирском федеральном округе,
- 55,1% в Северо-Западном федеральном округе,
- 48,4% в Центральном федеральном округе.

Потребность в операциях по **феминизации голоса** имеется у примерно такого же количества трансгендерных женщин, хотя разница между данными по федеральным округам меньше:

- 40% в Уральском федеральном округе,
- 37,9% в Приволжском федеральном округе,
- 34,8% в Сибирском федеральном округе,
- 29,4% в Южном федеральном округе,
- 28,6% в Северо-Западном федеральном округе,
- 26,9% в Центральном федеральном округе.

Для потребности в операциях по вагинопластике различия между трансгендерными женщинами, проживающими в разных федеральных округах, менее выражены: 55,9%, 55,1%, 58,8%, 55,2%, 60,0% и 43,5% в Центральном, Северо-Западном, Южном, Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах соответственно.

То же верно и для **орхиэктомии**: 30,1%, 32,7%, 52,9%, 27,6%, 36,0%, 26,1% по тем же федеральным округам.

Эти данные позволяют предположить, что **для трансгендерных женщин в менее урбанизированных регионах потребность в феминной внешности, способной снижать риск трансфобного насилия и дискриминации, оказывается важнее вопросов личного комфорта и повседневной жизни.**

Соотношение возраста респонденток и совершенных желаемых гендерно-аффирмативных операций показывает следующую картину:

- в группе до 18 лет включительно такие операции не делал никто, что соответствует мировым практикам;
- среди 19–25 лет ни одной операции не было у 92,7%;
- 26–35 лет — у 72,3%;
- 36–45 лет — у 64,0%.

При этом потребность в операциях выражена почти одинаково во всех возрастных группах (кроме возраста до 18 лет включительно, где она может быть ниже в том числе по психологическим причинам):

- феминизация лица: 64,2% (19–25 лет), 50,8% (26–35 лет), 64,0% (36–45 лет);
- вагинопластика: 60,2%, 53,8%, 52% соответственно.

Эти данные позволяют предположить о взаимосвязи: с увеличением возраста трансгендерных женщин увеличивается и количество трансгендерных женщин, совершивших гендерно-аффирмативные операции. Таким образом, рост числа совершивших желаемые гендерно-аффирмативные операции среди старших возрастных групп нельзя объяснить большей потребностью в них (наоборот, данные показывают, что именно у самой молодой группы совершеннолетних транс-женщин в России (19–25 лет) потребность в вагинопластике наибольшая, что опровергает популярный тезис о противостоянии культуры гендерной идентичности и физиологии, связанной с гендером). Это свидетельствует о том, что **увеличение числа гендерно-аффирмативных операций в более старших возрастных группах трансгендерных женщин связано со временем, необходимым трансгендерным женщинам для прохождения всех этапов трансгендерного перехода и накопления средств.**

Цифры косвенно свидетельствуют, что речь идет о **годах, требующихся на то, чтобы накопить необходимые средства**.

После вступления в силу 24 июля 2023 года федерального закона, запретившего медицинский трансгендерный переход, ситуация с доступом трансгендерных женщин к операциям ухудшилась. Поскольку “операции по смене пола человека” (так указано в российском законе) теперь запрещены в России и фактически их можно сделать только за границей, это автоматически увеличивает стоимость процедуры за счет как самой операции, так и перелета, проживания, сопутствующих необходимых расходов. Респондентки в свободных ответах подробно описывают эти трудности:

Я поняла, что запрыгнула в последний вагон. Мне пришлось делать операцию в Армении, а не в более безопасной клинике. Мне

пришлось делать операцию не тем методом. (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, большой город)

В связи с принятием закона о запрете трансгендерного перехода, теперь я, даже будучи обладательницей женских документов, внешне однозначно идентифицируемая со стороны как женщина, более не имею права на гендерно-аффирмативные процедуры, среди которых наиболее важна для меня “нижняя операция” (на гениталиях), без которой я не вижу для себя возможности даже задумываться об отношениях (у меня их никогда в жизни не было, и теперь, видимо, не будет еще много лет...) Остается возможность сделать операцию за границей, однако в России до принятия закона цена на нее была в несколько раз ниже, чем в любой другой, доступной для проведения таких процедур стране. Сейчас же, с учетом курса доллара (с которым еще неизвестно, что будет), с учетом цен на билеты до страны, где можно сделать операцию, цены самой операции и моей зарплаты, я буду вынуждена копить на жизненно необходимую для меня процедуру многие годы, что вызывает сильное чувство неопределенности, безнадежности, одновременно с этим ненависти к государству и к себе, а также значительно усиливает суицидальные мысли и тенденции... (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Опрос подтверждает, что потребность в гендерно-аффирмативных операциях остается трудно реализуемой для трансгендерных женщин в России в 2025 году.

На вопрос “Какие операции вы сможете сделать в ближайшие 3–5 лет?” всего **2,9% трансгендерных женщин** ответили, что уже совершили все желаемые операции, тогда как **49,2%** — считают невозможным осуществить ни одну из них в ближайшие годы.

Сравнение этих данных позволяет предположить, насколько важны гендерно-аффирмативные операции для преодоления трансгендерными женщинами широкого спектра социальных и психологических ограничений.

Глава 9. Нарушения и дискриминация в области семейных и родительских прав

§1 Права и потребности квир- женщин в области юридического признания партнерств

Несмотря на то, что законодательство в России не признает никакие иные типы партнерств, кроме моногамных разнополых, социальные практики квир-женщин, о которых нам сообщили респондентки, разнообразны. Результаты исследования показывают, что семейная и родительская сферы являются как для квир-женщин, так и для трансгендерных людей в России одной из самых уязвимых областей жизни. Особенностью выборки в настоящем исследовании можно считать низкий процент квир-женщин, находящихся или находившихся в официальном гетеросексуальном браке — 4%, а также 3,7% разведенных и 0,1% вдов. При этом 22,5% опрошенных квир-женщин указали, что в настоящее время проживают с партнерками, тогда как лишь 2,4% указали, что живут с мужем или женой в официальном браке. Некоторые респондентки, состоящие в браке или длительных партнерских отношениях с цисгетеро-мужчинами, сообщали о случаях подобного насилия:

Мой бывший муж был убежден, что моя пансексуальность — признак распущенности. Для него это был повод для ревности и гиперконтроля; я много раз слышала, что ЛГБТК+люди — жертвы пропаганды/ неполноценные/ больны, равно недееспособны, что нам нельзя доверять работать с / воспитывать собственных детей. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Приволжский ФО, крупный город)

При этом видимость партнерского насилия в квир-парах (независимо от того, какой гендерной идентичности или сексуальной ориентации агрессор:ка) все еще остается низкой. Многие квир-люди не заявляют близким и в правоохранительные органы о пережитом в партнерствах насилии в силу стигматизации. Также мало кто из пострадавших делится таким опытом публично.

Кроме того, эта тема, как правило, не входит в фокус масштабных исследований по России. Этот вопрос требует глубокого изучения, а тема партнерского насилия в квир-парах (с различными сексуальными ориентациями и гендерными идентичностями) актуальна для ЛГБТИК+ сообществ в России.

В ходе опроса нами были получены данные об отдельных специфических случаях насилия в личных отношениях. В них делается попытка использовать против квир-женщин законы против ЛГБТК-людей. Речь идет прежде всего об угрозах доносом и вымогательстве:

Угрозы физической расправы надо мной и моей семьей от родителя моей бывшей девушки. Так как на тот момент я была несовершеннолетней, а этот человек имел влияние в правоохранительных органах, я обратилась за помощью к своей маме. Тогда вынуждена была сделать каминг-аут, для того чтобы замять эту ситуацию. Далее сталкивалась с преследованиями от этого человека и неприятными высказываниями в адрес меня и моей мамы. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Северо-Западный ФО, небольшой город)

На данный момент готовлю дело на свою бывшую девушку, которая должна мне вернуть долг в 160 тысяч рублей. Последний наш разговор был в феврале, она угрожала мне, что расскажет о моей ориентации моей семье и вообще разрушит мою жизнь. Сейчас я собираю все доказательства, чтобы обратиться в суд, и я все еще боюсь, что она запросто напишет на меня дело о “пропаганде ЛГБТ” или еще о чем. Не чувствую себя защищенной, обращаясь в суд. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, крупный город)

Меня обманула партнерша, украла деньги. Я боюсь идти в полицию, так как не понимаю, могут ли в этом случае меня признать экстремистом. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, небольшой город).

Попытка матери моего цис-парня завести уголовное дело, из-за чего приходится скрывать наши отношения от его родителей. (Бисексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Южный ФО, крупный город)

Моя жена — трансгендерная девушка, ее мать говорит, что ее переход произошел из-за меня, и грозится подать на меня заявление. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, крупный город).

В случае квир-женщин обращение с заявлениями о расследовании случаев насилия в правоохранительные органы предполагает достаточно высокие риски и непредсказуемость из-за действия квирофобных законов. Понимая это, опрошенные квир-женщины избегают обращаться в полицию или Следственный комитет РФ в таких случаях. Поводом же как для угроз квир-женщинам со стороны частных лиц, так и для страха квир-женщин перед обращением в правоохранительные органы, становится в том числе отсутствие признания и правового статуса у негетеросексуальных партнерств.

Данные проведенного нами опроса подтверждают, что невозможность заключить брак и совместно воспитывать детей остаются формами институциональной дискриминации квир-женщин в России. **89,9%** респонденток считают возможность легализовать отношения между партнерами одного пола важным условием для улучшения своей жизни. При этом имеет значение не только символическое значение брака, но и его прямая связь с юридической защитой квир-семьи: доступом к совместному имуществу, праву наследования, медицинскому представительству и защите в случае болезни или смерти партнерки/партнера/партнеров. Отсутствие правового признания брака или родительства (например, если партнерка не является биологическим родителем ребенка) создает ситуацию постоянной нестабильности. В случае расставания, болезни, смерти партнерки или конфликта с родственниками “второй родитель” ребенка в квир-семье юридически не существует, а значит — не имеет основанных на законе гарантий защитить ребенка или сохранить с ним связь.

Опрошенные квир-женщины рассказывают, что невозможность заключить официальный брак усиливает их правовую незащищенность, например, в случае допуска к партнерке в медицинское учреждение или иного представления ее интересов:

Отказ к допуску в стационар к моей (тоже трансгендерной) девушки... (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Сибирский ФО, средний город)

Мы живем вместе как семья, ведем быт как семья, но случись что с нашим здоровьем — мы не сможем даже банально находиться физически рядом, для того чтобы оказать поддержку и помочь друг другу. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Среди квир-женщин, испытывавших или испытывающих потребность в трансгендерном переходе, 7,8% имеют опыт какого-либо ограничения своего перехода из-за страха, что будет расторгнут их брак, при том, что в браке на момент начала перехода состояли 34,4%. Наиболее часто респондентки откладывали смену гендерного маркера — 4,9%, затем — ведение заместительной гормональной терапии (2,5%) и гендерно-аффирмативные операции (0,4%). Необходимость откладывать смену юридического гендерного маркера могла привести к невозможности этой смены после вступления в силу федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”.

Среди наших респонденток две трансгендерные женщины столкнулись с принуждением предварительно расторгнуть брак при смене гендерного маркера еще перед принятием федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”. При этом фактором, заставившим одну из респонденток согласиться на эти требования, был страх того, что она не успеет сменить гендерный маркер в документах до вступления такого запрета в силу. Кроме того, другой причиной стало то, что сотрудники ЗАГСа угрожали искусственно затянуть рассмотрение ее заявления:

Для перехода мне надо было развестись, через суд. Я поехала в ЗАГС, и ЗАГС на этом настоял. [...] Я приехала в ЗАГС, местный, районный, подать заявление о смене имени и перемене пола. Они сказали, что не примут у меня заявление, пока я не принесу документы о разводе. Я возмутилась, что это незаконно. На что они ответили, что у нас сейчас у заведующей месяц отпуска, потом мы документы потеряем, потом будем их восстанавливать, вы напишете заявление, но время уже будет потеряно и закон примут. (Интервью, Олеся, Центральный ФО, маленький город)

В интервью с другой респонденткой, Ириной, описывается иная ситуация — когда после аналогичных требований органа ЗАГС и угроз обращением в прокуратуру, брак в итоге не был расторгнут на момент смены гендерного маркера, но оказался “аннулирован” в соответствии с нормами федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”. У Ирины и ее супруги нет никакого документа, подтверждающего развод, но вместе с тем их брак больше не признается действительным:

Брак мы заключили незадолго до того, как я поменяла документы, долгое время откладывали, так как это триггерная процедура, хотелось заключить нормальный брак уже после смены документов, а не прикидываясь цисгетеро. Тогда у меня уже была на руках справка из медцентра, с которой можно менять документы, и потому скорее всего начальница ЗАГСа зацепилась за эти даты. Она громко кричала, что брак гомосексуальный и его надо расторгнуть, угрожала прокуратурой, отказалась в смене документов (хотя тогда юридически не имела на это права), и мы поехали в другой ЗАГС (к счастью, так было можно), где на штамп в паспорте уже не посмотрели и согласились поменять гендерный маркер. Уже после этого начальница первого ЗАГСа позвонила мне и сказала, что они поменяют мне документы, но прокуратура этим делом заинтересовалась, я вежливо сказала ей, что подумаю. После чего больше не контактировала с ней. А уже через несколько месяцев начали обсуждать закон о запрете трансгендерного перехода, согласно которому все браки, заключенные людьми до смены гендерного маркера, вне зависимости от того, были они расторгнуты официально или нет, считаются аннулированными. Официального постановления по моему браку у меня нет, но согласно закону, он недействителен. Свидетельство о браке у нас до сих пор на руках, но технически оно больше не имеет силы.

§2 Родительские и опекунские права квир-женщин

Значительная доля квир-женщин — **28,8 %** — заявили, что **не могут реализовать потребность стать родителями в России**. В группе трансгендерных женщин это беспокоит 48,7% ответивших. 96% опрошенных квир-женщин в нашей выборке не имеет детей. При этом отвечая на вопрос “Что позволило бы вам как ЛГБТК-персоне жить в России комфортнее?”, 78,5% опрошенных квир-женщин отметили легальное право усыновления для однополых пар. Таким образом, невозможность стать родителями оказывается широко распространенной и нереализованной потребностью среди квир-женщин. На эту невозможность влияют не только прямые законодательные запреты, но и страх квир-женщин столкнуться с давлением органов опеки, о котором они регулярно узнают от тех квир-женщин, которые уже являются биологическими и приемными родителями.

Среди опрошенных нами квир-женщин только 4% имели детей. Сосредоточение на группе тех квир-женщин, у которых на момент

исследования были дети, показывает, что риск осуществления и сохранения родительства — один из важных факторов в жизни квир-женщин в России. Так, среди тех из опрошенных, у кого был 1 ребенок, с угрозами (от разных акторов), что у них отберут детей, после начала полномасштабной войны столкнулись 17,1%, а среди тех, у кого было 2 ребенка — 15%. Этот уровень демонстрирует рост по сравнению с периодом до начала полномасштабной войны — тогда среди тех из опрошенных, у кого был 1 ребенок, с угрозами, что у них отберут детей, столкнулись 12,2%, а среди тех, у кого было 2 ребенка — 15,6%. Возможно, такие угрозы не были реализованы, но для нас в рамках исследования было важно установить, что эти угрозы звучали в разных ситуациях, а также что они достаточно распространены.

В ходе опроса об угрозах отобрать детей сообщили:

- 0% гетеросексуальных женщин и 1,5% пансексуальных, 1,1% бисексуальных и 0,7% гомосексуальных женщин,
- 1% цисгендерных и 0,5% трансгендерных женщин, а также 0,8% небинарных персон на феминном спектре.

Женщины с иными идентичностями такими опасениями в ходе опроса не поделились. Эти ответы демонстрируют **опасения квир-женщин в возможности изъятия государством или иными акторами детей**.

Квир-женщины, воспитывающие несовершеннолетних детей, делились опытом, в котором вопросы безопасности и социальной приемлемости оказывались значимым фактором. Некоторые рассказывали, что в силу опасений за последствия для семьи им приходилось либо прекращать отношения (например, одна из респонденток описывала, что ее связь с партнеркой постепенно сошла на нет после угроз прохожего обратиться в органы опеки), либо искать другие стратегии защиты, например объяснять детям, что о партнерках не стоит упоминать в публичных разговорах — даже если они играют для ребенка роль второго родителя.

Я стала понимать, что для меня и моей партнерки не существует нигде безопасного места. Мы обе не стоим ни в одном сообществе официально. Наши дети посещают садик и школу. И любая информация о нас как о паре может стать причиной травли детей и внимания органов опеки. Вплоть до изъятия детей из семьи. Хотя мы не пьем, не употребляем [наркотики]; у нас есть хорошие жилищные условия; дети учатся

и посещают дополнительные занятия танцами и спортом и т.д. Но мы все равно находимся в напряжении, что в любой момент нам пришлют статью за пропаганду. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Когда у меня появилась девушка, то гулять вместе с ребенком стало очень тревожным мероприятием. Один раз, при открытом проявлении чувств между нами, прохожий угрожал нам соцопекой. После мы уже так не гуляли, и отношения отчасти из-за этого продлились недолго. С 2022 года я боюсь вступать в постоянные отношения, не одобряемые российской политикой. Только тайные короткие встречи. (Пансексуальная небинарная персона на феминном спектре, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Я не позволяю детям говорить в школе о моей партнерке. Им приходится умалчивать, кто она, когда они зовут друзей домой. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Приволжский ФО, крупный город)

Согласно данным нашего опроса, квир-женщины, имеющие детей, чаще, чем квир-женщины без детей, скрывают свою идентичность в ситуациях формального взаимодействия. Среди квир-женщин без детей 7,4% скрывают свою идентичность от работодателя или начальника. Среди тех, у кого есть один ребенок, таких уже 12%, а среди матерей двоих детей — 15,7%. Похожая динамика прослеживается и в отношении незнакомых людей в публичных местах: если среди бездетных квир-женщин скрывать свою идентичность приходится 4,1%, то среди женщин с одним ребенком — 7,3%, а с двумя — уже 10%.

В интервью с Олесей поднимается история ее взаимодействия с органами опеки после смены юридического гендерного маркера. Она отмечает, что изменения во внешности, связанные с началом трансгендерного перехода, обратили на себя внимание руководства детского сада, который посещали ее несовершеннолетние дети. По словам Олеси, органы опеки в итоге не предприняли активных шагов. Она связывает это с тем, что ей и ее супруге удалось договориться с детьми о том, чтобы при посторонних людях называть Олесю не как родителя, а как более дальнюю родственницу:

Поселок [, где я живу,] маленький. О моем [трансгендерном] переходе знали. И с начала 2024 года на меня начали писать заявления. Заявление на меня в органы опеки пришло от имени директора школы и детского сада. [...] У органов опеки были вопросы по типу “какой вы пример подаете”. [...] Мы пробовали учить детей использовать нейтральные местоимения]. Остановились на том, чтобы называть меня просто по имени. [...] И когда [к нам домой] пришли органы опеки, они стали давить на детей: “Это кто? Папа?” И дети дружно ответили: “Нет, это тетя Олеся, родственница”. Вот. “Что вам надо? Родственница Олеся”. После этого вопросов у органов опеки стало меньше. Хотя они [все понимали], представительница органов опеки понимала, [что я родитель детей,] говорила, что это отец.

Необходимость обучить своих детей тому, чтобы говорить неправду и избегать откровенности в разговоре о своей семье, вызывает у опрошенных квир-женщин глубокие травматические переживания, чувство неправильности и предательства.

То же самое проявляется в ситуациях, распространявшихся с начала полномасштабной войны, когда ребенку приходится одновременно объяснять гражданскую позицию своих родителей — и необходимость не упоминать о ней в учреждениях, которые он посещает (таких как детский сад и школа). Квир-женщины, воспитывающие детей, испытывают дополнительный страх в контексте обсуждения с ребенком происходящих в стране событий и отношения к ним. Квир-родительницы, уже сталкивающиеся с давлением и тревогами, связанными с возможным вниманием органов опеки к их нецигетеронормативному статусу, отмечают дополнительный источник уязвимости — собственную антивоенную позицию и то, как она может отражаться на воспитании детей.

Важно учитывать, что после начала полномасштабной войны элементы милитаристской пропаганды стали регулярной частью образовательного процесса. Они проявляются, в частности, в проведении “Разговоров о важном” (включенных в учебную нагрузку в конце 2022 года), куда приглашаются участники боевых действий, а также в организации патриотических праздников, на которых детей, в том числе дошкольного возраста, нередко

наряжают в военную форму²³⁶). Вместе с тем, в школьные программы все чаще внедряются уроки по изучению “семьи”, призванные транслировать “традиционные ценности”²³⁷. Все подобные уроки оказываются не только идеологической информацией (вопреки конституционному запрету на введение какой-либо идеологии²³⁸) и психологическим давлением на несовершеннолетних, но и риском того, что непосредственная реакция несовершеннолетних, растущих в квир-семьях и семьях с открыто антивоенной позицией, приведет к доносам и проверкам со стороны органов опеки.

Некоторые квир-родительницы отмечают, что попытки ограничить влияние милитаристской пропаганды на детей могут сопровождаться повышенным вниманием со стороны работников образовательных учреждений. В таких случаях для давления на родителей могут одновременно использоваться и их антивоенная позиция, и нецизгетеронормативность. Подобный опыт описывают в своем интервью Светлана и Ева, цис- и трансгендерная женщина, совместно воспитывающие общего ребенка:

Когда началась война, это было состояние тотального шока ... Я на своем уровне пыталась объяснить ребенку ... Потом одна воспитательница сказала: “А вы знаете, что ваш ребенок рисует бело-сине-белый и украинский флаги, хочет, чтобы Россия проиграла в войне?” Она сказала: “Вы же знаете, какие у нас сейчас репрессии? А он это говорил при посторонних людях”. Пришлось жестко поговорить с ребенком. Мне это казалось нечестным, потому что сначала я сама что-то говорю ребенку, а потом учу его об этом молчать. ... К этой ситуации сейчас дополняются наши отношения [с партнеркой]. Другая воспитательница, с которой у нас не сложился контакт, сразу поинтересовалась: “А кто такая Ева? А что это за странная семья? А пусть органы опеки проверят эту семью”. [...] Поэтому

236 См.: Russia: Authorities targeting children in their crusade against anti-war dissent // Amnesty International. 31.05.2024. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/05/russia-authorities-targeting-children-in-their-crusade-against-anti-war-dissent/>; Nowik, I. Krieg im Kindergarten // Dekoder. 01.06.2023. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/militarisierung-kindergarten-erziehung-patriotismus/>; Kritiker beklagen mehr Kremlpropaganda in russischen Schulen // Spiegel. 04.09.2024. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/bildung/russland-kritiker-beklagen-mehr-kreml-propaganda-in-schulen-a-3714d217-8f2c-4a55-911e-7720b8c3e7fc>; Patriotismus-Unterricht in Russland: “Jedes Thema wird für Propaganda genutzt” // Tagesschau. 01.09.2023. URL: <https://www.tagesschau.de/lehrerin-russland-schulunterricht-100.html>; Russland: Warum Frontkämpfer Kinder unterrichten // MDR.de. 30.09.2024. At least 100 Russian kindergartens introduce propaganda lessons in single week // Novaya Gazeta — Europe. 21.10.2024. URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/welt/osteuropa/politik/russland-schule-propaganda-100.html>; URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/10/21/at-least-100-russian-kindergartens-introduce-propaganda-lessons-in-single-week-en-news>; “I won’t let them turn into pawns for the military”. Meduza’s Russian readers on how they’re protecting their children from pro-war propaganda in schools // Meduza. 07.09.2023. URL: <https://meduza.io/en/feature/2023/09/07/i-won-t-let-them-turn-into-pawns-for-the-military> (дата обращения: 19.07.2025).

237 См.: Russian schools to offer “family studies” classes for teenagers from September // Novaya Gazeta — Europe. 23.08.2024. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/08/23/russian-schools-to-offer-family-studies-classes-for-teenagers-from-september-en-news> (дата обращения: 19.07.2025).

238 Конституция РФ, статья 13, часть 2.

мы были вынуждены рассказать, и научить так говорить ребенка, что есть тетя, а папы больше нет. И меня до сих пор колбасит от этой лжи со своим ребенком.

Светлана и Ева рассказывают, что необходимость контролировать, как их ребенок говорит о семье и о взглядах родителей, в сочетании с особенностями их семьи — однополого союза, где одна из женщин является трансгендерной, — сделала для них особенно чувствительным вопрос школьной социализации. По их словам, именно эти обстоятельства подтолкнули их к решению перевести ребенка на домашнее обучение. Они отмечают, что рассматривают этот шаг как способ снизить риски вмешательства органов опеки и одновременно уберечь ребенка от давления милитаристской пропаганды:

Нет никакой надежды на то, что в России что-то в ближайшие годы наладится в лучшую сторону. Мы не отдаем ребенка в государственную школу, в пользу домашнего образования, чтобы уберечь от индоктринации... Даже в детском саду было сложно этого избежать. Воспитательница заинтересовалась нами, в том числе составом нашей семьи. [...] Меня упрекали за то, что я увожу ребенка с патриотических мероприятий. [...] Поскольку сейчас трансгендерные люди приравнены к педофирам, не имеют права быть опекунами, то мы очень рискуем в случае, если кому-то перейдем дорогу.

Другие квир-женщины рассказывают, что на их представлении о воспитании своих детей фатально сказалось принятие федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, а также общий рост гомо- и трансфобии в российском обществе, наряду с легитимацией подобного отношения к квир-людям как единственно допустимого не только в информационном пространстве, но и тем более в воспитании детей. Квир-женщины сообщали, что вынуждены изыскивать способы оградить ребенка от гомо- и трансфобных нарративов так, чтобы это не привело к доносу против них и к интересу органов опеки к их семье. В условиях этого двойного давления — квирофобного и милитаристского, с одной стороны, и государственного и социального, с другой стороны — семейная жизнь квир-женщин фактически может приводить к потере приватности, а воспитание ребенка может стать этически и психологически трудноосуществимой задачей:

Труднее воспитывать ребенка, так как он постоянно сталкивается во внешнем мире с нормализованной гомо/транс-фобией. Когда посторонние в моем присутствии начинают говорить гомо/транс-фобные вещи, страшно возразить. (Пансексуальнаяcisгендерная женщина, 36–45 лет, Приволжский ФО, средний город)

Меня глубоко ранило принятие закона об ЛГБТК+, обострило чувство небезопасности. У меня дети 5-ти и 7-ми лет, с которыми я хочу свободно говорить о своих ценностях, о равенстве полов, о гендерной идентичности и сексуальной ориентации и о том, какие люди разные и прекрасные. Я хочу делиться с ними тем, как замечательно быть собой, уникальным и неповторимым, и принимать себя и иметь право быть принятым обществом. Очень трудно сейчас высказывать свою позицию. Ощущение уязвимости и ненавистная мне необходимость говорить осторожно и с оглядкой. (Гомосексуальная небинарная персона на феминном спектре, 36–45 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Психологически я очень устойчивый человек, но когда думаю, что моему ребенку тут расти, ходить в школу, где запрещено учить ее выражать себя и свободу, когда ты знаешь, что ... она, высказав что-то против, может подставить нашу семью, не осознавая последствий. Я вообще не понимаю, как в данной системе воспитать ребенка. [...] Я не хочу, чтобы мой ребенок рос с риторикой, что все эти репрессии — это благо. Я, наверное, больше готова, что меня могут убить на улице, чем до февраля 2022 года, и уже, кажется, свыклась с этой мыслью. Все мои переживания касаются только нашего ребенка. [...] (Гомосексуальная трансгендерная женщина, 26–35 лет, Центральный ФО, маленький город).

Помимо внимания со стороны государственных структур — таких как органы опеки, школы и детские сады, — а также риска доносов со стороны малознакомых или незнакомых людей о воспитании детей квир-людьми, квир-женщины с детьми иногда сталкиваются с напряженными ситуациями в кругу родственников или бывших партнерок или партнеров. В нашем исследовании подобные случаи показывают, как бытовая гомо- и трансфобия может переплетаться с влиянием милитаристской риторики. Так, триггером конфликтов становились не только особенности личной жизни, но и выраженная антивоенная позиция, особенно в сочетании с фактом воспитания ребенка. Одна участница исследования рассказала о давлении, возникшем из-за ее отказа

отдавать ребенка в военно-патриотическую организацию; в другом случае инициатором преследования выступил сотрудник силовых структур, которому стала известна личная информация о женщине и ее однополых отношениях:

В общении с биологическим отцом моего сына, наши политические взгляды разошлись. Он высказал желание отдать моего сына в патриотическую секцию “Юный вагнеровец”, я отказалась. Из-за этого получила в свой адрес агрессивные оскорбительные угрозы отобрать у меня сына. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, крупный город)

Биологический отец моих детей (вместе мы не жили [...]) следил за мной, угрожал отнять моих детей, лишил меня денег, забрал из моей квартиры (к которой он не имеет никакого отношения) ценные вещи, чтобы лишить меня любой возможности решить финансовые проблемы. Угрожал мне психушкой. Все потому, что его родственник, который связан с органами..., вскрыл мой телефон и всю информацию обо мне и узнал, что я встречаюсь с девушкой. Вопрос до сих пор не решен. В любой момент я понимаю, что за мной могут прийти. (Бисексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

В случае трансгендерных женщин дополнительным фактором уязвимости становится их юридическая видимость в качестве квир-людей в случае смены документов. Согласно данным исследования Фонда “Сфера” и ЛГБТК+ группы “Выход”, в 2024 году значительно вырос процент столкновения трансгендерных людей, имеющих несовершеннолетних детей, с давлением органов опеки: если в 2023 году с ним столкнулись 2% опрошенных транс-людей, то в 2024 году – уже 10%. Авторы исследования связывают этот рост в том числе с законом №386-ФЗ, включающим в себя запрет не только трансгендерного перехода, но и опеки над приемными детьми²³⁹. В настоящем исследовании нами собраны несколько нарративов трансгендерных женщин-родителей о давлении на них органов опеки, а также нарративы тех транс-женщин, которые, возможно, хотели бы иметь детей, но не рассматривают такую возможность в ведущей войну России из-за дискриминации и законодательных запретов.

²³⁹ Доклад: Положение ЛГБТ+ людей в России в 2024 году / Н. Павлова; ЛГБТК+ группа “Выход”, Фонд “Сфера”, С. 42. URL: <https://comingoutspb.org/ru/publications/doklad-o-polozhenii-lgbtk-lyudej-v-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения: 13.07.2025).

Один из них возникает в интервью с Ириной:

Мы не рассматриваем такую возможность из-за дискриминации. Будь наше общество более инклюзивным и находись мы за пределами РФ, мы бы скорее всего пересмотрели этот вопрос, но в таких условиях иметь детей – это всегда сопряжено с риском подвергнуть их опасности. Кроме того, я официально из-за закона 2023 года не могу иметь приемных детей (запрет на усыновление и удочерение для трансгендерных людей) и знаю случаи лишения родительских прав квир-родителей (Интервью, Ирина, Северо-Западный ФО).

При переоформлении российского паспорта трансгендерные женщины иногда сталкиваются со стереотипами и предрассудками в деятельности государственных служащих. Так, в интервью с Олесей упоминался случай, когда при получении нового паспорта сотрудник МВД настаивал на том, чтобы в документе не были указаны ее дети:

При выдаче нового паспорта, полиции не понравилось, что у меня есть дети. От меня потребовали переписать заявление, внести строчку о том, что паспорт будет без заполнения листа с детьми. Сказали, что иначе мы вам паспорт не выдадим. (Интервью, Олеся, Центральный ФО, маленький город).

Похожую проблему в своем интервью описывают Светлана и Ева. Не будучи указана в свидетельстве о рождении ребенка, Ева интересовалась у юриста возможностью юридического признания своего родительства после смены гендерного маркера на “женский”. По словам пары, до решения Верховного суда РФ в ноябре 2023 года об “ЛГБТ-экстремизме” юрист рассматривал несколько возможных вариантов. Однако после этого решения, на фоне роста числа показательных дел против квир-людей (см. подробнее в гл. 5), он рекомендовал отложить попытку правового оформления на неопределенное время.

До выхода судебного решения о признании экстремистским так называемого “ЛГБТ-движения”, мы с юристом работали о признании меня родителем нашего общего ребенка. Но после признания он посоветовал оставить эту инициативу. Так что юридически я не имею никакого отношения к нашему общему ребенку. Если с моей партнеркой что-то случится, ребенок останется один.

Эта ситуация оценивается Светланой и Евой как крайне рискованная. В интервью они рассказывают, как много усилий им приходится прилагать для того, чтобы их семьей не “заинтересовались” органы опеки. Им приходится скрывать свое совместное проживание в качестве семьи, воспитывающей общего ребенка, и трансгендерный статус Евы, как находящейся в тесном контакте с ребенком; они вынуждены быть предельно осторожными в демонстрации своей антивоенной гражданской позиции, а главное, в том, как они объясняют ее своему ребенку.

В контексте законов, налагающих прямые ограничения на усыновление трансгендерными людьми детей, а также возможности повышенного внимания к их личной жизни из-за действия в России законов против ЛГБТИК+ людей, некоторые квир-женщины принимают решение отказаться от возможности иметь детей, во всяком случае, до тех пор, пока они находятся в России:

Прежде были планы завести ребенка. С февраля 2022 года есть ощущение, что будущего больше нет. Пока не вижу для себя отъезд как выход из ситуации. Завести ребенка в эмиграции – часто еще более сложно и дорого. Так что, видимо, война и новые гомофобные законы окончательно лишили меня возможности иметь биологических детей. Ну и на много лет вперед – приемных тоже. (Гомосексуальная цисгендерная женщина, 36–45 лет, Центральный ФО, крупный город)

Трудности с усыновлением и суррогатным материнством. Врачи идут на поводу у власти и также могут передать личную информацию об ориентации. (Гомосексуальная небинарная персона на маскулинном спектре, 26–35 лет, Южный ФО, средний город)

Очень небезопасное ощущение, сложно планировать будущее. Есть страх, что если заведу ребенка одна (“без мужа”) то кто-то может пожаловаться и будут проблемы воспитывать ребенка с партнеркой в России. (Пансексуальная цисгендерная женщина, 26–35 лет, Северо-Западный ФО, крупный город)

Многие квир-женщины, принявшие участие в исследовании, выражали интерес к усыновлению приемного ребенка:

Не хотела иметь детей, ибо этот мир слишком жесток. Лучше помогу ребёнку из приюта. (Пансексуальная трансгендерная женщина, 19–25 лет, Центральный ФО, небольшой город)

Однако после принятия федерального закона “о запрете трансгендерного перехода” у трансгендерных людей в России в принципе нет возможности усыновить детей, что позволяет предположить, что и эта перспектива в реализации права на создание семьи рассматривается респонденткой в контексте эмиграции из России.

В интервью с Мариэллой затрагивается ее неудачная попытка стать опекуном приемного ребенка (после того как ей не удалось получить помошь ВРТ для рождения ребенка — см. подробнее гл. 8). По словам Мариэллы, гомо- и трансфобия, а также трансляция формулировки о “социальной неравноценности”²⁴⁰ гомо- и гетеросексуальных отношений, были изначальной установкой на всех этапах, которые она должна была пройти. Из-за этого участница интервью приняла решение отказаться от приемного родительства, поняв, что оно окажется невозможным в отношениях с ее партнеркой, поскольку будет означать полный контроль над личной и семейной жизнью:

Я не остановилась на этом, подумала, что хочу попробовать взять приемного ребенка. В России для этого обязательно получить сертификат от “Школы приемного родителя”. Разговоры там начались с того, что семья — это союз мужчины и женщины, и что есть только одна нормальная ориентация — гетеросексуальная. Что если что-то “такое” будет замечено, то ребенок изымается, а приемные родители привлекаются к ответственности … Школу я окончила, в дальнейшем меня спросили, с кем я живу… Заявили, что однополое проживание является препятствием для дальнейшего оформления, категорически неприемлемо. Что я могу жить либо с мужчиной, либо категорически одна. (Мариэлла, интервью, Центральный ФО)

Таким образом, личная и семейная жизнь квир-женщин в

²⁴⁰ См. пример подобной риторики, объединяющей оправдание изолиционистской политики РФ с дегуманизацией и оскорблениеми ЛГБТК-людей, а также с идеализацией “повышения рождаемости”, в публичном высказывании депутата Госдумы РФ Нины Останиной, включенной в санкционные списки ЕС: “Попытки внедрения в нашу жизнь европейских новелл, таких как однополые браки, трансгендеры, третий пол и так далее – это еще один путь к снижению рождаемости. Как известно, существа третьего пола детей не рожают, в однополых браках дети тоже не рождаются. Тем не менее, пропаганда этих нетрадиционных ценностей приводит к тому, что какая-то часть нашей молодежи поддается на эту пропаганду” (Депутат Госдумы обвинила в снижении рождаемости трансгендеров и государство // Национальная служба новостей. 26.07.2022. URL: <https://nsn.fm/society/transgenders-i-tretii-pol-ostanina-nazvala-prichiny-snizheniya-rozhdaemosti-v-rossii> (дата обращения: 10.08.2025).

России, имеющих детей, сталкивается со множеством факторов ограничения и повышенной закрытости. Российская антигендерная пропаганда активно продвигает идею “традиционных ценностей”, при этом подчеркивая образ семьи из двухcisгетеросексуальных родителей как единственно “правильной”. В результате бытовая гомо- и трансфобия часто проявляется через сомнения в родительских способностях квир-людей или через восприятие их обществом и государством как потенциальной угрозы для детей. Это создает дополнительные препятствия для квир-женщин в вопросах рождения собственных детей или усыновления/опеки над приемными детьми.

Заключение

Сегодня, когда Россия продолжает войну против Украины, положение квир-женщин становится одним из индикаторов того, что происходит с обществом. Их опыт отражает суть сложившегося в России режима: культ силы, милитаризация, подавление свободы и отказ от гуманизма.

Антигендерный поворот, начавшийся в России после 2011–2012 годов и резко усилившийся после 24 февраля 2022 года, превратился в главный инструмент легитимации власти. Под видом “защиты традиционных ценностей” государство узаконило исключение из общества целых социальных групп. В этой картине мира нет места разнообразию и свободе. Государство отказывается признавать права людей на идентичность.

Исследование показало, что в России активно распространяются антигендерные нарративы, выражющиеся в отрицании самой идеи гендера. Это становится основанием для действий российских властей против ЛГБТИК-людей и женщин, которые выходят за рамки патриархальных и cisгетеронормативных представлений. Квир-женщины одновременно принадлежат к ЛГБТИК+ и являются женщинами, что делает их особенно заметными и уязвимыми в российском обществе. Их идентичность государство трактует как угрозу, а общество — как “отклонение”.

Проведенный анализ анкет, интервью, публикаций в медиа и собственных материалов позволяет утверждать: на современное положение квир-женщин в России повлиял ряд взаимосвязанных факторов.

Во-первых, государственная **кампания пропаганды и дезинформации** активно внедряет в общество **антигендерные нарративы**, направленные против равенства людей вне зависимости от сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Систематическое распространение этой идеологии усилило поляризацию общества и укрепило стигму и предрассудки в отношении ЛГБТИК-людей. Этому способствовал и принятый в 2013 году федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди несовершеннолетних”, который дал государству легальные основания ограничить распространение информации об ЛГБТИК+, а значит — снизить их видимость и учет их потребностей в обществе. Государство пыталось сделать так, чтобы голоса квир-людей не звучали. Через год Россия оккупировала Крым и Севастополь, поддержала военные действия на востоке Украины, что запустило процесс дальнейшей милитаризации общества. Одновременно усилились репрессии против гражданского общества.

Во-вторых, на фоне “оправдания” вторжения в Украину в 2014 году государственная пропаганда стала все больше убеждать российское общество в необходимости **милитаризации**. Хотя и тогда, и сегодня, многие в России не согласны с этим, государство решило, что для мобилизации общества вокруг российских политиков, продвигающих антигендерные нарративы, необходимо найти врагов и “объединить” российское общество против них. Внутри России власти назначали такими врагами квир-людей, в то время как внешними врагами стали жители Украины, государства Европейского Союза и иные западный демократические страны. Милитаризация резко усилилась после полномасштабного вторжения России в Украину 24 февраля 2022 года. Сегодня милитаристская идеология пронизывает все сферы российской жизни, меняя социальные отношения. Участники боевых действий объявляются героями, общество пронизано культом силы, а государство игнорирует рост насилия — как со стороны военных, страдающих ПТСР, так и в целом. В результате в современной России любое проявление инаковости становится опасным: человек легко может оказаться объектом агрессии. Это усиливает патриархальные отношения в обществе, в которых нет места равенству людей. Насилие стало новой социальной нормой, которую современное российское государство продвигает в обществе, меняя отношения и взаимодействия между людьми.

В-третьих, государство стало применять в качестве основного

инструмента трансформации социальной реальности **изменение российского законодательства**.

С 2013 года федеральные власти стали внедрять квирофобное законодательство и применять его. Для того, чтобы продолжать вести войну в Украине, объяснять свои неудачи во внешней и внутренней политике, российское государство в декабре 2022 года приняло федеральный закон “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, в июле 2023 года федеральный закон “о запрете трансгендерного перехода”, а в ноябре 2023 года Верховный Суд РФ объявил несуществующую организацию “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской. Распространение позитивной и нейтральной информации про квир-людей стало правонарушением, а сами квир-люди получили в обществе метку потенциальных правонарушителей в силу того, кем являются — ЛГБТИК-людьми. Такими законами в России была введена ЛГБТ-цензура: средствам массовой информации внутри страны запретили писать про квир-людей на основании закона, Интернет-сайты с ЛГБТ-тематикой стали блокироваться Роскомнадзором, а публичные мероприятия для ЛГБТИК-людей оказались под запретом: в стране возбуждено около 20 уголовных дел за функционирование публичных мест для ЛГБТИК-людей — такая деятельность объявлена “ЛГБТ-экстремизмом”. Распространение книг с ЛГБТ-тематикой российские власти считают проявлением “ЛГБТ-экстремизма”.

Все эти причины привели к тому, что современный российский режим избрал в качестве своей государственной идеологии продвижение “традиционных ценностей” — дискурсивного центра антигендерного движения. За ограничениями прав квир-людей последовало ограничение права женщин (например, запрет в 2024 году “пропаганды чайлдфри” и ограничение права на аборт). Это наглядно демонстрирует, как телесность человека стала государственным делом, а частные интересы стали государственными.

Случай России показывает, как антигендерная риторика может привести к реальным законодательным, а затем и социальным изменениям в обществе, объявив социальную группу ЛГБТИК-людей по сути вне закона, направив агрессию общества на них как причину происходящих событий.

В общественном сознании государство маркирует ЛГБТИК-людей как “экстремистов” — после принятия Верховным

Судом РФ решения о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской. Несмотря на то, что применение законов в России не позволяет каждого ЛГБТИК-человека в России юридически объявить “экстремистом” (для этого нужно доказать факт участия конкретного человека в деятельности “экстремистской организации”), практики социального взаимодействия в российском обществе работают по-другому. В дополнение к уже распространенным гомо- и трансфобным настроениям в обществе, государственная пропаганда убеждает его, что ЛГБТИК-люди — вне закона. Так формируется новая социальная норма невидимости квир-людей и их потребностей в российском обществе. Это затрудняет квир-людям доступ к помощи в кризисных ситуациях, поскольку усиленная социальная стигматизация маркирует их как тех, кто живет вне закона.

Наше исследование показало, что квир-женщины (гомосексуальные и бисексуальные женщины, трансгендерные женщины, а также женщины, чья внешняя презентация не соответствует цисгетеронормативным представлениям) часто сталкиваются с насилием и дискриминацией при реализации своих прав, а также с бездействием правоохранительных органов. Это создает небезопасные ситуации, в которых радикализированные правые группы, поддерживающие войну России в Украине или нынешний консервативный политический курс в России, воспринимают квир-женщин как тех, кто не вписывается в государственный патриархальный нарратив²⁴¹. Представители таких групп считают, что квир-женщины отказываются следовать социальным конвенциям, где женщина понимается как подчиненная мужчина и выполняющая традиционные роли жены и матери. Яркий пример — насилие со стороны вернувшихся к гражданской жизни участников войны, о котором сообщали респонденты при опросе в рамках нашего исследования (см. подробнее в гл. 7.3). Такое насилие было направлено против квир-женщин именно из-за того, что их внешний вид не соответствовал цисгетеронормативным ожиданиям агрессоров.

В России широко распространена социальная стигматизация трансгендерных женщин, которые не сменили гендерный маркер в документах (с “мужского” на “женский”), но уже совершают медицинский переход. Другие люди часто их считывают как

241 Например, “Русская община” и иные ультраправые организации в России.

нечисгетеронормативных женщин. В условиях развитой трансфобии в некоторых случаях это приводит к дискриминации, в том числе в таких повседневных ситуациях как передвижение по городу и устройство на работу.

Проведя настоящее исследование, мы пришли к выводу о том, что значительное число трансгендерных женщин без измененных документов вынуждены в таких условиях вести полностью закрытый образ жизни. Респондентки делились с нами описанием своей повседневной реальности: в силу социальной стигматизации, некоторые из них сознательно стараются не выходить из дома, чтобы не столкнуться с осуждением, некоторые из них не могут трудоустроиться, а большой группе трансгендерных женщин не хватает денег на удовлетворение базовых потребностей. Респондентки отмечали, что неприятие их обществом часто приводит их к суицидальным мыслям и различным формам депрессии (часто это связано с неясностью их будущего, см. подробнее в гл. 2, 3.1, 5.2).

Анализ ответов респонденток, полученных нами в ходе исследования, показал, что предубеждения против квир-женщин становятся основанием для трудовой дискриминации. Это происходит тем чаще, чем менее цисгетеронормативно выглядящими их могут посчитать. Показательно, что, согласно данным нашего исследования, чаще всего с трудовой дискриминацией сталкивались трансгендерные женщины, которые в силу прямого законодательного запрета не могут сменить гендерный маркер в документах. Однако давление на рабочем месте отмечали и цисгендерные женщины, указывая, что причиной ограничения их трудовых прав становились короткая стрижка или отсутствие партнера-мужчины (см. гл. 3.4, 5.2).

Таким образом, насилие и дискриминация связываются с социальными ожиданиями в зависимости от назначаемых человеку паттернов поведения и внешней презентации, в том числе связанных с гендером. Гомо- и трансфобные речи ненависти также усиливают социальное давление в отношении тех людей, которые не соответствуют сформированным государственной пропагандой паттернам поведения.

Исследование показало особую уязвимость различных групп квир-женщин в России на третий год после начала полномасштабного вторжения России в Украину и значительного усиления милитаризации российского общества. Эта специфика

может быть менее заметна в общих исследованиях о правовом положении ЛГБТИК-людей, потому настоящим исследованием мы попытались устраниТЬ данный пробел.

Среди выявленных нами в ходе исследования видов насилия особенно выделяются:

- агрессия участников войны, страдающих ПТСР (посттравматическим стрессовым расстройством), по отношению к женщинам, выглядящим гендерно-неконформно;
- репродуктивное насилие, вызванное в том числе изменившимся на фоне милитаризации отношением государства к социальной роли женщины, что значительно усилило государственную пропаганду деторождения, способствовало практикам ограничения абортов;
- социальное насилие, вызывающее у квир-женщин (являющихся родителями или опекунами детей) страх быть лишенными или ограниченными в родительских правах из-за сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности, а также депрессию и нереализованность из-за невозможности при желании воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями или правом опеки над детьми.

Полномасштабное вторжение России в Украину за прошедшие три года усилило стигматизацию квир-женщин в России.

Изменился тип социальных взаимодействий: квир-женщины все чаще стали себя ограничивать в коммуникации. Если до 2022 года 61,1% квир-женщин не опасались столкнуться с гомо-, транс- или квирофобией в такой коммуникации, то после февраля 2022 года таких осталось только 37,6% (то есть количество таких квир-женщин снизилось почти в 2 раза).

8,8% цисгендерных женщин сообщили, что не делятся своими переживаниями и не обсуждают проблемы ни с кем, тогда как среди трансгендерных женщин таких оказалось 14,7% — более чем на треть больше. Одни из факторов, которые влияют на закрытость трансгендерных женщин со своими старшими родственниками, — государственная пропаганда и дезинформация, а с остальными — также квирофобное законодательство. **Особенно это касается несовершеннолетних трансгендерных женщин.**

Российские власти ввели “ЛГБТ-цензуру”, накладывая штрафы на владельцев сайтов за “распространение информации, не соответствующей традиционным ценностям” — с упоминанием ЛГБТК-людей. Так, в августе 2025 года Таганский районный суд Москвы оштрафовал на 14 млн рублей (около 150 тысяч евро) онлайн-библиотеку комиксов Mangalib за распространение 7 публикаций на ЛГБТ-тематику²⁴². И такие случаи сегодня — не редкость. Кроме того, российские власти блокируют доступ в России к любому ЛГБТК-контенту по решению Роскомнадзора²⁴³. В такой ситуации многие квир-люди в России научились жить с VPN-сервисами, которые позволяют обходить государственные блокировки информационных ресурсов и оставаться в общем информационном поле.

Социальная изоляция и страх за себя, за близких, за будущее все больше определяют настоящие квир-женщин в России. Они все чаще вынуждены скрывать идентичность, ограничивать контакты, уходить в изоляцию. Это ведет к росту тревожности, депрессии и чувства безысходности. Парадоксально, но именно в этих условиях квир-женщины сохраняют и создают сообщества поддержки, которые нуждаются в развитии.

Многие опрошенные нами квир-женщины используют Интернет в качестве источника информации. Так, информацию о правах ЛГБТИК-людей они получают преимущественно из мессенджера “Телеграм” (95,2%), через “поиск в Интернете” (44,6%), “Тик-ток” (32,1%), “Инстаграм” (27,2%), социальной сети “Вконтакте” (3,3%), “Facebook” (2,3%).

На этом фоне квир-женщины, желающие сохранить свою идентичность, проводят закрытые встречи, участвуют в онлайн-мероприятиях ЛГБТИК-инициатив (продолжающих деятельность как в России, так и за рубежом), имеют доступ к психологическим, юридическим, информационным консультациям. Конечно, такая помощь недостаточна, поскольку не может покрыть все потребности. Между тем она позволяет сообществам продолжить жить и сохранять людей.

Россия не только заимствует антигендерные нарративы, разрабатывает собственные, но и активно экспортирует их, влияя на страны с хрупкой демократией. За последние три года законы против ЛГБТИК-людей приняты как минимум в двух

242 “Культурная угроза национальной безопасности”... // Медиазона. 25.08.2025. URL: <https://en.zona.media/> (дата обращения: 25.08.2025).

243 Федеральный закон от 05.12.2022 N 478-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

340

государствах (Грузия, Кыргызстан), а в двух (Беларусь, Казахстан) — обсуждаются. Опыт России предупреждает: антигендерная риторика быстро превращается в инструмент репрессий и войны. Поэтому практики, существующие в России, важно учитывать при анализе процессов в других странах, в которых гражданское общество сопротивляется антигендерной риторике.

Права и положение квир-женщин связаны не только с вопросами справедливости, но и базируются на принципах универсальности прав человека. Репрессии против квир-женщин — часть общей картины милитаризации и войны. Антигендерная риторика используется российскими властями как оправдание агрессии против Украины и продвижения в России идей патриархата. Эта система разрушает не только жизни отдельных людей, но и само общество, превращая его в небезопасное пространство.

Именно поэтому так важно сохранять и усиливать альтернативу — ценности свободы, равенства и солидарности, поддерживать сообщества квир-женщин, сделать так, чтобы речи ненависти, стигматизация и дискриминация ЛГБТИК-людей остались в прошлом, а в настоящем и будущем — равенство для всех людей независимо от сексуальной ориентации и гендерной идентичности стали обычной нормой нашей повседневной жизни.

Рекомендации

Анализ положения квир-женщин в России позволил нам подробно описать произошедшие изменения за последние 3 года — с момента полномасштабного вторжения России в Украину. Он позволил выявить ключевые проблемы, влияющие как на ЛГБТИК+ женщин в России, так и на их сообщества, а также на отношения между разными группами людей в российском обществе. Кроме того, исследование показало, каким образом на примере России развивается и внедряется антигендерная повестка, которая стала одной из основ российской государственной идеологии и стала пронизывать насквозь российское законодательство, определять цели и содержание государственной деятельности, изменять социальные нормы в обществе.

В такой ситуации мы полагаем, что важно осознать серьезность происходящих изменений, которые не только затрагивают

российское общество, но и служат моделью для других государств с неустойчивой демократией. Мы полагаем, что необходимо также действовать, чтобы завтра принципы демократии, защиты людей от дискриминации, мирное сосуществование не стали прошлым, а были нашим настоящим и будущим.

Поскольку Российская Федерация игнорирует свои обязательства в области прав человека (в том числе квир-женщин), мы считаем невозможным сформулировать рекомендации властям Российской Федерации, так как они не будут выполнены. В этой ситуации мы обращаемся к демократическим государствам, международным организациям, организациям гражданского общества, современным медиа платформам и фондам с просьбой обратить внимание на последствия антигендера поворота в России и на основе этого опыта предпринять зависящие от них меры к тому, чтобы антигендерная повестка не стала частью официальной повестки демократических государств и государств с неустойчивой демократией, а российские квир-женщины (и ЛГБТИК+ люди в целом) имели шанс на будущее, в котором государство будет соблюдать равенство всех людей, независимо от сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности, в условиях верховенства права, мира и демократии.

В связи с этим мы призываем:

Государства Европейского Союза, Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Швейцарию и другие демократические государства:

1. Признать Россию страной, не безопасной для ЛГБТИК+ людей.
2. Остановить агрессию Российской Федерации против Украины на условиях Украины.
3. Предпринять все меры для привлечения к ответственности лиц, инициировавших и проводивших репрессии против ЛГБТИК+ людей в России, как соучастников развязывания агрессивной войны России против Украины.
4. Не прекращать поддержку организаций гражданского общества, работающих над сохранением сообществ квир-женщин и сообществ других ЛГБТИК+ людей как одних из акторов настоящих и будущих социальных изменений и проводников демократических ценностей в милитаризованной России.

5. Проводить периодический обзор / мониторинг положения ЛГБТИК+ людей в России в тесном взаимодействии с организациями гражданского общества.

6. Использовать настоящий доклад и другие экспертные заключения по России от ЛГБТИК+ организаций в качестве материалов, отражающих угрозы и риски для квир-людей в России, в том числе при рассмотрении заявлений на предоставление убежища, гуманитарных статусов, формирования политики в отношении России в связи с преследованиями ЛГБТИК+ людей и инициатив в России. Рассмотреть возможность выделения такой специальной группы соискателей убежища как квир-женщины, учитывая их множественную дискриминацию — как ЛГБТИК+ людей и как женщин в патриархальном обществе.

7. Осудить как противоречащую правам человека (в том числе правам на равенство и запрет дискриминации) распространение концепции “традиционных ценностей” в европейских государствах, которая влияет на продвижение антигендерных нарративов в законодательстве и на практике изменяет социальную норму в сторону допустимости дискриминации квир-женщин и других ЛГБТИК+ людей.

8. Регулярно обновлять информацию о положении квир-людей в информационных базах, используемых для оценки с правами ЛГБТИК+ людей в России. При необходимости делать запросы в ЛГБТИК+ инициативы для предоставления дополнительной информации, в том числе в отношении квир-женщин.

9. Обновить национальные рекомендации по рассмотрению заявлений на предоставление убежища и иных гуманитарных статусов квир-женщинам, ориентируясь на их уязвимости, в том числе описанные в настоящем докладе.

10. Обеспечить на практике проживание соискателей убежища в условиях, гарантирующих ненарушение их прав на человеческое достоинство: расселять квир-людей отдельно от людей, которые могут проявлять / проявляют квирофобию, оперативно реагировать на такие жалобы и оперативно предпринимать необходимые меры, которые обеспечивают безопасность квир-людей, их потребности, и не помещать квир-людей (в том числе квир-женщин) в ситуации небезопасности, предоставлять возможность доступа трансгендерных людей к гормональной терапии. При необходимости обратиться к ЛГБТИК+ организациям за помощью в аудите и обновлении таких рекомендаций.

11. При имплементации Пакта о миграции и убежище Европейского Союза на национальном уровне Pact on Migration and Asylum обеспечить:

- внимательное рассмотрение заявок от ЛГБТИК+ беженцев, ограничивая возможность их рассмотрения по ускоренной процедуре оценки, допускающей неполный учет обстоятельств, в соответствии с которыми они подали заявление на предоставление убежища,
- внимательно оценивать применение понятия “третья безопасная страна” к государствам, которые заявили о стремлении вступить в Европейский Союз, но которые не выполнили в полной мере все обязательства по внедрению эффективно работающих стандартов Европейского Союза, обеспечивающих на практике соблюдение прав ЛГБТИК+ людей в этих государствах,
- не допускать снижения уже достигнутых стандартов в реализации права на убежище, в том числе установленных актами и прецедентной практикой ООН, Европейского Союза, Совета Европы.

12. В качестве надежного инструмента противодействия российской государственной пропаганде и дезинформации, милитаризации российского общества и стигматизации квир-людей в России — развивать поддержку альтернативных каналов производства информации (например, издательств на русском языке за рубежом), информирования и коммуникации для квир-людей в России, в том числе через поддержку нарративов уважения прав человека, видимости и учета потребностей уязвимых групп, поддержку деятельности организаций гражданского общества и современных медиа, работающих на российскую аудиторию.

13. Выступать в поддержку продления мандата специальной докладчицы ООН по вопросам защиты прав человека в Российской Федерации.

14. Включать в национальные и международные доклады о соблюдении прав человека обязательные разделы о соблюдении прав квир-женщин в частности, и ЛГБТИК+ людей в целом.

15. Включать случаи нарушения прав квир-людей (и квир-женщин в частности) в публичные заявления/диалоги с третьими странами.

16. Поддерживать регулярное обучение судей, должностных лиц исполнительных органов власти квир-сенситивности при коммуникации с ЛГБТИК+ людьми.

17. Развивать практику оперативной выдачи краткосрочных и долгосрочных виз для поездок правозащитников, ЛГБТИК+ активист:ок из России в демократические страны с целью поддержания коммуникации, продвижения ценностей демократии и предотвращения изоляции активных сторонников изменений в России от демократических обществ. Мы призываем максимально сократить комплект документов, необходимый для представления заявления, а само заявление рассматривать в максимально короткие сроки.

18. Поддерживать организации гражданского общества в их деятельности, направленной на удовлетворение потребностей и нужд квир-беженцев и квир-людей с иными гуманитарными статусами.

19. Поддерживать деятельность квир-инициатив, работающих для поддержки ЛГБТИК-сообществ в России и в эмиграции для сохранения и развития их экспертизы и работы в интересах сообществ в России.

20. Принять план действий против внедрения антигендерных нарративов в законодательство, обеспечив предварительную экспертизу текстов актов по данному предмету перед их принятием.

21. Предпринимать иные меры, направленные на уважение человеческого достоинства людей с опытом миграции при коммуникации с ведомствами, учет их уязвимостей и потребностей.

22. Созвать европейскую конференцию на высоком уровне по обсуждению угроз антигендерного поворота и мерах реагирования на них с участием политиков, депутатов, организаций гражданского общества, медиа, эксперто:к.

23. Включать конкретных лиц, причастных к репрессиям против ЛГБТИК+ людей и инициатив в России, в национальные и международные санкционные списки, если они принимали законы, выносили судебные решения, приговоры или их исполняли на основании квирофобного законодательства. Мы считаем необходимым запретить таким лицам пользоваться правом въезда в безопасные страны, проживания в них и владения собственностью.

24. Рассматривать давление на квир-людей (в том числе квир-женщин) и ЛГБТИК+ людей в России как часть государственных репрессий против гражданского общества.

25. В случае постановки вопроса о снятии полностью или частично санкций с Российской Федерации включить в повестку переговоров вопрос об отмене квирофобного законодательства: федерального закона “о запрете ЛГБТ-пропаганды среди людей всех возрастов”, федерального закона “о запрете трансгендерного перехода”, а также решения Верховного Суда РФ о признании несуществующей организации “Международное общественное движение ЛГБТ” экстремистской и внедрения практик учета потребностей и видимости квир-людей (в том числе квир-женщин) в российском обществе как необходимый предварительный шаг для рассмотрения вопроса о снятии санкций.

26. Требовать в официальных коммуникациях с властями Российской Федерации отменить законы, направленные против ЛГБТИК-людей, и отказаться от их преследования.

Специальную докладчицу ООН по вопросам защиты прав человека в Российской Федерации:

1. Продолжить включать в свой ежегодный доклад о положении прав человека в Российской Федерации раздел о положении ЛГБТИК+ сообщества, в том числе квир-женщин, работая в тесной взаимосвязи с ЛГБТИК+ инициативами.

2. Инициировать международную конференцию об антигендерном повороте в России с приглашением к участию политиков, представителей организации гражданского общества, экспертов и иных заинтересованных лиц с целью выработки предложений по изменению ситуации и плана действий.

Специальную докладчицу ООН по вопросам защиты прав человека в Российской Федерации, независимого эксперта ООН по вопросу о защите от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности:

продолжить реагировать на случаи нарушений прав ЛГБТИК+ людей (в том числе женщин) в Российской Федерации.

Независимого эксперта ООН по вопросу о защите от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности:

рассмотреть возможность создания доклада об антигендерном повороте в странах с неустойчивой демократией, разработав рекомендации по изменению ситуации.

Федеративную Республику Германия, Литовскую Республику, Республику Польша, Республику Франция:

продолжить реализацию программ гуманитарных виз как лучшие практики поддержки активист:ок, сохранив оперативные четкие процедуры рассмотрения заявлений и возможность для оперативного въезда в страну и интеграции ЛГБТИК+ активист:ок.

Другие демократические государства:

создать по примерам Федеративной Республики Германия, Литовской Республики, Республики Польша, Республики Франция программы гуманитарных виз для въезда и интеграции ЛГБТИК+ активисто:к.

Правительство Федеративной Республики Германия:

1. Восстановить прием ЛГБТК-активист:ок на основании параграфа 22 Закона ФРГ о пребывании, трудоустройстве и интеграции иностранцев на федеральной территории²⁴⁴ («программу гуманитарных виз»), предоставив возможность для оперативного въезда в страну и интеграции ЛГБТИК+ активист:ок, спасающихся от репрессий в России.

2. Включить в практику центров размещения для беженцев обязательное информирование трансгендерных людей о действии с 01.11.2024 года Закона о самоопределении в отношении гендерного маркера²⁴⁵ и сопровождать их по всем процедурам, необходимым для смены гендерного маркера по инициативе трансгендерного человека.

Федеральные земли ФРГ по согласованию с BMI:

принять собственные программы гуманитарных виз по § 23(1) AufenthG (групповой прием) для квир-людей (в том числе квир-женщин), находящихся под высоким риском преследования.

Современные медиа платформы:

1. предоставлять возможность квир-женщинам и другим ЛГБТИК+ людям озвучивать случаи преследования квир-людей в России;

2. освещать положение квир-женщин и других ЛГБТИК+ людей в России и работу ЛГБТИК+ инициатив.

²⁴⁴ Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet 1) (Aufenthaltsgesetz - AufenthG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/inhalts_bersicht.html (дата обращения: 25.08.2025).

²⁴⁵ Gesetz über die Selbstbestimmung in Bezug auf den Geschlechtseintrag und zur Änderung weiterer Vorschriften. URL: https://www.recht.bund.de/bgbI/1/2024/206/VO.html?utm_source=chatgpt.com.

Международные неправительственные и правительственные организации, организации гражданского общества:

1. осуществлять мониторинг за нарушениями прав квир-женщин и других ЛГБТИК+ людей в России;
2. предпринимать адвокационные кампании в их защиту;
3. не поддерживать антигендерное движение и разработать контранarrативы по продвижению вместо идеологии “традиционных ценностей” идеи равенства и недискриминации всех людей независимо от секулярной ориентации и/или гендерной идентичности.

Правительства демократических государств, фонды:

1. Не сокращать финансирование поддержки организаций гражданского общества, выступающих в своей деятельности за равенство и недискриминацию всех людей независимо от секулярной ориентации и/или гендерной идентичности.

2. Поддерживать деятельность ЛГБТИК+ инициатив, работающих в России для сохранения сообществ, в том числе:

- создавать и развивать безопасные сообщества для поддержки и коммуникации квир-женщин,
- обеспечивать их доступ к поддержке и квир-ресурсам (в том числе информационным),
- поддерживать безопасные практики взаимоподдержки,
- привлекать международное внимание к вопросам нарушения прав квир-женщин,
- предлагать демократическим государствам оказывать давление на российскую диктатуру с целью улучшения положения и прав уязвимых групп,
- поддерживать солидарность внутри квир-сообщества (в том числе квир-женщин),
- поддерживать и развивать цифровые платформы для безопасного общения и просвещения общества о правах и реальных рисках квир-людей,
- использовать эффективные инструменты для противодействия государственной квирофобной пропаганде и дезинформации, в том числе с фокусом на молодежь, с целью донесения до них альтернативной информации в ситуации “ЛГБТ-цензуры” и развития у них критического мышления.

348

3. Развивать культуру разнообразия, равенства и инклюзии (Diversity, Equity, and Inclusion).

Российские организации гражданского общества, не включающие поддержку квир-людей как одно из направлений своей деятельности, действующие как в России, так и за рубежом (в том числе политическая оппозиция, активистские коалиции, платформы, организации, инициативы):

продолжать постоянный диалог с более широкими группами российского гражданского общества о видимости квир-людей в России, проблемах и учете их потребностей.

ЛГБТИК+ инициативы, работающие для поддержки квир-сообществ в России:

продолжить деятельность, учитывая потребности и уязвимости квир-женщин и других ЛГБТИК+ людей в интересах сохранения сообществ, их безопасного функционирования как инструментов поддержки своих участниц и участников.

Приложение №1.

Список всех субъектов Российской Федерации, распределенных по федеральным округам (по состоянию на 01.01.2025 года в признанных международным сообществом границах, 80 субъектов РФ)

Дальневосточный федеральный округ (ДФО), всего 9 субъектов РФ:

Республика Саха (Якутия)
Камчатский край
Приморский край
Хабаровский край
Амурская область
Магаданская область
Сахалинская область
Еврейская автономная область
Чукотский автономный округ

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), всего 7 субъектов РФ:

Республика Дагестан
Республика Ингушетия
Кабардино-Балкарская Республика
Карачаево-Черкесская Республика
Республика Северная Осетия — Алания
Чеченская Республика
Ставропольский край

Южный федеральный округ (ЮФО), всего 6 субъектов РФ:

Республика Адыгея
Республика Калмыкия
Краснодарский край
Астраханская область
Волгоградская область
Ростовская область

Центральный федеральный округ (ЦФО), всего 18 субъектов РФ:

Белгородская область
Брянская область
Владимирская область
Воронежская область
Ивановская область
Калужская область
Костромская область
Курская область
Липецкая область
Московская область
Орловская область
Рязанская область
Смоленская область
Тамбовская область
Тверская область
Тульская область
Ярославская область
Москва

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО), всего 11 субъектов РФ:

Республика Карелия
Республика Коми
Архангельская область
Ненецкий автономный округ
Вологодская область
Калининградская область
Ленинградская область
Мурманская область
Новгородская область
Псковская область
Санкт-Петербург

350

Уральский федеральный округ (УрФО), всего 6 субъектов РФ:

Курганская область
Свердловская область
Тюменская область
Челябинская область
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
Ямало-Ненецкий автономный округ

Приволжский федеральный округ (ПФО), всего 13 субъектов РФ:

Республика Башкортостан
Республика Марий Эл
Республика Мордовия
Республика Татарстан
Удмуртская Республика
Чувашская Республика
Кировская область
Нижегородская область
Оренбургская область
Пензенская область
Самарская область
Саратовская область
Ульяновская область

Сибирский федеральный округ (СФО), всего 10 субъектов РФ:

Республика Алтай
Республика Тыва
Республика Хакасия
Алтайский край
Красноярский край
Иркутская область
Кемеровская область — Кузбасс
Новосибирская область
Омская область
Томская область

ISBN 978-3-9827934-0-5

9 783982 793405

Может использоваться для оценки ситуации в России,
в том числе при предоставлении убежища, статуса беженца
по гуманитарным основаниям и других программ помощи.

Разрешается свободное использование с указанием авторов

Берлин, 2025